

ДАЙРЕ ГРЕЙ

ВИРУС
ВОИНЫ

Земля, Киорис, Этра, Рахх, наемники Эль-Сабы, война как вирус захватывает все новые и новые миры. Как справиться с хаосом, который она приносит? Как остановить его? Как выжить? Как защитить то, что дорого? На эти вопросы Александре придется найти ответы. Ведь волею судьбы оказавшись втянутой в эпицентр событий, ей придется делать выбор. А все решения имеют последствия...

Земля, месяц назад

Телевизор почему-то не работал. Ни один канал из возможных двадцати, не считая тех, что дополнительно по подписке. Экран показывал однотонный синий цвет. Никак не реагируя на щелчки пульта.

Телефон не ловил сеть. И интернет на нем тоже отсутствовал. Перезагрузка не помогла, как и попытки реанимировать домашний вай-фай перезапуском роутера. Компьютер выдавал ошибку при подключении к сети и также не видел интернет в упор.

Ольга вздохнула, испытывая то противное тянущее чувство внутри, обычно предвещавшее большие неприятности. Время до выхода из дома стремительно уходило, и ее точно не похвалят за опоздание, но решение проблемы не давало покоя. Она выглянула в окно, где по проезжей части неслись машины, а люди спешили на работу. Вот только сегодня они казались более дерганными, чем обычно. Вот парень трясет телефон в руках и явно ругается. А там, на другой стороне улицы, водитель спрашивает дорогу, а прохожий активно жестикулирует, объясняя направление. А на остановке толпятся люди, но никто не смотрит в телефоны. И наушников нет. Странно. И уже не похоже на обычное совпадение.

Ольга решительно вышла на лестничную площадку и постучала в дверь соседней квартиры. Опоздание она потом объяснит. В конце концов, у нее и часы переработки имеются. Простят.

— Тамара Пална, это я!

Девяностолетняя старушка к своим годам обзавелась крайне недоверчивым нравом. Дверь открывала только знакомым после тщательного изучения гостя через глазок. Сегодня процедура идентификации прошла в рекордно-короткие сроки. Буквально через минуту, после шороха двух замков и задвижки, дверь распахнулась, и соседка в махровом домашнем халате, надетом поверх ситцевой ночнушки, высунула голову в подъезд. Быстро оглядела лестницу и махнула рукой:

— Заходи!

Ольга привычно скользнула внутрь просторной трехкомнатной квартиры, бывшей пределом мечтаний троих внуков Тамары Павловны. Пока та старательно закрывала замки, девушка остановилась посреди коридора.

— У вас тоже телевизор не работает?

— И телевизор, и телефон, — кивнула старушка и медленно направилась на кухню, поманив гостью за собой. — Только вон, домашний работает. И радио.

Ощущение приближающихся проблем стало более явным. Заныл желудок, напоминая о гастрите. А за ним и печень потягивать начало. Ольга приложила руку к боку и постаралась успокоиться. Ничего. Еще ровным счетом ничего не случилось.

На кухне посреди обеденного стола гордо возвышался раритетный телефонный аппарат с диском. Рядом с ним стояло уже современное радио, вещавшее музыку. Тоже странность. По утрам у них должны идти новостные передачи. Хотя бы и в шутовском формате перепалки ведущих. А тут... музыка.

— Электричество есть. Вода тоже. Уже хорошо. Ты запасы сделала? — деловито поинтересовалась хозяйка квартиры, усаживаясь за стол и водружая на нос очки. Рядом с

телефоном легла старая записная книжка.

— Да у меня всегда есть, только... Вы что, думаете, что...

Договаривать Ольга не стала. Последний раз про запасы они с Тамарой Павловной разговаривали во время самоизоляции. Когда люди в панике скупали гречку и макароны. Неужели снова? Но, вряд ли вирус поражает интернет и телевидение, значит...

— Война?

Слово выскочило как-то сипло. Недоверчиво. Да и какая война? С кем? И ничего ведь еще не происходит. Только пальцы Тамары Павловны крутят старый диск, набирая чей-то номер, а вот взгляд... Старушка посмотрела на нее поверх очков. Так пристально и насмешливо. Словно поражалась наивности и глупости.

— Деточка, ты ведь не первый год живешь на свете, — некто на том конце провода не торопился брать трубку. — Думаешь, если бы у нас обычный сбой прошел — по радио еще не вещали бы о том, что правительство все исправит? Раз молчат — значит, сами не знают, в чем дело. И если не знают...

Вот теперь кольнуло и в сердце. Легонько. Будто иголкой. И дышать тяжело стало. Ольга опустила на табуретку. В войну она поверила. Как-то вот сразу и полностью. А услышав, как гудки в трубке сменились старческим покашливанием и чьим-то недовольным голосом, замерла.

— Спишь еще, старый хрыч? — ласково поинтересовалась Тамара Павловна. — А ты знаешь, что у нас тут творится? Давай, просыпайся и поднимай своих бездельников. Я уже в Калугу позвонила, и во Владик. По всей стране нет сети. Какой? Обыкновенной! Интернетовской. И кирпич мой молчит. Пришлось по-старинке. А ты все спишь! Я не кричу! Ты знаешь, как я кричать умею. Вставай, говорю. И это... — голос старушки неувовимо изменился, став тихим и серьезным. — Ты уж выясни, что происходит, Ванюш. Сам знаешь, мне лучше правду, чем неизвестность.

Невидимый собеседник что-то ответил и повесил трубку. Соседка сделала то же самое и прямо взглянула на Ольгу. Уже без насмешки.

— Ты бы, детонька, в магазин сходила.

Девушка кивнула.

— Можно от вас маме позвонить? Она у меня в деревне. А телефона нет.

Стационарный она отключила еще год тому, а вот мама не стала. И правильно.

— Звони, — бабушка подвинула к ней аппарат. — А потом сходи все-таки в магазин.

В магазин Ольга сходила. Порадовалась, что делала заначку не только в банке на счете, до которого теперь при всем желании не доберешься, но и дома. Наличными. Вот они игодились. Тем более что в магазине безналичную оплату не принимали. Банкоматы не работали. Люди ругались. Шумели. Но как-то не в полную силу. Растерянно. Ожидая, что вот-вот все наладится.

Товар на полках тоже еще не разобрали. И Ольга набирала в тележку консервы. Рыбные. Тушенку. Ананасы и персики. Потом их может не быть, а сладкого захочется. Лучше сразу взять. Она пристально изучала сроки годности. Выбирала молоко в хорошей упаковке. Его и заморозить можно. Сохранится. Круп у нее хватало. Соли и сахара тоже. А вот макароны кончались. И масло подсолнечное лучше тоже взять. А с ним и сливочное.

На кассу она подошла, готовая ко всему. И лежащая в сумке колотушка для отбивания мяса придавала уверенности. К счастью, опасения не оправдались. Очередь скопилась

совсем небольшая. И до кассы Ольга добралась быстро.

— Девушка, ну вы как на войну закупились! — прокомментировал ее покупки мужчина из соседней очереди.

Его поддержали нервным смехом, только продавщица посмотрела грустным и каким-то испуганным взглядом. А Ольга молча собирала продукты в старую продовольственную сумку, найденную на антресолях. Война — не война еще неизвестно, но то, что люди в таких условиях ведут себя агрессивно — факт. И в ближайшие дни уровень агрессии только повысится. Значит, на улицу лучше не выходить. А с работы она уже отпросилась. Благо, отгулы накопились.

В течение недели точно все решится...

Земля, настоящий момент

Кофе с глицином — то еще сочетание. Особенно на работе, когда нужно оставаться бодрой и внимательной, но при этом еще и спокойной. Сдержанной. И желательно не орать на сотрудников, возмущенных задержкой зарплаты. Как вежливо объяснить пяти сотням людей, что зарплата будет, но чуть позже, потому что безналичный расчет теперь невозможен, а поставку наличных из банка приходится выбивать едва ли не под угрозой физической расправы? Никак. Слушать они перестают примерно на первом слове.

Зазвонил телефон. Черт бы его не видал. Ольга прикрыла глаза, в очередной раз собираясь с силами, чтобы не послать человека на том конце провода в пешее эротическое.

— Да, — сдержанно рыкнула в трубку, продолжая буравить взглядом программу на компьютере, где проводки отказывались сводиться к нужному результату.

— Ольга Геннадьевна, а зарплата...

— Завтра! — рывкнула она и швырнула трубку на место.

Придется все-таки звонить Петровичу и выяснять, когда приедут деньги. Если они не заплатят завтра, их с работы просто не выпустят. В лучшем случае. В худшем — порвут на части.

Женщина откинулась на спинку кресла. Чертова ошибка не находилась. Лучше сделать перерыв, пока она не довела себя до нервного тика. Взгляд упал на соседний стол, за которым должна бы сидеть Машенька — ее помощница, которая на работе уже третий день не появляется. Домашнего телефона у нее нет. В личном деле нашли контакты родственников, проживающих в другом городе, которые не смогли дать внятных объяснений. Петрович клятвенно обещал отправить кого-нибудь к ней домой и проверить, что с девушкой, но у него и своих проблем хватало.

Ольга вздохнула и направилась в уголок с чайником и микроволновкой. Машенька — не первая, кто внезапно не вышел на работу. То тут, то там люди пропадали. Точнее, как выяснилось, исчезнуть в мире, где нет сотовой связи и интернета, внезапно просто. Собрать вещи. Уйти со съемной квартиры. И поминай, как звали.

Конечно, власти в экстренном порядке наладили аналоговую связь. Радиовещание и не прекращалось. В первые две недели люди смели в магазинах все стационарные телефоны, а затем раскупили и остатки со складов, пылившиеся там не один год. Заявки на проведение телефонного провода сыпались бесконечным потоком, и удовлетворить их все физически не успевали. Люди, привыкшие в любой момент разговаривать с близкими, испытали чрезмерный стресс и ударились в панику.

Первую неделю Ольга, как и планировала, просидела дома. Тогда Машенька еще работала. Да и Петрович — финансовый директор — справлялся с наплывом сотрудников, требующих объяснений. Дома было непривычно тихо. Немного скучно. И бесконечно страшно. Тревожность заставила пересмотреть содержимое аптечки. Составить список необходимых покупок. Разобрать кладовку и обнаружить там старый топор, немного ржавый и тупой, но... Чем еще заняться одинокой женщине долгими днями в обществе старушки, пережившей блокаду Ленинграда? К концу добровольной изоляции топор сверкал и был достаточно остер, чтобы не бояться внезапных визитеров.

Новости, благодаря старому знакомому Тамары Павловны, также поступали и звучали весьма неутешительно. Хотя в первый день им показалось, что уважаемый Иван Александрович сошел с ума. Пришельцы... Кто бы мог подумать? Поверить? В голове мысль долго не укладывалась. И даже спустя месяц вызывала вялое недоумение. Кому мог понадобиться их маленький, не слишком чистый и приятный мирок?..

Так или иначе, на работу Ольга выходила, вооруженная знаниями, колотушкой для отбивания мяса и мрачной решимостью. Петрович, при ее появлении, выдохнул и, кажется, перекрестился, чего за ним раньше не замечали. Вообще, начальник сдал. Похудел. Приобрел нездоровый цвет лица и привычку добавлять коньяк в кофе. Впрочем, каждый по-своему справляется со стрессом.

А дальше началось... Невозможность отследить поставки. Паника у заказчиков. Попытки договориться с конкурентами, о чем раньше не могло быть и речи, но теперь... Теперь, в странно изувеченном новом мире, к которому люди пытались приспособиться, выжить можно только путем постоянных договоренностей. Юристы не успевали просматривать новые соглашения и строчили их на коленке, изобретая формулировки и условия. Сервис хватался за голову. Техническая поддержка пыталась реанимировать хотя бы локальную сеть, по которой им буквально накануне всеобщего кошмара приспичило установить обновление, что вызвало массовые ошибки в программах...

Хаос. Крики. Ругань. Ежедневные срывы кого-то из коллег. Люди боялись. Они внезапно остались без доступа к привычным ресурсам. Требовали отдать им деньги, которые фирме просто неоткуда было вытащить. Банковская система оказалась перегружена, а имеющиеся наличные генеральный запретил тратить, справедливо полагая, что они понадобятся для организации какого-никакого расчета с подрядчиками.

Как ни странно, бардак на работе успокаивал. Позволял отвлечься от внешней угрозы. От необходимости думать о будущем. Понятно ведь, что в таких условиях, рано или поздно, начнутся массовые беспорядки. Первую волну удалось хоть как-то успокоить, но люди, работавшие благодаря интернету и удаленке, остались без средств к существованию. Также многие развлекательные заведения закрылись за последний месяц. Люди боялись тратить деньги. Или просто не имели их. Кафе разорялись. Кинотеатры и ночные клубы закрывались. Безработица росла. Когда ее уровень станет критическим, безопасность исчезнет.

Ольга налила в стакан заварку и кипяток из чайника, достала с полки зефир, покосилась на дверь, закрытую на ключ. Один экземпляр у нее, второй — у Петровича. Впору организовывать туалет прямо в кабинете и выходить только с охраной. От толпы колотушка для мяса не защитит.

Вчера от постоянных нервов она сорвалась на женщину в районном ТСЖ. Платежка за квартиру пришла с ошибкой, довольно очевидной для бухгалтера с ее стажем, что заставило сделать крюк после работы и явиться для разборок лично. О, как они кричали! В пустом поздним вечером помещении, где почти никого уже не осталось, звуки разносились прекрасно. Охранник, сунувшийся было на шум, увидев двух женщин, переругивающихся через перегородку, поспешил исчезнуть.

Бухгалтер ТСЖ не выдержала первой. Лицо ее неожиданно исказилось, задергалось, и усталая женщина рухнула на кресло и заплакала. Как-то тихо и жалобно. Ольга перевела дыхание и облокотилась на стойку. Мирно предложила:

— Пустырник будете? Спиртовая настойка. Только что из аптеки.

Женщина шмыгнула носом и согласилась. А через пять минут, отпустив охранника и

выставив табличку «закрыто», они тихонько распивали коньяк и закусывали подвявшими бутербродами с колбасой. Ошибку нашли и поправили. Сделали нужный расчет. И тут уставшая Елена Николаевна решила поделиться наболевшим:

— У меня ведь дочка. Университет заканчивает. Вот до выпуска осталось совсем немного. И тут их на эту вакцинацию отправили.

— Какую вакцинацию?

Ольга нахмурилась. Если от гриппа, то это осенью, а сейчас весна. Майские скоро. От коронавируса вообще всем студентам должны были уже сделать. Какая-токая еще может быть массовая вакцинация?

— От какой-то там болезни. Я ничего не поняла. Слушала в полуха. Это только для девочек. Что-то там с деторождением связано.

— От краснухи?

Кажется, только она может грозить бесплодием, но от нее прививку должны делать раньше. Намного.

— Нет, что-то там от эндометриоза или еще чего-то такого...

— Эндометриоза?

Брови уползли куда-то в район линии роста волос. Ольга допускала, что женщина под шестьдесят, как и юные студентки университета вряд ли знают, что от эндометриоза прививки не существует. Да и не может быть. Возможно, ошибка закралась в название болезни, но... звучало все уже странно.

— Не знаю, — Елена Николаевна отмахнулась. — Она поехала с другими девочками в поликлинику и все... не вернулась. Два дня уже прошло. Я все телефоны оборвала. В университет звонила. В поликлинику. Морги. Больницы. В полицию... Ничего. На кафедре, кажется, сами ничего не понимают. Говорят, распоряжение от Минздрава, в поликлинике твердят, что никакой вакцинации нет. И девочки моей нет. И не только ее... Из их группы только мальчишки и остались.

Дальше Ольга успокаивала несчастную женщину, потом помогала закрыть ТСЖ провожала ее до подъезда. А добравшись домой, первым делом постучалась к соседке и все рассказала. И та начала звонить Ивану Александровичу...

Дожевав зефир, бухгалтер взяла кружку и подошла к окну. Весна в этом году наступала стремительно, обещая теплые праздники с возможностью пожарить шашлыки и, может быть, даже искупаться. Вот только настроение погоде не соответствовало.

Пропажа девушек и прибытие гостей из космоса наверняка связаны. Что-то им ведь здесь понадобилось. Иван Александрович говорил, что ядерное оружие кораблям пришельцев не повредило. Как и химическое. И биологическое. Не было «Дня Независимости». Или любого другого боевика, голливудского или отечественного. Лишь тишина и официальное объявление от правительства о метеоритном потоке, уничтожившем все спутники, но, к счастью, не задевшем населенные части Земли. По радио даже обещали все восстановить и говорили о каких-то сроках, но... Вряд ли кто-то верил.

Отставной военный передал, что пришельцы хотят договориться. Отдельно встречаются с главами разных стран. Что-то предлагают. Чего-то просят. Или требуют. С их техническим уровнем наверняка могут просто диктовать свои условия, но играют в дипломатию. Почему? Черт их знает. Однако что-то ведь происходит. И с президентом тоже встречались. Говорили. О чем?

Ольга вздохнула и запрокинула голову к небу. Да так и застыла.

Сверху происходило нечто невообразимое. Разноцветные огни. Искры. Переливы, отдаленно похожие на радужные. На фоне ярко голубого неба цвета различались весьма условно. Но огни точно были. И достаточно яркие, раз их видно даже невооруженным глазом.

— Твою мать... Что же там происходит?

— По каютам, быстро!

Повторять дважды Байону не пришлось. Саша и Филис рванули в сторону коридора. Вот только бежать по кораблю, совершающему маневр уклонения — задание не из легких.

Пол резко ушел из-под ног, Саша полетела на пол. Киорийка упала вперед и шустро поползла в сторону каюты, где есть шанс пристегнуться к койке и пережить этот полет. Если, конечно, их не подобьют.

— «Парис», вызывает капитан Байон, здесь корабли Этры. Повторяю: корабли Этры!

Александра последовала примеру подруги, больше не пытаясь встать на ноги, и как можно скорее уползая в сторону каюты. Еще один крен. И стена болезненно приветствовала плечо.

— Черт!

Еще немного, и она у цели. А там всего-то и нужно, что забраться на кровать. Дверь каюты Байона распахнулась, и прямо перед ней возник ликос. За время полета они немного подружились, и больше он не пытался прижимать девушку к стенам, но встреча все равно оказалась некстати.

— Ты бы отошел в сторону... пожалуйста.

Корабль накренился в противоположную сторону, и Саша по гладкому полу прилетела в противоположную стену уже другим плечом. А вот зверь ловко оттолкнулся лапами и поймал равновесие. Счастливчик.

«Маневр Райма».

Голос прозвучал где-то рядом и так четко, что заставил вздрогнуть.

— Что?! Какой еще маневр?

«Ты меня слышишь?»

Галлюцинация удивилась.

— Нет, я ничего не слышу. Я ползу в каюту.

Саша сжала зубы, встала на четвереньки и постаралась обогнуть Арея, но тот шагнул в сторону, и они буквально встретились нос к носу. Зверь повернул голову на бок, рассматривая ее, и в глазах его мелькнул печально знакомый интерес.

— Не надо, — с губ сорвался шепот. — Давай, жить дружно, а?

«Ты мне поможешь».

— Нет! — девушка поспешила отмахнуться от столь щедрого предложения, но оказалось, что ее мнение никто не спрашивал.

При следующем толчке, она кубарем покатила по полу, а ликос надежно зафиксировал ее у стены, придавив собственным телом. И выглядел при этом крайне довольным.

«Вернись к штурвалу. Байону нужна помощь».

— Издеваешься? Чем я ему помогу?!

Корабль провалился куда-то вниз и дернулся, заставив ее умолкнуть. Падение прекратилось быстро, но внутренности, кажется, улетели куда-то в пятки.

«Ты будешь слушать меня и делать то, что я скажу. А теперь — иди».

— Да как я...

Арей вскочил на лапы и ухватил ее зубами за ворот комбинезона — в полете Байон

выдал обеим пассажиркам форменную одежду. А затем просто поволок в сторону кресел пилотов.

— Ты! Ты! Предатель! Чертова псина! Отпусти меня!!!

Бесполезно. Зверь держал крепко и вообще не реагировал на окрики. Зато голос в голове продолжал отдавать четкие указания.

«Вправо. Еще правее. А сейчас левее. Вот так. Держи курс. Ровнее. Давай, ты сможешь».

Корабль мотало. Намертво прикрепленная к полу мебель в таких условиях несказанно радовала. А вот необходимость перемещаться — уже не очень. Приложившись головой о стену, Саша перестала сопротивляться и решила помочь ликосу. В конце концов, в кресле пилота она хотя бы сможет пристегнуться. А потом как-нибудь объяснит Байоне, что сошла с ума. Но не опасно. И, кажется, не только она, раз этот проклятый зверь продолжает ее тащить туда, куда указывает галлюцинация. Он, что тоже ее слышит? Понимает?

Еще один провал вниз, а затем резкий подъем, из-за чего их распластало по полу, а затем рывок, и вот пальцы уже сжали подлокотник кресла. Повернуть его было делом секунды, а вот втощить тело на сидение оказалось уже сложнее. Но Саша справилась, и когда по плечам и талии скользнули ремни, выдохнула от облегчения. Все, теперь ее больше не будет швырять. Предательский зверь боднул кресло, вынудив его развернуться к приборной панели.

— Какого хрена ты тут делаешь?!

Александра первый раз услышала нецензурное высказывание из уст киорийца, но проникнуться историчностью момента ей не дали.

«Маневр Райма. Быстро».

Ее качнуло вперед. И пришлось упереться руками в панель.

— М... маневр... Р... Райма... — с трудом выдавила девушка, пытаясь справиться с желудком, скачущим вверх-вниз.

— Что?! — Байон развернулся к ней всем телом, но лишь на секунду, а затем снова обратил внимание на панель. — Откуда ты...

«Я пилотировала эти корабли, когда Байон только поступал в Академию. Бери на себя управление орудиями».

— Да я не...

«Прямо перед тобой. Большая зеленая кнопка-переключатель. Нажми. Затем бери штурвал и я объясню, что делать дальше».

Корабль тряхнуло снова. На мониторах метались какие-то всполохи. Звезды сливались в сплошные полосы, а где-то рядом болтался голубой шарик Земли. Уже совсем даже немаленький. Вон и линия облаков видна.

— Мать твою! — пискнула Саша и нажала на нужную кнопку, а потом вцепилась в штурвал, дернув его на себя. — Что дальше?

— Ты меня спрашиваешь?! Какого подземного демона ты тут вытворяешь?!

«Поверни на пятнадцать градусов влево».

— Чего?! — руки дернулись в нужную сторону, но о правильности положения оставалось судить лишь приблизительно.

«Расслабься. Я откорректирую».

Повторилось то же странное ощущение, что было во время тренировки. Ладони словно стали чужими. Пара четких, резких движений, и штурвал замер в одном определенном положении.

— Так это ты...

«Когда я скомандую, одновременно нажимай на кнопки сверху на штурвале. Видишь?»

Две симметричные кнопки удобно легли под большие пальцы. Лучше смотреть на штурвал, чем на тот хаос, что творится на мониторах. От мельтешения голова начинала кружиться, а желудок вспоминал, что он слишком полный.

«Молодец. А теперь: огонь!»

Рефлекс на команду сработал мгновенно. Саша зажмурилась, чтобы не видеть вообще ничего. Штурвал дрогнул под руками. Как и корабль. Едва ощутимо, будто вздохнул. Пальцы с кнопок она не убирала. Просто держала, ощущая, как верх и низ меняются местами, а по лицу катится пот. Господи, если они выживут, и когда-нибудь сядут на твердую поверхность, она никогда больше не отправится в космос. Никогда!

«Отпусти».

Мышцы свело судорогой, и послушаться она смогла лишь спустя несколько секунд. А потом открыла глаза. Они зависли посреди облака вращающихся обломков. Их было много. Очень много. Чем-то похожих на осколки спутников.

— Мы... его... сбили? — голос дрожал и срывался через слово.

— Сбили, но он не один, — Байон указал на движение в правой верхней части экрана. — Успел подать сигнал другим. Я предупредил линкор, надеюсь, лайнер экспедиции успеет скрыться.

— А мы?

— А мы теперь у них в тылу. Подбиты. Остались почти без щитов.

По спине пробежали мурашки. Саша с трудом сглотнула, запоздало понимая, что встреча с кораблем Этры могла закончиться совсем по-другому. Стало холодно. А еще, кажется, кровь от лица отхлынула.

«Нужно уходить за фронт облаков. Садиться и начинать ремонт. Линкору в таком состоянии мы не поможем. Только сами погибнем».

— Нам нужно за фронт облаков, — послушно продублировала Александра, разжимая пальцы и отпуская штурвал. Руки затряслись. И она поспешила сцепить их и прижать к груди, ощущая, как дрожь поднимается к плечам.

Байон прожег ее тяжелым взглядом, но затем отвернулся к приборной панели.

— Нужно выбрать место для посадки. Как там называется место, где ты живешь?

— Р... Россия. М... Москва.

На одном из мониторов развернулась карта мира, знакомая по урокам географии. Увеличилась до размеров Евразии. Проступили знакомые границы. А затем зажглась красная точка.

— Хорошо. Там где-нибудь и сядем.

Корабль рухнул вниз, заставив желудок совершить очередной кульбит. Облака они пронзили стремительно и быстро. Словно нож — масло. Перед глазами возникла пронзительная синева океана. Курс выровнялся, Байон продолжал нажимать какие-то кнопки. Голос пропал, как и ощущение присутствия кого-то постороннего. В колено ткнулась острая морда ликоса.

Саша посмотрела на зверя, испытывая острое желание высказать ему все, что накопилось, но тот смотрел на нее настолько преданно, что стало как-то неловко.

— Ты все равно предатель.

Аррей коротко рыкнул и сел рядом, не выказывая ни капли раскаяния.

До самой посадки они больше не разговаривали. Байон выбирал место, которым совершенно неожиданно стало бывшее здание торгового центра. Точнее все, что от него осталось. Темный пустырь, огороженный со всех сторон. Обломки, видимо разобрали. Но что делать с территорией еще не решили, вот и поставили временный забор. Техника выстроилась вдоль него и не функционировала. Хотя день был в самом разгаре. И, если верить дате, отразившейся на мониторе, среда. То есть рабочий. Но никого нет. Странно. Хотя, учитывая все, что с ними произошло...

Корабль опустился в стороне от техники, в том месте, где сохранился кусок ровного асфальта. И когда он, наконец, замер, Александра судорожно выдохнула от облегчения.

— А почему нас никто не заметил?

— Маскировка. В движении еще могут заметить, но только если приглядываться. Ваши радары слишком слабые, чтобы нас распознать. А более сильную технику Этра уже вывела из строя, — киориец развернулся к ней вместе с креслом. — Не хочешь ничего рассказать?

Девушка подняла на него измученный взгляд, отчаянно мечтая проснуться и понять, что кошмар ей только приснился.

— Ты не поверишь...

Саша грела руки о чашку с чаем. Филис, успевшая добраться до каюты и пристегнуться, вышла в рубку управления, когда все закончилось. Байон коротко пояснил ей, что случилось. И бывшая жрица предложила поесть и успокоиться, а уже затем говорить.

Посуда из крепкого пластика пережила болтанку, как и большая часть продуктов. Перекус получился весьма сытным. Орехи. Мед. Печенье. И ожидающая тишина.

— Все началось здесь. На корабле, — заговорить оказалось сложно. Слова просто не шли с языка. Но и молчать дольше не имело смысла. — В первый день, когда Арей на меня напал, я почувствовала головокружение. Только начала раскладывать вещи, как тут же замутило. Я подумала, это из-за недосыпа. Вышла в коридор, чтобы глотнуть свежего воздуха и тут ликос...

— Почему ты думаешь, что это стало началом? — мягко спросила Филис, возвращаясь к привычной роли.

— Потому что... Он вел себя странно. И тогда, и сегодня...

Все дружно посмотрела на зверя, занимающегося придирчивым вылизыванием шкуры. От всеобщего внимания он прервал занятие и вопросительно взглянул на людей.

— Он как будто ее слышал...

— Кого ее?

Саша вздрогнула, вспомнив голос в голове.

— Может, у меня просто галлюцинации? — она с надеждой посмотрела на спутников.

— Благодаря которым ты неожиданно вспомнила маневр, которого не должна знать, правильно настроила боевые орудия и сбила корабль Этры, — иронично ответил Байон и наткнулся на взгляд Филис. — Что? Тебе это не смущает, да?

Та вздохнула.

— Я понимаю твое смятение и удивление, но Александре сейчас ничуть не лучше. Пожалуйста, пей чай.

Мужчина молча пригубил напиток, а девушка почувствовала, как желудок подкатил к горлу. Она сбила корабль. С живыми людьми. Убила...

— Что еще необычного происходило на корабле до сегодняшнего дня?

Вопрос повернул мысли в ином направлении.

— Сны... Мне снились очень странные сны. Словно я осматриваю корабль. Но у меня нет тела. Рук и ног. Ощущение, что я не могу пошевелиться. И я спускаюсь, не знаю, как именно, оказываюсь там, — она кивнула на пол и для достоверности топнула ногой. — В подполе. Я там никогда не была. Но я вижу технику. Провода. Какие-то мониторы. И там узкий коридор. А по нему я приближаюсь к чему-то. И просыпаюсь. Я ни разу не дошла до конца...

Киорийка взглянула на капитана.

— Там ведь технический отсек, если я не ошибаюсь?

— Да, и в конце коридора, прямо под панелью управления, находится ядро корабля... Списанное с военного катера, — медленно закончил он, серея лицом.

— Байон?

— Икар привез ядро на линкор, — заговорил мужчина, глядя в пустоту. — Его забрали, чтобы считать информацию о крушении. А потом... Списали. И мне досталось списанное

ядро.

— Ты думаешь, оно — то самое?

— Я не знаю.

Капитан вскочил и прошелся до панели управления, а затем обратно.

— Я видел, как летает Талия. Я знаю, как она управляет кораблем. И ты, — он обернулся к Саше, — ты делала то, что сделала бы она. Если бы позволила мне пилотировать. В бою управление не передают. Но будь она рядом с самого начала, захотела бы его забрать. А я бы отдал.

— Но как я могу слышать мертвую принцессу? И как вообще возможно, что она здесь? Она что, на это ядро записалась?!

«Умница».

От голоса по спине пробежали мурашки. Девушка едва не подпрыгнула. Окинула помещение взглядом, отмечая, что Арей сел и снова смотрит на нее. *Тем самым взглядом.*

— Ядро — это мозг мертвого Археоса с отростками нервных связей, — задумчиво произнесла Филис. — Мы научились использовать производимую им энергию для путешествий в космос и создания узлов связи, хранения информации, но, насколько я знаю, до конца его возможности еще не изучены...

— Хочешь сказать, что какая-то часть ядра сейчас хранит данные о Талии? Это даже звучит странно! Но хорошо, пусть так. Только почему тогда мы с тобой ее не слышим?

— Потому что у меня повышенная реакция на Археосов, — выдохнула Саша, кое-как соединяя в голове кусочки информации. — Икар возил меня на Гермес. Там я видела Археоса. Большого. Он светился. А потом я упала в обморок. И когда проснулась, вела себя неадекватно. Гиатрос сказал, что у меня повышенная реакция и что-то про всплеск гормонов...

— Конечно, — кивнула бывшая жрица. — Мы постоянно находимся под влиянием излучения Археосов. Оно окутывает весь Киорис. И мы, как выросшие под постоянным воздействием, приобретаем иммунитет. А у Александры он отсутствует.

— Разве люди, подвергающиеся прямому излучению от ядра, не сходили с ума? — Байон явно не хотел верить, и девушка его понимала. Она бы тоже не поверила. — Ведь кожух не зря его закрывает.

— А разве оно не излучает радиацию? — под двумя вопросительными взглядами, землянка смутилась. — Просто я думала, что излучение может навредить. Типа лучевой болезни... Нормы допустимого излучения...

— Нормы есть, — коротко ответил капитан. — Поэтому состояние ядра все время проверяется. Но излучение, исходящее от него, не наносит физический вред. Буквально. От него сходят с ума. Он вызывает галлюцинации. Видения. Бред. Поэтому для защиты экипажа придуманы экранирующие кожухи.

— Галлюцинации, видения и бред... — медленно повторила Саша собственные симптомы.

— Именно, — неожиданно подтвердила Филис. — Первыми с Археосами столкнулись моряки. Они рассказывали ужасные истории о том, что видели. А еще они говорили, что слышали шепот мертвецов. Морские легенды сохранили множество подобных историй. Потом им нашли объяснение. Но, возможно, в них есть и часть правды. Что, если моряки действительно слышали погибших товарищей?

Стало тихо. По спине побежали мурашки. Ладони вспотели. Желудок завязался узлом. А

еще появилось острое желание сбежать подальше от корабля. Как можно дальше. Далеко-далеко, где никакие призраки ее не достанут.

— Так... — Байон вернулся за стол. — Ты хочешь сказать, что вторая разумная раса, населяющая нашу планету, собирает отпечатки сознаний мертвецов? И мы за столько лет изучения ничего про это не узнали?

— Ты сам сказал, что они разумны. Что, если намного разумнее нас? Такие предположения уже высказывались и не раз. Мы получаем лишь мертвые тела. Научились реанимировать нервную систему для своих целей, но никто так и не понял, почему Археосы решили вступить в контакт с киорийцами. Они взяли с нас лишь одно обещание — не трогать глубины океана. И мы не трогаем больше семидесяти пяти процентов планеты. Кто знает, что там? Кто знает, почему они так себя ведут? Кто знает, что на самом деле творится в их мозге?

Мужчина обхватил голову руками и запустил пальцы в волосы.

— То есть мы сейчас принимаем за аксиому то, что сознание мертвой Талии каким-то образом отпечаталось в ядре корабля?

— Иного объяснения я не вижу, — Филис сочувственно посмотрела на капитана.

— И я могу ее слышать, потому что у меня нет иммунитета, — добавила Саша и взглянула на зверя, снова заскучавшего и улегшегося на пол. — А он почему? У него тоже нет?

Байон медленно поднял голову и встретился взглядом с Ареем.

— Здесь сложнее... Ликосы тоже довольно разумны, — он криво усмехнулся. — Они образуют устойчивые пары в живой природе, воспитывают потомство. Легко идут на контакт с человеком. Быстро привыкают к фермам. Также они выстраивают доверительные отношения с тем, кого выбирают. На всю жизнь. А живут ликосы долго. И, как правило, выбирая человека, пару они больше не создают. Считается, что у них одна устойчивая привязанность на всю жизнь. Они отлично считывают настроение хозяина. Понимают речь. Точнее эмоциональную ее составляющую. Остро реагируют на агрессию. Возможно... Арей чувствует в тебе проявления Талии. Так как только ты можешь ее слышать... Другого предположения у меня нет.

Зверь на всякий случай вильнул хвостом. Сейчас он вел себя совершенно адекватно и привычно, как и все дни раньше. Никаких срывов. Нападений. И хватаний за шиворот.

— У меня сейчас голова лопнет от количества информации, — Саша глотнула чай, пытаясь успокоиться. Ей все еще хотелось сбежать с корабля. А стоило поднять взгляд от столешницы, она едва не заорала — за спиной капитана, рядом с панелью управления стояла женщина.

В черном комбинезоне с алыми нашивками. С толстой косой, перекинутой через плечо. Белой кожей. Знакомыми, точеными чертами лица. И изумрудными глазами. Она скрестила руки на груди и смотрела прямо на Александру. Затем улыбнулась, приложила палец к губам и исчезла. Буквально растворилась. Будто ее и не было.

— Твою мать... — пискнула девушка и начала медленно, на ощупь подниматься из-за стола.

— Ты в порядке? — нахмурилась Филис.

Саша окинула ее полубезумным взглядом.

— Я слышу призрака. По-твоему, это нормально? Я только что сбила корабль с людьми. С живыми людьми! Да, они хотели нас убить! Но убила их я! Я не хотела! И вообще... я... —

она закрыла лицо руками, ощущая дрожь по всему телу, а потом опустила их. — Я хочу успокоительное. И снотворное. И вообще, чтобы все оказалось долбаным сном! Я летела домой! Домой! А тут... Я даже не знаю, что здесь происходит! И что с моей семьей! Почему из всех планет во Вселенной Этра выбрала Землю?! Что им тут понадобилось?! Я просто хотела домой...

Сильные руки бывшей жрицы обняли ее за плечи и прижали к груди.

— Я понимаю, ты в отчаянии. Все пошло совсем не так, как мы хотели. Ты напугана. И волнуешься за родных. Это нормально. Сейчас нам всем нужен отдых. А затем мы решим, что делать дальше. Думаю, я смогу найти в стандартной аптечке успокоительное и снотворное.

Девушка кивнула и позволила себя увести. На плечи неожиданно навалилась усталость. Ноги стали ватными, а в голове появилась звенящая пустота. Она покорно пошла за Филис, выпила нужные лекарства в свободной каюте, которую оборудовали как облегченный медицинский блок. Затем, наконец-то, добралась до своей койки, на которую рухнула как подкошенная. Киорийка помогла снять комбинезон и укрыла ее одеялом. Благодатная темнота обступила со всех сторон.

Но даже тут ей не было покоя.

— Нам надо поговорить, — безапелляционно заявила принцесса, возникая посреди темноты, из которой тут же сформировалась привычная рубка управления.

— Нет... — застонала Саша.

Но из сна, навеянного лекарствами, так просто не сбежишь...

...Возвращаясь домой, Ольга продолжала думать о фейерверке в небе посреди дня. Петрович, подвезший ее до магазина, тоже видел огни. Но предположения высказывать опасался. Отделался общими фразами о том, что проблем и без того много. С одной стороны, он прав, но с другой... Что, если там, наверху, что-то случилось? Что-то, что может повлиять на их жизни? Знает ли что-то Иван Александрович? Или военным тоже не отчитываются? Хоть телескоп покупай и ставь дома у окна, чтобы наблюдение вести.

От магазина женщина шла, никуда не торопясь. На левом плече — сумка с колотушкой, в правой руке — продукты. Уже привычная тяжесть успокаивала. Помимо себя Ольга покупала продукты Тамаре Павловне и еще несколькими старикам в доме. Не первый и не последний раз. Мария Федоровна с третьего этажа все пыталась всучить ей тележку.

— Ну, что ты такие тяжести таскаешь, Оленька? Тебе же еще рожать... — причитала старушка, искренне переживая и испытывая неловкость от того, что о ней заботиться посторонний человек. Собственные дети у нее давно переехали в Европу, Мария Федоровна переезжать отказалась, решив дожить свой век на родине. Кто же знал, что тут одно потрясение за другим будет?

— Мария Федоровна, мне не привыкать, а с тележкой неудобно. Ее сначала до работы дотащить надо, а потом полную вечером домой. Нет уж, пусть у вас стоит.

Да и какой рожать в такое время? Даже если бы и было от кого. Мало того, что за себя боишься, так еще и за ребенка переживать. Нет, семьям с детьми Ольга искренне сочувствовала и не завидовала.

Она настолько погрузилась в свои мысли, что когда сумку с продуктами кто-то дернул из рук, едва не расцепила пальцы. Но рефлексы оказались быстрее разума. От рывка ее развернуло назад. Пальцы привычно сжались в кулак на прочных ручках. Левая ладонь стиснула ремешок сумки. А инерция помогла донести утяжеленный колотушкой кожаный снаряд до головы незадачливого грабителя.

Тот явно не ожидал такого отпора. Попытался увернуться. Отступил назад, не выпуская из вытянутой руки продукты, и сумка догнала его уже на излете движения. Прямо в переносицу. Мужик взвыл дурным голосом, обеими руками зажал пострадавший орган и попятился. Лицо у него скрывалось под трикотажной шапкой с прорезями для глаз, а рот закрывала несчастная медицинская маска. Вор оказался каким-то щупленьким и хилым. Но отлично подкованным в матерном словаре.

Выслушав адресованную ей тираду, Ольга кивнула:

— Жить будешь, — после чего развернулась и продолжила движение. — Совсем уже охренели...

В спину ей продолжали доноситься ругательства, которые неожиданно стихли. А затем откуда-то сверху раздался странный звук, заставивший остановиться и медленно запрокинуть голову.

Над пустым двором, который нужно было пересечь, чтобы добраться до подъезда, поблескивая в надвигающихся сумерках, медленно кружило нечто. Нечто снизу выглядело овальным. Явно металлическим. С прозрачной, скорее всего, стеклянной кабиной. Нечто кружило и медленно снижалось по спирали. Размерами оно вряд ли превышало стандартную легковушку. А в кабине точно находились... люди?

Ольга моргнула. Затем закрыла глаза и потрясла головой. Всмотрелась снова. Неведомая хреновина как раз пролетала мимо на уровне примерно восьмого этажа, и один из находящихся внутри особенно близко наклонился к стеклу. И, как минимум, он обладал пятнами. Такими яркими черными пятнами на... морде? Лице? Или как там это должно называться?

Женщина сглотнула, ощущая, как все волоски на теле встали дыбом. Ее будто окатили ледяной водой, а затем посадили в кипяток. Сразу же пришла вера во все рассказы Ивана Александровича. Вот только он ни разу не упоминал, что чертовы инопланетяне выглядят как... звери? Наоборот, говорил, что они как люди, только на арабов похожи. А эти...

Хреновина сделала полный круг по двору, поднялась выше крыши и полетела дальше. Ольга сглотнула. Мужик сзади отмер и вдруг начал истово молиться.

— Отче наш, Иже еси на Небесех...

Она обернулась, мимоходом отметив, что крестится он левой рукой и слева направо, покачала головой и направилась к дому. Тем для вечернего чаепития становилось все больше и больше. А еще хотелось поскорее запереть дверь квартиры и выпить успокоительного, а лучше водки.

У самого подъезда Ольга остановилась, пытаясь найти в сумке ключи, что, с учетом внепланового потрясения, оказалось непросто.

— Твою ж... за ногу... — прошипела она сквозь зубы и едва не подпрыгнула, когда из-под крайнего к подъезду балкона вылез мужчина.

Высокий. В каком-то рабочем комбинезоне со светоотражающими нашивками. Взъерошенный. С синяком на скуле. И с порезом на лбу, покрывшемся корочкой. Он что-то проговорил, но женщина не поняла ни слова.

— Что? — она на всякий случай отступила на шаг, сразу же сжав пальцы на ручке колотушки.

Рука с продуктами уже до боли оттянула плечо, но оставлять сумку в опасной близости от незнакомца не хотелось. Тот посмотрел на нее из-под густых черных бровей, то ли пытаясь подобрать слова, то ли вообще вспоминая, кто он и как здесь оказался.

— Мужчина, вы бы отошли в сторонку. Я вам все равно ничем помочь не могу.

Незнакомец, хоть и не выглядел качком, но все же обладал весьма спортивной фигурой, к тому же был выше. Такому одного удара мало будет. Да и обидно не дойти до дома каких-то пару метров. Ольга покосилась на дверь подъезда и начала медленно, бочком двигаться в ее сторону.

Мужчина снова что-то сказал и сделал шаг назад, уступая дорогу. Плечи его опустились. Он повернулся спиной и снова полез под балкон. Дыхание застряло в горле. Сзади комбинезон оказался порван. Три ровные косые царапины шли через всю спину. Словно. Словно кошка поцарапала. Крупная кошка.

В голове щелкнуло. Огни в небе посреди дня. Хреновина, нарезающая круги над двором. Раненный незнакомец, явно от кого-то прячущийся и не знающий языка. Но на удивление неагрессивный. Людей Ольга повидала немало, и понимала, что мужчина не станет нападать. Хотел бы — уже сделал бы. С ней бы точно справился. А там и в подъезд бы попал. С продуктовым запасом минимум на неделю.

Она вздохнула, ощущая тяжесть в груди. Нельзя тащить к себе незнакомца. Мало ли... И в то же время... Оставить на улице? Ночью, то есть через пару часов, та хреновина может вернуться. И те, кто ею управляют, могут спуститься во двор и продолжить поиски, не

опасаясь любопытных взглядов. А этот, не зная языка, никуда-то не сможет прибиться. Еще и заразу подцепит. В «Войне миров» инопланетяне, помнится, от неизвестной им заразы и передохли. Только вот эти как-то не спешили...

Еще один тяжелый вздох. Жалость и сострадание ее когда-нибудь погубят, как всегда говорила мама. Но оставлять раненного человека на улице... В крайнем случае, она его Тамаре Павловне сдаст. Или сама топором огреет. Не зря же его точили.

— Эй, ты... — Ольга наклонилась, заглядывая под балкон. — Вылезай, — она кивнула в сторону подъезда. — Я тебя пушу. Только давай тихо.

Она оглянулась, отмечая, что несостоявшийся вор куда-то испарился. В остальном двор оставался пуст — по какой-то неведомой причине дети резко перестали гулять по вечерам, да и бабушки на лавочках больше не сидели. Окна оказались в основном зашторены. Да если кто-то что-то и видел, то... Какая разница? Не пойдут же звери по квартирам спрашивать. Паника поднимется. А им она вряд ли нужна, если до сих пор все тихо.

Незнакомец вылез из убежища и молча уставился на нее. Как собака. Молчит. Смотрит. Глаза спокойные. Лицо невозмутимое. Будто все понимает, а сказать не может.

— Ладно, пойдём.

Повернуться к нему спиной оказалось самым сложным испытанием за последний месяц. Волосы на затылке упрямо поднимались дыбом, сопротивляясь земному притяжению. Но ни удара, ни каких-либо иных действий не последовало. Незнакомец послушно ждал, пока она откроет дверь. Затем тенью скользнул в подъезд. Совершенно бесшумно и плавно. И не скажешь, что спина исполосована.

Может, он просто иностранец? Мало ли, что с ним могло случиться. А она тут уже напридумывала. Фантастику. Инопланетян. Этот на араба тоже не похож. Скорее на европейца. Кожа светлая, даже бледная. Такой благородный аристократический цвет. И осанка еще... Нет, точно к Тамаре Павловне. Она найдет, куда и как его пристроить. У старушки, кажется, имелись знакомые во всех службах. Только отмыть сначала надо.

В лифте поднимались молча. На лестничной площадке Ольга привычно свернула к квартире, открыла дверь и пропустила мужчину внутрь. Тот выполнял команды беспрекословно. Дрессированный.

— Разувайся, — слова она подкрепила примером, поставив, наконец, продукты на пол, а сумку на полку.

Колотушку для собственного спокойствия Ольга достала, пока мужчина возился с обувью. И уже ей указала на дверь ванной.

— Мыться. Потом посмотрим твои царапины.

Лицо гостя неуловимо изменилось, мелькнуло такое легкое удивление. Но затем он моргнул и послушно направился в нужную сторону. Женщина украдкой перевела дыхание и утерла лоб, на котором выступила испарина. Может, не стоило его к себе тащить? Надо было сразу к соседке. А там объяснить. Старушка опытная. Быстрее бы разобралась, что с ним делать.

Ольга отогнала бессмысленные теперь сомнения и направилась в комнату, в недрах шкафа еще лежали вещи Толика, незнакомцу будут коротки, но хоть что-то. Когда она со стопкой зашла в ванну, гость как раз заканчивал стягивать комбинезон, оставшись в одном белье. И оказалось, что царапины — вовсе не единственное повреждение. На светлой коже синяки проступали лиловыми разводами, местами уходящими в синеву и кровоподтеки. Как бы под ними не оказались закрытые переломы или трещины. Их лечить в домашней

обстановке будет сложнее.

Женщина положила одежду на стиральную машинку и хотела показать, как пользоваться душем, но в этот момент мужчина без всякого стеснения избавился от последнего предмета одежды, залез в ванную и уверенно взялся за душевой шланг. Через секунду полилась вода. Инструктаж оказался не нужен. Может, он все-таки с Земли? Или для продвинутой цивилизации, покорившей космос, пользоваться примитивными средствами для очищения — не проблема?

Снова отогнав глупые вопросы, Ольга направилась на кухню. Кем бы он там ни оказался, от еды точно не откажется. Если не отравится, конечно. Порция гречки с тушенкой отправилась в микроволновку. А на стол легла домашняя аптечка, пополненная свежими запасами. Перекись водорода, хлоргексидин, пластырь, бинт, мазь от отеков — одного тюбика точно не хватит.

К моменту выхода гостя из ванной, она уже сидела с колотушкой в руках за накрытым столом. Тот снова моргнул — единственный признак хоть каких-то эмоций. Но молча сел, повинувшись указанию. Ольга осторожно его обошла и занялась царапинами. Домашнее оружие пришлось отложить, но незнакомец вел себя прилично. Не дергался. Только выдыхал чуть громче, когда становилось совсем неприятно. Царапины на вид показались неглубокими. Во всяком случае, кости сквозь них не просвечивали. По-хорошему, стоило бы зашить, но брать иголку она побоялась. Обработала, заклеила медицинским пластырем и разрешила надеть футболку. Мазь пододвинула поближе, указав на кровоподтек на руке. Собеседник кивнул, показывая, что понял и потянулся к еде.

Женщина устроилась напротив. Ел он аккуратно. Неторопливо. Будто не на кухне в однушке, а, как минимум, в ресторане. Обстановка его явно не смущала, как и мрачный Ольгин взгляд. Выпил и стакан с водой, и крепкий, сладкий чай, даже не поморщившись, чем породил новые сомнения и вопросы. Так и хотелось прижать его к стенке колотушкой и выбить правду. Но... жалко.

В одежде Толика и с влажными после душа волосами, незнакомец выглядел каким-то потерянным и несчастным, а еще совершенно безобидным. Как лабрадор. Помнится, пару лет назад она как раз хотела завести себе собаку. Присматривала, выбирала, но так и не купила. Жалко стало животное, которое целый день будет сидеть дома в одиночестве. А кошек она не любила.

— И вот что мне с тобой делать? — не ожидая ответа, вздохнула Ольга.

А гость поднял на нее взгляд, в котором мелькнула некая решимость, и что-то достал из кармана. Протянул ей руку, раскрытой ладонью вверх. На ней лежало нечто, похожее на гарнитуру. Мужчина выразительно указал на свое ухо и что-то проговорил. Взгляд у него стал пристальным. Выразительным настолько, что женщина поняла без слов, и с тяжелым сердцем потянулась к незнакомой технике...

...Она покрутила гарнитуру в руке, не спеша прикладывая к уху. Мало ли, что там внутри. Подняла взгляд на собеседника, пытаюсь оценить, не желает ли тот взять под контроль ее разум. Но гость выглядел по-прежнему безобидным лабрадором. И смотрел с ожиданием. Спокойным. Ровным. Не пытался поторопить. Не нервничал. Железные нервы.

Ольга вздохнула и аккуратно закрепила прибор, в любой момент готовая сорвать его и прихлопнуть колотушкой. Не пришлось.

— Я с планеты Киорис, — неожиданно четко и ясно заговорил мужчина, приложив ладонь к груди. Губы его двигались точно не в такт с тем, что она слышала. — Прибор — универсальный переводчик. Я понимал вас, пока он был на мне. Теперь вы понимаете меня.

Женщина медленно кивнула, показывая, что поняла. Диалог строить в таком формате сложно. Но хотя бы можно выслушать, а потом задать вопросы. Так лучше, чем общение жестами.

— Мы прибыли на Землю с мирной экспедицией. Для изучения вашей планеты. Но на подлете на наш авангард напали корабли Этры. Лайнер развернулся, чтобы вернуться обратно. Линкор прикрывал наш отход. Но на пути нам встретились корабли Рахха. Завязался бой. Лайнер — не военное судно. Кроме экипажа на нем находились только ученые. Рахх высадил десант. Нам пришлось эвакуироваться в спасательных капсулах. Я уходил со второй палубы. Пришлось отбиваться, отсюда ранения. В капсулу попасть удалось. Я задал координаты Земли, так как ваша планета — единственная обитаемая в этой системе. Многие капсулы сбили на подлете...

Ольга вскинула руку, останавливая поток слов, и протянула прибор собеседнику. Тот, не раздумывая, надел его.

— Вы сказали: Этра и Рахх? — она нахмурилась, пытаюсь понять суть. — То есть здесь сейчас находятся две разные расы инопланетян?

Ответом стал согласный кивок.

— Рахх — это такие с пятнами? Они вам царапины на спине оставили? — Кивок. — А Этра — типа арабов... Ну, в смысле, черненькие и кожа темнее, чем у вас? — Снова согласие. Появившаяся ясность позволила вздохнуть свободнее. — А почему они на вас напали?

Гарнитура вернулась к ней.

— Этра и Киорис находятся в состоянии войны. Рахх поддерживает Этру. Мы не думали, что встретим военные корабли в этой части Вселенной. Если бы знали, экспедицию не направили бы.

Ольга сняла наушник и вернула мужчине. Вопросов становилось все больше.

— Кто-нибудь еще из ваших выжил? — тот пожал плечами. — А... за вами прилетят? Ну, если экспедиция не вернется, вас же будут искать? Вы же должны, наверное, отчеты отправлять или как-то связь поддерживать?

Собеседник молча протянул раскрытую ладонь. Жест понятный без слов.

— Насколько я знаю, линкор успел отправить сообщение на Киорис о встрече с кораблями Этры. К тому же, когда случилось нападение на лайнер, капитан судна также успел послать сигнал бедствия и дополнительное сообщение. О катастрофе знают. С нами попытаются связаться, но если не выйдет, скорее всего, будут искать. С другой стороны,

ресурсы Киориса ограничены. Война разбросала наши силы. Я не знаю, как обстоят дела, я не военный.

Теперь уже женщина требовательно вытянула руку.

— Вы знаете, что им от нас нужно? Хотя бы приблизительно. Понимаете, все началось месяц назад. У нас пропала спутниковая связь. Интернет. Это сеть такая... Вы, наверное, знаете. И тихо стало. Правительство ничего не говорит. Многие люди остались без работы. Можете что-нибудь предположить?

Она сама вернула прибор, чувствуя, как ладони становятся влажными.

— Рахх... Им нужны женщины. Самки. У них плохо с размножением. Они часто приходят в менее развитые миры и забирают женщин для себя. Ставят эксперименты, чтобы сделать их пригодными для вынашивания детенышей и оплодотворяют. Этра... Не знаю, что могло им здесь понадобится. Но пару месяцев назад наш корабль наткнулся на разведывательный флот Этры именно здесь. Возможно, они уже тогда что-то планировали, а мы так и не узнали...

Ольга судорожно выдохнула, перестав слушать пояснения. В голове стучала только одна фраза: «Им нужны женщины». И сразу же вспомнились слова несчастной женщины, чья дочь пропала. Приказа сверху. Вакцинация. Молоденькие девочки. И Машенька. Она ведь совсем юная. После университета. Сколько ей? Двадцать четыре? Двадцать пять? Услышала что-то, решила сходить на прививку и... все.

Она молча поднялась из-за стола и подошла к холодильнику. Достала бутылку водки, взяла с полки стакан. Трясущейся рукой наполнила его до середины. Выпила залпом. Горло обожгло, а в желудке будто взорвалась маленькая бомба. На глазах выступили слезы. Глубокий вдох позволил немного успокоиться и взять себя в руки.

Теперь она точно верила незнакомцу. Кем бы он там ни был... Так метко попасть в точку не мог. Никак не мог. Только знать. Значит, уже сталкивался с этой расой. Значит, представляет, что будет дальше. А правительство? Правительство договорилось. И позволило забирать людей.

Ольга развернулась к столу, сразу же встретившись взглядом с гостем. Тот уже молчал и не сводил с нее глаз. Наблюдал. Внимательно. Спокойно. Так же, как и рассказывал. Все-таки нервы у него... Может, он вообще робот?

— Кого-то уже забрали? — спросил пришелец.

Она кивнула, не в силах говорить и, понимая, что словами пока не объяснишь.

— Мне очень жаль. Обычно Рахх не задерживается долго на одной планете, но здесь, имея союзника, они... Возможно, решили затянуть охоту.

Охота. Какой интересный термин, чтобы объяснить происходящее. И вспомнилась та штука, нарезающая круги над двором. А если по квартирам все-таки пойдут?

— Им нужны молодые, здоровые, половозрелые особи. Вероятность, что они переживут эксперименты, выше. Остальных Рахх не тронет.

То есть ей уже бояться нечего... Молодой и здоровой не назовешь. Впору порадоваться приобретенным болячкам. Хоть раз окажутся полезными...

Она смахнула снова выступившие слезы и кивнула, показывая, что услышала и поняла. Ему, в конце концов, тоже несладко. Неизвестно, сколько в той экспедиции людей погибло. Может, у него там друзья были. Коллеги так точно. Сам едва спасся. Под балконом прятался. И не ноет. А она раскисла...

Ольга шмыгнула носом и вернула гарнитуру, села на свое место.

— У Земли ведь нет шансов против этих... — голос прервался. — Вы поняли.

Он понял. Отдал прибор. И снова заговорил спокойным, ровным тоном. Таким бы лекции читать. Глубокий, приятный тембр. Успокаивает.

— Насколько я понял из вашего уровня технического развития — ваше оружие не причинит вреда Этре и Рахху. Полагаю, в последние годы они объединили свои научные достижения и создали нечто общее. Это может объяснить новый класс кораблей... Но вам, конечно, не интересно. Вы хотите знать, сможет ли Киорис победить Этру и осмелится ли послать войска на Землю. Подобное возможно. Я дал бы примерно пятьдесят пять процентов на то, что за нами прилетят. Если и не забрать выживших, то уничтожить противника.

Выживших. Неожиданно в голове возникла идея, потребовавшая немедленного озвучивания. Она протянула переводчик.

— А вы сможете послать сигнал своим? Как-нибудь? И сможете собрать своих выживших здесь? Ведь, если они, там, на планете, узнают, что здесь есть выжившие, вероятность же увеличится?

Безумная, нелепая надежда загорелась внутри. Если у Земли шансов нет, остается только одно: враг моего врага — мой друг.

— Сигнал от моего коммуникатора слишком слаб, чтобы связаться с планетой, — начал основательно объяснять мужчина, забрав прибор. — Но, если мне удастся сконструировать усилитель. Или найти... Возможно, выжившие есть. Возможно... Мне нужно подумать над этим. Я не готов дать ответ сейчас. Но вы правы, если нам удастся связаться с Киорисом, шанс перераспределения войск увеличится.

С губ сорвался судорожный вздох. Ольга стерла со лба испарину. Она понимала, сколь зыбок шанс, и насколько вообще все происходящее отдает безумием, но все же... Когда других вариантов нет, остается хвататься только за соломинку.

— Вы также должны понимать, что меня будут искать. Как и других выживших. Внешне в нас сложно определить киорийцев, но только в том случае, если моим соотечественникам удастся затеряться в вашем обществе. Найти кого-то, кто, как и вы, окажется достаточно великодушен, чтобы помочь. Скорее всего, сначала раххи проверят улицы и общественные места, но затем они могут добраться и до жилых домов. Оставаясь здесь, я подвергаю вас опасности.

Женщина только покачала головой, ощущая некий сюрреализм происходящего. Инопланетянин уверяет ее, что не может остаться, потому что его найдут другие инопланетяне. И ведь еще могут убить. Или навредить. Ей. Вот уж точно честный лабрадор.

— Давай поговорим об этом завтра. Знаешь, у нас говорят: утро вечера мудрее. Поспать надо. А мне еще продукты отнести. Посуду помыть сможешь?

Она коротко провела инструктаж по чистящим средствам, а затем направилась в прихожую. Взяла сумку, закрыла дверь на ключ, сама не зная, чего опасаться больше: что неожиданный гость исчезнет или наоборот останется. Вздохнула, успокаивая нервы, и направилась пешком по лестнице разносить консервы.

От чая и прочих пирожков-сладостей Ольга отказывалась, отговариваясь усталостью. Ей верили. После разговора с инопланетянином она точно выглядела так, что сразу в гроб можно. Только Тамара Павловна подозрительно сощурилась и уточнила, все ли в порядке.

— Нет, конечно, — ответила женщина, прислонившись к косяку. — Видели сегодня это кружение?

— Видела, — старушка нахмурилась. — Еще как видела. Теряют страх, сволочи, скоро

по улицам ходить начнут. Ох, грехи наши тяжкие... Отдыхай, девонька. И спасибо тебе.

Ольга кивнула и вернулась к себе. Гость прилежно сидел на своем месте на кухне, перебив всю посуду и расставив ее по местам. Даже вытер. То ли он и в жизни такой аккуратный, то ли боится, что выгонят. Но это вряд ли... Сам же говорил, что может уйти.

— Пойдем спать, — предложила она.

Кроме дивана мест для сна больше не было. Зато нашлось старое ватное одеяло, достаточно плотное, если его свернуть в два раза, тем более что на полу ковер. К одеялу подобралась запасная подушка, оставшаяся еще со времен, когда Саша у нее ночевала — вот кто точно бы поверил во всю эту чушь с инопланетянами. Но подруги больше нет. И поговорить не с кем...

Ольга отмахнулась от лишних мыслей. Выдала инопланетянину постельное и еще одно одеяло — укрываться. И надо сказать с постелью справился он быстро и на отлично. Стоило только на десять минут в ванную уйти перед сном, а он уже лежал на своем месте, укрытый до самого подбородка, закинув руки за голову. Она сама скользнула на расстеленный заранее диван, нарядившись в пижаму, которую уже года два не одевала. Демонстрировать, кому попало, свои нагие тела не хотелось.

И только устроившись на подушке, женщина поняла, что так и не узнала имя гостя.

— А как тебя зовут? — спросила она в темноту, не надеясь получить ответ. Не будет же он спать с гарнитурой? Но в тишине комнаты раздался голос:

— Креон. А вас?

— Ольга.

Вот и познакомились.

В темноте раздавалось только ровное дыхание спящей женщины. Тело болело. Ныли мышцы и полученные ушибы. Раны на спине. Мазь немного приглушила ощущения, но тупое, тянущее чувство никуда не ушло. Уснуть не получалось. Перед глазами снова и снова вставали воспоминания...

...Сообщение по громкой связи, что нужно занять каюты. Заметное увеличение скорости лайнера. Тишина, а затем удар, тряхнувший так, что Креон оказался на полу. Новое сообщение о необходимости сохранять спокойствие и готовиться к эвакуации. И очередной толчок. Кажется, половину повреждений он получил еще даже не успев добраться до капсулы. А там... Рахх...

Он знал, что десант Рахха очень силен. В ближнем бою с ним лучше не сталкиваться. И, если повезет, убивать нужно сразу. Талия рассказывала. Икар тоже. А он слушал. Он всегда умел слушать. И памятью обладал отличной. Пригодилось. И даже уроки самообороны пришлось кстати. Но, наверное, просто повезло. Да, повезло.

Теперь, анализируя произошедшее, Креон лучше видел собственные ошибки. И понимал, что пятнистый, поджарый противник просто решил с ним поиграть. Они это любят. Да и какую угрозу может представлять обычный исследователь? Обычный с ним и не справился бы. Сколько их там погибло? До капсул добежала в лучшем случае половина. Экипаж... Они, кажется, даже места свои не покинули. До последнего оборонялись.

Он помнил. Видел, отлетая от лайнера, как тот терял щиты и продолжал огрызаться огнем. Как вокруг кружили мелкие, юркие кораблики Рахха. Прицельный огонь. Коротко вспыхивающие капсулы. А потом яркий огонь погибшего корабля экспедиции. Ядра обычно не взрываются. Если только их не спровоцировать намеренно. Создать максимальную нагрузку, отключить кожух. Пустить напряжение на проводку, не предназначенную для такого...

Высвобожденная энергия прихватила с собой подлетевшие слишком близко корабли Рахха. И дала оставшимся капсулам возможность уйти. Капитан лайнера погиб героем. Вряд ли только его семью это порадует.

Креон помнил, как сообщили о гибели отца. Он тогда ничего не почувствовал. Понял только, что праздника на День Рождения не будет. Какой праздник в траур? Он все старался делать как обычно. И упрямо искал в себе, в глубине души, чувства, которые должны быть. Но не находил.

А вот когда сообщили о гибели Талии, принц ощутил растерянность. Удивление. Непонимание. Она не могла погибнуть. Просто не могла. Она ведь всегда была такой яркой. Как звезда. А звезды горят долго. Она не могла погаснуть. Но ее не стало. И растерянность никуда не делась. Появились вопросы. Много вопросов, ответы на которые он бы хотел получить, но спрашивать было некого.

Икар пробудился и изменился. Мама страдала, и беспокоить ее в горе — жестоко, а он всегда старался не причинять боли. Байон... Они мало общались, но ему тоже было плохо. И вдруг оказалось, что в целом мире у него имелся лишь один источник информации. И больше его нет. Но это неправильно. Хороший исследователь всегда получает данные из разных мест, сравнивает, анализирует, фиксирует противоречия и сходства для получения более чистого результата. А он... безгранично верил лишь одному источнику.

Неожиданное открытие настолько выбило его из равновесия, что несколько дней Креон не мог заниматься расчетами. Он ни с кем не говорил. Не выходил из квартиры. И добился только того, что домашний искин отправил вызов в Храм. Последовал разговор с жрицей, после которого стало чуть легче, по крайней мере, он смог работать. Тем более что вскрылись новые подробности...

Земля Предков. Теорию о ней выдвинули еще несколько столетий назад. И с тех пор шли споры сторонников и противников предположения. Доказательства. Опровержения. Новые теории. Креон оставался в стороне, предпочитая заниматься изучением других областей, пока... не погибла Талия. И Икар не пробудился, встретившись с землянкой. Теория стала практикой... А возможность изучать ее...

Желающих было много. Настолько, что приняли решение о разделении экспедиции. Часть исследователей осталась на Киорисе, чтобы оказывать поддержку и обрабатывать данные, добытые теми, кто предпочел практику и непосредственный контакт. Принц до последнего не собирался лететь. Думал остаться, но потом Икар прислал те данные со странной просьбой. И пусть информацию максимально обезличили, понять суть не составило труда. А поняв, сделать несколько анализов. После них оставаться на Киорисе не имело смысла...

И вот теперь он — случайный выживший на чужой планете. В квартире незнакомой женщины, которая оказалась достаточно великодушна и решительна, чтобы не испугаться приютить его. Конечно, она боялась. Ее страх проявлялся в демонстрации агрессии и силы, но... Она умела себя контролировать. И мыслить рационально. Здраво. Конечно, она думала о выживании своей планеты. Это понятно и логично. Правильно. А вот он злоупотребляет ее гостеприимством. И нужно бы уйти, но один, раненный, на чужой планете, он не выживет.

Понимание не пугало. Креон не хотел умирать, но... Когда-нибудь, срок настанет. Сегодня ему несказанно повезло несколько раз подряд. В следующий раз такого не будет. Он уже даже смирился с мыслью, что смерть придет скоро. Да, портативная аптечка, укомплектованная стимуляторами, иммуномодуляторами и антибиотиками широкого спектра, позволила ему продержаться сутки, расходуя силы организма. Но откат придет. И принца ждала большая вероятность встретиться с ним на улице. Теперь прогноз немного скорректировался. Вот только... захочет ли женщина ему помогать?

Он повернулся на бок, глядя в сторону спящей. Ольга. Ее зовут Ольга. Нужно запомнить. Но с именами у него всегда не ладилось.

На Киорисе им несколько раз читали лекции о том, как проводить высадку на слабо развитых планетах и как правильно вступать в контакт с местными жителями. Главное — оставаться спокойным и рациональным. Наблюдать. Подмечать детали и культурные особенности. В контакт лучше вступать с женщиной. Достаточно взрослой, но еще не старой. Старики, как и дети, довольно хрупки. Мужчины, как правило, агрессивны. Их реакцию сложнее просчитать. А вот женщины обычно спокойны и рассудительны. А также сострадательны. Вот только культура малоразвитых цивилизаций может ограничивать свободу женщин, в таком случае стоит обратиться к наименее агрессивному мужчине. Лучше постарше. На самой границе между зрелостью и старостью, когда разум, в большинстве случаев, берет верх над агрессией.

Креон провел на Земле всего пару часов до встречи с Ольгой, но успел понять, что мужчины здесь довольно агрессивны. Да и общество в целом мало дружелюбно. Стариков он почти не видел. Маленькие дети сопровождалась родителями, по инструкции таких

взрослых лучше не беспокоить — инстинкт защиты потомства сильнее здравого смысла. Старшие дети куда-то спешили с таким видом, что тревожить их не хотелось. Женщины...

Принц старался заглядывать им в глаза. Искать подходящее выражение. Но все, на что наткнулся — глухое раздражение, усталость и страх. Он снова почувствовал себя маленьким и потерявшимся. Как на ярмарке. Тогда ему было семь. Талия куда-то ушла с подругами. Икар готовился к показательным выступлениям по рукопашному бою. Он остался с родителями и засмотрелся на выставку миниатюрного строительства, а когда обернулся — мамы и отца не было. Тогда его нашла жрица.

На Киорисе вообще сложно потеряться. С самого раннего детства им объясняли, что, не обнаружив рядом родителей, нужно обратиться за помощью к жрицам или охотникам. Или любой женщине. Непробужденный мужчина может не совсем верно оценить эмоциональное состояние ребенка, а вот женщина...

Тогда его быстро вернули родителям. Мама даже не успела занервничать, а отец лишь нахмурился. В памяти осталось только незнакомое ощущение одиночества. Когда мир вдруг стал огромным, а он — крохотным. Песчинкой в океане. И сегодня все повторилось.

Креон понимал, что получить помощь на чужой планете будет непросто, но столкнувшись со столь глухой стеной, понял, что его шансы на выживание стремятся к нулю. Нашел временное убежище, переживая приступ боли, и вдруг увидел Ольгу.

Стремительная, уверенная походка. Решительное выражение лица. Нападение... Он уже хотел вмешаться, но женщина легко сама справилась с нападавшим и даже несколько не смутилась подобным. Будто каждый день от кого-то отбивалась. А потом она подошла ближе, и он смог заглянуть ей в глаза. И увидел прямой, оценивающий взгляд. Цепкий. Твердый. Решительный. Немного строгий. Но не злой. Не раздраженный. Тогда принц понял, что она — его единственный шанс. Откажись она, он бы ушел. Насильно получить помощь невозможно, да и не умел он проявлять агрессию. Никогда.

Ольга ему помогла. Приютила. Обработала раны. Накормила. Дала шанс выспаться и понять, что происходит. Это много. Особенно для чужака. Все исследования показывали, что люди склонны оказывать помощь тем, кого считают условно «своими», а к «чужим» относятся с предубеждением и агрессией. Ему досталось исключение.

Мысли начали путаться. Перед глазами замелькали вспышки. Ресурс организма подходил к концу, и скоро ему станет плохо. Креон аккуратно снял универсальный переводчик и положил под подушку, чтобы не раздавить, если будет ворочаться, или вдруг начнутся судороги. Если ему снова немного повезет, через сутки он все еще будет жив...

Киорис

— Маеджа Софрония, — главнокомандующий Валирис церемонно поклонился.

Императрица ответила кивком, стараясь скрыть удивление и тревогу от того, что военный запросил аудиенцию.

— Не буду тянуть... — лицо мужчины застыло каменной маской. — С прискорбием сообщаю, что исследовательская экспедиция, направленная на Землю, была уничтожена объединенными силами Этры и Рахха.

С губ сорвался только сдавленный всхлип. Софрония до боли сжала кулак, вгоняя ногти в ладонь, и чувствуя, как кровь отливает от лица.

— Кто-нибудь выжил?

— Нам неизвестно. Линкор, сопровождавший лайнер экспедиции, не выходит на связь. Установить контакт с капитаном Байоном также не удалось. Если выжившие и есть, то их единицы, и все они теперь находятся на территории Земли или в плену.

Главнокомандующих говорил жестко и прямо, не щадя ее чувств. И это было правильно, потому что военный должен апеллировать фактами. Вот только ей вдруг стало не хватать воздуха. А комната показалась тесной. Маленькой.

— Нам поступали требования о выкупе? — непослушными губами выдавила императрица.

— Пока нет.

Если Этра узнает, что среди исследователей оказался один из принцев Киориса... Она закрыла глаза, пытаясь справиться с головокружением.

— Где находится командер Иазон и гран-командер Искарис?

— Гран-командер в секторе Пескара, а командер Иазон возглавляет патрулирование орбиты.

— Вы планируете направить боевое звено к Земле?

— Если мы направим корабли к Земле, орбита Киориса окажется без защиты. Судя по обрывочным данным, что мы успели перехватить, около этой планеты собралось достаточно сил Этры и Рахха. Мы не можем защитить всех...

Ей захотелось закричать. Сказать, что на той планете погибла ее дочь. И, возможно, погиб сын. Что женщина, пробудившая ее второго сына и наследника, отправилась туда. И, если она погибла... Спасите их Боги...

Ей так хотелось закричать, но стоило встретиться с глазами Валириса, и слова застыли на языке.

— Я не стану говорить вам, как вести войну. Прошу лишь о том, чтобы командер Иазон был возвращен на Киорис. Вы понимаете, главнокомандующий, что сейчас он, возможно, последний из рода Птолемея. И он должен остаться здесь.

— Это я могу обещать, маеджа, — мужчина поклонился. — Приношу вам свои глубочайшие соболезнования. И... как только решение о Земле будет принято, я сообщу вам.

— Благодарю.

Ей удалось отпустить его и даже встать из-за стола. Подойти к полке, на которой теперь стояли безделушки, переданные ей Байоном. Он тоже мог погибнуть. Там, на этой роковой планете.

Софрония прислонилась к стене плечом, закрыла глаза и сползла на пол. Ноги ее больше не держали. Голова стала слишком тяжелой. Виски сдавило, а воздух пропал. На грудь будто наступила огромная лапа, желающая раздавить ее. И все, что осталось, лишь вопрос — за что?

...Странно чувствовать усталость после сна. От сна. От долгого, сложного, насыщенного сна. Вокруг что-то происходило: Байон ремонтировал и перебирал узел связи в надежде, что им удастся установить контакт с Киорисом, Филис занялась хозяйством и просматривала записи с внешних камер, контролируя периметр. А Саша сидела на стуле и пыталась собраться с мыслями.

— Не выйдет, — капитан поставил ящик с инструментами на пол и сел за стол. — Связи с планетой у нас нет. Я настроил передатчик на фоновый сигнал, чтобы выжившие смогли к нам выйти, но охват всего двести километров, а их могло занести, куда угодно.

— Это уже неплохо, — бывшая жрица поставила перед ним тарелку с сытным чечевичным супом. — Как корабль? Мы сможем улететь?

Саша встрепенулась, пытаясь вникнуть в разговор. Почему улететь?

— Взлететь можем. Орудия не пострадали, так что сможем даже отстреливаться. Но... Щиты пока восстановить не удалось. Я не уверен, что смогу найти здесь подходящие детали. Но можно сделать вылазку в ближайший магазин. В любом случае нас ждет столкновение с патрулем на орбите. Этра обосновалась здесь так, словно собралась переселяться...

— Или наша нечто достаточно важное, чтобы заинтересоваться. Нас пока так никто и не заметил. Снаружи достаточно тепло. У нас есть универсальные переводчики. Можно попробовать вступить в контакт.

— Мне нужно увидеть родителей... — выдавила Александра и сразу оказалась в центре внимания. Кажется, это первые ее слова за сегодня.

— Как ты себя чувствуешь? — Филис смотрела с сочувствием.

— Сколько времени?

Девушка обнаружила перед собой тарелку с остывшим супом. Она совершенно не помнила, когда и как его готовили. И как она вообще пришла в общую комнату?

— Два часа пополудни, — Байон бросил взгляд на панель управления. — Ты встала в девять. И очень мало реагировала на нас.

Саша взяла ложку и зачерпнула густого варева. Вкус оказался приятным. А желудок ответил на него жалобным урчанием. Кажется, она сильно проголодалась.

— Мне приснился сон...

Александра до сих пор слабо понимала все, что увидела и услышала. Разговор с Талией вышел сложным, раскрывать его детали бессмысленно, так как ее спутники вряд ли смогут понять больше, чем она сама. Здесь нужен ученый. Принцесса так и сказала, она — всего лишь передатчик, потому что волею случая оказалась в состоянии пообщаться с мертвой.

— Я в порядке. Относительно. Но в порядке. И мне нужно увидеть родителей. Я боюсь за них.

Киорийцы переглянулись.

— Ладно, — выдохнул капитан. Идея ему явно не нравилась, но были и другие причины. — У тебя больше опыта на Земле, чем у нас. Нам нужно заглянуть в магазин и посмотреть ассортимент инструментов и деталей. Затем я вернусь на корабль и займусь ремонтом. А вы отправитесь к твоим родителям. Судя по тому, что творится в радио-эфире, правительство упорно делает вид, что ничего не происходит. Значит, на улицах относительно безопасно. Но если что-то пойдет не так...

— Я возьму парализатор, — мягко успокоила его Филис. — К тому же у нас будут коммуникаторы, дальше, чем на двести километров мы не удалимся. А получить сведения от местного населения необходимо.

Саша выдохнула и принялась за еду. По крайней мере, она увидит родителей...

...Через час они покинули корабль, а затем пролезли через неплотно закрытые ворота, оставив Арея охранять территорию. Ликос пару раз чихнул на свежем воздухе, встряхнулся, и отправился изучать пустырь. В их отсутствие на истребитель никто не наткнется.

Саша порадовалась, что они прибыли на Землю в теплое время года. После Киориса прохлада ощущалась странно. Хотелось закутаться в куртку и вообще надеть что-нибудь потеплее. Хотя для конца апреля погода стояла вполне приличная. Восемнадцать градусов с перспективой скорого потепления на майские праздники.

Подходящая одежда нашлась на всех. Филис купила обновки в рамках подготовки к экспедиции, которыми легко поделилась, Байон решил идти в комбинезоне, сильно напоминавшем рабочий, что вряд ли кого-то удивит.

За следующие пару часов они обошли магазин бытовой техники, автомобильных частей и строительный. Саша едва не сломала язык, перестраиваясь с русского на киорийский и обратно при общении с продавцами. Пару раз едва не разгорелся конфликт, который бывшая жрица каким-то чудом сумела сгладить. Они с капитаном изображали семейную пару иностранцев, застрявших в России после... всем известных событий, в детали которых никто не вдавался. Александра же представлялась дальней родственницей, приютившей «бедных сироток».

Им верили. Загорелые и отдохнувшие лица киорийцев плохо вписывались в российскую действительность, тонкости которой Саша успела подзабыть. И устала неожиданно быстро, впервые физически ощутив, как на нее давит общий фон раздраженной усталости. Страх и сдерживаемой злости. Казалось, что они ходят по пороховой бочке, и что-то вот-вот случится.

Покинув последний магазин, девушка прислонилась к стене, пытаясь прийти в себя.

— Устала? — Филис протянула бутылку с водой, которую захватила с корабля.

Землянка почти десять минут объясняла, что женщина без сумки будет выглядеть странно. И в итоге теперь бывшая жрица ходила с плетеной авоськой на плече, в которой находился перекус и парализатор.

— Я... раньше не замечала общего настроения. А сейчас... будто мне небо на плечи уронили.

— Понимаю. От общего эмоционального фона сложно отгородиться. Постепенно привыкнешь. Главное — сосредоточься на себе и своих ощущениях. Не позволяй общему задавить их.

Байон вышел на улицу последним и сразу подошел к ним.

— Я не спросила раньше... — девушка нахмурилась. — На что мы будем покупать детали?

Капитан усмехнулся.

— Пока покупать особенно нечего. Из всего, что я видел, судя по параметрам, нам подходят лишь несколько вещей. Я записал нужные данные. Посмотрю, что можно сделать еще на корабле, а дальше... Скорее всего, придется наведаться сюда ночью.

— Но ночью они ведь не работают... — Саша моргнула и в упор уставилась на

мужчину, пораженная догадкой. — Ты собрался их украсть?

Тот пожал плечами.

— Без щитов мы не сможем улететь. Запчасти нужны. Я совсем не в восторге от такой идеи, но возможно, придется украсть. У тебя есть другие варианты?

Девушка нахмурилась, а затем отрывисто кивнула:

— У родителей должны быть ключи от моей квартиры. Запасные. Там хранятся мои документы. Даже если доступ к счетам в банке получить не удастся, дома есть записка. И украшения, которые можно продать. Подождешь до завтра?

— Конечно. Я совсем не хочу участвовать в краже, если есть способ получить детали законно. Но ты уверена, что хочешь потратить свои сбережения на нас?

Александра перевела взгляд на людей, бредущих с работы домой, судя по времени. Взглянула на небо, дома, вдохнула поглубже загазованный воздух.

— Я не уверена, что останусь на Земле. Есть кое-что... Я пока не могу рассказать. Не мне... возможно, придется вернуться на Киорис. Это важно. А я... Если я это начала, нужно закончить. Глупо впутывать кого-то еще. Да и... кого?

Действительно, где еще найти землянина, который сможет поверить инопланетянам настолько, что согласится решать их проблемы. К тому же теперь она лучше понимала, что такое ответственность. И перекладывать ее на кого-то другого — несправедливо.

— Просто знай, что у тебя всегда есть выбор, — спокойно улыбнулась Филис.

Саша кивнула. Пожалуй, она его уже сделала...

...Перед дверью квартиры родителей она замерла, не в состоянии заставить себя нажать на дверной звонок. Ничего ведь сложного. Протянуть руку. Надавить. Но сердце почему-то мчится галопом, ладони становятся влажными, а ноги — ватными. Киорийка стояла рядом и терпеливо ждала, пока Саша договорится с собой. Она ничего не говорила. Просто стояла, изучая взглядом обшарпанный подъезд. Но девушка не могла избавиться от ощущения, что испытывает чужое терпение.

Что ждет ее за знакомой дверью? А если родители вообще переехали? А если с ними что-то случилось? А если...

Она резко выдохнула и нажала на чертов звонок. Знакомая трель донеслась через дверь. И потекли секунды ожидания. Бесконечные. Изматывающие. Почему-то стало душно. И в горле пересохло. Почему же они так долго не открывают? Что случилось?

— Кто там? — раздался строгий голос отца.

— Пап... это я, — непослушные губы с трудом выговорили слова.

Заскрипел замок. Дверь распахнулась, заставив сделать шаг назад, и на лестничную площадку шагнул мужчина за шестьдесят. Крупный и крепко сбитый, с совершенно седой головой и каким-то осунувшимся, похудевшим лицом. Взгляд темно-карих глаз впился ей в лицо.

— Саша...

Все страхи вдруг исчезли. Осталось только родное, знакомое с детства лицо.

— Папа...

Она сделала два шага вперед и крепко обняла отца за шею, чего не делала уже очень давно. Почувствовала, как ее неуверенно обнимают в ответ. И выдохнула, ощущая, как уходит напряжение. Все хорошо. Она дома.

— А мама где?

Александра отстранилась, заглянула в лицо родителя, пытаясь прочесть ответ. Тот выглядел совершенно растерянным. Потерявшимся.

— Она к Сережке поехала. Там у них какие-то проблемы. Вот сейчас приехать должны все вместе. Я как раз ждал. Ты заходи, — он указал на дверной проем и только теперь заметил Филис. — А вы?..

— Пап, это — моя подруга. Она — иностранка, немного понимает по-нашему, но не говорит. Давайте, зайдем, я вас познакомлю.

Стоило переступить порог и показалось, что она никуда и не улетала. И не было ни неудачного брака, ни самостоятельной жизни. В прихожей пахло детством: чем-то вкусным из кухни, кремом для обуви и мужским одеколоном. Саша на автомате разулась, прошла в ванную помыть руки, а затем на кухню. Киорийка бесшумной тенью скользнула за ней.

Отец уже сидел за столом и явно немного пришел в себя от встречи:

— Где ты была все это время? Мы же с матерью ночей не спали, думали, что ты в том торговом центре погибла. Два месяца прошло, а тебя все нет... Мать с ума сходила...

— Я понимаю, пап, — спокойно и сдержанно перебила девушка. — Я понимаю, что вы испугались и волновались. Но я не могла появиться раньше. Давай, сейчас мама придет, и я все расскажу. Я по вам очень соскучилась. И очень вас люблю.

Лицо Владимира Михайловича снова вытянулось, а в глазах появилась какая-то тревога. Говорить о любви у них было не принято.

По квартире снова разнеслась трель дверного звонка.

...Утро началось с будильника. Ольга открыла глаза и несколько секунд лежала, соображая, что произошло вчера и почему трещит голова. Воспоминания вернулись быстро, заставив буквально подскочить на диване и оглядеть комнату. Инопланетянин спал. Повернулся на бок спиной к ней, завернулся в одеяло едва ли не с головой... По крайней мере, он ей не приснился.

Она выключила будильник и встала, одергивая пижаму. Надо позавтракать, оставить еды гостю и бежать на работу. Ей сегодня зарплату выдавать, если будет чем. А вечером... Вечером они оба пойдут к Тамаре Павловне. И там что-нибудь решат.

— Вставай, соня. Я тебя завтраком накормлю, — стоило потрепать мужчину за плечо, и тот перекатился на спину, не открывая глаз. Волосы на макушке слиплись, а лицо выглядело слишком уж бледным с пятнами лихорадочного румянца на щеках. — Чтоб тебя...

Ольга присела рядом и положила ладонь на лоб. Горячий. Просто обжигающе горячий. Вирус? Инфекция? Раны воспалились? И что делать? Как лечить?

Сердце сделало кульбит в груди, волоски на руках и голове встали дыбом. Она заставила себя глубоко вздохнуть. Затем решительно отбросила одеяло и перевернула гостя на живот. Тяжелый оказался, зараза. Еще и неповоротливый. Но ничего, справилась. Задрала футболку Толика, в которой спал инопланетянин. Как могла, аккуратно отклеила один из пластырей. Рана под ним выглядела вполне прилично. Не вздутая, не покрасневшая, ни следов гноя. Под другими пластырями все оказалось аналогично. Значит, дело не в них.

Ольга быстро сходила на кухню и вернулась со всей аптечкой. Заново обработала и заклеила царапины, отмечая, что за ночь они затянулись намного лучше, чем она думала. Что же тогда не так? Внутренние повреждения? Кровотечение? На адреналине дошел до нее, а во сне расслабился...

Футболка улетела в сторону. Все равно пропиталась потом. Переворот на спину. Тщательный осмотр и даже ощупывание живота и грудной клетки. Гематомы на корпусе были небольшими. И вроде бы выглядели так же, как и вчера. Возможно, даже чуть уменьшились, но здесь она уже не была уверена. Значит, не кровотечение. Тогда что? Вирус?

Ольга сунула градусник мужчине подмышку. Выпила стакан воды с таблеткой обезболивающего. Снова заглянула в аптечку. Насколько на него подействуют обычные лекарства? И чем их заменить? Мед? Малина? А если аллергия? Отек Квинке? А в больницу нельзя... Или можно?

Она представила вызов скорой, которая обязательно потребует документы. Конечно, можно наврать, что они утеряны. Представить его каким-нибудь дальним родственником. Интернета нет, проверять будут долго, зато помогут. А если обнаружат что-то не то? Пришельцы вообще анатомически от людей отличаются? Составом крови? И заберут его потом на опыты...

Взгляд упал на часы. Если она не выйдет из дома через двадцать минут — опоздает. А там — зарплата.

Глубокий вдох и выдох позволил собраться с мыслями. Проверить температуру — тридцать восемь и пять. Слишком много. Надо сбивать. Рискнуть и дать жаропонижающее? Или народными методами?

Она посмотрела на гостя. Бледный. Растрепанный. Слабый. Жалко его. И страшно, что

умрет. Что она с трупом будет делать? И где еще одного такого же искать, чтобы с его планетой связаться? Вдруг за ним все-таки прилетят...

— Господи, где тебя носит, когда ты нужен?..

В Бога Ольга не верила, но иногда вот находило. Хотелось переложить ответственность с себя на кого-то большого и всесильного. Но вот... Не бывает так. Все приходится делать самой.

Она выдохнула, приподняла мужчину за плечи, обхватила вокруг груди со спины, выдохнула еще раз и потащила его на диван. Оставлять человека с температурой на полу — жестоко. Он ей нужен живой. По возможности — здоровый, и в трезвом уме.

— Сейчас мы тебя вылечим. Выпьешь таблеточку, температура спадет. Будешь весь день пить воду. Во время болезни много жидкости — полезно. А потом я тебе бульончик сварю. Куриный. Раз гречку с тушенкой съел, то и бульончик зайдет. Отъешься, выздоровеешь. А там и твои прилетят... И все у нас будет хорошо.

С последней фразой женщина втащила безвольное тело на диван и аккуратно его опустила. Поправила ноги. Укрыла одеялом. Утерла испарину. Выдохнула. Самое время порадоваться и собственному росту, и весу, и соответственно силе. Будь на ее месте Саша, уже слегла бы. А она ничего... Вспотела только.

Ольга измельчила таблетку жаропонижающего, добавила в воду, взяла на кухне ложку. Устроила больного поудобнее и повыше на подушке, чтобы голова не запрокидывалась. А дальше начала поить. Аккуратно и медленно. Мысленно отгородившись и от работы, и от воспоминаний, и от того, что где-то за окном рыщут человеко-звери. Осталась она и человек, которому нужна помощь.

— Давай. За маму. Вот, умница. Теперь, за папу. Хороший мальчик. Кто там еще у тебя есть? Братья? Сестры? Давай, за планету твою. Как ее там? Киорис? Имечко, однако. И что оно означает? Ты мне расскажешь, как проснешься. Давай, еще за здоровье. Вот так. Ты же у нас послушный. Делаешь, что говорят. Значит, выздоровеешь. Обязательно. Потому что я тебе так сказала.

Вода с лекарством кончилась, а время уже поджимало. Ольга побежала в душ, затем одеваться. В любой другой день у Петровича можно было бы отпроситься, но не сегодня. Не поймет. Скорее машину пришлет под окна или сам явится. А вот если деньги раздать, можно отпроситься пораньше. И домой. Домой. Наврать, что... родственник приехал. Да. Двоюродный племянник. Или брат. Мало ли. И заболел. Продуло. Бывает...

Она снова потрогала лоб. Поставила градусник. Принесла из кухни графин с водой и бокал. Поставила как можно ближе к дивану. Пить точно захочет. Еще бы в себя пришел, чтобы хоть как-то объяснить.

Тут Ольга вспомнила про гарнитуру, без которой любые слова бесполезны. Начала искать. На мужчине устройства не оказалось. Под одеялом тоже. Она встала на четвереньки и шустро принялась осматривать пол, в том числе самодельное спальное место. И когда устройство выпало из-под подушки, выругалась от облегчения. Еще не хватало его раздавить и лишиться возможности разговаривать.

С дивана донесся слабый стон. Женщина обернулась. Инопланетянин с трудом разлепил мутные, явно больные глаза. Попытался заговорить. Она покачала головой, села рядом и приложила к его уху гарнитуру.

— У тебя жар. Я дала лекарство, чтобы его немного сбить. Мне нужно уйти. Очень нужно, но я вернусь. Постараюсь, как можно раньше. Понимаешь?

Он медленно закрыл и открыл глаза. Ольга налила воды и помогла ему выпить. Поправила одеяло. Проверила градусник. Тридцать семь и девять. Действие жаропонижающего обычно часа три. Дальше сильно зависит от организма. Придется рискнуть. Она провела рукой по растрепанным черным волосам и с тяжелым сердцем направилась к выходу.

На работу она, конечно, опоздала. Но Петрович только отмахнулся от объяснений и быстрее потащил ее в кассу, где несчастная кассир Валечка держала оборону за железной дверью. Озверевшие люди ломились в окно, предназначенное для выдачи денег, и ругались. Громко. Нецензурно. И... И все равно с ними ничего не сделаешь. Охрана тоже без зарплаты сидит. На них теперь надежды никакой.

— Оля, спасай. Валя с ними одна не справится. А мне на переговоры надо. Наверх. Я деньги с трудом выбил. С самого утра привезли. Лично контролировал сдачу в кассу. Там всем должно хватить. Христа ради, сделай что-нибудь, а?

Ольга вздохнула. Кивнула. И развернулась к озверевшей толпе. Не в первый раз.

— Дайте пройти! — рявкнула. Кому-то двинула локтем. Кому-то отдала ногу. Кого-то подвинула грудью. Протиснулась к окну и развернулась лицом к людям. — Товарищи! Если вы не прекратите бардак, денег никто не получит! — после ее заявления народ на мгновение стих, и, прежде, чем они начали орать снова, она успела продолжить: — Деньги есть! Всем хватит! Но вы должны организовать в строгую очередь! К окну подходить по двое! В ведомости нужно расписаться! Если кто-то не распишется и попытается получить деньги второй раз, кому-то не достанется зарплата! И кем-то можете оказаться именно вы, — теперь стало совсем тихо. — Советую всем тщательно следить за тем, чтобы все смогли подойти к окну только один раз. Вас много — мы с Валентиной вдвоем. Полагаемся только на вашу бдительность и честность. Давайте не будем создавать друг другу лишних проблем и разойдемся поскорее. Думаю, у всех накопились дела. А сегодня, в честь зарплаты, всех отпускают на час пораньше.

Теперь народ загудел уже более одобрительно. Ей потом влетит за самодеятельность, но уж лучше так, чем толпа разъяренных людей. Петрович просил что-нибудь сделать. Она сделала...

Дальше было привычно и скучно. Фамилия. Табельный. Ведомость. Деньги. Подпись. И снова. Руки работали. Очередь уменьшалась. По мере получения денег каждым из ожидающих, остальные становились спокойнее. К концу по другую сторону окна уже слышались шутки. А когда последний из списка получил деньги и ушел, они с Валентиной откинулись на стульях и одновременно выдохнули.

— Кто у нас остался? — спросила Ольга, кивая на ведомость.

— Ты и я, — кассир покачала головой и поправила светлые кудри с отросшими черными корнями. Раньше она так никогда себя не запускала. Всегда ходила аккуратно. Накрашенная, благоухающая духами, с укладкой и модным маникюром, а теперь... Косметики нет. Из украшений только обручальное кольцо. Маникюр тоже отрос.

— А руководство?

— А они отдельно... — Валя подняла на нее усталые, темные глаза с каким-то обреченным, загнанным выражением. — Или думаешь, люди зря психовали? Если бы не Петрович, хрен бы нам что досталось. Его наверху сейчас, наверное, во все дыры за такой фокус имеют. А он... честный мужик. У мужа на работе такого нет. Просто зарплату не

платят. Говорят, что выручки нет, вот и... денег тоже.

Она судорожно вздохнула и уткнулась в ведомость. Протянула Ольге вместе с пачкой наличных.

— Подписывай. И иди домой. Я тоже сейчас пойду. В магазин надо за продуктами, пока там очереди не набежали. Да и... Совещание закончится. Нам тоже влететь может. Петрович поэтому нас двоих посадил, чтобы деньги выдать успели, пока он там...

Рука дрогнула, и подпись получилась какой-то непривычно размашистой. Стало мутно. И душно. Захотелось выйти на воздух. А лучше вообще сбежать отсюда. Только куда? Домой. У нее там больной пришелец, которого надо на ноги ставить. А иначе...

О будущем думать не хотелось.

...Сидели за столом, как раньше. Мама плакала. Отец молчал. Сережка хмурился, пытаясь выглядеть строгим, но не мог скрыть улыбки. Его жена забрала детей и увела в комнату к телевизору, не желая вмешиваться в семейные разборки. Филис устроилась на табурете в уголке кухни с чашкой чая, и на нее перестали обращать внимание. Вот как у нее так получается? Эффектная женщина, но когда хочет — незаметнее тени.

— Так ты где была-то, Саш? — брат поправил очки, постоянно сползающие на кончик носа, и посмотрел на нее немного виноватым взглядом.

Он выглядел каким-то взъерошенным. Как воробей. Нахохлившимся. И одновременно растерянным. Удивленным. А еще постоянно поглядывал на отца, словно ожидал одобрения. И оделся... Серый тонкий свитер и джинсы. Типичный программист. А ведь если с сетью проблемы, он без работы оказался. И жена у него... Медсестра? Врач?

Саша поняла, что совершенно не помнит ее профессию. Они и общались-то не очень близко. Привет-привет. Как дела? Пока. Неудивительно, что она не обрадовалась встрече. Они ведь сюда за помощью приехали, а получилось... Все внимание ей. Обидно, наверное.

Она встретила взглядом с Филис, прекрасно понимавшей, о чем идет речь. Изначально они хотели преподнести все мягко и максимально неточно. Снова рассказать историю про иностранцев. Вот только теперь казалось, что правда будет звучать лучше. Вопрос — поверят ли ей?

Бывшая жрица едва заметно кивнула, поддерживая и понимая. И Александра решилась:

— Месяц назад произошло несчастье в торговом центре...

Она рассказывала спокойно. Никуда не торопясь. Подробно описала свои первые дни на корабле и сомнения. Перелет. Киорис. Храм и жрица. В подробности своих бесед с Филис вдаваться не стала, в общих чертах описав, что проходила курс терапии и восстановления после взрыва. О романе с Икаром тоже не стала распространяться, как и о похищении, решив остановиться на рассказе об Играх, а затем о полете обратно на Землю.

Ее слушали молча. Мама перестала всхлипывать, отец хмурился, и Сережка пытался копировать его, но за стеклами очков определенно вспыхнул интерес. Стоило замолчать, как Владимир Михайлович скрестил руки на груди и веско выдохнул:

— Чушь собачья. Если стыдно рассказывать, где была, сказки могла хотя бы не сочинять.

— Вова! — укоризненно воскликнула Анна Ильинична.

— Что? Чушь и есть! Мы ее искали два месяца, а она, небось, за границей отдыхала!

— Без паспорта? — спокойно спросила Саша, прямо глядя на отца. Раньше она бы обиделась. На недоверие. На обвинения. На эту вот сдерживаемую злость. Они за нее переживали! А она... неблагодарная. — Вы же, наверняка, у меня были в квартире, нашли все документы. Как бы я могла уехать?

— Да мало ли! Для тех, у кого деньги есть, через границу переехать не проблема!

Стало очевидно, что спорить с ним бесполезно. Он будет отрицать любой аргумент. Уйдет в глухую оборону и отрицание, но не станет ее слушать. Не сейчас так точно.

— Ты тоже мне не веришь? — она повернулась к брату, опустившему глаза в чашку.

Сережка встрепенулся. Точь-в-точь как воробей. Искоса глянул на родителей. И заговорил, снова опустив глаза, изо всех сил стараясь демонстрировать свою

непричастность:

— В интернете писали, что незадолго до взрыва, со спутника зафиксировали какую-то странную активность. И потом спутники какое-то время были недоступны. Вот как сейчас. Только временно. Час, может, чуть дольше. С Запада начали орать про хакерскую атаку из России, у нас — про американцев, но... Как-то так получилось, что, если сверить данные, спутники не работали вообще все. А это уже странно. И скандал тогда как-то быстро улегся, когда до всех это дошло. И сразу начали говорить о поднятии цен, об аномальной жаре и прочее. А про тот момент будто все и забыли. Да и внятных объяснений про взрыв так и не последовало. Теории строились от испытаний нового вида ракет, типа США нас пугает или Китай, до теракта. Потом месяц во всех аэропортах и на вокзалах устраивали облавы. До тех пор, пока эта история не началась... Со спутниками. Снова. Сейчас интернета нет, но мы тут встречались с ребятами из офиса, у нас есть там один... помешанный на теориях заговора. Уверен, что нас поработили инопланетяне, типа захватили правительство и руководят от его имени, а тогда просто проверка была, как их технологии на наши влияют...

Он замолчал, и на пару минут стало тихо. Саша невольно улыбнулась, ощущая тепло внутри. Пусть брат так и не высказал свое мнение, но все же постарался ее поддержать. С ним ведь так всегда было. С самого детства. Он старался угодить родителям. Хотел их одобрения. Особенно отца. Не получалось. Все-таки характер у него совсем не тот. Не мужской, как говорил Владимир Михайлович. Тихий, покладистый. Сережка и с женой никогда не ругался, предпочитая делать так, как ей удобнее, лишь бы не мешали заниматься любимым делом.

— И ты туда же! — сразу же еще больше озлобился отец. Лицо его покраснело — верный признак приближающегося гнева. — Что за глупости? В газете же написали — метеоритный дождь! Ну, что за выдумки? Вы же оба — взрослые люди! А все туда же... Инопланетяне, инопланетяне! Да кому мы нужны?! Или вон — она выглядит как инопланетянка?! — он указал на Филис. — Обычная баба!

— Папа! — не выдержала Александра.

— Что, папа?! — он встал из-за стола. — Нечего тут цирк устраивать! Вернулась — хорошо. К нам пришла, потому что денег нет? Один вон остался уже без работы. Теперь с детьми дома сидеть будет, пока жена вкалывает. И ты туда же?! К родителям на шею?!

— Вова, перестань! — не выдержала мама. — Девочка живая! Это же счастье!

— Счастье?! Вырастили нахлебников — вот какое счастье!

Отец, не слушая больше объяснений, устремился прочь из кухни. В коридоре хлопнула дверь спальни. Сережка опустил голову еще ниже, снял очки и провел по лицу ладонью.

— Сашенька... — мама потянулась к ней.

— Не надо, мам. Все нормально, — Саша перехватила ее руку и сжала обеими ладонями. Улыбнулась. — Можешь мне ключи от квартиры отдать?

Где-то в глубине души Александра знала, как пройдет и чем закончится разговор с родителями. Понимала. Помнила другие разговоры и все попытки сделать что-то не так, как нравится им, а так, как хочется самой. Все и всегда проходило именно так: злость отца, его уход, тихие причитания матери, которая просит его простить и понять, он же... Да. Он же. Всегда есть он. А они должны прощать и принимать.

— А ты поужинать не останешься?

Анна Ильинична выглядела уже привычно расстроенной и виноватой. Сцены устраивает он, а виноватой себя чувствует она.

— Я не голодна, мам. Давай лучше ты отдашь мне ключи и документы, если вы их забрали. Я к себе поеду.

Та вздохнула, как всегда давя в себе разочарование и обиду.

— Сейчас все принесу.

Она ушла тихо. А Сережка поднял голову и посмотрел на Сашу. Глаза у него вспыхнули. И погасли. Тоже виноватые.

— Саш, я это... Прости, а?

А она вдруг поняла, что совсем не злиться. И не обижена. На что? Если все, в общем-то как всегда. Только сама Саша изменилась. Вот и видит все иначе. И реагирует по-другому.

Она кивнула, посмотрела на Филис, которая с интересом рассматривала покрытую кафелем стену. Киорийка выглядела совершенно безмятежной. Будто и не стала свидетелем семейной сцены. Почувствовав взгляд, она повернула голову и улыбнулась. Дышать стало легче.

Мама вернулась быстро, неся в руках красную папку с файлами.

— Вот, Сашенька. Здесь все твои документы и еще деньги. Я там у тебя зачанку нашла. Мы ничего не тратили. Так что здесь все.

Папка легла на стол, а поверх нее тощенькая связка ключей. Даже хорошо, что родители забрали деньги — не придется ехать на квартиру.

— Спасибо, — Саша заглянула под обложку, пролиставла пару файлов, убеждаясь, что все самое необходимое на месте. Даже в банк можно сходить. Узнать, что стало с вкладом. — Мам, ты сама-то как? Вам пенсию платят?

Та вздохнула и махнула рукой. Села на табурет, подперла щеку рукой. И стало заметно, как она постарела. Как-то резко и вдруг. Морщины стали четче. Кожа потемнела. А на руках пигментные пятна стали появляться.

— Да все у нас нормально... Платят. Пока еще платят. Говорят, есть запас на полгода. А там... Если производство наладят и выйдут на нормальную окупаемость, и дальше платить будут, а иначе... Отец поэтому и злится. У них-то на заводе все не очень... Сама понимаешь...

Александра понимала, вот только злость его не оправдывала. Она погладила мать по руке и решительно подхватила папку с ключами.

— Мы пойдем, мам. У меня домашнего телефона нет, созвониться не получится.

— Так ты приходи к нам еще. В выходные. Отец как раз отойдет немного.

Саша привычно покивала, не желая ее расстраивать, и направилась в прихожую. Обувались они с Филис в тишине. Ни Сережина жена, ни отец так и не вышли их проводить...

...На улице Александра остановилась. Закрывает глаза и запрокинула голову к небу, с наслаждением вдыхая свежий воздух и слушая, как шумит ветер в деревьях. Под вечер стало прохладнее. На квартиру все же придется заехать за вещами. Но не сегодня. Еще одно свидание с прошлым станет уже перебором.

— Как ты? — бывшая жрица остановилась рядом.

— Мне легче...

Саша глубоко вдохнула еще раз и открыла глаза. Протянула Филис документы и ключи, которые та убрала в свою авоську.

— По крайней мере, теперь я знаю, что они живы и здоровы. А еще у нас есть деньги, и завтра можно идти за покупками.

Они медленно побрели в сторону ближайшей остановки. Пользоваться услугами такси без интернета стало сложнее. И явно опаснее. А искать неприятности совсем не хотелось.

— Я ведь знала, что так будет, — мысли, накопившиеся в голове, хотелось высказать. А киорийка отлично умела слушать. — Точнее... Мне хотелось бы, чтобы все было иначе. Знаешь, как в кино. Я возвращаюсь домой, мне навстречу выбегают родители. Они счастливы. Я счастлива. Мы обнимаемся. Смеемся. А потом сидим за одним столом и все вместе ужинаем, рассказывая, как сильно мы друг друга любим. Но... Они не такие. И, на самом деле, я понятия не имею, как должны на самом деле проходить такие встречи. Мы ведь мало общались последний год. Я редко звонила. Не приезжала. Мне было очень больно, что они не поддержали меня во время развода. И общаться с ними не хотелось.

— Что изменилось?

— Я. Я, наконец-то, поняла, что других родителей у меня не будет. Знаешь, таких, как мне бы хотелось. Заботливых, понимающих, поддерживающих, защищающих. Есть только те, кого ты видела. Они не идеальны. Совсем. Я вижу их недостатки. Но... я больше не обижаюсь. Они не могут уже измениться. Не станут другими. Я могу только принимать то, что есть. И... Я люблю их, — сказать это оказалось сложнее, чем она думала. — Потому что кроме всего этого было и другое. Например, Новый год в детском саду. Папа играл Деда Мороза. И я так гордилась. Мне тогда купили новое платье. Я казалась себе принцессой. И с папой — Дедом Морозом... — Наверное, это был самый счастливый утренник в ее жизни. — Я его не оправдываю за то, что было сейчас. Но понимаю, что для него проще поверить в мое легкомыслие и каникулы за границей, чем в пришельцев. Он просто не может. А мама... Она всю жизнь ему подчинялась. Может быть, боялась, что он уйдет, а она с нами останется одна. Для нашей страны — это довольно распространенный страх. Может быть, было еще что-то, о чем я не знаю, и не могу судить. И не стоит, наверное...

— Понять предыдущее поколение сложно, но ты делаешь уверенные шаги в этом направлении. Мне жаль, что все прошло не так, как ты бы хотела.

— Мне тоже. Немного.

Все же где-то внутри нее еще жила маленькая девочка, которая хотела на ручки, и чтобы ее пожалели. Но теперь Саша понимала, что не стоит ждать успокоения от других. Мысленно она взяла маленькую себя на ручки и обняла. На глазах выступили слезы, которые она смахнула.

— Я рада, что ты была там со мной. Спасибо.

Александра коснулась руки Филис, и та ответила коротким пожатием.

Сзади раздался свист, а затем противный гогот и громкое:

— Гля, какие крали! Вы лесбы, что ли, девчонки?!

Вечер перестал быть томным...

...Креон горел. Он плавал между реальностью и дурманом темноты. Разлеплял веки и видел падающий потолок. Закрывал глаза и тонул в пустоте, где исчезали чувства и мысли. Время не ощущалось. В какой-то момент перед ним появилась Ольга. А жар исчез. Стало чуть легче.

И оказалось, что он лежит на диване, а рядом есть вода. Пить хотелось ужасно. И он пил. Прямо из графина, чувствуя, как вода стекает по шее. По груди. А потом отключился. Очнулся, понял, что нужно дойти до уборной. И вот тут стало действительно сложно.

Креон так и не понял, как дошел до нужной комнаты. Кажется, с дивана он упал. И снова отключился. А потом полз. Встал на четвереньки и снова полз. Поднялся благодаря косяку двери. Каким-то чудом пересек коридор. И буквально ввалился в ванную. Прислонился к стене, пытаюсь вспомнить, зачем здесь оказался. Организм оказался умнее. Обошлось без лишних эксцессов. А вот дорогу обратно он не запомнил совсем.

Принцу даже показалось, что он отключился где-то на ковре. Но очнулся снова на диване. Укрытый одеялом. И снова сгорающий от подступающего жара. Его разбудил запах. Аромат еды. Рот сразу наполнился слюной, а в животе заурчало. Хороший знак. Телу нужна энергия для восстановления. Значит, курс задан верно. Теперь главное — пережить кризис.

Он глухо застонал, пытаюсь разлепить сухие губы. Повернулся на бок в сторону двери. Хотел позвать женщину. Готовить могла только она. Даже приподнялся на локте, но снова вырубился.

В себя Креон пришел, полусидя, подпертый с боков подушками. Перед ним сидела Ольга, а между ними стоял поднос на ножках. На котором дымилась тарелка с прозрачным бульоном. Есть захотелось так сильно, что живот отозвался болью.

Женщина поняла его без слов. Зачерпнула полную ложку, подула и поднесла к его губам. Оставалось только проглотить. И он молча открыл рот, ощущая полную беспомощность и зависимость от землянки, что его приютила. На глаза попался хлеб, и Креон невольно протянул за ним руку. Пальцы шевельнулись, и ладонь даже оторвалась от простыни, но он едва не завалился на бок. И поспешил вернуться в исходное положение.

Ольга нахмурилась и что-то проговорила, а потом взяла кусок и крошила мякиш в бульон. Помяла ложкой. И следующая порция оказалась сытнее. Хлеб, пропитавшийся легким, теплым, солоноватым бульоном, буквально размазывался по языку. Вкусно. Так вкусно он не ел никогда.

Креон понимал, что торопиться нельзя. И старался глотать аккуратно, чтобы не разлить содержимое ложки. Не испачкаться и не перегрузить несчастный организм. Он понимал, что сейчас является лишь обузой. И его будущее зависит только от милосердия женщины, которой он уже задолжал. За великодушие нужно благодарить. Он пока не знал как, но обязательно узнает... Только сил наберется.

С этой мыслью принц и уснул. И проспал, наверное, долго. Во всяком случае, так показалось. Но проснулся он, сгорая от жара. Кровь будто кипела. Кожа плавилась. Кости ломило. Кризис. Последний всплеск. Нужно только пережить его. Он хотел бы сказать, что осталось немного. Объяснить. Но с губ срывались только стоны. Тело отказывалось подчиняться. Перед глазами все слилось в какую-то бело-серую пелену. А потом он оказался в воде...

Воды было много. Она была вокруг. Теплая. Или почти холодная. Озноб заставил открыть глаза и вздрогнуть. Вода ударила в лицо. И он закашлялся. Подавился. Затылок тут же поддержали чьи-то пальцы. Осторожно потянули и уложили на что-то мягкое. Вода отступила. Перед глазами оказалась бежевая плитка в обрамлении светлой затирки. Креон смотрел на нее, невольно считая прямоугольники, и только потом сообразил, что лежит в ванной, в которой мылся вчера. Если день, конечно, еще не кончился.

Он медленно повернул голову и встретился взглядом с усталыми глазами женщины. Она выглядела взволнованной и напуганной. Усталой. Щеки как-то ввалились, а кожа на лице побледнела, под глазами залегли тени. Стоило бы извиниться. За все доставленные неудобства. Она ведь его сюда притащила. Как-то. Конечно, женщина выглядела крепкой, статной и совсем не слабой, но вряд ли ей доводилось таскать на себе людей. И точно не понравилось.

Принц открыл рот, но закрыл, не увидев переводчик. Позже. Он обязательно извиниться позже. Сознание снова медленно уплыло, унеся его в спасительную темноту, которая больше не обжигала. Теперь она оказалась мирной и даже уютной. Он словно плыл куда-то по волнам. Медленно. Спокойно. Он точно знал, что доплывет. И что все будет хорошо. Теперь — обязательно.

Креон открыл глаза в темноте. За окном уже точно опустилась ночь. Но в не зашторенное окно проникал свет с улицы. Он снова лежал на диване, укрытый одеялом. А рядом раздавалось ровное дыхание Ольги. Принц повернул голову и увидел ее, одетую, лежащую на боку и подложившую ладони под щеку. Даже во сне она хмурилась и выглядела усталой. Он повернулся на бок и накинул на нее край одеяла. Подвинулся ближе, чтобы его точнохватило. И уснул. Крепко и спокойно...

...Их оказалось трое. Подвыпившие. Одетые в джинсы и вытянутые, застиранные футболки с наброшенными сверху куртками. Они казались такими похожими, словно братья. С наглыми рожами и масляными взглядами. С нецензурной лексикой, неожиданно режущей слух. Даже от их взглядов хотелось помыться, а уж при мысли о прикосновении...

— А чего это вы так поздно гуляете, девчули? Не знаете, что теперь бабам лучше дома сидеть? У нас тут порядки простые: отсосете каждому по разу, и домой отпустим.

Ответом главарю — более крупному и обладающему лысиной и щетиной мужику — стал гогот.

Сашу передернуло. Она невольно сжала руку Фелис, которую так и не выпустила, обернувшись. Та ответила крепким пожатием, не обращая внимания на сальные комментарии и то, что двое мужчин уже начали обходить их с боков, явно желая отрезать путь к остановке, пока третий остановился на расстоянии в пару-тройку метров.

— А чего только по разу, Серый? Гля, какие цацы. Давай их в подвал заберем и там оприходуем. Они, небось, и без одежды не хуже, — тот, что оказался со стороны Александры, жевал жвачку и был высоким и тощим. Он даже подмигнул ей и улыбнулся уголком губ, явно пытаясь флиртовать.

Тихий, пустой двор разом перестал выглядеть мирным и уютным. Подумалось, что не зря дети здесь не гуляют, и даже бабушки не сидят на скамейках.

— Я только за, Серый, — отозвался мужик с противоположной стороны. — Мне рыжая нравится.

Они снова заржали, явно не ожидая какого-либо отпора. И невольно подумалось,

сколько женщин уже вот так попали к ним в лапы.

— Беги, — едва слышно выдавила киорийка.

Александра взглянула на нее, собираясь возразить, но наткнулась на спокойный, решительный взгляд. Бывшая жрица знала, что делать. Свободная рука ее уже находилась в сумке. Парализатор. Она им пользоваться умеет. А эти идиоты точно разделятся, если побегут за ней...

Саша сглотнула вязкую, кислую слюну, резко разжала ладонь, развернулась и побежала по дороге. Смех за спиной сразу же оборвался.

— Тоха, лови ее!

Раздался топот, но девушка сосредоточилась не на нем, а на дыхании. С физкультурой у нее никогда не ладилось, поэтому нужно просто выиграть время. Ее схватили за локоть и с силой дернули назад. На мгновение воздух замер в груди. Вспомнились руки Влада. И по телу прошла неконтролируемая дрожь. Страх скрутил внутренности.

Она невольно развернулась к мужчине и успела заметить злые, светлые глаза.

— Ах ты, сучка!

Он замахнулся. И в этот момент что-то изменилось. Слово время стало течь иначе. Она видела ладонь, которая медленно приближалась. Видела злое, перекошенное лицо с раззявленным ртом. Понимала, что не успеет увернуться. А еще четко осознала, что больше не позволит себя бить.

То, что происходило потом, Саша несколько раз пыталась восстановить в памяти, но видела лишь отдельные фрагменты.

Вот она подается вперед и лбом врежется в подбородок мужчины. Слышит клацанье его челюсти. Какой-то невероятно мерзкий и громкий звук. Затем раздается крик. И глухой стон где-то рядом. А она уже толкает его в грудь. Пинает в колено, каким-то чудом разом вспомнив все возможные болевые точки. Крик не смолкает. Он переходит в звериный рев. На нее смотрят светлые глаза, в которых просыпается страх. И сжатые кулаки опускаются на светлую голову...

Она остановилась, когда человек перед ней упал и перестал шевелиться. За его спиной оказалась Филис с парализатором — небольшим черным прибором, напоминающим шокер. В отдалении на асфальте уже валялись два других тела. Рев смолк. Стало тихо. И даже показалось, что в отдалении воеет полицейская сирена.

Киорийка неспешно убрала парализатор в сумку и протянула ей руку.

— Идем. Нам нужно вернуться на корабль. Байон будет волноваться.

Спокойный тон заставил сосредоточиться на словах. Саша посмотрела на лежащего на земле человека. Из уголка губ у него текла кровь.

— Я его убила?

Бывшая жрица опустила взгляд и присела на корточки. Уверенным жестом нащупала пульс на шее и покачала головой.

— Жить будет. Через час они должны очнуться. Я не стала выставлять мощност на максимум. Как ты?

Александра посмотрела на свои руки. Пальцы дрожали. Кое-где на костяшках оказалась содрана кожа. Лоб болел — ей точно обеспечена шишка. А еще почему-то саднило горло.

— Это я... кричала?

— Ты, — Филис встала и взяла ее под руку, неумолимо разворачивая в сторону остановки. — Думаю, он испугался и растерялся — не ожидал такого отпора, поэтому не

оказал особого сопротивления. Тебе повезло. Один точный удар, и ты могла оказаться на земле вместо него.

Слова отрезвляли. И возвращали ясность рассудка. Она набросилась на человека. Буквально вчера сбила чужой корабль, а сегодня кинулась с рыком и кулаками. Боже, что с ней происходит?

— Филис, я...

— Не хотела, — закончила та. — Я знаю. Ситуация оказалась слишком близкой для тебя. Слишком сложной. Поэтому я хотела, чтобы ты убежала. На самом деле, ты не причинила ему большого вреда. Не успела. Он стоял на ногах. Ты била его кулаками. Весьма неумело. Поэтому, ничего страшного не произошло.

— А кровь?..

— Прикусил язык... Будет наукой.

— Ты так спокойно об этом говоришь...

— Да, потому что готовилась к чему-то подобному. На планете, захваченной Этрой, людьми, оказавшимися в нестандартных, стрессовых условиях, происходит пробуждение низменных инстинктов. Все, сдерживаемое рамками культуры, выходит наружу. И выливается в то, с чем мы столкнулись.

Саша с трудом вздохнула и задышала уже ровнее. Страх отступал. Хотелось оказаться в собственной каюте и лечь спать. Сейчас она даже согласилась бы встретиться с Талией. Все, что угодно, лишь бы забыть сегодняшний вечер...

Киорис

— Императрица в тяжелом состоянии... — гиятрос Лезариус устроился в кресле красного дерева, обитом изумрудным атласом.

Лучи закатного солнца преломлялись в витраже, изображавшем портрет Птолемея I, и падали на пол, отделанный белым мрамором. Мебель в парадной гостиной была расставлена таким образом, что проекции витража не мешал ни один предмет. И создавалось впечатление, что вместе с собравшимися здесь незримо присутствует и основатель Рода.

— У вас есть какие-то прогнозы? — Иазон-старший, вызванный во дворец сразу после обнаружения тела императрицы, выглядел откровенно плохо. Раньше он держался из чувства долга перед народом, но удалившись в отставку, позволили себе расслабиться, и измученный организм поспешил взять свое, выдавая осложнения за осложнением. Он лежал на кушетке, укрытый покрывалом, и на его висках уже выступила испарина от слабости.

— Не самые благоприятные. Здоровье императрицы подорвано длительным напряжением и плохими новостями. Даже если сейчас вывести ее из медикаментозного сна, с Советом Безопасности она не справится. Как и с войной.

— Какие последние ответы получены от Совета? — главнокомандующий медленно расхаживал вдоль боковой стены. Движение помогало ему думать, а в сложившейся ситуации разумные решения необходимы.

— Эль-Саба готова выделить нам несколько отрядов наемников, остальные отошли в сторону. Они считают, что конфликт между Киорисом и Этрой носит сугубо личный характер, и не хотят вмешиваться, — ответила Дорея, незаметной тенью застывшая за спиной мужа.

— Нас бросили одних, — резюмировал Валирис. — И мы вынуждены оборонять Пескар. А Этре помогает Рахх. Уверен, что новые корабли этроссов разработаны с их помощью.

— Есть еще Земля, — Элпис, наблюдавшая за всеми присутствующими, решила напомнить о том, что и довело Софронию до текущего состояния.

— Мы не можем оставить Киорис без защиты, — жестко ответил главнокомандующий.

И она опустила взгляд, разглядывая проекцию витража на полу. Еще не время для споров.

— Мы с Дореей постараемся договориться с Советом. Софрония пыталась действовать мягко, я же постараюсь объяснить им, что Этра — угроза отнюдь не только для Киориса. А вместе с Раххом... Если они победят нас, займутся и другими.

— Я помогу, — Дорея положила ладонь на плечо мужа. — Я несколько раз помогала императрице вести переписку. И знаю некоторые нюансы. Возможно, вместе у нас получится.

Голос ее дрогнул, но все предпочли это не заметить. В успех она не верила. Но скорее умрет, чем бросит супруга одного.

— Патэрас Иазон, я рекомендовал бы вам отдых, — отметил гиятрос. — Вам нужно беречь себя. Мы не знаем, сколько продлится кризис. Вы нужны нам. А вам нужно здоровье. Позвольте мне осмотреть вас и взять анализы.

Он хотел бы отказаться, но пальцы на плече сжались сильнее, и бывший главнокомандующий со вздохом кивнул.

— Полагаю, нам лучше оставить вас, — Элпис поднялась с кушетки, не спуская глаз с Валириса, застывшего напротив. Тому оставалось только кивнуть. — Спокойной вам ночи, патэрас.

Гостиную они покинули вместе и по пустынным коридорам направились в холл. Самое время продолжить разговор.

— Я бы хотела вернуться к вопросу о Земле.

— При всем моем уважении, иерия, я полагаю, у вас недостаточно опыта в ведении боевых действий, чтобы мы возвращались к данному вопросу.

Мужчина оставался непреклонным. Что ж... Таким и должен быть главнокомандующий. Она и не думала, что все получится легко.

— Вы правы, я ничего не смыслю в масштабах войны, но в то же время знаю, что Киорис никогда не останется без защиты. Проект «Немезида» был разработан именно на этот случай.

Ответом стал сдержанный скрежет зубов. Особенно четкий в просторном коридоре.

— Мы ни разу не использовали «Немезиду» в бою, — Валирис заговорил тише, но стол же непреклонно. — Только на тренировках. Да, показатели прекрасны, но где гарантии, что при прямом столкновении, не случится нечто...

— Мы не узнаем, пока не используем. Все когда-то приходится делать в первый раз. К тому же... На случай непредвиденных ситуаций у «Немезиды» есть страховка. Человеческий фактор, в самом негативном его проявлении, здесь максимально исключен.

— Я знаю, что лично вы, иерия, — киориец посмотрел на нее сверху вниз тяжелым взглядом, — отдали этому проекту слишком... многое. И верите в него. Но я, как военный с боевым опытом не могу отправлять в бой новое, непроверенное оружие. Я готов использовать «Немезиду» в обороне Киориса, но только наравне с уже известными мне вариантами.

— И вы хотите оставить Землю без поддержки? Даже зная, что там мог погибнуть принц? Зная, что эта планета уже стоила нам потери принцессы? Зная, что женщина, пробудившая будущего правителя Киориса, землянка?

Валирис сбился с шага. Выражение его лица неуловимо изменилось. Но лишь на мгновение. Он почти мгновенно взял себя в руки.

— Мы не знаем, чем закончится война. Гран-коммандер Искарис находится в зоне активных боевых действий. Он может погибнуть. И тогда единственным наследником Киориса станет Иазон-младший.

— Который еще не пробужден.

Главнокомандующий остановился и обернулся к ней.

— Оставлять Киорис без защиты слишком высокий риск. Ваша вера мешает вам разумно оценивать ситуацию.

— Мои способности к оценке ситуации, главнокомандующий, сейчас высоки, как никогда, — Элпис сделала шаг ему навстречу и запрокинула голову, чтобы заглянуть в глаза. — Я знаю, что «Немезида» справится. И также могу предположить, что гран-коммандер Искарис совсем не обрадуется, когда получит сообщение о состоянии экспедиции. Сейчас он, возможно, слишком занят, чтобы обратить внимание на тишину в эфире, но когда у него появится время, он начнет задавать вопросы. Вы ведь поэтому

запретили передавать данные в его сектор?

— Мне не нужен командир боевого подразделения, сошедший с ума из-за недавнего пробуждения, — процедил Валирис. — Я уже позволил ему проявить инициативу в отношении шиитранцев и Байона. Там все обошлось. Но дважды чудо не повторяется.

— Значит, вы понимаете, что произойдет, если старший принц узнает, что случилось с экспедицией?

— Вы отправили ему сообщение?

— Еще нет. Но я могу это сделать в любой момент.

— И погубите этим немало жизней, иерия. Вы применяете ко мне шантаж, а это насилие над личностью.

— Мы на войне, главнокомандующий. Вам ли говорить мне о насилии?

Несколько минут они просто стояли, глядя друг другу в глаза. Элпис не собиралась отступить. И знала, что убедить Валирису будет сложно. Она готовилась к этой встрече и имела еще несколько аргументов в запасе, но они не понадобились.

Мужчина выпрямился, перестав нависать над ней. Потер подбородок.

— Почему вы так хотите отправить на Землю военный отряд?

Она украдкой перевела дыхание. Вопросы лучше спора.

— Вас не смущает то, что Этра не позволила вернуться даже лайнеру экспедиции? С мирными гражданскими лицами. Он был полностью уничтожен, значит, у экипажа не осталось выбора. Вы слышали запись, которую передали на Киорис. Этре помогает Рахх. Не что две цивилизации забыли около маленькой, удаленной планеты? Что заставляет их проявлять столько агрессии даже в сторону обычных исследователей?

— Вы полагаете, что они нашли на Земле нечто, что может заинтересовать и нас?

— Полагаю, что там может быть нечто настолько важное, что Этра поспешила развязать войну, чтобы только отвлечь наше внимание от Земли. Вспомните, если бы наш разведывательный корабль не наткнулся на этросский, Киорис никогда не заинтересовался бы Землей. Не может ли быть такое, что Этра уже давно присматривалась к этой планете, а мы помешали ее планам?

— Не слишком ли сложно развязать войну ради одной планеты?

Сомнения Валирису ей были понятны. Элпис и сама много думала, выдвигала гипотезы и отказывалась от них.

— Если для нас эта планета окажется Землей Предков, уже ничто не будет казаться чрезмерным...

В коридоре снова стало тихо. Главнокомандующий думал. Она не мешала.

— Помимо «Немезиды» у нас есть орбитальные станции, к тому же партия кораблей, еще не прошедшая приемку. Но изготовленная по уже известной технологии. Риск все равно велик. Но если вы правы, и Этра найдет на Земле нечто, что сможет использовать против нас...

— Цена ошибки будет высока.

Ее наградили еще одним тяжелым взглядом.

— Я отправлю на Землю военных с приказом уничтожить флот Этры и Рахха. Но вы поклянетесь, что не станете отправлять сообщения принцу Искарису.

— Клянусь своей кровью, главнокомандующий. Я не враг Киорису.

— Я тоже. Но лучшее для него мы с вами видим по-разному. Надеюсь на ваше благоразумие.

До холла дошли в молчании, а покинув дворец, в сумерках направились каждый к своему автомобилю.

Эллис опустилась на мягкое сидение и захлопнула дверцу. Откинулась на спинку, ощущая эмоциональную усталость.

«Мой сын, мои дети... Эль, обещай мне, обещай, что их смерть не будет напрасной! Я не могу потерять еще одного. Этра должна ответить!»

Именно она нашла Софронию в кабинете и пообещала, что войска на Землю будут отправлены. Жрица сдержала слово. Обещание императрице вовсе не отменяло всего того, что она сказала Валирису. Только давало большую мотивацию. А настроения в Совете Безопасности лишь дополнили картину.

От них решили избавиться. Неизвестно, надоело ли Совету нянчиться с неразвитыми мирами или произошло еще что-то, о чем они не знают, но политика Киориса вдруг стала неуютна. Трения случались и раньше, Совет вовсе неоднороден, но никогда еще они не смели отвернуться от них. Великодушие вовсе не означает слабость. Вот только об этом часто забывают.

Она запустила приборную панель и направила машину к выезду со стоянки.

Вся аналитика буквально кричала, что они чего-то не знают. Что-то произошло. И совсем недавно. А из последних событий только одно обладало достаточным весом — гибель принцессы Талии. На маленькой, удаленной планете. Которая разом привлекла к себе слишком много внимания...

— Вызов Храм, — скомандовала она искину. На мониторе посредине приборной панели появилось лицо помощницы. — Направь запрос для встречи правительнице Эль-Сабы. С моего личного канала. На любое время, когда ей будет угодно.

— Конечно, иерия.

Экран погас. Эль-Саба оставалась единственным союзником. Но это вовсе не значит, что она не получила выгодное предложение. Просто могло оказаться так, что выгода не превышала плюсов от сотрудничества с Киорисом. И пока Дорея воюет с Советом, она постарается понять, что такого предложила Этра...

Земля

В дверь стучали. Громко и настырно. Ольга с трудом разлепила глаза и постаралась понять, где находится. Голова гудела, будто по ней половником били. Всю ночь. Зрение постепенно сфокусировалось, выдав картинку сонно-помятого лица инопланетянина. Несколько секунд она смотрела на него, пытаясь восстановить в памяти прошлый вечер и то, каким образом они оказались вместе на диване. Память молчала. Стук в дверь продолжался.

Ольга села и отбросила одеяло — простое движение заставило сморщиться от боли. Руки повисли едва ли не плетями. Ах да, она же вчера таскала по квартире взрослого мужика. Встать удалось со второй попытки, а до входной двери она шла целую вечность, и стук не утихал ни на секунду.

Замок щелкнул, и женщина оказалась нос к носу с начальником.

— Николай Петрович?

Она что, настолько опоздала, что он решил сам приехать? Или на работе после ее вчерашней выходки творится дурдом?

— Ты, прости, что разбудил, — Петрович, непривычно одетый в джинсы и свитер с наброшенным на плечи плащом, выглядел каким-то осунувшимся и помятым. — Держи, — он протянул ей конверт, который Ольга механически взяла и прижала к груди, мимолетно порадовавшись, что спать легла в одежде. — На работу не ходи. Я уволился. Сейчас уезжаю. Семью еще неделю как к теще отправил в Саратов. Ты тоже уезжай куда-нибудь. Лучше в глушь. В Москве оставаться не стоит.

Смысл слов доходил медленно и с запозданием, но зато заставил сонный мозг проснуться.

— Подождите! — окликнула она уже развернувшегося уходить мужчину. — Николай Петрович, а что... вчера было?

К концу фразы голос почему-то сел до шепота. По коже пробежали мурашки. А сердце сжалось. Как-то все резко менялось.

Петрович обернулся и посмотрел на нее грустными и виноватыми голубыми глазами.

— Ничего хорошего, Оленька. Ничего хорошего... К тебе, может быть, придут, но ты дверь никому не открывай. А лучше уезжай. В Москве... Я не знаю точно, но что-то случилось. По улицам рыщут. И еще эти летают... — он сделал странное движение рукой, будто пытаясь показать очертания предмета. — В общем, в столице в любые времена творится самое страшное. А в глуши пересидеть можно. Ты прости меня за все.

Начальник махнул рукой и начал спускаться по лестнице с необычной для него прытью. Ольга проводила его взглядом и медленно закрыла дверь. Повернула замок. Рассеянно положила конверт на тумбочку и вернулась в комнату. Темную комнату с задернутыми шторами. Инопланетный гость сидел на краю дивана, прикрывшись одеялом. На ухе у него блеснула гарнитура.

— Там эти летают? — она неосознанно повторила жест Петровича, а мужчина кивнул.

Ольга села в кресло, взгляд остановился на часах, показывающих десять утра. Работы у нее больше нет. Денег на несколько месяцев. Планета под контролем инопланетян, которые уже не стесняются показываться на улицах. В квартире прячется раненный ученый. Что еще

может пойти не так?

Словно в ответ на вопрос раздался звонок в дверь...

...Спать под воздействием успокоительного оказалось крепко и приятно. Ночь прошла спокойно. Даже Талия не стала являться. Саша проснулась отдохнувшей и в относительно хорошем настроении. Оделась, умылась в общем санузле и вышла в кабину-гостиную. Взгляд привычно скользнул по иллюминаторам...

— А мы где?!

Байон даже не повернулся, что-то делая за пультом управления.

— Ночью нас едва не обнаружили разведывательные группы Рахха, пришлось сменить стоянку, — пояснила Филис, выходя из коридора.

— Рахх?!

Хорошее настроение улетучилось. Сразу же вспомнилась арена К`Шиитре. Бледная Хлоя, падающая под ноги людям-кошкам. К горлу подступила тошнота. А воображение подкинуло ряд картинок с девушками, запертыми в клетках. Или стеклянных боксах. Как подопытные мыши.

Филис поддержала ее под руку и помогла сесть за стол. Перед глазами возник бокал с водой, который Саша тут же осушила.

— Они ведь любят отсталые миры, да? — в глазах бывшей жрицы отражалась грусть и понимание. Девушка обхватила голову ладонями, стараясь дышать медленно и ровно. Возникло острое желание куда-то бежать и спасать... Кого? Родители уже пожилые, они Рахху не нужны. Невестка? Она в больнице работает. Нужно предупредить Сережку. Пусть не выпускает. Лучше она сама им все деньги отдаст, чтобы на еду хватало, только бы они не столкнулись с этими... А Ольга?

Сердце сжалось от боли. Александра вскочила на ноги и кинулась к Байону. Рухнула рядом с ним в свободное кресло. Капитан хмуро посмотрел на нее. Усталый. Точно всю ночь не спал. Все не спали кроме нее. А она...

— У меня здесь подруга! Моя ровесница. Нам нужно ее забрать. Я... я не переживу, если она попадет к Рахху. Я понимаю, что всех спасти нельзя. Но, пожалуйста, давайте заберем хотя бы ее. Или предупредим! Ольга — не мои родители, она выслушает. И я буду спокойна.

— Мне пришлось отключить маяк, — спокойно ответил киориец. — Они не зря оказались слишком близко к нам. Вчера такого не было, значит, что-то изменилось. Возможно, кто-то из выживших попал в плен. И раххи смогли использовать коммуникатор. Нас спасла маскировка и то, что они не были до конца уверены в точности информации. Я не знаю точно, что случилось, но нам нужно как можно скорее убираться с Земли. Иначе никто из нас не выживет.

Саша с трудом вздохнула, представляя, что могли сделать звери с пленником. Точнее не представляя. И даже не желая знать подобное. Несмотря на эмоции, разум продолжал анализировать ситуацию. Да, оставаться на Земле опасно. Но здесь ее родные. Квартира. Подруга. А где-то там, на другом конце Вселенной, Икар...

Горло перехватило, но она решительно произнесла:

— Тогда я остаюсь, — краем глаза Александра увидела шагнувшую ближе Филис. — Я знаю, что это опасно. Но я не могу их всех бросить. Я обещала дать денег на покупку запчастей. Без них вы не улетите. Сегодня сходим по магазинам, а потом... я уйду. Я всего

лишь обычная землянка для них. Такая же, как и все. Мне угрожает не больше и не меньше опасности, чем другим. Но я хотя бы знаю, кто они и на что способны. Может, я ничего не изменю, но я не могу просто улететь. Если вы сможете вернуться на Киорис, сюда пришлют помощь... — она наткнулась на взгляд Байона и запнулась.

Тот провел по лицу ладонью и помассировал переносицу.

— Киорис вынужден воевать на несколько фронтов. Я не уверен, что они отправят боевые звенья к Земле. Или отправят, но не сейчас. Не раньше, чем в войне появится серьезный перевес. Ждать может быть очень долго, Саша.

Девушка закрыла глаза, чувствуя себя так же, как в тот день, когда решила подать заявление на развод. Стоящей на краю обрыва. В тумане. Не зная, пустота впереди или опора.

— Икар придет за мной. — Уверенность пришла откуда-то из глубины. Тепло укутало плечи. — А я буду ждать.

— Идет война. Он может погибнуть, — тихо сказала Филис.

— Мы все можем погибнуть. Разве нет? — Саша взглянула на бывшую жрицу. — Вы можете не долететь до Киориса, я могу попасть к раххам или умереть во дворе собственного дома от рук хулиганов. Я понимаю. Но... я не могу просто взять и улететь. Вернуться на Киорис в покой и безопасность. Ведь неизвестно, пришлют сюда войска или нет. И тогда получается, я снова бросаю своих родных. Только теперь уже это мое решение. И они будут переживать не из-за того, что я погибла. Они сами могут не выжить. А я люблю их. И я хочу быть рядом.

— Хорошо, — выдохнул Байон. — Нужно поесть, и пойдем за покупками. А потом заглянем к твоей подруге. Хочу быть уверен, что мы оставим тебя в обществе хотя бы одного адекватного человека...

Александра улыбнулась и украдкой смахнула с глаз слезы, испытывая облегчение от того, что ее никто не стал отговаривать. Вряд ли ей хватило бы сил сопротивляться двойному натиску, но... киорийцы умели уважать чужие решения...

...Второй раз к двери Ольга подходила медленно и с опаской. Сердце стучало где-то в горле. Топор сам лег в руку. А в дверном проеме комнаты возник инопланетянин, замотанный в одеяло как в тогу. Стоял он неуверенно, но вид имел весьма решительный. Такой вот... как перед последним боем. Не то, чтобы ей приходилось часто воевать, но сравнение показалось подходящим.

Она сглотнула и бесшумно шагнула к двери, выглянула в глазок, про который первый раз даже не вспомнила. На лестничной площадке стояли мужчина и женщина, лицо которой показалось неожиданно знакомым.

— Кто? — дрогнувшим голосом спросила Ольга, украдкой щипая себя за руку. Если это сон, то пусть поскорее закончится.

— Оль, это я. Саша. Открой, пожалуйста.

Женщина застыла, отказываясь верить в происходящее, а вот инопланетянин неожиданно встрепенулся и шагнул вперед. Выдал какую-то фразу на своем странном языке. Громко и четко. После чего наступила тишина, а затем незнакомец за дверью решительно отодвинул воскресшую подругу в сторону и стукнул кулаком в дверь, выдав при этом нечто грозное и короткое.

Ольга отшатнулась от двери и перевела взгляд на гостя.

— Там, что, твой...

Тот резко, отрывисто кивнул и указал взглядом на топор, про который она успела забыть. Из-за двери донесся диалог на неизвестном языке. Происходящее все больше напоминало какой-то театр абсурда.

Топор лег на тумбочку рядом с конвертом, а замок открылся с коротким щелчком. На лестничной площадке перед дверью действительно стояла Саша. И незнакомый мужик, первым шагнувший в квартиру. Ольга ему даже мешать не стала. Только проводила взглядом, отметив, как изменилось его лицо при виде ее постояльца. Точно знакомы. То есть их, как минимум, двое. И, может быть, все будет не так уж и плохо?

Подруга вошла в прихожую, в которой стало тесно, захлопнув за собой дверь. И вдруг заключила ее в объятия.

— Как же я по тебе скучала!

Ольга только судорожно выдохнула, ощущая, как отпускает жуткое оцепенение. Голос у Сашки остался прежний. И кости, впившиеся сразу во все места.

— Где тебя только носило?

Она ответила на объятия, пусть и не с такой силой, с какой хотелось бы. Руки все-таки болели. Хотелось одновременно огреть эту воскресшую потеряшку обухом по затылку, чтобы неповадно было так людей пугать, и в то же время рассмеяться от радости. Или поплакать немножко. Почему-то когда все плохо, на слезы нет ни сил, ни времени, а как только случается что-то хорошее, так они сразу тут как тут...

— Я тебе все расскажу. Только, откуда у тебя взялся киориец?

— О... — Ольга вытерла лицо. — Я тебе тоже расскажу. Пойдемте на кухню. Мы еще не завтракали...

...Завтрак пришлось отложить. Сначала пришлось его приготовить, заодно прибраться в квартире, где царил хаос. Попутно Ольга и Креон — Саша сильно удивилась, узнав, что гостем подруги оказался брат Икара — рассказывали, что произошло за пару дней. Разговаривали на смеси русского и киорийского. Из-за нехватки переводчиков приходилось пояснять то одно, то другое. Но общая картина складывалась.

— Так ты хочешь уехать из Москвы? — спросила Александра, когда они все-таки оказались за столом.

Посредине стояло блюдо с бутербродами — все, что удалось сделать на скорую руку. Для сытности колбасу и сыр положили вместе. Еще имелось малиновое варенье. И мед. Много чая. Растворимый кофе. Как же она отвыкла от такой еды...

— Пока не решила, но совет здравый. Оставаться в городе опасно. Думаю, многие уже уехали.

Байон перевел ответ подруги для Креона, который легко отдал ей гарнитуру.

— Раххов и этроссов мало, — медленно произнес принц, осторожно откусывая от бутерброда. — Наверняка они сконцентрированы в столицах. Достаточно взять под контроль правительство, чтобы обеспечить подчинение регионов.

— Мы тоже можем сменить локацию и перебраться куда-то подальше, — предложил капитан.

Филис сегодня осталась на корабле. Перемещаться по городу большой компанией стало небезопасно и подозрительно, а посетить магазины необходимо. В покупках разбирался только Байон, поэтому состав компании решился быстро. Саша все равно продолжала волноваться за киорийку, которая не сможет поднять корабль, если на нее вдруг наткнутся раххи, но... Волнение теперь стало неотъемлемой частью ее существования.

— Тогда можете подкинуть Ольгу до деревни и задержаться там, а я останусь. Я не могу бросить родителей.

— А если забрать всех? — в глазах подруги отразилось ее беспокойство и понимание.

— Корабль не резиновый, Оль. Да и... Ты же помнишь моего папу? Он точно не согласится никуда лететь. Да и Сережка с семьей... Даже если теперь они все мне поверят...

С губ сорвался вздох. Она сомневалась, что получится уговорить родственников уехать. Пусть даже на поезде или автобусе. Да и куда? В деревне у них никого нет. Сидеть на чужой шее...

— Тогда я тоже останусь, — Ольга накрыла ее ладонь своей. — Будем бояться вместе.

Она улыбнулась. И Саша не смогла не улыбнуться в ответ. Как же она все-таки скучала. Даже не по дому. А вот по этому ощущению тепла и уюта, поддержки, которое всегда возникало рядом с подругой.

— Ты уверена? Вдруг к тебе, действительно, кто-то придет. Мало ли...

— Ну... — та окинула кухню долгим взглядом. — Могу перебраться к тебе. Там меня точно никто искать не станет. Тебя же все считают пропавшей. А мобильной связи нет. Не отследят. Пустишь на постой?

— Конечно. Я уже ключи забрала у родителей. Как раз собиралась вечером на квартиру. Приезжай. Нам с тобой не привыкать...

Вспомнилось, как она жила здесь в ожидании развода. Вечера под сериал. Поедание

мороженого. Игра в карты. И бесконечные разговоры обо всем. Ольге можно рассказать все. И об Икаре, и о Киорисе, и о... обо всем. Она выслушает. И не станет стесняться в выражениях. А вдвоем, действительно, не так страшно.

— А мы вернемся на корабль и попробуем все починить, — отметил Байон. — Если еще получится установить связь с Киорисом...

— Не выйдет, — оборвал его мечты Креон. — Мощности ядра все равно не хватит. А если усиливать искусственно, полетит проводка. Сожжем корабль.

— Тогда просто починимся и постараемся вернуться домой. И добиться помощи для Земли. С твоим свидетельством должно получиться.

Услышав о ядре, Саша вспомнила и о разговоре с Талией. Взглянула на принца, пытаясь понять, подходит ли он на роль слушателя. Выбор невелик. По крайней мере, он сможет ее понять, а дальше... Все будет зависеть только от того, сможет ли он вернуться на Киорис.

— Одежду надо, — Ольга тоже рассматривала мужчин. Оценивающе и с какой-то странной грустью. — То, что от Толика осталось, все в стирке.

Саша попыталась сосчитать, сколько денег у нее осталось после покупки запчастей, но подруга продолжила:

— И мне прежде, чем переезжать, надо старикам еды закупить. А то они потом тут без меня неизвестно как будут... В аптеку сходить. Продукты сложить. У тебя там шаром покати, наверняка, а кушать захочется. Хорошо, что Петрович деньги привез.

Она посмотрела на собственные руки, обхватившие чашку. И Креон проследил за ее взглядом, после чего обратился к капитану:

— Помоги ей, пожалуйста. Я не могу пока выйти на улицу, а она потратила на меня много сил.

Байон кивнул. Ольга сразу же востепенелась, желая вмешаться, но теперь Александра сжала ее предплечье и покачала головой. Она научилась принимать помощь. На Киорисе ее не оказывают из вежливости. Или чувства долга. Если предлагают, значит, искренне хотят помочь.

— Тогда оплата с меня. И я пошла собираться, чтобы вас не задерживать.

Отказываться более практичная Ольга не стала и поспешила скрыться в комнате.

Уже через пятнадцать минут они с Байон ушли, Саша закрыла за ними дверь и вернулась в комнату. Креон сидел на диване, перебирая бисер, ссыпанный в шкатулку на тумбочке. Под настроение подруга занималась рукоделием, но, судя по состоянию материалов, давно за него не садилась.

— Нам надо поговорить... — выдохнула девушка, ощущая, что делает шаг по узкому мосту над пропастью.

Мужчина, неуловимо похожий и непохожий на Икара, поднял на нее пронзительно зеленые глаза и кивнул:

— Я слушаю.

...У Вселенной своя логика. Кто бы мог подумать, что из всех женщина на Земле, он попадет именно к той, кто знакома с женщиной Икара? Здесь можно было бы построить целую философскую теорию о парности случаев или о закономерностях, но Креон предпочитал точные науки. И сейчас, слушая сбивчивый и не слишком уверенный рассказ, ощущал себя странно. С одной стороны, землянка вряд ли могла выдумать подобное. Да и к чему ей? С другой... поверить в подобное сложно.

И, как и раньше, оказавшись перед сложной загадкой, он начал делать то, что привычно. Что всегда позволяло сосредоточиться и отыскать суть. Бисер рассыпался по столу с тихим шелестом. Мужчина не позволил ему упасть на пол. Аккуратно разровнял ладонью. Взял леску. На мгновение задумался, вспоминая одну из известных схем, а затем расслабился, позволив рукам делать то, что привычно.

— Вы говорите, что сознание Талии теперь часть ядра корабля?

— Да... — женщина выдохнула. Кажется, она понимала, что звучит странно.

— И она с вами говорила?

— Да. Я ее даже видела. Не только во сне. Она... как будто живая. Насколько, я могу судить.

— И оказавшись частью ядра, она получила доступ к памяти Археоса, чьим мозгом оно раньше было. А его память...

Здесь начиналась опасная территория предположений, которую он не любил. Все должно быть четким и просчитанным. Вероятности. Гипотезы. Фактическое обоснование. Сейчас все казалось чересчур зыбким.

— Допустим, вы, действительно, более восприимчивы к воздействию излучения ядра, чем киорийцы. Для вас оно в новинку и у организма нет иммунитета. Допустим, что нейронная структура ядра в момент эмоционального и гормонального всплеска, сопровождающегося высокой активностью мозга, могла отреагировать и запечатлеть некий... слепок личности моей сестры. Вы не знали ее, и вам она может казаться вполне живой, но... Возможно данный слепок сохранил лишь часть личности. Что же касается доступа к памяти Археоса...

О взаимодействиях между полушариями мозга человека он мог бы рассказывать долго. Но Археосы лишены подобного. Их мозг целен. Как правило, представляет собой максимально симметричную и гармоничную фигуру. Разрушить его можно лишь воздействием определенного количества энергии. Что приводит, обычно, к полному уничтожению. Взрыву. Так как мозг является не только нервной тканью, но также содержит в себе колоссальный запас энергии. Еще ни разу не удалось разрезать ядро или просканировать его внутреннее строение.

Возможно ли, попав в одну его часть, получить доступ ко всему, что хранится в мозге? Теоретически. Энергию вырабатывает все ядро, внешние устройства лишь позволяют собрать ее и направить в нужном направлении. Достаточно ли этого, чтобы поверить в рассказ?

— И со слов Талии Археосы искусственно ограничивают размножение людей на Киорисе... — выдохнул он.

— Именно, — землянка выглядела совершенно несчастной. — Я понимаю, что все звучит странно, но мне больше некому рассказать. Их излучение влияет на гормональную систему. Это я на себе почувствовала. И это был один Археос. А если их тысячи? Сотни тысяч? Могут ли они взять под контроль всю планету?

— Не всю. Киорис на семьдесят пять процентов покрыт водой. Мы не исследуем океан. А значит... В процентном соотношении может оказаться, что наша численность эквивалентна численности Археосов. И тогда теория становится весьма убедительной.

Он замолчал, продолжая работать руками и думать. Даже покидая родную планету, киорийцы в большинстве своем продолжают оставаться под воздействием излучения. Пусть ослабленного, но исходящего от ядер кораблей. К тому же, отсутствие редко длится

достаточно долго, чтобы судить об изменениях. Если же говорить о послых, проживающих на территориях других планет...

Как правило, дипломатами являются женщины. В силу эмоциональной составляющей и развитой эмпатии им проще вести переговоры. Если у них есть мужья или партнеры, они пробуждены. Дети... Слишком маленькая выборка. Если запросить данные о физическом состоянии всех послых за последние сто, двести лет? В таком случае еще можно будет сделать некоторые выводы, но...

— Нам нужен эксперимент. Непробужденный киориец, вышедший из-под воздействия излучения. Необходима полная фиксация его состояния с прослеживанием динамики каждый день. Если ваш рассказ подтвердится...

Это будет катастрофой. Понять, что столько поколений они находились под воздействием. Были... экспериментом? Сам Креон мало что чувствовал, но вот другие...

— Мы стоим на грани вырождения, — он счел нужным пояснить. — Полагаю, вы понимаете наши ограничения. И также понимаете, что начавшаяся война может стать для нас последней. Если количество погибших превысит критическую массу, новое поколение не сможет закрыть демографическую яму, и тогда... Нас ждет гибель. Не сейчас, так потом. Через двести-триста лет. По предварительным прогнозам. Если выяснится, что кризис создан искусственно...

— Эксперимент, о котором вы говорили... — девушка явно замялась, не зная, как продолжить, но все же решилась: — Вы можете поставить его на себе. Я понимаю, что все сложнее, чем мне видится, но вы уже несколько дней не находитесь под воздействием излучения, и, если не возвращаться на корабль...

Она не договорила, позволяя ему додумать.

— Вариант был бы хорош. Но только ничего не получится. Я уже пробужден.

Наверное, у нее отвисла челюсть. Во всяком случае, на Креона Саша уставилась совсем неприлично, даже не пытаясь скрыть удивление. А в голове замелькали глупые мысли и предположения. И даже радость проглянула. Что, если Ольга? Вот только мужчина продолжал рассказывать ровно и невозмутимо:

— Со мной все немного сложнее. Пожалуй, вам стоит знать. Неизвестно, как сложатся ваши отношения с Икаром, но... Да, вы должны знать.

Вот теперь радости не осталось, а сердце сжалось. И стало неудобно.

— Наш род подвергался генетической коррекции. Неудачной. Впоследствии такие вмешательства были строго запрещены, так как имели место мутации. Генетические болезни, неподдающиеся лечению. Иные отклонения. Я узнал о них совсем недавно, когда Икар прислал мне материалы исследований, проводившихся не так давно. Имя пациента было засекречено, но... Я имею доступ к семейным больничным картам. Кое-что в общей картине показалось мне знакомым, и я сравнил данные.

Вот теперь у нее и кровь от лица отхлынула. А при мысли о мутациях воображение выдало такие варианты, что в пору вообще перестать смотреть телевизор. Хотя, реальность уже доказала, что может быть куда страшнее.

— У Икара, как и у всех моих родных, имеются генетические аномалии. Но, к счастью для него, они относятся к тем участкам, которые не наследуются. Их частично заблокировали во младенчестве, за развитием остальных наблюдают, но ярких отклонений не выявлено. Если же говорить о скрещивании ваших ДНК...

Саша икнула. Желудок совершил кульбит и провалился куда-то в пятки. Сердце отправилось за ним. Она даже толком выдохнуть не успела, услышав об Икаре, как на нее уже вывалили очередную информацию:

— Прошу меня простить, — принц впервые поднял на нее взгляд, оторвавшись от своей поделки, — мне не следовало делать запрос и исследование без вашего согласия, но я решил немного поторопить события, чтобы понимать, к чему следует готовиться. Хочу вас заверить, что Икар ничего не знает о моих изысканиях и не просил меня о них. Все это лишь моя инициатива.

Она только кивнула, боясь, что если откроет рот, скажет нечто совсем ненужное. Ей и хотелось, и совершенно не хотелось слушать продолжение, но рассказчика ее метания не волновали:

— Так вот, при скрещивании ваши ДНК дают довольно перспективный вариант. Восемь из десяти ваших детей могут родиться совершенно здоровыми. У двоих могут быть выражены некоторые мутации, передающиеся через поколение, но в целом, как я уже говорил, прогноз благополучный.

Саша выдохнула и с трудом сглотнула, только теперь ощутив, что ладони стали совершенно мокрыми. Она поспешила вытереть их о брюки и решилась спросить:

— А откуда вы взяли мою ДНК?

На нее снова подняли слегка удивленный взгляд. Все же по выраженности эмоций Креон совершенно не походил на пробужденного.

— Из ваших анализов, конечно. Гиатросы, проводя вам операцию, собрали достаточно материала. Отчет обо всех манипуляциях был предоставлен в медицинское сообщество и

доступен всем гиагросам или эпистимам. Там отсутствуют ваши личные данные. Только общие показатели землян, которые удалось вытащить из вашей сети, и сравнение ваших данных с нормой. Мне же пришлось сделать более глубокий запрос, чтобы получить образцы. Вы как раз недавно вернулись от шиитранцев, поэтому с ними проблем не возникло. А выделить ДНК из анализа крови дело техники.

Он говорил так, что становилось понятно — для него это действительно просто. А вот сама девушка с трудом могла уложить в голове всю информацию.

— Мне повезло меньше, чем Икару. Изучив его данные, я отправил ему заключение, а затем взялся за свою карту. И оказалось, что я уже давно пробужден.

— Давно? — жалкий писк, который она издала, мало походил на ее голос.

— Да. Каждый год у нас берут анализы для отслеживания состояния здоровья. Гормональный фон пробужденного отличается от непробужденного. И несколько лет назад мой гормональный фон изменился. Никаких скачков или перемен я не заметил. И до сих пор не знаю, кто из женщин случайно запустил этот процесс. Как, полагаю, не знает никто из моего окружения. В тот год ко мне приставили личную жрицу. Точнее раньше я даже не понимал, зачем, но теперь... Проверив анализы и сопоставив факты, я углубился в изучение своего ДНК.

Креон умолк, но пальцы его продолжали двигаться. Невероятно ловкие, точные движения. Леска. Бисер. Матовый блеск. Сначала Саша не понимала, что он делает. Даже не обращала внимание. Но теперь заметила проступающие контуры истребителя. Острый нос. Темное брюхо. Светлые крылья. Синие иллюминаторы кабины. Красные узоры на боках. Невероятно точное повторение при столь малых размерах. Скорость плетения завораживала. И ни одной ошибки...

— В моем ДНК мутации затронули гены, влияющие на созревание синаптических связей в головном мозге. У меня с детства было больше проблем с социализацией, чем у остальных мальчиков. Со мной много занимались жрицы. И мама. Талия. Отец. Официально считалось, что я всего лишь более замкнут и эмоционально отстранен, чем остальные. Но ДНК все показало иначе. Родители знали о диагнозе. Им не могли не сказать. Талия, наверняка, тоже узнала, когда официально стала наследницей. Она всегда уделяла мне много времени. Старалась помочь, как могла. Мое поведение скорректировали, меня социализировали, но мой диагноз неизлечим. И с вероятностью в шестьдесят процентов он перейдет к детям. Теоретически я могу их завести. Но практически лучше этого не делать.

Александра судорожно вздохнула, не зная, что поражает ее больше: то спокойствие, с которым Креон говорил о своей болезни, или то, что такое в принципе возможно на Киорисе.

— Синаптические связи — это... сложности с эмоциями, да?

С биологией она не очень дружила. И теперь даже стало стыдно, что так мало понимает в рассказе.

— Да. Мое эмоциональное восприятие мира ограничено. Я вижу логику. Хорошо запоминаю схемы, цифры, данные. Анализирую. У меня диплом по биоинженерии, а еще по математическому моделированию. Несколько научных работ. Привлечение к закрытым проектам. Когда другие не могут понять, где ошибка, зовут меня. Ни одна техника не может заменить человека и не способна думать, как мы. Поэтому несовершенна и не может найти ошибки или проводить сложный анализ. А я могу.

Он не хвастался. Лишь перечислял факты, которые, кажется, не сильно его задевали. А

Саше вдруг стало его жаль. Это ведь невероятно страшно — осознавать, что у тебя неизлечимый диагноз, который навсегда делает тебя другим. Не таким, как все. И вовсе не в положительном смысле. И принять такое... Как он вообще может оставаться таким спокойным? Или... для него все настолько иначе?

— У непробужденных часто проявляются таланты к точным наукам. Обычно, при пробуждении, развитие мозга компенсируется. Эмоциональная часть догоняет рациональную. Работать с точными данными многим становится сложнее, появляются другие желания, поэтому часто эпистимы меняют профиль. Думаю, мать и Талия надеялись, что пробуждение и со мной сделает то же самое. Но, когда анализы показали изменение гормонального фона без выраженной эмоциональной реакции, они поняли, что ждать больше нечего.

— Но почему они не рассказали вам?

Она не представляла, каково это — узнать о себе нечто подобное. Но, возможно, услышать от близких было бы проще, чем выяснить самому с опозданием в несколько лет.

— Я не знаю. Могу лишь предположить, что они молчали, так как меня самого этот вопрос совершенно не занимал. Я увлекался наукой. Исследованиями. А все остальное не имело большого значения. Нередки случаи, когда мужчины остаются непробужденными всю жизнь. И не испытывают на этот счет никаких терзаний. Такая судьба ждала и меня. И... возможно, они обе считали, что так будет лучше. Но не уничтожили информацию. Правда всегда была рядом со мной, стоило только взглянуть в нужную сторону. Когда подошел нужный момент, я это сделал.

— Мне очень жаль.

Саша не знала, что еще сказать и как отреагировать. Начиная разговор, она даже не могла представить, куда он их приведет. И, оказавшись в конце, совершенно растерялась. Что сделать? Надо ли что-то делать? Промолчать? Сказать? Креон не выглядел несчастным. Но и счастливым тоже. Как должен выглядеть человек с таким диагнозом?

— В какой-то мере, мне тоже жаль. Когда я все узнал, то... — принц умолк, словно пытаясь подобрать слова. — Находился в смятении. Тогда я решил записаться в экспедицию. Талия как-то говорила, что смена обстановки помогает освежить взгляд на многие вещи, и я поверил. Отправился на Землю, чтобы узнать о Земле Предков, и в итоге встретился с вами. Стоит отметить, что ответ получен не так, как предполагалось, но теперь у нас есть теория. И возможность эксперимента. А значит, еще один аргумент для выдвижения войск на Землю. Теперь ваша планета стала более ценной.

Он закончил плетение и обрезал финальные нити. На тумбочку рядом со шкатулкой лег маленький, размером с ладошку, истребитель. Мужчина провел по нему пальцем.

— Почему именно Земля? Разве нельзя провести эксперимент на другой планете?

— Потому что, если отменить воздействие излучения, анатомия землян и киорийцев идентична. Имеющиеся отличия незначительны. То, что вы пробудила Икара, доказывает, что мы совместимы. Скрещивание ваших ДНК показывает, что у вас возможны дети. Здоровые дети. Что является прямым залогом выживания. А значит, киорийцы, когда-то могли произойти с Земли.

Последняя фраза ввергла Александру в ступор. В голове не осталось мыслей. Только сплошной вакуум. Слишком много информации за один раз. Она продолжала смотреть на игрушечный истребитель.

Происхождение киорийцев. Космос. Археосы. Излучение. Ограничение рождаемости.

Земля. Ее связь с Икаром. Талия. Память ядра. Призрак. Излучение. Археосы
Происхождение. Земля. Археосы. Путешествия в космосе. Ядра. Излучение.

— Как вы попали на Киорис?

— Ты о зарождении жизни? — уточнил Креон, оборачиваясь к ней. — Нет точных данных, подтверждающих теорию эволюции. Поэтому мы и сосредоточились на Земле предков...

— Нет, — она резко качнула головой. — Как именно вы могли попасть с Земли на Киорис? Ели взять вашу историю и историю Земли примерно того же периода никаких космических кораблей не было в помине. Как могли люди перенестись с одной планеты на другую? Мне не раз говорили, что именно ваши Археосы дали вам возможность путешествовать в космосе. Но откуда они знали, что это возможно?

— Хочешь сказать, они уже путешествовали в космосе... Но их тела не предназначены для строительства кораблей и...

— А если им не нужны корабли?

Теперь, она, кажется, заставила смутиться принца. Тот едва заметно нахмурился и чуть склонил голову к плечу, будто прислушиваясь.

— Поясни.

— Если их мозг, точнее то, что от него осталось после смерти, генерирует такое количество энергии, то на что способен взрослый Археос? Если поверить, что они держат под контролем всю рождаемость на Киорисе, что мешало им переместиться с Земли? И прихватить с собой кусочек цивилизации...

Взгляд снова вернулся к фигурке истребителя.

— У нас есть одна старая сказка. Есть даже ученые, которые в нее верят... Что когда-то на Земле был еще один материк. Атлантида. Ее населяли атланты. Существа, подобные богам. Некая высшая цивилизация. Считается, что материк затонул... Но, может быть, Атлантида всегда существовала под водой?

Ольга наблюдала за инопланетянином. За одеждой, чтобы не затягивать, отправились в ближайший торговый центр, в отдел с недорогими товарами. Почти Second Hand, но им и не требовались дизайнерские вещи. Главное, чтобы по размеру и удобно. Пока добирались, она успела прикинуть необходимый минимум и уже собиралась подбирать размер на глаз, когда ее мягко оттеснили от прилавка.

Мужчина деловито копался в одежде. Брал одну, разворачивал, рассматривал, явно что-то оценивая для себя, а затем складывал столь же аккуратно, как оно лежало раньше. И что странно, ему это не доставляло никаких неудобств. Так, рутинное, простое занятие, к которому он решил подойти серьезно и ответственно. А ее помощь сводилась к тому, чтобы помочь сориентироваться, где и что искать.

Женщина наблюдала, как стремительно пополняется список первой необходимости: пара футболок, джинсы, толстовка, набор носок и нижнего белья, ремень на всякий случай, кроссовки. Она редко ходила по магазинам с мужчиной и как-то уже превентивно считала, что им подбор одежды не интересен. Да и вкус обычно оставляет желать лучшего. По мужской одежде вообще часто видно, какие вкусы у мамы или жены, на худой конец, девушки несчастного, несамостоятельного создания, неспособного на простейший выбор. Конечно, встречаются те, кто одевается самостоятельно, и среди них даже есть единицы способных прилично сочетать вещи... Но они обычно обитают где-то в недостижимых пределах: дорогих машинах, переговорах и прочих атрибутах достатка, который позволяет нанять личного стилиста.

Сейчас же у нее на глазах творилось... Нет, вовсе не чудо, но нечто такое, что невольно завораживало. Отточенность движений. Спокойная сосредоточенность. Не наигранная серьезность. И, как результат, стопка вещей, привычная любому современному человеку, вдруг заиграла новыми красками. В ней чувствовалась индивидуальность. Выдержанность стиля и цветовой гаммы: черный и зеленый. Еще подумалось, что ее гостю эти цвета подойдут. Оттенят аристократическую бледность, придадут строгость, и в то же время дадут комфорт, который наверняка необходим ученому.

Новый знакомый поймал ее взгляд уже у кассы:

— Все в порядке?

— Да, — она не стала смущаться и улыбнулась: — Не привыкла видеть мужчин другого... мира.

— Я так сильно отличаюсь?

На улыбку он ответил сдержанным интересом. Ни капли кокетства или наигранной загадочности, прямой бесхитрый взгляд умных глаз.

— Ну, — Ольга обвела взглядом очередь перед ними и ближайšie отделы магазина, — даже не знаю, что вам сказать.

Посетителей оказалось немного. Все же пятница и утро. В основном по залу ходили женщины, но парочка мужчин затесалась. Один бесцельно оглядывал полки и метался между двумя футболками жутких расцветок, второй спорил с девушкой на счет тонкого свитера, который та уговаривала его примерить.

Собеседник проследил за ее взглядом.

— Для вас такое поведение более предпочтительно?

— Упаси Бог! — невольно воскликнула она и сразу понизила голос, чтобы не привлекать лишнего внимания: — Скорее оно привычно. Поэтому вы выделяетесь. У нас мало людей, обладающих... чувством собственного достоинства.

Только сформулировав мысль вслух, Ольга поняла, что именно привлекало ее в спутнике. Достоинство. В том, наверное, уже почти забытом смысле, в котором оно употреблялось... до революции? Или после Великой Отечественной о нем еще что-то слышали? Сейчас в мужчинах больше ценят агрессию собственника, которая часто скрывает под собой личные травмы и неуравновешенность. Она сама старалась избегать подобных контактов, опасаясь непредсказуемого поведения и последствий. А рядом с Байоном спина поневоле выпрямилась, походка выровнялась, кажется, она впервые за долгое время никуда не бежала, появилось чувство защищенности, и уверенность в том, что оно возникло не на пустом месте. Дело даже не в том, что мужчина рядом мог ее от чего-то обезопасить, скорее сам он не представлял угрозы и вызывал доверие.

У кассы они оказались довольно быстро. Ольга расплатилась, и они покинули магазин.

— Куда теперь?

Мужчина взглянул на нее со знакомым выражением преданного лабрадора, что вызвало невольный смешок.

— Вы все такие?

— Какие?

— Послушные. Креон... Он делал все так, как я говорила. Теперь вы. Это неплохо, просто странно.

И непривычно. Не сочетается поведение и образ. Кажется, уверенный в себе человек не может быть настолько покорным. Или дело в том, что она привыкла видеть желание показать собственную независимость, во что бы то ни стало?

Собеседник улыбнулся. В уголках глаз проступили морщины. Уже не молод. Наверняка старше ее. Чего по первому взгляду и не скажешь.

— Креон попал в стрессовую ситуацию, — они неторопливо направились в сторону продуктового супермаркета. — И повел себя так, как правильно. Положено по инструкции. Найти самого безопасного собеседника и заручиться его поддержкой. Правила предписывают не проявлять агрессии и слушать, что он и сделал. Это проявление здравого смысла, а не покорность. Нас с детства учат, что, оказавшись в незнакомой ситуации, нужно слушать более опытного специалиста. Перенесись вы неожиданно на Киорис, Креон повел бы себя совершенно иначе, проявляя больше инициативы и стараясь помочь вам с адаптацией. Но у нас этим обычно занимается Храм.

Пояснения заставили взглянуть на ситуацию иначе. Она как-то привычно записала ученого в неприспособленное к внешнему миру и жизни существо, требующее особого внимания и ухода. А оказалось... Поспешила. Но разочароваться оказалось приятно.

— Интересно. И что, вы бы вот так просто подошли к любому человеку на улице и попросили помощи?

— А почему нет? На Киорисе не откажут без веской причины. Но и просить без нее же не станут. Мы уважаем время и силы друг друга и стараемся не тратить их напрасно.

Уважение к времени другого человека. Параллельная реальность какая-то... Совершенно другой уровень культуры по сравнению с уже привычным. И подтверждение того сразу же нашло проявление.

Байон не кидался открывать перед ней двери или хватать в магазине корзинку. Зачем,

если она в состоянии сделать это сама? Он сложил пакеты в камеру хранения и вопросительно посмотрел на нее, ожидая дальнейших указаний. И Ольга начала пояснять. Рассказывать про продукты, что нужно купить и почему. Мужчина слушал, кивал, возможно, даже старался запомнить. Неизвестно, сколько им еще оставаться в России и есть ли на загадочном космическом корабле еда. Знания пригодятся.

А когда корзинка вдруг стала слишком тяжелой — все же таскание по дому больного не прошло бесследно — Ольга без всякого стеснения протянула ее спутнику и попросила:

— Понеси, пожалуйста. Руки болят.

Он взял. И понес. До самой кассы. Не возмущаясь. Не устраивая сцен. Не поторапливая. И не закатывая глаза от скуки. В какой-то момент, складывая очередные консервы и поворачиваясь к полке, женщина поймала на себе взгляд продавщицы. Выразительный. Почти кричащий. Зависть. Обида. Непонимание. И на мгновение стало смешно, что с стороны их приняли за пару. Да, наверное, похоже на семейный поход по магазинам. Вот только...

Она украдкой бросила взгляд на спутника. Видный мужчина. Не красивый, по крайней мере, не той классической красотой, что ослепляет с экранов. Скорее симпатичный. С простыми, приятными чертами лица, открытым взглядом, загорелой в конце апреля кожей, подтянутой фигурой, правильным разворотом плеч, крепкими ягодицами, за которые хочется ущипнуть. А главное — то самое достоинство, которое ощущается на инстинктивном уровне и привлекает внимание. Да, видный мужик, и в другое время, в другой ситуации, она, возможно, не отказалась бы продолжить знакомство и увлечь его. Вот только...

Интереса в глазах киорийца не было. Как и в поведении. В расслабленной позе. Он не пытался приблизиться или прикоснуться, не следил за ней взглядом, наоборот сохранял дистанцию и лишь реагировал на ее действия, мало проявляя инициативу. И Ольга поняла его. И продолжила рассказывать...

...Потом они вместе тащили пакеты до дома и разносили продукты по квартирам. Заболтавшись, женщина рассказывала про соседей. Кто где живет. Сколько лет. У кого — дети, у кого — внуки. Так получилось, что квартира ей досталась от бабушки. А та в свою очередь получила от правительства. Как многие в этом доме. Соседей Ольга знала с детства. Кто-то в детстве ездит к бабушке в деревню, а она из деревни приезжала в Москву. И, пожалуй, проводила здесь самые лучшие каникулы.

На сопровождение старики реагировали одинаково положительно. Улыбались, благодарили, жали руку, пытались усадить за стол. Ольга привычно отнекивалась и всем объясняла, что ее помощник — иностранец и ни слова не понимает. Понимать-то пусть понимает, главное, что ответить не может. А пожилым именно общения и не хватает.

Конечно, ей снова совали деньги. И приходилось брать. Чтобы не обидеть. Не все соседи хорошо представляли стоимость товаров в магазине, поэтому давали столько, сколько могли. А она брала, чтобы потом потратить снова. Кто-то скажет: благотворительность. Но для нее все эти люди являлись частью привычного сложившегося мира, который рано или поздно уйдет. А все, что остается — стараться поддерживать его, пока еще есть время.

— Креону очень повезло попасть к вам, — задумчиво произнес инопланетянин, когда все продукты были отданы, и они медленно поднимались по лестнице на нужный этаж.

— Почему?

— Вы очень сострадательны. И щедры. На Киорисе о больных и стариках заботится

государство. Хотя... У нас мало больных. А старики обычно могут позаботиться о себе сами. Но если что-то случается и нет родных... За ними присматривают и обеспечивают всем необходимым.

— У нас от заботы государства лучше держаться подальше... — пробормотала Ольга, вспоминая больницы и бесплатную медицину.

— Вы отлично справляетесь.

Прозвучало искренне. И стало приятно.

Поднявшись на этаж, она покосилась в сторону двери Тамары Павловны, но направилась к своей. От соседки так просто и быстро не уйдешь. Придется все объяснять, а это лучше сделать тогда, когда гости уйдут. У них тоже дела...

...Новая одежда на Креона села идеально. Вот, что значит глаз-алмаз. У нее так хорошо подобрать бы не вышло.

После переодевания гости быстро собрались уходить. Саша выглядела тихой и задумчивой, но подтвердила, что вечером ждет ее на квартире. А зеленоглазый инопланетянин перед самым уходом вдруг встrepенулся и вернулся к ней. Снял с руки широкий браслет и застегнул на ее запястье. Ольга даже возразить не успела.

— Это коммуникатор, — он говорил на киорийском, а гарнитура в ухе послушно переводила. — Александра научит тебя им пользоваться. Сейчас у вас нет средств связи, но они могут пригодиться. Не отказывайся.

— А как же ты?

— Возьму запасной на корабле. Там всегда есть несколько комплектов.

— Спасибо.

А что еще сказать, когда тебе дарят инопланетный мобильник на руку?..

Закрыв дверь, Ольга перевела дух и пошла собирать вещи, а через два часа уже звонила в соседнюю квартиру. Вот только там никто не отвечал...

До корабля добрались в молчании. Каждый думал о чем-то своем. Саша пыталась переварить услышанное от Креона и мало обращала внимание на мужчин.

Дети... Они с Икаром знакомы всего пару месяцев, из которых плотно общаются несколько недель в общей сложности. Думать о будущем еще рано. Тем более о детях. Хотя, если признаться самой себе, подобная перспектива пугала ее отнюдь не из-за принца. Нет, причина снова крылась во Владе.

Она ведь не сразу ушла от него. И до развода они встречались, бывший муж хотел поговорить. Обсудить их брак, как он сказал тогда. А Ольга только фыркнула:

— Детей будет предлагать завести.

— С чего ты взяла?

— С того, что женщина в декрете — самое уязвимое существо. Денег копейки. Сидит на шее у мужа. А тот может издеваться, как хочет. В том числе угрожая, что уйдет и бросит ее одну с ребенком. Вот твой благоверный и додумался, как запереть тебя дома под замком. Странно, что только сейчас.

— Я же таблетки пью. И до сих пор...

— И Слава Богу. Хоть тут мозгов хватило...

Подруга редко критиковала, но тогда пребывала не в лучшем расположении духа. И высказывалась резко. Стоит ли говорить, что на встречу Саша пришла нервная и дерганная? А уж когда Влад вкрадчивым, ласковым тоном заговорил о детях... О том, что они так много времени потеряли, пытаюсь построить карьеру. Что им просто не хватало уюта. Что брак без детей — это просто узаконенный трах.

Она не помнила, как досидела до конца встречи. И как прощалась с бывшим. Как доехала до Ольги. А вот, как ее трясло потом — это врезалось в память отлично. И как подруга, душевно матерясь, отпаивала ее валерьянкой, а потом водкой. И успокаивала. Убеждала, что все пройдет. И вообще, хорошо, что Влад такой прямолинейный, а мог ведь и просто таблетки подменить, и тогда...

Кажется, после высказанного предположения Саша окончательно скатилась в безобразную истерику и успокоилась только во сне. А на утро проснулась с четким пониманием, что развод неминуем. Потому что иначе ее запрут в клетке. И она уже никогда не сбежит.

Страх — вот то, что заставило ее действовать. Ужас перед будущим, которое щедрыми мазками рисовало воображение. Потом он еще долго преследовал ее и пропал только на Киорисе, но, видимо, не до конца, раз сейчас проснулся.

Александра понимала, что Икар вовсе не Влад и вообще имеет с ним мало общего, но... Сама мысль о детях заставляла ее внутренне холодеть и желать куда-нибудь провалиться. Она украдкой потеряла плечо, на котором находился пластырь. Задыхалась ровнее. Все хорошо. Вероятность вовсе не означает, что им нужно заводить детей завтра. Или в обозримом будущем. Война и так спутала все карты. А когда она закончится... Кто знает, захочет ли Икар вернуться к ней?

Еще утром она так уверенно заявила Байону, что принц придет за ней. Но верила ли в свои слова? Саша не знала. В глубине души ей хотелось, чтобы он появился здесь немедленно. Прямо сейчас. Взял и щелчком пальцев решил все проблемы. Победил в войне.

Навел порядок. И забрал ее с этой планеты. Как в прошлый раз. Вот только... Так бывает лишь в сказках.

На корабле Александра направилась в каюту собирать вещи. Но буквально через несколько минут ее отвлек Креон.

— Прежде, чем ты уйдешь, я хотел бы провести один эксперимент. Если ты не против, конечно.

— Что мне нужно делать?

Нет, она вовсе не мечтала стать подопытной крысой, но диалог разбудил не только страхи, но и любопытство.

— Коснуться ядра.

От ответа брови поднимаются вверх, а челюсть ползет вниз.

— Это безопасно, — продолжает принц, заметив ее реакцию. — Сейчас оно почти не функционирует. И не нагревается. Я считаю, что физический контакт усилит воздействие излучения, возможно, ты что-то увидишь. Не знаю... Но попробовать стоит.

Саша сделала пару вдохов и кивнула.

— Давай попробуем.

В технический отсек они спустились вместе с Байоном. Тот явно не разделял их интерес, желая поскорее закончить с ремонтом, но все же согласился. Перед самым ядром он отступил в сторону, позволяя им приблизиться.

— Пожалуйста, открой кожух, — попросил Креон.

Капитан нахмурился, но что-то сделал, и прозрачная пленка, закрывавшая ядро, уползла вверх. На линкоре кожух был непрозрачным и более плотным, как выяснилось, из-за более интенсивного излучения. Незащищенное ядро пульсировало мягким светом, притягивая взгляд и совсем не пугая, как в первый раз.

Александра опустилась на колени и осторожно протянула ладонь к... чужому мозгу. Талия молчала. После явления во сне она больше не приходила. Но хотя бы не возражала против их инициативы. Одобряла? Или тоже заинтересована в результате?

Глубокий вдох. Выдох. Прикосновение.

Поверхность ядра оказалась шершавой. С прожилками. Чем-то похожа на древесную. Холодная. И под напряжением. Короткое пощипывание током щекотало ладонь. Ничего страшного не произошло. Необычного тоже.

Саша уже выдохнула и расслабилась. Повернулась к Креону:

— Кажется, ничего...

И тут ее ударило так, что тело невольно выгнулось дугой, а глаза закатились...

...Солнце. Яркое. Близкое. Обжигающее. Черный-черный космос и огромная звезда с кипящей поверхностью. Возможно, даже не солнце, а что-то другое. Звезда приблизилась. Поглотила ее светом и жаром. Ослепила. Чтобы оставить в темноте. В которой то тут, то там начали разгораться огоньки. Мерцающие каждый со своей частотой.

— Ты все рассказала Креону.

Саша вздрогнула. Талия возникла рядом. Свет от огоньков озарял ее под разными углами. И тени плясали на лице и фигуре, превращая принцессу в настоящего призрака.

— Он оказался первым ученым с Киориса, которого я встретила.

— Все правильно, — киорийка улыбнулась, но в неровном освещении выражение ее

лица оказалось совсем непривлекательным. — Он — умный. Лучший из всех возможных вариантов. И я рада, что с ним все в порядке.

Радости в ее голосе не было.

— Где мы?

Глаза постепенно привыкли к темноте и уже различали очертания движущихся деревьев странной вытянутой формы почти без веток и неровного пола где-то внизу.

— В памяти Археоса. Здесь я оказалась сразу после смерти.

— То есть... Это океан?

Разум соединил картинку с объяснением, и деревья превратились в водоросли, а пол — в дно. Вокруг должна быть вода, но дыханию она не мешает. Хотя... Это ведь сон.

— Да. Момент его рождения. Археоса.

— Рождения?

Саша огляделась, завертела головой. Скопление мерцающих огоньков оказалось... маленькими копиями того огромного существа, что она видела на Киорисе. Величиной не больше ладони. Они держались вместе. Стайкой. Или косяком, как говорят про рыб. Метались в хаотичном порядке, но не расплывались. А в стороне, словно воспитатель в детском саду, держался гораздо более крупный Археос. Однако он все равно уступал размерами встреченному ранее.

— Они такие маленькие... Даже не верится, что вырастают до таких размеров...

— Не только вырастают... Я рада, что ты здесь. Словами нельзя передать некоторые вещи. Их можно только увидеть. И я хочу показать.

Талия протянула ей руку и взглянула с ожиданием.

— Что показать?

Девушка не торопилась соглашаться неизвестно на что.

— Его память. Он мертв, его воспоминания уже неизменны. И по ним можно путешествовать. Я знаю дорогу, и знаю, куда нам следует попасть. Пойдешь со мной?

Саша нахмурилась и еще раз посмотрела на дрейфующую стайку маленьких созданий, похожих на медуз. Они выглядели совершенно безобидными, но что-то подсказывало, что все окажется не так просто. И стоит ли ей еще больше погружаться в изучение чужого мира? Или... Если Археосы прибыли с Земли, сможет ли она узнать что-то полезное?

— Хорошо. Идем.

Она сжала прохладную ладонь Талии и позволила утянуть себя вверх к поверхности. Плыть во сне оказалось легко. Никакого сопротивления воды. Давления. Нехватки воздуха. Только ощущение движения, больше похожее на полет. Вокруг становилось светлее. Солнечные лучи пронизывали воду, но в их свете не появлялись рыбы или другие жители океана. словно он вымер. От пустоты становилось жутко. Появилось желание вернуться назад. Саша даже дернула руку, но Талия держала крепко.

— Еще немного. Подожди.

Она даже не повернула головы, продолжая тянуть землянку за собой. Та дернулась сильнее. Еще раз. Бесполезно. А потом поверхность буквально ударила в лицо, заставив зажмуриться. И все переменялось...

Саша открыла глаза и несколько раз моргнула, пытаясь понять происходящее. Она видела свет. Световые силуэты в темноте. Множество силуэтов. Людей. Животных. Рыб. Птиц. Куда не глянь, всюду находились силуэты, живущие собственной жизнью.

— Что происходит?

— Так они видят мир...

— Что?

— Каждое существо для их восприятия лишь сгусток энергии, которой они могут управлять по собственному желанию.

— То есть...

— Они могут все. Абсолютно. Я еще не поняла, каким образом делятся сферы их влияния. Территориально или как-то еще. Но... С тем, что видят, Археосы могут делать все, что пожелают.

Вот один из силуэтов мигнул и погас. Пропал, растворившись в темноте.

— Он умер?

— Его убили. Сейчас тот, в чьем разуме мы находимся, учится управлять своими силами...

А вот теперь дыхание пропало даже во сне.

...Тамара Павловна нашлась на полу в коридоре. Видимо шла на кухню или к двери, когда упала. Одна половина ее тела потемнела от прилившей крови. Взгляд устремился в пустоту. Инфаркт. Ольга уже знала признаки. Бабушка когда-то умерла также.

Женщина вызвала скорую. Взгляд упал на записную книжку. Нужно позвонить внукам. Кому-то из родственников, чтобы приехали. Имущество теперь принадлежит им. Только вот...

Тонкие желтые странички с разделителями по алфавиту. Нужный номер телефона. И старый диск закрутился под пальцами. Старческий голос раздался после пятого гудка.

— Алло...

— Иван Александрович?

— Я, а это кто?

— Соседка Тамары Павловны. Она вам обо мне рассказывала...

— А, Оленька... Здравствуй. А ты чего звонишь? Случилось чего?

— Иван Александрович, — Ольга взглянула в сторону коридора и тяжело вздохнула: — Тамара Павловна умерла. Я у нее сейчас. Зашла проверить, а она тут...

Справедливости ради, она уже не надеялась найти соседку живой, когда пошла за запасными ключами, все-таки возраст... Но... Известие оказалось тяжелым. И тишина на том конце трубки его только усугубила.

— Ясно, — ответил мужчина после продолжительного молчания. — Ты тогда вот что: номер мой запиши. А лучше заведи всю Томочкину записную книжку себе. С похоронами справишься?

— Да, конечно.

К счастью, Тамара Павловна отличалась редким благоразумием, позаботившись о всех тонкостях похорон заранее. Ольга знала, где лежит нужная одежда и прочее необходимое. В том числе и деньги.

— Тогда сделай все, как полагается. И... Звони, если что-то случится. С внуками Томе не повезло... А про тебя она всегда с добром говорила. Чем смогу, помогу.

— Спасибо, Иван Александрович. Берегите себя.

Она повесила трубку, а записную книжку сунула в карман. Пригодится...

...Следующие три часа тянулись бесконечно. Скорая. Полиция. Ритуальные услуги. Вздыхающие и качающие головами соседи. Общая атмосфера траура. Откуда-то появились темные платки, которыми непременно надо закрыть зеркала и телевизор. Еще лампадку надо поставить. И фотографию найти на крест.

К счастью, все уже было готово заранее. И проведив всех представителей служб Ольга, наконец, смогла отмахнуться от навязчивого желания соседок сделать все «как полагается». А когда вытолкала их из квартиры, сняла платки и затушила лампадку. Тамара Павловна в Бога не верила, так зачем этот театр абсурда? Ей бы точно не понравилось, как изуродовали квартиру. Она и от отпевания еще при жизни отказалась.

«Всю жизнь жила некрещеной, некрещеной и помру. И нечего тут...»

Ольга аккуратно сложила ткань и последний раз прошла по квартире. Перекрыла воду. Поставила окна на микро-проветривание. Вернулась на кухню. Снова сняла трубку телефона и позвонила старшему из внуков. Выслушала десять гудков. Позвонила

следующему. Снова тишина. У последнего домашнего телефона не оказалось. И вот как теперь их искать?

Она осмотрела холодильник. Выбросила все скоропортящееся. Перемыла посуду. Забрала консервы и прочее, что еще можно было употреблять. Отключила электричество. Вернулась к телефону, но на том конце ей так никто и не ответил. Учитывая, что творится в мире, неизвестно, когда она сможет дозвониться до наследников. А если не дозвонится, квартира вернется государству. Может, так оно и лучше.

Закрывая знакомую дверь и привычно уже воюя с замком, Ольга испытала острый прилив ностальгии. Вспомнилось вдруг, как она пришла сюда в первый раз. Маленькой еще девочкой к забавной, чудаковатой старушке.

«А кто это у нас тут? Это кто так громко смеется?»

Тогда ее угостили пряником. А потом... Потом была целая жизнь. Она знала каждый уголок этой квартиры. Каждую вещицу. Всегда подмечала, если появлялось нечто новое. А теперь все закончилось...

Она смахнула с глаз слезы и направилась к себе. Пора уже ехать к Саше.

По дороге Ольга снова завернула магазин и купила бутылку вина. «Киндзмараулли» отлично подходит к женским посиделкам. Им точно есть, что обсудить. И пусть разговор затянется до утра. Сейчас хотелось расслабиться. Отдохнуть. Взять небольшую передышку.

У самого подъезда ее окликнули:

— Оля!

— Сережа?

Сашин брат сидел на пустой детской площадке, откуда и подошел. Бледный, всключенный с покрасневшими глазами.

— Что случилось?

Ольга нахмурилась. Заныл пустой с утра желудок, напоминая, что ничем хорошим голодовка не кончается.

— Наташка пропала... Утром ушла на работу, вечером должна была вернуться. У нее нормированный график. Из-за детей. Я звонил... На работу. Там сказали, что ее нет. Сегодня была до обеда, а потом нет и все... Я в полицию звонил. В морги. В больницы. Ее нигде нет... Я подумал... Может, Саша... У нее друзья из этих... Может, поможет. А ее дома нет.

— Как, нет?

Теперь сердце кольнуло. Время перевалило за семь вечера, подруга уже должна была быть дома.

— Я стучал. Никто не открывает. Она ключи забрала. Я думал, к себе поедет. А ее нет... Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. Отдохнула, называется.

Ольга молча поставила сумки с вещами и едой на ближайшую лавку, лихорадочно пытаюсь сообразить, что делать и куда бежать. Сергей выглядел откровенно плохо. Перенервничал за пропавшую жену. Наверняка еще и дома все взвинченные. А там еще и дети...

Она взглянула на запястье с новым модным аксессуаром. Вот бы ей еще инструктаж провели, как им пользоваться. А то ведь пока он больше, чем на бесполезную, но дорогую цацку не тянет. И куда тыкать?

— Слушай, — она развернулась к застывшему рядом мужчине. — Ты ведь программист? С инопланетным устройством связи разберешься?

Тот устался на ее запястье, бессмысленно хлопая глазами. Но вот во взгляде появился интерес. Узловатые пальцы коснулись прибора. Обвели импровизированный циферблат. Ткнули на один из выступов. В воздухе между ними возникла проекция прямоугольного экрана с разными значками.

— Твою ж... — выдохнула Ольга.

— Епт... — не менее выразительно выдал собеседник. — Откуда оно у тебя?

— Подарили.

В глазах Сергея появился немой вопрос, но мужчина тряхнул головой, сосредотачиваясь на экране. Несколько раз ткнулся в разные меню, аккуратно возвращаясь обратно, нахмурился. Затем скрипнул зубами.

— Ну... чисто теоретически нам сюда.

Он ткнул пальцем в изображение свитка.

— А это точно не почта?

— А она тут есть?

— Понятия не имею...

Тем не менее, на экране отражался какой-то список контактов. Если верить пиктограммам и набору из двух слов с больших букв. Одна из картинок изображала самолетик. Знакомый такой. Именно его Ольга нашла на тумбочке, когда прибиралась после ухода гостей.

Со вздохом она ткнула в изображение пальцем. Картинка мигнула и пропала. По ободку «циферблата» забегали искры.

— Это с ним чего? — почему-то шепотом спросила женщина.

— Ожидание вызова. А мы кому звоним? — так же шепотом ответил Сергей.

— На космический корабль... Наверное, капитану.

Кажется, так глупо она не чувствовала себя с самого университета. И раздавшееся за спиной вежливое покашливание заставило подпрыгнуть и резко обернуться. Сережка еще и взвизгнул не хуже болонки, за что сразу захотелось дать ему по шее.

За их спинами стояла высокая и очень привлекательная женщина в джинсовом костюме. Рыжие волосы были аккуратно уложены в элегантный пучок на затылке. Темные глаза смотрели со сдержанным интересом. А на плече у нее висела плетеная авоська.

— Вы, это вы вчера были с Сашей! — воскликнул Сергей, выступая вперед.

Женщина кивнула и приложила руку к груди.

— Филис, — она взглянула прямо на Ольгу. — А вы — подруга Александры?

На русском она говорила с заметным акцентом, но тщательно проговаривая все звуки.

— Да, а вы?

— С Киориса. У нас возникли... трудности. И я отправилась за вами. Предупредить.

Тут браслет на руке ожил и выдал какую-то тираду, снова заставив их с Сергеем вздрогнуть. Черт. Вот про языковой барьер она и не подумала. А гарнитура так и осталась у Креона. Конечно, ей-то она не особо нужна на Земле.

Филис шагнула ближе и что-то проговорила в ответ, после чего все погасло, и браслет стал просто оригинальным украшением.

— Где моя сестра? — Сергей нахмурился, отчаянно пытаясь выглядеть грозно.

Инопланетянка одарила его снисходительным взглядом, осмотрев с головы до ног, а затем указала на лавку:

— Давайте, присядем.

Села Ольга с удовольствием. И даже зашуршала пакетом, извлекая из него упаковку сухарей. Чувствовалось, что этот день закончится еще не скоро.

Киорис

Эскадра покидала Киорис. Элпис получила известие еще вчера, и теперь наблюдала за огнями, едва различимыми на фоне звездного неба. Под куполом Храма располагалась ротонда с огромными, незастекленными окнами, удобными для наблюдения, как за небом, так и за городом.

Валирис в письме прямо говорил о том, что снимает с себя ответственность за безопасность Киориса. И жрица не собиралась его винить. Теперь все зависело только от успеха «Немезиды», в который она верила безоговорочно. И ответила, что полностью и всецело понимает весь риск, а также возможные последствия. И принимает их на себя.

Теперь им остается только ждать. Известий от эскадры. Или нападения Этры.

Тихие шаги, раздавшиеся на лестнице, она уловила сразу. И даже поняла, кто мог решиться потревожить ее. Поэтому, когда Дорея появилась в ротонде, Элпис не удивилась.

— Доброй ночи...

— И вам, иерия...

— Полагаю, Совет упорствует в своем нежелании оказывать содействие?

Жена Иазона горько усмехнулась.

— Они ужасны. Мне казалось, за столько лет они должны были проникнуться благодарностью и уважением к Киорису, а они... Просто стая жалких трусов.

Ее горечь была понятна.

— На благодарность способны лишь те, кто великодушен. На искреннюю благодарность. В остальном же она чаще превращается в зависть. Мы попали именно в эту ловушку. И теперь вынуждены показать силу.

— Но хватит ли ее? Мне кажется, нас так мало.

— Дело не в количестве. В прошлой войне Киорис показал слабость, оставив соперника жить.

— Разве это не милосердие?

— В глазах сильного — да, но не в глазах слабого. Слабый всегда принимает великодушие за слабость. Он видит то, что привык видеть. И кто-то посчитал, что мы слабы. А потом завязалась коалиция...

— Вы что-то узнали?

Дорея взглянула прямо. Без страха. Ей хватало беспокойства за мужа. Оно вытесняло все остальное. Не позволяя ей переживать еще и из-за заговора.

— У меня состоялся приватный разговор с Правительницей Эль-Сабы. Она поделилась своими... мыслями. Выводами. Местами они основаны на догадках. Местами на... разведанных. Она не стала уточнять многое, но... мне хватило. Как только Этра признала поражение, к ней обратился Рахх с предложением оказать помощь в восстановлении. Так же через посредников с шейхами Этры взаимодействовали и другие. Сделки проходили на Базаре. Шиитранцы делали вид, что ничего не понимают. Но все знали. Последняя встреча состоялась в день торгов, на которые попали Филис и альмы. Тогда же был подписан некий документ, обозначивший обязательства Этры в случае ее победы в войне.

— Благие Боги... Так все, что я делаю, бесполезно?

— Почему же? Пока они видят наши попытки прийти к союзному соглашению, они

думают, что на шаг впереди нас. А мы тем временем можем готовиться к удару. Предупрежден — вооружен. К тому же, Эль-Саба обещала прислать пару эскадр наемников. Неофициально, конечно.

Теперь усмешка Дореи стала хищной.

— Значит, нам нужно показать силу?

Эллис ответила ей прямым взглядом.

— Именно так. В этой войне милосердию не место...

Земля

На скамейку они сесть не успели...

Ольга даже не поняла, что произошло. Их вдруг с четырех сторон обступили фигуры в защитных костюмах с недвусмысленно направленным оружием пусть и незнакомой формы, но весьма убедительным. Зазвучали резкие команды, от которых Филис вздрогнула и заметно побледнела. Пальцы ее рефлекторно сжались на ручках авоськи.

Сердце застучало оглушительно громко. Землянка вскинула взгляд на Сергея, замершего с виноватым видом. Губы у него шевельнулись, выговаривая единственное слово:

— Прости...

В светлых глазах виделось отчаяние и вина. Ольга открыла рот, чтобы высказаться, но не успела издать ни звука. В спину ударили, заставив рухнуть на колени и задохнуться от боли. Она еще увидела, как киорийка швырнула сумку в голову одному из нападавших и чем-то приложила второго так, что тот рухнул. Однако потом до нее добрался третий. Удар сбил с ног. Ее оружие пинком ноги отшвырнули в сторону. И ударили по голове, предотвратив попытку подняться.

Ольга подняла взгляд на Сашиного брата. Тот стоял, повесив голову и руки. С побелевшим, перекошенным лицом. Потерянный и одинокий. К нему подошел еще один человек. Типичный араб. Узкое лицо с тонкими чертами. Темные глаза. Черные волосы, заплетенные в короткую косу — пожалуй, единственное, что выбивалось из образа. И одежда. Обычный деловой костюм графитного цвета с белой рубашкой, расстегнутой на пару пуговиц сверху.

Он что-то произнес, от чего Сережка вздрогнул и вскинул на него взгляд. Сжал кулаки. Инопланетянин на него не смотрел. Оглядел Филис, руки которой уже выкрутили за спину и сковали браслетами. Взглянул на саму Ольгу. Взгляд у него был неприятный. Холодный. Расчетливый. И стало ясно, что и сама она, и все остальные для него — лишь пыль под ногами. Средства. Не более.

— Оль, нам нужно еще раз позвонить с твоего браслета, — запинаясь, выдал Сергей.

— Нам?

В горле пересохло, и изо рта вырвалось какое-то карканье.

— Оль, пожалуйста. У них на самом деле Наташка. Они нас понимают. Просто позвони еще раз.

— Чтобы они сигнал отследили?

Грудь сдавило глухим отчаянием. В спину недвусмысленно уперлось что-то твердое. В горле встал комок. Их убьют. Вот прямо здесь и сейчас. Отследят звонок. Поймут, где искать корабль, и убьют... Это только наивный, оторванный от реальности программист может поверить, что их потом отпустят. Или что его жену оставят в живых.

Брюнет вдруг шагнул к ней, заставив вздрогнуть и податься назад. Еще плотнее прижимаясь к тому, что наверняка является оружием. Он сунул руку в карман, а потом потянулся к ее лицу. Ольга попыталась отвернуться, но этим только облегчила задачу мужчине. Кожу обожгло, и ухо что-то кольнуло.

— Ай!

Она поморщилась, привыкая к неприятному ощущению. А «араб» обхватил ее подбородок и заставил запрокинуть голову.

— Я вижу, ты упряма. Один из моих старших братьев любит упрямых женщин. К тому же в теле. Мне вот нравятся постройнее, но ты в его вкусе. Я сделаю ему приятный подарок, преподнеся диковинку с Земли.

Ольга попыталась вывернуться и взмахнула рукой, чтобы освободиться... Зря. Руку сразу же перехватили. Как и вторую. А в следующую секунду она уже лежала, уткнувшись носом в дорогие кожаные туфли инопланетянина и сжимая зубы, чтобы не взвыть от боли. Руки ей вывернули так, что даже в глазах потемнело. Грубые пальцы зарылись в волосы и потянули вверх, заставив застонать. На глазах выступили слезы. И сквозь их пелену она увидела лицо мужчины слишком близко. Он наклонился и заговорил тихо и вкрадчиво:

— Ты ведь все равно позвонишь. Сама. Сейчас или позже. Я умею убеждать. Да и ради чего тебе мучиться? Ради кого? Ради того, кто дал тебе коммуникатор? Кто он?

Слезы покатались по щекам. Ольга с трудом сглотнула. Во рту появился привкус желчи. Внутренности скрутило в узел. Появилось ощущение безнадежности и бессмысленности любых усилий. Ее все равно сломают. Заставят говорить. Что она выиграет? Время? Это ведь важно. Иногда.

— Мне его дала подруга. Чтобы не потеряться.

Она ведь жалкая сейчас. Растрепанная не такая уж и молодая женщина с отпечатком асфальта на щеке. С красными, воспаленными глазами. Плачущая. Слабая.

— Подруга... — протянул «араб». Он совсем не удивился. Про Сашу они знают. Ну да... Они ведь здесь ее ждали. Хотели через нее найти корабль. А попалась Ольга. И Филис. — Хорошо. Так вызови ее.

Сердце стучало едва ли не громче слов мужчины. Она постаралась кивнуть, насколько позволяла хватка в волосах. Пальцы разжалась. А потом ее бесцеремонно дернули вверх. Брюнет сделал шаг в сторону, достал из кармана белый платок и демонстративно вытер пальцы. На безымянном сверкнул перстень-печатка.

Ее ткнули в спину и заставили сесть на скамейку. Сергея наоборот оттеснили в сторону. Валявшийся на земле нападавший медленно поднялся на ноги. А вот Филис оставили лежать.

Ольга растерла покрасневшую от грубого обращения кожу на предплечьях. Она думала. Пыталась лихорадочно сообразить, как помочь Саше. Да и Креону. Байону. Их ведь тоже не пощадят. И тогда точно никто не прилетит. Их не спасут. И...

— Звони.

Холодный тон и жесткий приказ. Она подняла руку с браслетом. По памяти активировала экран. Руки дрожали. Сердце ухало. Пальцы на ногах похолодели. Ткнула в нужную картинку. Затем в изображение корабля. Она надеялась, что ей не ответят. Что кто-то заподозрит неладное...

— И без глупостей, — таким тоном произнес мужчина, что внутри все оборвалось. — Отслеживайте.

Один из сопровождающих кивнул. А тишина сменилась короткой фразой, видимо на киорийском.

— Это Ольга, — с трудом выдохнула она, кожей ощущая чужое внимание и то, как время утекает с каждой секундой. — Ты можешь позвать Сашу? Тут ее муж объявился. Ты же знаешь, как она его любит...

Слова давались с трудом. Буквально каждое приходилось выдавливать. Да еще и вслепую. Она понятия не имела о том, насколько Байон или Креон — по голосу не понять — в курсе личной жизни подруги. «Араб» сверлил ее взглядом. Сергей, слышавший каждое слово, замер каменным изваянием. А в ответ раздалась тишина... Затем какая-то фраза на киорийском, которую женщина не поняла. А потом связь пропала. Вызов прервался.

— Засекли нужный квадрат.

— Так сообщи координаты, пусть высылают группу. А ты, — ее подбородок снова обхватили жесткие пальцы, — упрямая, но такая глупая. Думаешь, ты кого-то спасешь? У нас жрица. А их киорийцы не бросают... Возьмем всех. Брат будет доволен...

— Моя жена, — подал голос Сергей. — Вы обещали, что ее отпустят домой...

Брюнет лишь едва повернул голову в его сторону.

— Обещал? Я сказал, что ей сохранят жизнь. Она — полезный работник. Останется в лаборатории. Будет работать. А ты будешь хорошо себя вести и докладывать обо всем странном, что узнаешь. Ты же хочешь, чтобы она осталась жива?

Сережка попытался возразить, но ему лишь врезали оружием в живот, заставив умолкнуть, затем добавили по затылку, и он рухнул как подкошенный. Застонал, пытаясь подтянуть колени к груди. Ольга только сплотнула, глядя на него. И закрыла глаза. Попыталась подумать о чем-нибудь хорошем. О родителях. Или о Тамаре Павловне. Но голову почему-то упорно лезли зеленые глаза «лабрадора». Дура она все-таки... Вот как есть дура.

Пальцы на подбородке разжались.

— Забираем обеих и уходим. Подождем других гостей...

...Байон от души выругался, пытаясь оторвать руку Саши от ядра. Ладонь словно прилипла. А девушка не приходила в себя. Взлететь с незакрытым ядром они не смогут. Все равно пролетят недолго. На полной мощности он быстро поймает галлюцинации и не справится с управлением. Возможно, выбирая между визитом Рахха или Этры и смертью, второе окажется предпочтительнее, но он обещал другу, что позаботиться об Александре. Позаботился...

— Мне не стоило устраивать эксперимент. Моя вина.

Креон застыл рядом. Нахмурился. После окончания сеанса связи прошла от силы пара минут. Гости могут нагрянуть в любой момент. А то, что они будут, киориец не сомневался. Слишком уж неживой голос был у Ольги. Слишком осторожно она цедила слова. А уж фраза про мужа... Наверное, если бы не время полета, проведенное за разговорами, он бы не обратил внимание. Однако некоторые подробности намертво застряли в памяти.

Взгляд Байона остановился на принце.

— Уходи! — отрывисто скомандовал он.

— То есть?

— Уходи, — капитан вскочил, схватил ученого за плечо и потащил за собой к лестнице на палубу. — Выметайся с корабля. Уйдешь пешком. Затеряешься. Переводчик у тебя есть. Адаптация пройдена. Через пару недель сможешь говорить на их языке. Выживешь.

— Но...

Креон пытался возражать, но Байон, не слушая, втащил его следом за собой и почти поволок к трапу.

— Я не могу позволить, чтобы на этой планете погиб еще один Птолемей. Да и в плен

тебе нельзя. Если они узнают...

Последствия для Киориса страшно даже представить. Тогда проще прямо сейчас взорвать корабль. А Филис... Если жива, справится. А если нет... Так даже лучше. Нельзя попадать в лапы Этры.

— Александра... Икар... — снова попытался объяснить Креон, застыв перед опустившимся трапом.

— От меня они о ней ничего не узнают. От Филис тоже. А ты уходи. Беги.

Капитан развернул ученого и подтолкнул в спину.

— Быстрее! Давай! И ты тоже!

Он развернулся и указал на улицу ликосу. Тот окинул его взглядом, затем посмотрел вслед убегающему в сторону недостроенного здания принцу.

— Иди за ним! Поможешь! Талия бы этого хотела!

Арей облизнул морду, обернулся, словно ожидая подтверждения, а затем в пару прыжков оказался за пределами корабля. Мужчина не стал провожать его взглядом. Пospешил заблокировать трап и направился к пульту управления уничтожать данные. Ни о каком сопротивлении речь не шла. Ему нужно сдать. Чтобы сохранить жизнь Саши. Чтобы попытаться выжить в плену. И помочь ей, насколько это возможно.

Команды вводились одна за другой. Внешние камеры гасли, теряя сигнал. Система полностью обнулялась. На радаре появились приближающиеся точки знакомых объектов. Рахх. Лучший десант. Неудивительно, что Этра прячется за их спинами.

— Талия, если ты меня слышишь, отпусти девочку. Они ее без руки оставят, но от ядра оторвут.

Он не знал, был ли услышан. Только глубоко вдохнул и выдохнул, услышав сигнал вызова. Разговор — уже хорошо. Значит, приказа убивать нет. А там... Как-нибудь договорятся...

Пока неведомый летательный аппарат поднимался над городом все выше и выше, Ольга успела немного успокоиться. Сразу не убили — уже спасибо. И даже погрузили относительно аккуратно. Во всяком случае, за волосы ее никто не тащил и руки больше не выкручивал. А в такой ситуации радоваться начинаешь даже мелочам.

Запястья болели. Кожу на лице в месте соприкосновения с асфальтом жгло. Не говоря уже о ноющей тяжести в мышцах после прошлого дня. Вот и отдохнула. Расслабилась. Посидела с подружкой.

Она покосилась на Филис, которую устроили в соседнем кресле. Спросить бы, что с ними теперь будет. Да только та все еще без сознания. А Сергея так и оставили лежать на земле.

На него Ольга не злилась. Нет, конечно, хотелось бы залепить пощечину или подзатыльник, да только смысл? Все они — люди. У каждого есть свое слабое место. Вот и у него нашли. Хорошо еще, что только жену забрали, а не детей. Тут вообще всех продашь, не то что сестру. Да и героем Сашин брат никогда-то не был. Как и она сама...

Ольга понимала, что ее забрали не просто так. Она нужна. Живой. И относительно целой, раз бить и пытаться не стали. Напугали только. В угрозу продажи верилось смутно. Зачем брать ее, если есть и красивее, и сговорчивее? И моложе, в конце-то концов. Не говоря уже о здоровье. Как-то вот сомнительно представлялась перспектива оказаться в каком-нибудь гареме. Нет, здесь нечто иное.

Им нужна Саша? Подробности ее пребывания на Киорисе Ольга не знала, но какое еще может быть объяснение? Креон? Вряд ли. Судя по реакции того инопланетянина, о нем может быть вообще неизвестно. Разве что теперь он попадет в плен. Из-за нее...

С губ сорвался судорожный вздох. Хорошо, если на том неведомом корабле вообще останутся живые. А если нет? Если они окажут сопротивление? И погибнут? Если...

Она зажмурила глаза и заставила себя дышать ровнее. Не время себя накручивать. Легче никому не станет. Да и чего бояться, если ничего еще неизвестно? Сейчас вот куда-нибудь прилетят, а там наверняка сообщат, что, куда и зачем. Наверное...

Из космоса Земля выглядела как на известных кадрах. Сине-зеленый шар, укрытый облаками. Красиво. Серый шарик Луны на ее фоне терялся и казался каким-то скучным. Обделенным. А вот Солнце... Ольга взглянула на него только раз и поспешила отвести глаза. Слишком уж ярким оно было. Но... Завораживающим. Так и притягивало взгляд. В другой ситуации она бы с удовольствием любовалась. Только настроение не располагало. И усталость подкралась незаметно.

Веки отяжелели. Заныла шея. Мышцы начало тянуть. Все как обычно после финансового аудита. Еще только мигрени не хватает для полного набора. Виски сразу же сдавило. А вот и давление... Еще немного, и инопланетянам даже делать ничего не придется. Она просто будет лежать полутрупом, не реагируя на внешний мир.

Как раз в этот момент их кораблик, оказавшийся не таким и большим на фоне остальных, залетел в открытый шлюз и опустился... на палубу? Мало она фантастики смотрела, чтобы разбираться, мало.

Дальше была высадка. Короткие указания, сопровождающиеся тычками в спину. Коридоры, похожие друг на друга. И каюта. Крохотная комнатка два на два метра, треть

которой занимала узкая койка, намертво приделанная к стенам. Сбоку находилась дверь с небольшой панелькой, за которой оказался столь же небольшой санузел.

Ему Ольга обрадовалась. И даже воспользовалась, справедливо решив, что неизвестно, когда еще рядом окажутся удобства. Зеркало над умывальником отразило сероватое лицо с неестественно блестящими глазами и элегантным отпечатком асфальта на щеке. Могло быть и хуже...

Она осторожно умылась и, наплевав на санитарию, попила воды прямо из-под крана. В мозгу шевельнулась мысль об инопланетных бактериях и вирусах, но была нещадно отменена на задворки сознания. Проблема заражения неведомой дрянью сейчас казалась совершенно незначительной.

На койку Ольга почти упала. Желудок вяло заурчал от голода.

— Ничего-ничего, — она похлопала живот ладонью. — Вот и похудеем заодно. И вообще — голодание полезно. В конце концов, вода есть. Уже что-то.

Вряд ли ее будут морить голодом неделю, ожидая, пока она медленно умрет. Какая-то совершенно бестолковая трата ресурсов, которых наверняка ограниченное количество. Такую громадину ведь содержать надо. Кормить всех. Поить. Канализация опять же. Электричество. Нет, проще пристрелить, чем тащить куда-то. Значит, накормят. Надо просто подождать...

Ждать пришлось примерно час. Ольга как раз успела прикинуть примерное количество членов экипажа, исходя из размеров корабля и количество ресурсов, требующееся на их обслуживание. И это не считая всяких военных штучек, типа орудий и прочего. Выходило прилично. Даже стало вяло любопытно, откуда они берут такое количество энергии. Ядерный синтез? А нормы радиации у них совпадают с земными? Или тут принципиально другие источники? Эх, жаль она не успела расспросить Креона, теперь вот было бы, что обсудить...

Пришли за ней двое. В одинаковых серых комбинезонах. С оружием наперевес. С черными, короткими косами. Очередной приказ и повелительный взмах рукой. Командовать они тут все умеют...

Дальше снова — коридоры, коридоры и дверь, отъехавшая в сторону. А за ней...

Саша сидела на полу и смотрела на стоящего перед ней мужчину с таким выражением, будто он ей яду предложил выпить. А потом взглянула на нее. И сердце в груди сделало кувырок. Рухнуло куда-то в желудок. Стало холодно. А потом жарко. Вот сейчас и выяснится, зачем ее похитили. Только знать как-то не хотелось...

— А вот и твоя подруга. Самая близкая, если верить твоему брату. А он нам пока не врал.

Владелец помещения выглядел довольным. Как кот, сметаны обожравшийся. Да еще и безнаказанно. Сразу стало ясно, что он владеет всем кораблем, да и остальными, скорее всего, тоже. Положение выдавали повадки и взгляд того, кто никогда не слышал отказов. Властность. Жестокость. Вседозволенность. А еще — ум. Вот, что читалось на породистом лице этросса.

Холодный, оценивающий взгляд, скользнувший по ней, рассеял последние иллюзии. Такой человек убьет и не поморщится. Или будет наблюдать за чужой смертью и попивать чаек. Или кофе. Или что там пьют у этих инопланетных арабов?

Ольга перевела взгляд на подругу. Та дышала тяжело и шумно. А кожа приобрела какой-

то совсем нездоровый зеленоватый оттенок. Так она и в обморок упадет. Стало еще неуютнее. Если такое вообще возможно.

Она обернулась, только теперь заметив, что ее сопровождение осталось за закрытой дверью. А повернувшись обратно, обнаружила, что мужчина подошел ближе. Он двигался плавно и бесшумно. Как зверь на охоте. А она, стало быть, добыча.

— Любой информации нужно подтверждение. Лучше, если из нескольких источников, — этросс говорил, словно продолжал начатый до ее появления диалог. — Вот только пытаться твоих друзей бесполезно. Киорийцы в этом плане крайне несговорчивы. Военные вообще имеют блок почти ко всем нашим разработкам. Мои медики, конечно, поработают, но вряд ли чего-то добьются. Жрицы же вообще отдельная тема... Слишком редкий товар. Слишком ценный. Не хочется портить. А вот твоя подруга — совсем другой разговор.

Он держался на расстоянии. Отошел в сторону, продолжая разглядывать ее, чуть склонив голову к плечу.

— В землянах вообще нет никакой ценности. Их слишком много для одной планеты. А расовое разнообразие нивелирует преимущества и редкость. Так вот, твоя подруга, пусть и не обладает нужной информацией, но может послужить рычагом давления на тебя. Ты ведь не хочешь, чтобы с ней что-то случилось?

Губы Саша шевельнулись. Но с них не сорвалось ни звука.

— Что ж... — этросс остановился. — Раз беседа не помогает, сделаем ее более продуктивной.

Он громко хлопнул в ладоши. И через секунду дверь распахнулась. Ольга едва успела обернуться, как ее схватили и буквально швырнули на пол. Колени вспыхнули болью. Заломленные руки тоже. На глазах уже привычно выступили слезы, когда голову запрокинули назад, а горло легонько обожгло каким-то светящимся ножом, рукоять которого она разглядела лишь мельком.

— Нет! Не трогайте!

Судя по звукам, Саша вскочила на ноги. Зря. Теперь он точно убедился в своей теории. Сволочь. Что б ему...

Ольга смотрела в потолок, четко осознавая, что ее жизнь сейчас висит на волоске. Гораздо более реально, чем пару часов назад во дворе. Тогда ее лишь пугали. Теперь пугают подругу. И, судя по обрывкам фраз, им что-то нужно. Чтобы она сказала. И нужно надавить. А значит, ее и порезать могут. И будут резать медленно и мучительно. Чтобы жила подольше и своими мучениями оказывала моральное давление.

От понимания стало только сложнее. Слезы катились по щекам как-то по инерции. В горле пересохло. Мышцы свело от напряжения. И осознания собственного бессилия. Ей оставалось только дышать. И ждать...

— Расскажи мне, кого ты пробудила, и ее отпустят.

— Я вам не верю!

Правильно. Если ее, куда и отпустят, так на тот свет. Что, в сложившейся ситуации, может быть не так уж и плохо. Главное чтобы быстро. Все-таки боль она терпеть не умеет. Да и боится как любой нормальный человек.

— Даю слово, что твоя подруга останется жива. Просто скажи мне имя.

Имя, сестра, скажи мне имя! Господи, какая же помойка у нее в голове, раз такие мысли всплывают. Самое время о душе подумать. Вспомнить, где и как нагрешила, а она цитаты из

советских фильмов...

— Инженер с линкора «Фотис», — медленно ответила Саша. — Патерас Омниос.

Стало тихо. Настолько, что гудение странного ножа показалось оглушительным. А еще стук сердца. И дыхание. Дышит она вообще оказывается громко. А еще потеет. И вообще, хорошо, что в туалет сходила.

— Хорошая попытка... Уверен, на «Фотисе» действительно есть такой инженер, и, возможно, он даже пробужден. Но не тобой...

— С чего вы взяли?

Голос у Саши дрогнул. Врет. Старается убедительно. Но этого... просто так не обманешь. Умный. Зараза...

— С того, что женщину, пробудившую какого-то инженера, вряд ли сопровождал бы жених покойной принцессы и жрица.

— Мы познакомились за время моего пребывания на Киорисе и...

— Довольно! — приказной тон, явно привычный инопланетянину. — Кажется, мне стоит быть убедительнее в своих словах...

Ольга не поняла, что произошло дальше. Только нож мелькнул перед глазами, превратившись в размытое светящееся пятно, а затем она ощутила удар...

Она смогла только вскрикнуть, когда охранник махнул ножом и ударил Ольгу. Та дернулась, и на знакомом лице отразилось удивление. А потом ее оттолкнули. Нож так и остался в руках у мужчины, а по светлой ткани тонкого свитера начало расплзаться алое пятно.

Ольга попыталась приподняться на руках. Хватанула ртом воздух, и с губ сорвалась первая капелька крови. Она вытерла рот рукавом и завалилась на бок.

— Оля...

Ее шепот в тишине зала прозвучал слишком громко. Саша шагнула к подруге, но дорогу ей заступил этросс.

— У нее пробито легкое. Сейчас грудная клетка заполняется кровью. Если не оказать помощь, минут через пятнадцать она умрет.

Девушке показалось, что это ее ударили ножом. Воздух застрял в горле. Захотелось вцепиться в лицо мужчине и разодрать в клочья. И он по ее взгляду что-то понял. Скользнул в сторону словно змея.

— Время идет. Только тебе решать, на что его потратить. Я все еще жду ответ. Скажи мне, кого ты пробудила, и твоя подруга останется в живых.

Александра перевела взгляд на Ольгу. Та судорожно пыталась хватать воздух ртом. На губах вздулись кровавые пузыри. Алая струйка стекала по подбородку к шее. В серых глазах застыло осознание скорой смерти.

Саша зажмурилась. Виски сдавило будто тяжелым обручем.

— Нет-нет-нет... Этого не может быть! Нет!

Она обхватила голову руками. Реальность происходящего ускользала. Все просто не могло быть правдой. Не с ней. Не с Ольгой. Не так...

— Ты же не хочешь, чтобы она умерла? — вкрадчивый голос ворвался в мысли. — Такая утрата... Давно вы знакомы? Наверное, всю жизнь, раз подруга такая близкая. И что, ее жизнь не стоит имени мужчины?

— Замолчи! — она шагнула вперед, отнимая руки от головы и окидывая помещение взглядом.

Инопланетянина хотелось ударить. Заставить молчать. Сделать что угодно, лишь бы все исправить. Но... Взгляд упал на Ольгу, лежащую на полу. Она ведь ни в чем не виновата. Кроме того, что оказалась не в том месте и не в то время. За что ей умирать? За чужую планету? За глупую подругу, не умеющую убедительно врать?

— Дай мне то, что я хочу знать, и она будет жить.

Нельзя. Икар... Киорис окажется под ударом.

Сиплый хрип Ольги хлыстом ударил по натянутым нервам. Саша вздрогнула и зажмурилась, смиряясь с неизбежным.

— Коммандер Искарис, — прошептали непослушные губы. — Я пробудила его.

В ответ раздался короткий смешок, а затем громкий хлопок в ладоши.

Александра вскинула голову и распахнула глаза. Двери открылись, в зал вошли мужчины в светлых одеждах с какими-то приборами. Они быстро подошли к Ольге. Начали осматривать, обмениваться короткими фразами, которые девушка не успевала уловить. Подключать какие-то приборы. Охранник быстро собрал на полу нечто, похожее на носилки.

— Видишь, — этросс оказался за спиной. — Я держу свое слово. Твоя подруга будет жить. А мы с тобой еще побеседуем. Потом...

Саша не успела ничего ответить, как к ней подступила охрана, и повела прочь. Снова по коридорам, которые она не запомнила. До каюты, где ее оставили.

Оставшись одна, она сползла на пол. Сил не осталось. Этот безумно долгий, бесконечный день выпил их полностью. Что будет с Ольгой? Могла ли она поступить иначе? Икар...

Хотелось провалиться куда-нибудь поглубже, желательно сразу же в бездну. К дьяволу. Может, там ее не достанут. Может, там она никому больше не причинит вреда. Может...

Сознание благоразумно отключилось раньше, чем она успела свести себя с ума.

В привычной уже темноте хотелось раствориться. Остаться тут навсегда. И никогда больше не возвращаться обратно. Она не сможет. Не выдержит еще один такой раунд. А если бы на месте Ольги был Сергей? Или родители? Племянники? Если ее тоже станут пытаться, чтобы заставить Икара сдаться? Нет, лучше остаться в темноте. Здесь ее никто не найдет. Не достанет. И никто больше не будет страдать. Никто...

— Саша!

Голос разрезал тьму. А затем совсем рядом появился знакомый уже образ Талии. Та выглядела более прозрачной и призрачной, но все такой же решительной. И сильной.

— Откуда ты..?

Александра осознала собственное тело и потянулась к принцессе. Та в ответ обхватила ее ладонь и потянула на себя. Неуверенный шаг в пустоту, и ее встретили крепкие объятия.

— Они забрали истребитель. Сейчас пытаются выяснить у Байона, как устроено ядро, и что с ним делать.

От представления того, как именно этроссы выясняют, стало дурно.

— Он...

— Справится, — жестко ответила Талия. — Он знал, на что шел, сдаваясь в плен. И готов ко всему, поверь. Ядру этроссы навредить не смогут. А если додумаются подключить его к системам корабля...

В голосе киорийки послышались нотки предвкушения. Саша отстранилась, заглядывая ей в лицо.

— Ты о нем совсем не беспокоишься? Ты вообще его любишь?!

В зеленых глазах отразилось странное чувство, похожее на жалость.

— Я — мертва. Все, что от меня осталось — воспоминание. Слепок сознания. Набор информации, соединенной в определенной последовательности. Для любви нужно нечто большее. Байон дорог мне. Но я не могу любить его в той мере, в которой могла испытывать это при жизни. Саша, я — не душа. Не призрак. Даже не полноценная принцесса Талия из рода Птолемея. Лишь часть ее. И я могу помочь только тебе. Потому что ты меня слышишь.

— Не только я... — здравая мысль едва не ускользнула, но Александра успела задержать ее, и вцепилась в пилотскую куртку, заглядывая в лицо умершей. — Ольга. Она тоже с Земли. У нее нет иммунитета к вашему излучению. Ты можешь ее найти? Узнать, что с ней? И этроссы. У них ведь тоже нет иммунитета! Ты можешь с ними что-нибудь сделать? Ну, хоть что-нибудь... Пожалуйста.

Она уже не замечала, что буквально трясет принцессу, требуя ответа, а перед глазами туманится от слез. Странно плакать во сне.

— Я постараюсь найти твою подругу, — Талия легко стряхнула ее руки и сжала плечи. — Но этроссы... Их слишком много. Ядро не настолько велико. Истребитель — не линкор. И не крейсер. Мне не хватит сил. Если они все-таки подключат меня к системе, я могу попытаться. Но не уверена. Чужие устройства чересчур сложны для понимания.

Саша судорожно вздохнула и вытерла мокрые щеки.

— Я рассказала им об Икаре... Я... не смогла... Он пытал Ольгу. И... Он теперь знает что...

Какая она все-таки слабая и глупая. Даже говорить нормально не может.

— Что теперь будет?

Талия молча обняла ее и уложила голову себе на плечо.

— Дыши, — твердая ладонь гладила ее по волосам. — Просто дыши. И послушай меня. Ты не могла поступить иначе. И он это знал. Этроссы умеют играть на слабостях. Ты все равно бы ему все рассказала. Даже если не сразу, то ему хватило бы терпения убить твою подругу, а затем всю твою семью. Поверь, рано или поздно, ты бы сказала то, о чем он и так догадался.

— Догадался? Но зачем тогда?

— Потому что любая информация нуждается в подтверждении. Нужно минимум два источника. Считай, что у тебя не было выбора.

— Значит, Ольга зря страдала? Если бы я сразу сказала, ее бы не ранили!

— Возможно. А возможно, он захотел бы показать тебе свою власть и устроил бы маленькое представление.

— Зачем мучить тех, кто все равно беззащитен?

— Чтобы сломать.

Киорийка взяла ее за плечи и отстранила, заглядывая в лицо.

— У Киориса нет наследницы. Нет будущей императрицы. Зато теперь есть женщина, пробудившая принца. На войне победу можно одержать разными путями. Например, сломать будущую правительницу. Заставить ее делать то, что будет диктовать Этра.

— Но я же не невеста Икара! Мы же даже...

Ни разу не говорили о любви. Только хотели встретиться, когда закончится война и экспедиция. А теперь...

— Это неважно. Любой шанс нужно использовать. Любой. Первое правило политика — никогда не складывать все яйца в одну корзину. Теперь ты — страховка Этры на случай, если не удастся задавить Киорис грубой силой.

— И что мне делать?!

— Думать. Разуму можно противопоставить только разум. Только ты знаешь свои слабые и сильные стороны. Только ты можешь понять, как их использовать. Сейчас у тебя есть преимущество. Этросс уверен, что ты ничего не понимаешь. А знание — сила. Ты можешь подготовиться. Разработать стратегию. Выбрать линию поведения. И страховку. Обязательно.

— Я не смогу.

Это ее голос сейчас похож на писк котенка?

— Тогда погибнешь. И можешь погубить Киорис. Подумай. Я не буду говорить о долге. У тебя его нет. Ты никому и ничего не должна. Но у тебя есть шанс. Маленький шанс выжить. Подумай.

Ее отпустили. А потом Талия растаяла.

— Стой...

Саша потянулась к ней, но вокруг осталась только темнота. А скоро и она начала светлеть.

Она пришла в себя, лежа на полу. Совершенно не понимая, сколько прошло времени. Мышцы затекли. Гудела голова. Кожу на лице стянуло. Глаза горели.

Александра медленно встала и огляделась. Каюта была небольшой. Койка. Стол. Стул. Сбоку вход в очистительный блок. Крохотный, но со всеми необходимыми удобствами. Она умылась ледяной водой, и подняла взгляд, рассматривая свое отражение в зеркале.

Бледная. Растрепанная. С красными, опухшими глазами, в которых застыло выражение вины и ужаса. Никто в здравом уме не подумает, что она может представлять угрозу. Или вообще способна на что-то, кроме как дрожать и просить. Влад ведь тоже не думал, что она подаст на развод. И что из дома уйдет. Здесь будет сложнее. С корабля не сбежишь. И Ольга не ждет со сковородкой в руках, чтобы понять, поддержать и помочь. Помощь вообще ждать неоткуда, если подумать. Когда еще Киорис рискнет отправить войска... Если вообще рискнет. Значит, выбора в общем-то и нет...

Нужно вспомнить. Она смогла же убедить мужа, что перестала сопротивляться. Что всем довольна. Нужно быть покорной. Бояться. Дрожать. Не смотреть в глаза. Оставаться слабой. Побольше плакать. И не спорить больше... Показать, что она все поняла с первого раза и больше не хочет таких жутких последствий. По телу прошла неконтролируемая дрожь. На самом деле не хочет. Нужно будет идти навстречу. В разумных пределах. Ведь то, что мужчина пробужден, вовсе не обязывает женщину испытывать ответные чувства. Да, не обязывает.

Стало противно. В голове зашумело. Замутило. Желудок скрутило болезненным спазмом. Саша едва успела обернуться к унитазу, как ее мучительно вывернуло желчью. Она упала на колени, упираясь руками в обод. Организм пытался избавиться от всего съеденного. Хорошо, что сегодня она почти не ела.

Когда приступ прошел, девушка прислонилась к стене. Ее бросило в холодный пот от мелькнувшего предположения о беременности. Пальцы рефлекторно нащупали пластырь на плече. Стало чуть спокойнее. Да и месячные прошли совсем недавно. Нет. Она не может быть беременна. И хорошо. Еще не хватало сделать Этре такой подарок. Скорее всего, просто реакция на стресс. Слишком много всего случилось. А что еще предстоит...

...Место, в котором она оказалась, выглядело непривычно. Вычурная круглая кровать с тонким балдахинном. Зеркало и столик в углу, уставленный баночками и склянками. Изящное кресло перед ним с мягкой обивкой. Стол для еды с двумя стульями. Пушистый ковер на полу, усыпанный подушками. Кальян в стороне.

Просторная уборная с утопленной в полу ванной перед широким иллюминатором. Можно плавать и наблюдать за звездами. В специальном шкафу располагались шелковые халаты. А в гардеробной, двери которой гостеприимно распахнулись, ее ждали наряды. Из тончайшей газовой вуали. Или нежного шелка цвета крови. Вовсе не того оттенка, что носили жрицы, но кто-то старался подобрать его, чтобы угодить...

Филис провела рукой по ткани, мимолетно отмечая качество и возможную стоимость. На отдельной тумбе расположились распахнутые шкатулки с драгоценностями. Золото. Платина. Рубины. Сапфиры. Алмазы. Она лишь скользнула по ним взглядом и вернулась в каюту.

Ее снова пытались купить. Теперь уже не так явно, но чересчур грубо. Даже примитивно. Неужели рассчитывали, что бывшая жрица продается так легко? Или проверяли? И кто? Вряд ли каждый этросс поспешил бы так стараться, значит...

Когда дверь каюты открылась, и порог переступил мужчина в темных с золотой отделкой одеждах и длинной черной косой, она не удивилась. Запомнила лицо еще там, на К'Шиитре. И он ее тоже. Улыбнулся, стараясь скрыть вспыхнувший в глазах огонь.

— Да не угаснет Солнце над твоей головой, о великий шейх, — холодно поприветствовала Филис на этросском, не опуская глаз и не спеша кланяться.

— Пусть ручьи растекаются у твоих ног, госпожа, — улыбка не дрогнула, а огонь вспыхнул лишь ярче. — Позволь мне представиться: Данияр-Захид-Икрам аль Нахла. Как ты и сказала, один из семи великих шейхов Этры.

— А принадлежность к роду аль Нахла говорит о том, что ты — родич эмира.

И скорее всего, руководитель всего происходящего на Земле. В том числе тот, кто отдал приказ об уничтожении экспедиции.

— Приятно знать, что на Киорисе известны некоторые тонкости нашего родства.

— Как и на Этре известны тонкости мировоззрения киорийцев...

Филис опустилась на пол, устраиваясь на подушках. Разговор обещал быть продолжительным и малосодержательным, а она еще не чувствовала себя достаточно хорошо, чтобы так долго находиться на ногах.

Глядя на нее, гость также занял место на полу, не спеша, однако, сокращать дистанцию между ними. Предусмотрительно.

— О, мне известно мировоззрение киорийцев и их любовь к свободе. Прошу вас считать себя моей гостьей...

— И, как любая гостья, я могу уйти, когда пожелаю?

— Боюсь, так далеко мое гостеприимство не распространяется.

— Тогда к чему все это? — она жестом обвела помещение. — Вы знаете, что я ничего не расскажу, но предоставляете мне каюту своей бывшей наложницы. Полагаю, одной из любимых, которую вы даже рискнули взять с собой в путешествие.

— Проницательно... — огонь сменился холодным блеском, а улыбка стала не столь

вызывающей. — Я рад, что слухи о жрицах Киориса оправданы. Вы не только красивы и искусны, но и потрясающе умны.

— Образованы. И, если бы Этра не ограничивала своих женщин в доступе к знаниям, вам не пришлось бы покупать обитательниц других планет и восхищаться их умом.

Ладонь мужчины рефлекторно сжалась в кулак, хотя на лице не дрогнул даже мускул. Опытный политик. И даже военачальник. Но в разговоре с женщиной невольно расслабляется, не ожидая подвоха. Вот тело и подводит.

— Возможно, и не пришлось бы... Но мужчине всегда хочется разнообразия. И экзотики. А вы в достаточной степени экзотичны, чтобы привлечь внимание. Вы ведь именно этого добивались на Базаре...

Филис не смутилась и не опустила взгляд, изучая собеседника. Ее собственные чувства сейчас не имели значения. И она привычно отстранилась, представив, что разговаривает с подопечным.

— И привлекли... Из-за вас завязалась бойня. Не помню, чтобы хоть одну женщину на Базаре продавали с таким жаром. И страстью. Ваш огонь привлек меня. Но еще больше стало интересно, от чего же жрица Киориса вдруг решила рискнуть всем, показав свои таланты...

Действительно, опытен. И умен. Сколько ему? Лет сорок. В волосах можно заметить первые седые нити, но лишь под определенным углом. Уважаемый возраст на Этре. Юношеский пыл уже позади, а старческая немощность еще не наступила.

— Я думал, сопоставлял факты. Особенно меня заинтересовала землянка, которую вы так яростно оберегали. Тащили за собой. Смелость многого стоит. Особенно у женщины. А уж верность... Бесценное качество.

— Зная киорийцев, вы должны понимать, что никто из нас не оставит в беде беззащитного. Точно также я защищала бы и любую другую сестру, окажись она там.

— Да, но не ради каждой вы рискнули бы разжечь конфликт. Только ради нее... А уж когда военный линкор вошел в атмосферу... Признаться, так меня еще не удивляли. И не унижали. Это было пощечиной. И настоящим ударом по самолюбию. Но я в достаточной мере обладаю смирением, чтобы понимать уроки судьбы.

О смирении уважаемый аль Нахла даже не слышал. А вот мстительности и жестокости ему не занимать. Зато теперь ясно, почему он отдал приказ уничтожить лайнер экспедиции. Мечь. Мелочная и жестокая. За унижение, которое осталось лишь в его памяти. Вряд ли свидетели выжили.

— Мне жаль, что вы восприняли тот досадный инцидент на свой счет. Никто не хотел нанести обиду лично вам. Киорийцы лишь забирали своих.

— Да, и я надеюсь, что история повторится. Приятно будет увидеть линкор принца Киориса, прибывшего за своей женщиной.

А вот теперь сердце ударило с перебоем. Но Филис справилась. Очень медленно вдохнула, стараясь усмирить сердцебиение, и выдохнула. Он знает. Знает, и хочет подтверждения. Догадался? Или... Сердце забило гулко и тяжело. Корабль могли захватить. Байон. Креон. Саша. Если они в плену...

— На Киорисе нет понятия принадлежности женщины кому-то кроме самой себя, — голос прозвучал все также ровно.

— Но именно вы заставляете сердца мужчин биться чаще. В прямом смысле.

— И несем ответственность за то, что эти сердца бьются в ритме, созвучном гармонии мира. Никто не принуждает к любви. Не похищает. Не ломает. А если причиняет боль,

стремится помочь.

— Все слишком сложно. Разве не проще во всем полагаться на мужа? На того, кто должен заботиться и защищать? Кто изначально является сильнее и мудрее?

— Мудрость не происходит от одного лишь разума. Без чувственного опыта знания — лишь набор констант и условий. Вам ли не знать? Ведь мужчины на Этре не от рождения получают титулы...

— Да, пожалуй, вам сложнее довериться тому, кто изначально неполноценен. И разве в таком случае не проще искать мужчин в других местах?

Филис улыбнулась снисходительному тону и псевдо-пониманию.

— Мы не считаем развитие мужчин неполноценностью. Это путь, предназначенный им природой и особенностями Киориса. Мы не ищем подходящее или экзотичное на стороне, а берем на себя ответственность за то, что происходит у нас дома.

Ответ ему не понравился. Настолько, что глаза сузились, и в глубине их зародился гнев. Но мужчина справился с ним.

— Вы спрашивали, к чему все это... — он обвел взглядом каюту. — Я хочу получить в вашем лице друга. Приятную собеседницу. Союзницу, при необходимости. И хочу, чтобы вы поняли: вы не вернетесь на Киорис. Ни при каких обстоятельствах. Я не собираюсь делиться тем, что принадлежит мне.

— И как же вы представляете себе друга и союзника, чью свободу вы ограничиваете?

Данияр усмехнулся.

— На Этре мы с рождения знаем, что наша судьба зависит наполовину от нас и наполовину от того, что говорят звезды. Мы не свободны. И легче миримся с ограничениями, которые кажутся вам дикими. Для нас дикость — ваша свобода. И вера в то, что она необходима.

— Поэтому Этра и Киорис никогда не придут к миру...

— В любой войне можно поставить точку.

— И вы уверены, что поставите ее именно вы.

Он смерил ее тяжелым взглядом, который Филис выдержала. А еще поняла, что ее собеседник амбициозен до крайности. И желания его простираются далеко за пределы текущей миссии. Он смотрит в будущее и видит себя следующим эмиром. И готов жертвовать ради этой цели. Всем.

— На все воля небес... Я не могу прозревать будущее, но когда оно наступит, буду готов к любому исходу. А вы можете подумать о своем и выбрать: оказаться рядом со мной или по другую сторону.

— И что же стало с обитательницей этой каюты?

— Она была огорчена тем, что ее придется оставить. А еще устала от путешествия. Оно показалось ей утомительным. И скучным. А я не люблю женские капризы.

Вполне исчерпывающий ответ. И угроза в нем звучит достаточно ясно.

— Я привыкла обходиться малым и не стану доставлять хлопот. Чего не скажешь о моих спутниках... Боюсь, они не столь неприхотливы...

— Пока ваши спутники не доставляют мне проблем. Надеюсь, так будет и впредь. А также надеюсь на ваше благоразумие и содействие в случае, если придется донести до них некоторые преимущества сотрудничества. Вы понимаете, что пребывание здесь может быть разным. Как и длительность. Война может продолжаться долго, а условия выдачи военнопленных обсуждаться еще дольше.

— Каждый делает свой выбор. Я могу лишь посоветовать, но не принимать решение за моих спутников.

— В таком случае, в ваших интересах советовать им настойчивее. Если конечно, вы дорожите их жизнями.

Этросс встал, глядя на нее сверху вниз. Филис окинула его взглядом, не собираясь подниматься. Нельзя играть по его правилам. Иначе он быстро потеряет интерес. Нужно соблюдать баланс между уступками и независимостью. И сейчас ей приходилось вслепую прощупывать границы. Пока удавалось...

— Хорошего вам дня, госпожа.

— И вам, великий... — пробормотала она, провожая мужчину взглядом.

Она не знала, кто именно оказался в плену, и насколько все плохо. Чтобы вытащить информацию из шейха, ей придется быть вдвойне осторожной и контролировать каждый шаг. Малейшая ошибка может стать роковой...

...Креон наблюдал за толпой, скопившейся у подъезда. Женщины и мужчины в темных, официальных одеждах. В основном пожилые. Молодых почти никого нет. Они чего-то ждали. И, когда подъехала машина, из которой вынесли продолговатый, обитый тканью ящик, встрепенулись. Притихли. Начали совершать странные, скорее всего, ритуальные жесты.

Он смотрел. Ждал. Толпа позволяла подобраться к подъезду вплотную. Тем более дверь оставили открытой. Если ему удастся подняться на Ольгин этаж... То встанет вопрос с ключом от квартиры. Можно попытаться взломать замок, вот только навыков у него нет. Как и других, необходимых при выживании...

За неполные двое суток, проведенных в одиночестве, он уже успел понять, что совершенно не годится на роль первопроходца. Ночевать приходилось на улице. И, если бы не ликос, неизвестно, чем бы эти ночевки закончились. Зверь согревал и отгонял тех, кто проявлял к ним интерес. Вот только привлекал внимание...

Светлую гриву пришлось обкорнать острым осколком бутылки, добытым на помойке. Там же заставить Арея извальяться в пыли и грязи. Чистоплотное животное смотрело на него укоризненно, но после долгих объяснений согласилось брезгливо покататься в нужном месте. Теперь ликос выглядел странно и непривычно, но куда больше походил на земных собак, хотя все равно оставался крупнее. Сильнее. И умнее.

Утром он предотвратил кражу из магазина, возле которого они крутились в надежде найти немного еды. В награду им выдали немного продуктов. Какой-то специальный корм для собак, который Арей поглощал с невыразимым отвращением на морде, а еще сухари и воду, которые попросил Креон. Продавщица, кажется, догадалась, что они бездомные, но вопросы задать не успела. Остаться в том районе больше было нельзя.

В этом городе, да и на всей планете, принц знал лишь одно место, куда в итоге и направился. Он запомнил дорогу, когда они добирались от дома Ольги на корабль. Сориентироваться среди похожих улиц оказалось сложно. Но они все же пришли. Вот только что делать дальше?

Арей боднул его в бедро, выказывая нетерпение. Креон поймал испытующий взгляд партнера по скитаниям. Хорошо, что Байон отправил его следом. Раххи ненавидят ликосов. И точно убили бы, да и хороший охранник никогда не сдался бы в плен без боя. Теперь у него есть шанс выжить. У них обоих. Нужно лишь немного удачи.

Принц осторожно направился в сторону толпы. Понаблюдав за землянами, он научился сутулить плечи, засунув руки в карманы, натягивать капюшон толстовки на голову, глядя под ноги, и тем самым привлекать как можно меньше внимания. Арей бежал рядом, вывалив язык и поглядывая по сторонам, словно тоже пытался прикинуться глупой шавкой.

— Ох, горе-то какое...

— Да уж... Я вчера весь день ей звонила. Не в зоне действия сети. Уже не знаю, что и думать. Может, уехала куда?

— Наша Олюшка? Уехала? И похороны без присмотра оставила? Да разве она так могла? Нет, чует мое сердце, что-то тут нечисто...

Он едва не сбился с шага, услышав знакомое имя. Усилием воли заставил себя не поворачивать головы, но остановился завязать шнурки на обуви. От Байона Креон уже знал,

что Ольга тесно общалась с соседками и помогала им. Значит, говорят о ней, а не о какой-то неизвестной женщине.

— А вон там стоит — это кто приехал? — спросила пожилая женщина в цветастом платье, кивая куда-то в сторону.

Пришлось чуть повернуться и потрепать Ароя по обрезкам гривы, чтобы разглядеть, о ком идет речь. За квартирой могли следить этроссы. Но их ликос должен учуять. Пока тот лишь возмущенно клацнул зубами, всем видом показывая, что не желает привлекать внимание к своему уродству.

В стороне от толпы действительно находился мужчина. Седой. Невысокий. В костюме, смутно похожем на военные мундиры Киориса. В шляпе с небольшим козырьком. В темных очках. Он курил трубку и не торопился подходить к остальным. Но смотрел четко на украшенный ящик. И хмурился.

— Я слышала, у Томочки был знакомый. Военный. Вроде как они с ним в юности даже пожениться собирались, но что-то там не заладилось. Может, он и приехал.

Военный. Пожилой. Креон постарался запомнить человека, медленно поднялся на ноги, снова согнул плечи и направился к подъезду. Внутри все оказалось проще. На восьмой этаж они поднялись пешком, проверяя лестничные клетки и прислушиваясь к происходящему в квартирах. Арей еще и принюхивался, но оставался спокойным. Либо Этра уже нагрянула и изъяла все необходимое, либо не заинтересовалась местом жительства пленницы. Что могло означать лишь одно...

Мысль заставила замереть. Стало вдруг холодно. И как-то непонятно... Он не хотел, чтобы Ольга погибла. Война и без того принесла много потерь. И еще принесет. Но если погибнет она... Показалось, что в подъезде стало темнее. А холод дрожью прошел по телу.

Дверь ее квартиры ожидаемо оказалась заперта. И, если ее и открывали, то, скорее всего, родным ключом. Следов взлома он не заметил. Впрочем, технологии Этры наверняка позволяли вскрыть замок так, чтобы никто не понял.

Еще один вариант — забраться на чердак. Там хотя бы будет тепло и сухо, если пойдет дождь. К тому же, можно обустроить вполне приличное убежище. Стоило проверить...

Они снова поднялись пешком, чтобы увидеть аккуратный, но надежный замок. Конечно, его можно было снять. Выбить. Или подпилить... Последняя мысль заставила задуматься об инструментах. Даже если выбрать в качестве убежища любой другой дом, инструменты могут пригодиться. Кажется, им придется вернуться на помойку и поискать что-то подходящее. Или наведаться в магазин... Красть не хотелось. Все же его воспитывали совсем не так, но... Где гарантии, что еще один житель Земли окажется столь же отзывчивым, как Ольга? Теперь, после нескольких дней пребывания на планете, Креон отлично понимал, что ему невероятно повезло попасть именно к ней. В большинстве своем земляне оказались агрессивными, напряженными и напуганными, что вполне объяснялось текущей ситуацией, но не давало ему никаких гарантий...

Пришлось спускаться обратно. И на Ольгином этаже увидеть того самого мужчину, осматривающего ручку ее двери. Тот резко вскинул голову, заметив движение. Они встретились взглядами. Очки мужчина снял. Лицо у него оказалось морщинистым и загорелым. Словно пропитавшимся солнечными лучами. А вот глаза оказались светлыми. Немного водянистыми. То ли серыми, то ли голубыми. Взгляд — прямой. Оценивающий. Жесткий. Но без агрессии и привычного уже страха.

— Здравствуйте, вы из какой квартиры? — четкий голос человека, привыкшего отдавать

команды. Нападение, как лучшая защита. Знакомая тактика. Талия говорила, что так легче сбить противника с толку.

Креон медленно и молча спустился по последнему, разделявшему их пролету. Плечи распрямились сами собой. Арей повел носом, но не проявил к незнакомцу никакого внимания. Уже неплохо.

Принц провел рукой по голове, стягивая капюшон и глядя на мужчину сверху вниз. Медленно кивнул в сторону знакомой двери и очень старательно произнес на чужом языке:

— Из этой...

Человек нахмурился. Густые брови почти сошлись над переносицей.

— Что-то я тебя не помню, парень.

— А я вас... Вы — родственник?

Выговаривать слова приходилось медленно и с паузами, которые собеседник наверняка заметил.

— Знакомый. А ты?

— Тоже.

— Ольга про тебя не говорила.

— И про вас...

Разговор явно не складывался. И стоило уйти, не начиная его. Что Креон и попытался сделать. Отступил на шаг назад. Плавно повернулся и начал спускаться по лестнице, когда сзади раздалось:

— Стой, стрелять буду!

Приглушенное рычание Аррея стало лучшим подтверждением того, что угроза вполне реальна. Принц медленно обернулся. Зверь занял позицию между ним и стариком, который вполне уверенно сжимал в руке небольшой пистолет. На ликоса он только покосился и перевел взгляд на Креона.

— Псину отзови. Я все равно выстрелить успею. Мне терять нечего.

Не врет. И спокоен. Настоящий военный. Пожилой. Опытный. Может быть, ему все-таки повезло и удастся договориться?

— Аррей.

Имени оказалось достаточно, чтобы ликос немного расслабился. А вот человек даже не думал о таком. Сунул свободную руку в карман и достал оттуда связку ключей.

— Иди сюда. И без глупостей.

Он поворачивался так, чтобы оружие все время смотрело Креону в грудь. Скупым движением бросил ключи, которые принц легко поймал.

— Открывай, — кивок головы указал на нужную дверь.

Аррей продолжал держаться между ними, и киориец спокойно, хоть и не сразу открыл замок. Но стоило потянуть за ручку, его тут же одернули:

— Стой! Шаг вправо. Теперь тяни на себя, пусть твоя псина первой заходит.

Ликос обернулся и смерил человека взглядом. Коротко рыкнул, после чего неторопливо и величественно прошествовал в открытую квартиру.

— Заходи!

Старик подошел ближе, продолжая держать его на прицеле. Талия или Икар наверняка смогли бы его обезвредить без шума. А вот Креон такого не умел. Только ждать. И говорить.

В квартиру он зашел спокойно и сразу отошел от двери, ожидая своего сопровождающего.

— Топай на кухню! — буркнул тот, продолжая хмуриться, и остался закрыть дверь.

На кухне киориец сел на стул, не дожидаясь приглашения. И спокойно встретил появление мужчины.

— Уберите, — он кивнул на оружие. — Говорить надо.

— Надо, — мрачно кивнул незнакомец, огляделся по сторонам, и ногой подтащил к себе табуретку. Сел, продолжая прижимать руку с оружием к боку. — Говори.

— Плохо знаю ваш язык... Вы знали Ольгу.

По лицу старика прошла судорога.

— Почему знал? Она что...

— Не знаю. Но ее забрали. Вы знаете, кто... Военные должны знать...

Теперь лицо мужчины неуловимо разгладилось. Стало сосредоточенным.

— Так... Ты вот что... Говори, как можешь. А что не можешь — рисуй. Там на столе записные книжки и ручки есть. Понимаешь ты меня точно хорошо, значит, на вопросы ответишь. Кто ты и откуда?

Где-то он это уже слышал...

Иван Александрович дымил трубкой. Несмотря на приоткрытое окно, запах табака заполнил небольшое помещение, от чего у Креона щекотало в носу. Диалог с отставным военным вышел совсем не похожим на разговор с Ольгой. Мужчину интересовали детали. Оснащение кораблей. Форма. Маневренность. Численность экипажа. Виды оружия и многое, многое другое.

На новость о том, что он разговаривает с очередным пришельцем, старик отреагировал на удивление спокойно. Кажется, что-то подобное он и подозревал. А убедившись, что собеседнику некуда бежать и сопротивление он оказывать не собирается, гость даже представился и убрал оружие. Точнее отложил на рабочую поверхность рядом с раковиной, продолжая держать Креона в поле зрения.

Говорили долго. Принц успел немного охрипнуть, хотя в больше степени демонстрировал рисунки, максимально приближенные к чертежам, а также зарисовки этроссов, раххов, их планет и вооружения. Теперь он пил чай из пакетиков, который человек нашел на полке и даже вежливо заварил, и ждал, пока Иван Александрович озвучит свои выводы.

Старик не торопился. Но, как любой военный, не любил тратить время.

— Несколько дней назад, — медленно начал он изменившимся тоном, по которому стало ясно, что допрос завершен, и началась беседа, — мы засекли подозрительную активность на орбите. Спутников у нас не осталось, зато телескопы работают, да и фейерверк был такой, что невооруженным взглядом видно. Мы пытались наблюдать за этими... — лицо его искривилось в презрительной гримасе. — Вот и заметили кое-что странное. Сначала подумали, что они там между собой передрались, но потом все стихло, и ничего-то не изменилось. Значит, мы что-то упустили... В общем, рассказ твой вполне укладывается в известную нам картину. А уж детали... Я видел фотографии кораблей, сделанные через тот же спутник. Память у меня, может, и не такая, как раньше, но такое не забудешь...

Старик кивнул на исписанные и изрисованные листки.

— В общем, многое сходится. Так что, ты либо засланный казачок, либо говоришь правду.

Креон моргнул, пытаясь понять смысл фразы. И человек сразу заметил его смятение. Усмехнулся. Но не зло, а как-то снисходительно.

— Наше выражение. Знаешь, парень, для шпиона ты уж слишком приметный. Да и читаешься на раз-два. На лице все написано. Хотя выдержка, конечно, хорошая. Я бы тебя посадил под замок на пару денечков. На хлеб и воду. Да и укольчиков пару штук сделал. Через детектор пропустил. А потом послушал. Да только... Ни средств, ни времени нет. Да и... — его окинули быстрым, цепким взглядом. — Есть у меня чутье на людей. И пока еще ни разу не подводило. Надеюсь, что и не подведет. Сколько лететь от вашей планеты до Земли?

— Десять дней.

— А сбили вас?

— Сегодня пятый день.

— Значит, если подкрепление все-таки отправили, мы об этом узнаем еще дней через

пять. Ну, плюс один-два, — мужчина как-то странно усмехнулся. — А ведь как раз девятое мая будет... Да, символично, однако.

— Что вы хотите сделать? — проявил интерес киориец, не забывая пить чай.

— В том-то и дело, что ни черта мы сделать не можем, — первый раз за разговор он проявил агрессию. — Эти... блокируют наши радио-частоты. Гражданские оставили, там ничего интересного, а вот военные... И ведь как-то вычислили, сволочи. В общем мы ни ракеты запустить не можем, ни еще что поинтереснее. Всем бортам дана команда лишний раз не высовываться. Летают только гражданские суда, да и там... В общем, нас накрыли плотным колпаком. Оружие есть, но доступа к нему как такового нет. И все это случилось примерно в одно и то же время. Раз, — он щелкнул пальцами, — пропала связь, два, — еще щелчок, — и нас отрезали, три — союзники начали бить тревогу. И с тех пор — затишье. Правительства косятся друг на друга. Думают, кому и что инопланетяне предложили. О чем попросили. Объединяться даже не думают. Да и... — он с досадой махнул рукой. — Некому. Самое современное оружие у нас, и у американцев. А между нами — океан. И отсутствие радио-связи. Европа вообще лапки кверху сложила, им там новые виды энергии предложили, они и рады. У китайцев... Не знаю. Я вообще не так уж и много знаю. Сын сейчас служит, не я. Вот и... рассказывает, как есть. Со мной же не забалуешь, я сразу знаю, когда он врать пытается. Но и все рассказать не может, тайна.

Креон посмотрел на чертежи, вспоминая примерное устройство старых кораблей Этры. Новые выглядели иначе, и явно обладали куда большей мощностью, но, если могли глушить примитивный радио-сигнал...

Карандаш лег в ладонь и заскользил по бумаге. Вряд ли частоту глушат полностью. Проще закрыть определенную местность. Отрезать основные узлы связи и базы, расположение которых этроссы явно выяснили заранее. Радиационное излучение стало хорошим маркером. Да и остальное оружие оставляет следы. Даже если сами люди их не замечают. Если создать экран...

Основные принципы и законы физики никто не отменял. Другое дело, что земляне не могут увидеть висящий над ними корабль-излучатель. Скорее даже дрон. Пусть и достаточно крупный, но запрограммированный. А вот он в состоянии рассчитать орбиту. Мощность излучения. Высоту расположения объекта.

— Если я скажу... что могу помочь, поверите?

Его снова окинули очень задумчивым взглядом.

— Дело ведь не во мне, парень. Я-то что? Списанный ресурс. А вот те, кто сейчас там, — Иван Александрович взглядом указал на потолок. — Они могут не поверить.

— Я могу рассказать вам. И показать, — Креон указал на чертежи. — А вы отнесете в штаб. Там посмотрят...

Минуту старик молчал. Затем махнул рукой.

— Ладно. Была — не была. Делай. Что тебе нужно?

— Еда, — спокойно озвучил принц и невозмутимо продолжил: — Бумага. Координаты баз. Ручки. Карандаши. Возможно, справочники. Место для работы.

Собеседник только недоверчиво покачал головой.

— Все-таки нервы у тебя... Ладно. Я все привезу. Если уйду, дождешься? Или тебя запереть?

Киориец чуть склонил голову к плечу, рассматривая мужчину.

— Если я захочу уйти, дверь не удержит. Я найду способ выйти из квартиры. Но идти

мне некуда. Мне нужно убежище. Если вы мне его предоставите, я буду стараться помогать. И надеяться на вашу... честность. Я понимаю, что... сдай вы меня своим властям, те отдадут меня этроссам или раххам. Я не хочу так. Но понимаю, что для вас представляю малую полезность...

Иван Александрович кивнул.

— Не буду я тебя сдавать. Пока. Если ваши прилетят, лучше не ссориться хотя бы с одними инопланетянами, а если нет... Может, действительно, поможешь. Жить будешь тут. Квартира пустая. Наследники не скоро объявятся. С соседками поговорю. Скажу... Скажу что внук приехал Тамары из заграницы. Они поохают и поверят. Продукты принесу. Ключи... оставлю. Работай. И я буду звонить каждый день. В десять утра. Если не позвоню... уходи. На другие звонки не отвечай. Если вдруг ты не возьмешь трубку... буду знать, что ты ушел из квартиры. Договор?

Он протянул руку, которую Креон обхватил за предплечье по киорийскому обычаю. Мужчина удивлённо взглянул на их руки, расцепил хватку и взял ладонью за ладонь.

— Вот так у нас принято.

— Я запомню. И спасибо.

...Когда из плотной темноты вдруг проступил смутный образ женщины, Ольга лишь вяло удивилась, пытаясь разглядеть, кого же к ней принесло. На мгновение показалось, что это Саша, но наваждение сразу же схлынуло, когда незнакомка резко качнула головой. Подруге подобные жесты были совершенно несвойственны.

Та приблизилась, разглядывая ее, словно пытаясь узнать. Что странно, ведь они никогда не встречались. Ольга бы запомнила этот взгляд. Да и глаза... Глаза! Она уже видела такие. Только у кого? И когда? И что вообще с ней происходит?

Женщина что-то произнесла, но ее слова сливались в сплошной поток бессмысленной речи. Станный сон. Темный какой-то и непонятный. Не надо было опять работать допоздна. И сны нормальные бы снились. Кому-то даже Брэд Питт является, а ей вот никогда... Даже жаль. Хотя, честно говоря, голливудский блондин ее совсем не вдохновлял. То ли дело брюнеты...

И снова странное впечатление. Будто она кого-то видела. И забыла. А ведь и женщина с темными волосами. Красивая. И фигура тоже ничего. Почему к другим являются мужики, а к ней — женщина? Или это образ из подавленных подростковых мечтаний? Да, когда-то она тоже хотела быть и постройнее, и потоньше. Воздушнее. Чтобы явился красавец, подхватил на руки и увез в счастливое, светлое будущее... В конце концов, всем хочется помечтать.

Ее мечты кончились, когда первая любовь — Паша Овечкин из соседнего класса, с которым они часто ходили вместе домой — по дороге было — при виде хулиганов вдруг разнылся и начал скулить, что котенок без мамки. Сама Ольга, будучи на голову выше и своего избранника и незадачливых грабителей, тогда не растерялась: быстро всем рюкзаком по мордасам надавала, а еще пригрозила участковому пожаловаться и заявление написать. А потом проводила Овечкина до дома и поняла, что любовь как-то прошла. Совсем.

А вот женщина никуда не делась. Стоит рядышком. Смотрит. А вокруг уже снег идет. И переулочек тот самый. И темно. Зима же. Только холода нет. А небо низко-низко. Кажется, что на крыши сейчас ляжет. Седьмой класс был. Начальную школу Ольга в деревне закончил. А потом бабушка уговорила маму прописать ее в свою квартиру, и в среднюю она уже пошла в Москве. Сложно было. Но она справилась. Всегда справлялась. Как иначе? Рассчитывать не

на кого было. Не на Овечкина же...

— Я умерла, да?

Память вернулась как-то сразу и вдруг. Одним моментом. И стало грустно. Обидно немного. Что она там прожила? Тридцать лет? Нет ничего. Особенно, если считать, что мозги появляются не раньше двадцати. Да и потом... Диплом. Работа. Карьера, черт бы ее не видал.

Полупрозрачная женщина вдруг взяла ее за руку. Заглянула в лицо. Положила ладонь на грудь. Глубоко и показательно вздохнула, прикрыв глаза. Ольга нахмурилась, пытаясь понять. Она почти ничего не чувствовала. Но если сосредоточиться...

Пальцы незнакомки на груди начали отбивать ритм. Тук. Тук. Тук. Сначала едва ощутимый, он становился все ярче и четче. Громче. Ворвавшись вдруг в узкий переулок резким писком. Заставившим вскинуть голову. Заглянуть в глаза женщины. И увидеть улыбку. Она толкнула ее в грудь, и этот толчок Ольга вдруг ощутила всем телом. Таким тяжелым, неповоротливым телом...

Переулок исчез. Вокруг снова стало темно. Но эту темноту она знала. Глаза открывать было откровенно страшно. Писк над головой не смолкал. И теперь она знала, что сердце ее бьется. Значит — жива. Значит, еще поборется...

...Она запрокинула голову и застонала. Тело горело и дрожало. Перед глазами встала золотистая луна в окружении тонких облаков.

— Тебе идет этот свет...

Мужская ладонь скользнула по животу к груди. Сжала, вырывая вздох. Саша опустила взгляд, разглядывая Икара, лежащего на плече. Игра лунного света и теней делала его совершенно нереальным.

— Тебе тоже...

Она провела ладонью по влажной коже. Он перехватил ее и поднес к губам. От чего тело покрылось мурашками. Или это из-за прохладного воздуха в горах? Пока они были заняты, девушка даже не заметила, что вокруг похолодало. А теперь вдруг ощутила всем телом.

— Иди ко мне, замерзнешь...

Принц потянул ее на себя, натягивая сверху второе одеяло. Саша легла, прижавшись щекой к плечу, вдыхая терпкий запах пота и улыбаясь. Его забота волновала и согревала больше, чем секс. Хотя именно с Икаром она поняла, что такое возбуждаться от одного только взгляда. Никто и никогда не смотрел на нее так. И никто так не заботился.

— Тебе не холодно от земли?

— Нет, — по голосу она поняла, что мужчина улыбается. Он оказался куда эмоциональнее, чем казалось в начале. — Одеяло теплое и с термообработкой. Мы можем здесь задержаться. Облака должны скоро рассеяться. А звезды тут ближе.

При мысли о том, чтобы задержаться низ живота опалило жаром. Их тела все еще были соединены. И она почувствовала, что Икар откликнулся на ее возбуждение. Стал тверже. Подняла голову. Заглянула в потемневшие глаза.

— Звезды, значит, ближе?

— Определенно...

Пальцы принца залегли на затылок, притягивая ее голову ближе. Губы. Такие теплые. Такие родные. На звезды можно полюбоваться потом...

...Саша проснулась с острым ощущением потери. Тоски. Почти физической боли. Икар. Где он сейчас? Она скучала. И сны отражали чувства, возвращая ее в те недолгие дни, когда они были вместе. Как же ей хотелось, чтобы принц оказался рядом... Появился, забрал от этроссов. Спас. И все закончилось. Ольга жива и здорова. Филис, Байон, Креон... Все в порядке. И все на Земле.

Но чудес не бывает. Или вся ее удача и персональный лимит на чудеса закончились в тот день, когда Икар забрал ее на Киорис. Тогда ей точно повезло. А теперь маятник качнулся в обратную сторону, возвращая все к равновесию. Чуда не будет. Выживать нужно самой.

Саша заставила себя встать. Глубоко вздохнула. Растерла лицо. И начала делать те упражнения, которые показывала Филис по пути на Базар. Они помогали немного прояснить разум и собраться с мыслями. А трезвый и спокойный ум ей нужен. Необходим.

Оказалось, что в маленькой комнате два на два метра, при полном отсутствии общения, легко сойти с ума. Тяжелые мысли начинали одолевать сразу же после пробуждения. А

паника подступала на втором часу. Страх изматывал. И после всплеска эмоций приходила апатия. Хотелось просто лежать на койке и смотреть в стену, ожидая, когда уже случится хоть что-нибудь, что разрушит оглушающую тишину и бездействие.

Дойдя до такого состояния впервые, Александра поняла, что сломается быстрее, чем предполагала Талия. Намного быстрее. Если только не начнет что-то делать. Выбор был небольшим...

Так у нее появился приблизительный распорядок дня. Зарядка. Короткий душ. На воду выставлен лимит, о чем она узнала опытным путем, решив погреться в первый день после допроса. Завтрак. Его привозили то ли в определенное время, то ли исходя из времени ее пробуждения. Часов в каюте не было, поэтому установить закономерность не удалось. А вот то, что за ней следят, не подлежало сомнению. Робот-разносчик, по форме отличающийся от виденных на киорийских кораблях, оставлял поднос на столе, ждал, пока она поест, и уезжал. Кормили сносно. Не противной жижей, но и не привычной едой. Обычно густым супом или чем-то похожим на рагу. Сухими лепешками. Водой. Время до обеда Саша тратила на воспоминания о различных техниках медитации. Пыталась докричаться до Талии, но принцесса больше не приходила. Что тоже внушало тревогу. После обеда она ложилась спать или имитировала сон, прокручивая в голове, как лучше вести себя и разговаривать с этроссом в следующий раз. А потом снова начинала делать зарядку. К вечеру девушка старалась вымотать себя, чтобы уснуть быстро и без лишних мыслей, которые и так постоянно лезли в голову.

Закончив упражнения, Саша направилась в уборную, прихватив с собой одежду. На третий день ей выдали сменную. Точнее дополнительную. Платье, похожее на длинную рубашу однотонно серо-бежевого цвета с длинными рукавами, короткую сорочку на бретельках того же оттенка, свободные тапочки с закрытым носом и платок. Что с ним делать, она так и не придумала. В сорочке спала, платье носила днем, пока сохли брюки и туника, в которых ее забрали с истребителя.

Сегодня как раз пришло время постирать платье и надеть более привычную одежду. Белье ей почему-то выдать не пожелали, поэтому приходилось стирать и сушить то единственное, что имелось в наличии. Неужели, так должны выглядеть все женщины на Этре? Чем-то похоже на восточные традиции, но в голове не укладывалось, как они могли выжить рядом с космическими кораблями и супер-мощным оружием.

Стоило закончить с водными процедурами и покинуть уборную, как дверь каюты привычно распахнулась, но вместо робота на пороге оказался охранник с оружием.

— Великий шейх приглашает тебя к завтраку.

Сердце рухнуло вниз. Саша сглотнула и постаралась невозмутимо кивнуть. Вот и пришло время встречи.

На этот раз она пыталась запомнить дорогу. И, опустив голову, старалась украдкой смотреть по сторонам. Запомнить, что происходит вокруг. Хотя бы просто посчитать двери. И кто из каких выходит. Удалось немного, они слишком быстро пришли. И вовсе не туда, куда в прошлый раз.

Сегодня этросс встречал ее в сравнительно небольшой, даже уютной каюте со стенами, расписанными растительными узорами.

— Добро пожаловать за мой стол, — знакомый этросс весьма удобно расположился на подушках и наблюдал за ней с насмешкой. — Присаживайся и чувствуй себя как дома...

Невысокий столик перед ним был уставлен разнообразными блюдами с угощениями.

Аппетитные ароматы распространились по комнате. Рот против воли наполнился слюной. Видимо, на это и был расчет. Смутить. Вывести из равновесия. Сыграть на простейших потребностях и желаниях. Низко. Но для ломки в самый раз... Ведь стоит лишить человека привычного комфорта, а затем поманить его мнимой близостью...

Грудь сдавило от нахлынувшего раздражения и возмущения. Но злиться нельзя. Гнев — не то чувство, которое испытывают покорные и сломленные.

Саша, не поднимая головы и аккуратно обходя разбросанные под ногами подушки, подошла к столу и совершенно неграциозно и неловко опустилась на пол, пытаясь устроиться хоть сколько-нибудь удобно. Под пристальным взглядом хозяина, который ощущался всей кожей, сделать это было непросто. Новая манипуляция.

Она позволила себе нахмуриться и закусить губу, а затем растерянным взглядом окинуть стол. Тарелки не было. Приборов тоже. Видимо предполагалось, что есть нужно руками. Но вот как?

Поневоле пришлось поднять взгляд на мужчину. Тот, кажется, испытывал немалое удовольствие и совершенно не спешил помогать, подавая пример. Спросить и унизиться, доставив ему еще большее удовольствие? Или потерпеть голод, от которого желудок поспешил свернуться в трубочку и издать неприличное урчание?

Саша прикрыла глаза, делая вид, что ничего не произошло. Сложила руки на коленях. Медленно и незаметно вдохнула, пряча раздражение, смешенное с напряжением.

— На моей родине мужчина обычно сам кормит женщину, — медленно заговорил этросс. — Женщина ест сама в компании с женщиной. Или наедине с собой. Хочешь, чтобы я тебя покормил?

Нет. Она бы его к себе даже на пушечный выстрел не подпустила. А тут... решил приручить ее как собаку? Прикормить? Кнут и пряник? Какая же все-таки сволочь.

— Если у вас так принято... — тихо ответила она, опуская взгляд.

Главное — не сорваться и не укусить его за пальцы. Или не огреть каким-нибудь блюдом. После случившегося во время нападения на улице сдерживаться оказалось сложнее. Хотелось ответить. Ударить. Сопротивляться. Но как раз это делать было нельзя.

— Ты любишь сладкое? — он задал вопрос, выпрямляясь и нависая над столом, но ответ ему был не нужен. — Все женщины любят. Вас надо баловать, но держать в строгости, чтобы вы знали свое место.

Небольшая круглая лепешка, в которую шейх зачерпнул немного бурого риса с какими-то ягодами, а затем окунул в густой соус. Потом одним быстрым движением поднялся на ноги и уже через мгновение оказался рядом.

— Попробуешь? — поинтересовался так невозмутимо, будто ничего не изменилось.

А у Саши сердце сжалось от его близости. Страх, вот что внушал этот мужчина. И за его любезностью и откровенной насмешкой скрывалась жестокость. Расчет. По коже пробежали мурашки, но она заставила себя наклониться к предложенному блюду и раскрыть рот, чтобы откусить кусочек.

Пристальный взгляд, от которого теперь было не спрятаться, не отпускал ее. Жевать в такой ситуации было сложно, не говоря уже о том, чтобы глотать. Вкус блюда девушка вообще не почувствовала.

— Вкусно? — заботливо поинтересовался хозяин. — Попробуй еще.

Лепешка оказалась у губ раньше, чем она успела отодвинуться. Пришлось проглотить едва пережеванную еду и снова раскрыть рот. Соус оказался сладким. Вязким. С небольшой

кислинкой. А вот рис, им пропитанный, лип к зубам. Ягоды лопались, смягчая соком жесткую лепешку. В другой ситуации блюдом можно было бы и насладиться, но не сейчас. Кусочек лепешки все-таки ободрал горло, заставив закашляться.

— О, какой я неловкий, — свободной рукой мужчина подхватил кувшин и наполнил небольшую пиалу, которую тоже протянул ей. — Запей. Много сладкого тоже бывает вредно.

От каши на глазах выступили слезы, и она наверняка покраснела. Отвратительная. Неловкая ситуация. В которой ей отводилась роль посмешища. Но приходилось терпеть. Молча.

В пиале оказался травянистый чай. И пить его пришлось тоже из рук этросса.

— Вот и все, — улыбнулся он, когда жидкость закончилась. — Видишь, если ты будешь послушной, мы можем прекрасно сотрудничать. Ты будешь сыта. Содержаться в тепле и комфорте, а твои друзья не будут страдать.

Внутри все похолодело. Саша подняла на мужчину взгляд из-под мокрых ресниц. Слезы сейчас очень даже кстати.

— Я... я не хочу, чтобы кто-то еще пострадал. Моя подруга... Скажите, как она?

Голос звучал в должной мере жалобно, а выглядела она и без того жалко. И собеседник явно оценил ее вид.

— Что ж... Пожалуй, я могу смягчиться и рассказать тебе о ней. В качестве моей доброй воли. А ты пока поешь, нельзя оставлять еду, это расточительно, — лепешка снова оказалась около лица. И Саша покорно открыла рот, уже не спуская глаз с лица шейха. — Твоя подруга жива. Она идет на поправку. Пока еще нуждается в уходе. И от тебя напрямую зависит то, насколько хорошим будет этот уход.

Сердце снова сжалось. Он не отпустит Ольгу. Будет играть ее здоровьем и жизнью, пока не выяснит все, что ему нужно.

Она прикусила щеку. Слезы покатались по щекам.

— Пожалуйста, не надо. Не мучайте ее больше. Я... я буду сотрудничать.

— Хорошо, хорошо, — он улыбался, но глаза оставались холодными. — Сейчас мы закончим трапезу, и охрана отведет тебя обратно. А завтра... Завтра ты расскажешь мне историю о том, как оказалась на Киорисе, как познакомилась с принцем, и насколько ты дорога ему. Я очень хочу послушать. И верю в твое благоразумие. Ты же меня понимаешь?

О да, она все поняла... Отлично поняла.

...Он вернулся на третий день ее пребывания в плену. Филис ждала. Готовилась. Изучила наряды. Выбрала подходящий, делая вид, что нехотя смиряется со своим положением. Уступить в малом — не значит проиграть. А ей ничего не стоит потешить самомнение хозяина корабля, переодевшись в более привычный ему вид.

Выбранное платье состояло из нескольких слоев. Тонкие шаровары. Нижняя кофта из прозрачного шелка с длинными, свободными рукавами. Жилет из плотной ткани, расшитой узорами, с пуговицами, украшенными перламутровым жемчугом. В наряде преобладали золотистые цвета, оттенявшие ее кожу и подчеркивающие цвет волос. Их киорийка убрала наверх, закрепив заколками, чтобы продемонстрировать шею. Вырез жилета и рубашки позволял любоваться верхней частью груди и тенью ложбинки. Тонкий намек, не более. Украшения Филис не тронула. Блеска хватало и без них...

В ожидании ужина она устроилась на подушках перед кроватью, собрав себе удобное ложе. Закинула одну руку за голову, второй взяла томик этросской поэзии, вытянула ноги и позволила себе полностью расслабиться.

Такой ее и увидел шейх, явившийся через час. И глаза его вспыхнули. Она успела заметить хищное выражение, прежде чем мужчина взял себя в руки. А сама сменила довольную улыбку, возникшую от чтения, на холодное внимание. Отложила книгу. Плавно перекатилась на бок, поддерживая голову рукой.

— Прохладного вечера, о великий... Пусть ночь дарит вам лишь покой и удовольствие, как говорил один из ваших знаменитых соотечественников.

— Приятно слышать, что слова великого поэта известны не только на Этре, — шейх сел напротив, устраиваясь на тех подушках, что она ему великодушно оставила. Отсутствие привычного комфорта заставило его мимолетно нахмуриться. Да, неприятно чувствовать себя в непривычной ситуации. — Позвольте разделить с вами ужин?

Вопрос был лишь данью вежливости. Ведь они оба понимали, что ее ответ ничего не решает. Она лишь пленница. А он — хозяин, которому в любой момент может наскучить разыгрываемый спектакль.

— Позволю, — мягко кивнула киорийка. — Хороший ужин порой заменяет целую ночь любви.

Мужчина хлопнул в ладоши, и в каюту вошли несколько стражников, быстро установивших низкий, традиционный столик. Следом за ними появились роботы с блюдами. Обычно Филис ела за привычным столом, стоявшим около иллюминатора, в который было видно Землю. Но сегодня Данияр явно решил произвести на нее впечатление традициями Этры. Вечер обещал быть интересным.

Первая попытка смутить ее состоялась сразу, как только охрана и роботы покинули каюту.

— По нашим традициям, женщину должен кормить мужчина...

— Только муж, брат, отец или любовник, — бывшая жрица улыбнулась. — Пище на Этре придается большое значение, ведь планета мало плодородна. Таким образом, через кормление устанавливается связь, это символ определенной степени доверия. Впервые муж кормит жену на свадьбе, тем самым обещая, что ей никогда не придется голодать. И что все беды обойдут ее стороной. Простите, великий, но мы с вами не состоим в тех отношениях,

которые могли бы позволить вам кормить меня. Я сделаю все сама...

Она взяла лепешку, в которую зачерпнула мясную подливу и добавила острого соуса.

— Значит, ваши знания не ограничиваются изучением языка и поэзии... — с легкой досадой заметил Данияр. — Откуда такой интерес к моей родине? Наши обычаи так привлекательны?

— Врага знай лучше, чем друга. На Киорисе это изречение приписывают Птолемею. Никто на самом деле не знает, когда оно появилось. Я знаю, что на Этре есть мудрость с похожим смыслом. За моим интересом кроется лишь простое желание понимать своего врага и знать, на что он может быть способен.

— В таком случае, вы должны знать, что традициями порицается наносить вред тому, кого кормишь в своем доме. Законы гостеприимства священны.

— Но также есть семь известных исключений, позволяющих вам нарушить не только законы гостеприимства, но и многие другие... Кровная месть, покушение на честь женщины, измена мужу, укрывание изменщика... Вы знаете их лучше меня.

— Значит, вы не хотите стать моим другом?

Не получая желаемого и находясь в непривычном положении, собеседник начал терять терпение, позволив себе нахмуриться. В темных глазах мелькнул гнев.

— Вам ли не знать, великий, что дружба — понятие обоюдное. Вы хотите, что-то получить от меня, но ничего не даете взамен. Каюта, украшения и еда — лишь символы гостеприимства. Для вас они ничего не стоили, тем более принадлежали другой женщине.

— И что же вы хотите получить? — в голосе проскользнули холодные нотки.

— Вопрос в том, насколько вам нужна моя дружба, и что вы готовы предложить для ее начала...

Их взгляды скрестились точно пара клинков на арене Игр. Филис выдержала, но и шейх не сдавался, проверяя ее выдержку и силу духа. Глядя на него сейчас, киорийка хорошо представляла, как складывалась жизнь этросса. Богатая семья. Высокое родство. Честь быть приближенным к правителю. Способности, ярко проявленные и позволившие рано возвыситься. Похвалы. Высокая оценка талантов. Их применение. И острое понимание, что он достоин большего. Много большего, чем жизнь может ему предложить. Ему редко бросали вызов. Ведь собственных братьев Данияр сумел превзойти и стать наследником. А на Этре это не так просто. Ровесники? Соперники? Если они и были, то так давно, что мужчина уже успел забыть, каково это... А вспоминать неприятно.

Он усмехнулся и чуть приподнял подбородок.

— Женщины часто просили у меня подарков, но обычно чего-то материального. Ткани. Украшения. Экзотические фрукты с других планет. Зверей. Иногда книги. Но вас, полагаю, все это не интересует?..

— Материальный мир тленен. Вы не заберете его с собой, когда придет последний час. Все, что останется с вами — воспоминания. Только воспоминания. Они по-настоящему бесценны. И очень часто связаны с конкретными людьми.

— Полагаю, вам никогда не приходилось голодать...

Ее философский настрой смог выправить настроение мужчины. Теперь он смотрел с интересом, но без злости.

— Киорис плодороден. Вы правы... Я не знаю, что такое голод. Но достаточно изучала наши благотворительные миссии, чтобы понимать, насколько он может быть ужасен...

— Видеть и чувствовать — разные вещи. Вы, наверное, думаете, что я не понимаю, о

чем говорю, но... Один из этапов воспитания наследника на Этре включает пребывание в бедных районах с полным погружением в среду. Шейх должен знать, кого он защищает. Откуда приходят его воины. Чем живут. О чем думают в перерывах между боями. Хороший господин всегда заботится о своих людях.

— Не сомневаюсь, что вы знаете, чем живет каждый ваш воин...

И отнюдь не из-за заботы о них, а что бы понимать, кто может предать, а кто будет верен до конца. Кого можно заставить пытаться женщину, а кто не сможет поднять на нее руку даже под угрозой смерти. Вовсе не все этроссы одинаковы. Как и не все киорийцы. Всегда встречаются исключения и те, кто составляют общую массу.

— Ваша подопечная жива, — неожиданно сообщил шейх. — Сегодня я имел с ней беседу.

Сердце ударило с перебоем, но Филис не позволила себе даже нахмуриться.

— Рада слышать. Она хорошо себя чувствует?

— Здорова. Напугана. Совсем не похожа на киориек. Неужели, вы подчинитесь такой императрице?

— Киорийцы не подчиняются императрице. Она определяет лишь внешнюю политику. В остальном народ управляет планетой самостоятельно.

— О да, еще одно ваше варварство. Стремление к свободе вопреки здравому смыслу. Как народ может понять, что ему нужно? Это же безликая масса, которая нуждается в управлении и твердой руке.

— Только сам народ и может понять, в чем нуждается. Правитель должен думать глобально и масштабно. Видеть новые горизонты и определять курс развития своего народа. А все остальные насущные проблемы не требуют его участия. Они только отвлекают и мешают.

— И как же далеко простирается взгляд вашей императрицы? Способна ли она разглядеть свет путеводной звезды или остается слепа в ночи?

— Маеджа Софрония делает для Киориса все, что в ее силах. И даже больше... Как и любой хороший правитель.

— Вижу, вы так же, как и этроссы не смеее осуждать вашу правительницу. Между нами уже есть что-то общее.

Данияр улыбнулся, пряча в глазах лукавство. Он заигрывал с ней. Желал вывести из равновесия подобным сравнением, не понимая истинной разницы...

— Отношение киорийцев к императрице и всей императорской семье построено на уважении и понимании той жертвы, что они приносят, служа обществу. А отношение этроссов выстроено на страхе, не так ли?

Собеседник помрачнел, и трапезу закончили в молчании. Но после того как блюда были убраны, мужчина не поспешил уходить. Наоборот, сделал жест охране, которая уже через минуту принесла доску и резные фигурки для игры.

— Полагаю, с шатранжи вы тоже знакомы?

Филис опустила взгляд на алые и черные клетки.

«Папа научил меня играть в шатранжи, хочешь покажу? Посол Этры подарил ему набор для игры. Там такие красивые фигуры!»

— Знакома, но не столь хорошо, как вы думаете. Соперников у меня было немного. Да и те не слишком опытные. Прошу не судить меня строго.

— Неужели, я нашел хоть что-то, в чем вы не преуспели?

— Я всегда готова учиться, великий... Надеюсь, вы будете терпеливым учителем...

Отношения учителя и ученика для Этры столь же священы, как и законы гостеприимства, и окружены массой традиций. Лицо мужчины дрогнуло, вытянувшись от удивления. Конечно, ведь для этросса невозможно представить женщину в качестве ученицы. И переступить через культурные стереотипы едва ли не сложнее, чем сделать шаг для установления доверия. Пусть и крохотный.

— Я постараюсь...

Угрозу в его обещании не услышал бы только глухой...

— Вставай!

Охранник грохнул оружием о стену, прогоняя остатки сна. Байон разлепил глаза и повернулся в сторону входа. Выделенная ему каюта особым комфортом не отличалась, включая лишь койку и уборную. Впрочем, он не жаловался.

— И чего надо?

Он медленно сел, осторожно спуская ноги с кровати. Несмотря на усилия этросского лекаря, с допросами его коллеги справлялись однозначно лучше.

— Велели привести в лабораторию. Пошевеливайся.

Надо же. Вежливый охранник. Предыдущий вопросы игнорировал, а еще один до него пытался самоутвердиться, отвечая ударами на попытки наладить диалог. Не то, чтобы Байон получал серьезный урон. На фоне общего состояния пара тычков выглядела каплей в море. Или песчинкой в пустыне, как говорят на Этре.

Он встал. Смирненно сложил руки за спиной. Повернулся к охраннику, позволяя защелкнуть ограничивающие браслеты. По коридору шли уже привычным и знакомым путем.

— Что-то случилось? — вопрос капитан задал нейтральным тоном, не особо рассчитывая на ответ.

— Случилось, — мрачно ответил охранник. — Увидишь. Иди, давай.

Ожидаемых толчков в спину и ударов не последовало. Что странно, ведь в целом этроссы с пленниками не церемонились. Понимали, что участь их незавидна и недолговечна, вот и не считали нежным сдерживаться. Тем более, что высшие по званию закрывали на мелкие шалости глаза.

Уже через несколько минут они оказались в просторном зале, состоящим из нескольких кают с опущенными переборками. Помещение было заставлено различной техникой. Тут и там суетились ученые и низшие военные, приставленные к ним в подчинение. В центре, на небольшом постаменте, укрытое защитном кожухом располагалось ядро, снятое с истребителя.

Этроссов очень интересовал источник энергии. Они хотели раскрыть его секрет и использовать себе на пользу. Но экземпляр им попался крайне капризный. В первые дни, когда его еще допрашивали, Байон после некоторого сопротивления пояснил, что ядро является мозгом мертвого Археоса. Ему ожидаемо не поверили. Продолжили спрашивать с использованием различных препаратов, дававших весьма слабый и странный результат. Один отключил ему центр боли на несколько часов — возвращение в норму было не самым приятным. Второй неожиданно сделал все происходящее невероятно забавным, а его смех чем-то не понравился ученым. Третий... Впрочем, неважно. Как раз на нем какой-то умник додумался подключить ядро к питанию в лаборатории напрямую. И после того, как вся техника с яркими визуальными эффектами вышла из строя, этроссам временно стало не до него.

На день про него забыли. Затем прислали лекаря, который провел осмотр, долго и крайне нецензурно выражался в адрес своих соплеменников, после чего немного его подлечил. Беседа продолжилась уже в ином тоне. Вежливее. Уважительнее. И без членовредительства. Помня о том, что этроссы подвержены различным суевериям, Байон по

секрету поведал им, что в ядре обитает дух упокоенной принцессы Киориса. Конечно, ему не поверили. Снова вызвали лекаря. Заставили провести тесты на адекватность. После чего наконец-то дали нормально выспаться.

На свежую голову он повторил историю, дополнив ее парой деталей. Помощников у ученых поубавилось. Да и энтузиазм стих. Если бы не требования о результатах, приходящие откуда-то сверху, эксперимент вообще могли свернуть. Никому не нравится уничтожать дорогостоящее оборудование. К тому же поведение ядра стало более агрессивным. И теперь оно при малейшем контакте, начинало запускать в систему нечто, похожее на вирус.

Если при первом рассказе Александры о встрече с Талией, он еще сомневался, то после пяти дней в плену был уверен, что его невеста находится рядом. Ее поведение Байон узнал.

К нему как раз подошел уважаемый Марсад, старший ученый в лаборатории. Сегодня он был хмур. Заметно раздражен. И будь его воля, с радостью избавился бы от киорийца, но... Приходилось терпеть.

— Ядро опять капризничает?

Невинный вопрос заставил этросса побелеть от злости. Ноздри его раздулись, а губы сжались в линию.

— Ваше проклятое ядро убило моего ученика! — голос Марсада разнесся по лаборатории, эхом отражаясь от стен.

Только теперь Байон обратил внимание на нечто, прикрытое белой тканью. С одной стороны на полотне расплзлось алое пятно.

— Соболезную, — вежливо ответил он.

— Ваши соболезнования можете засунуть себе в ...

— Марсад.

Новый голос оказался тихим, но властным. Ученый умолк, так и не договорив. А капитан смог разглядеть еще одного гостя в лаборатории. В богатых одеждах. С длинной, черной косой. Он был чуть моложе начальника лаборатории, у которого на висках уже заметно проступила седина. Но по положению явно стоял выше.

— Простите, великий... — нехотя пробормотал Марсад, опуская глаза. — Мне не стоило поддаваться эмоциям.

— Не стоило. Но я понимаю твои чувства, мой друг. Гибель способного ученика — истинная потеря. Мы же постараемся сделать так, чтобы она не была напрасна.

Байон невольно напрягся, не ожидая ничего хорошего.

— Как погиб ваш помощник?

Оба этросса взглянули на него так, будто при них заговорила стена. Да, уважением к чужим традициям и дипломатичностью он не отличался. Во всяком случае, не после допросов.

— У него возникла теория... — судя по перекошенному лицу ученого, крайне им неодобряемая. — Что вместо техники ядро будет лучше взаимодействовать напрямую с человеком. Нервная система к нервной системе. Если верить вам...

Его обожгли ненавидящим взглядом. Не верили ему ни на грош.

— И он коснулся ядра. Кожух сняли, да?

Надо было очень сильно верить в реальность своей теории, чтобы решиться на подобный эксперимент. Впрочем, этроссы не видели того, что бывает при контакте с неэкранированным ядром. Не знали и о возникновении видений. А многие в лаборатории уже начинали жаловаться на головные боли и странные сны. Жаль, что нельзя собрать здесь

весь военный экипаж... И жаль, что излучение не действует так быстро, как хотелось бы.

— Киорийцы уже контактировали с ядрами, не так ли? — длинноволосый медленно начал подходить ближе. Лицо его показалось смутно знакомым.

— У нас имеется иммунитет к воздействию. До определенного уровня.

— Но как-то же ты узнал, что дух твоей невесты живет в нем.

— Я видел ее на корабле, — не моргнув глазом соврал Байон. Эту ложь он успел продумать за время отдыха, не сомневаясь, что вопросы рано или поздно появятся. — Слышал шепот. Видел образ. Смутный. И только раз.

— Мало для таких выводов, — верить этросс не спешил. Изучал его взглядом. Размышлял.

— Девка ему помогла, — из смежного помещения показался рахх. С рыжей в полоску шкурой и белыми бакенбардами вокруг морды. Крупный. Сильный. И уже знакомый. Это он забирал их с истребителя. — Та, которую привезли мои люди. Ее в техническом отсеке нашли. Рядом с этой дрянью. И она там точно не просто так находилась...

Возражать капитан не стал. Явное отрицание вызовет вопросы. Лучше молчать.

— Благодарю, полковник. Что ж... Полагаю, нам нужно провести несколько опытов. Освободите ему руки.

Браслеты щелкнули. Байон потер запястья, мрачно глядя на главного этросса.

— Полагаю, вы не откажитесь повторить опыт юного ученика?

Вопрос был лишь данью вежливости. И иллюзией выбора, которого ему не оставили. Киориец не стал отвечать. Молча подошел к постаменту, где засуетились военные. Крайне осторожно сняли кожух, обнажив лишь малую часть ядра. Происшествие их впечатлило. Настолько, что они позволяли себя продемонстрировать страх. А быть трусом для этросса — позор.

Байон коротко вздохнул и коснулся светящейся поверхности. Он не знал, чего ждать. Видел, что делала Саша. Понимал, что не должен умереть. Хотя где-то в глубине души червячок сомнений еще оставался. На всякий случай мужчина закрыл глаза. И даже успел понадеяться, что все же увидит Талию.

Спустя целую минуту надежда исчезла. А стоять с закрытыми глазами показалось глупо. Он поморгал. Оглянулся на замерших этроссов, некоторые из которых, кажется, даже дышать перестали. И чего-то ждали. Не дождались. Байон тоже.

Опустил взгляд на ладонь. Свечение вокруг нее стало чуть интенсивнее. И как-то мягче. Будто ядро успокоилось. По крайней мере, оно не пыталось его убить.

— Достаточно, — Марсад первым решился прервать эксперимент. — Великий, с твоего позволения, можем ли мы использовать пленницу для эксперимента? Очевидно, что киорийцам ядро не вредит.

— Оно не вредит этому конкретному киорийцу, — медленно ответил «великий». — Который, если ты помнишь, являлся женихом принцессы. Рано обобщать. Наша пленница — землянка. И неизвестно, как ядро повлияет на нее.

Байона как можно аккуратнее отвели в сторону от постамента и снова защелкнули браслеты. А кожух поспешили вернуть на место.

— Но, если она уже вступала в контакт с ним... Мы должны узнать, великий.

Странно, что этросс сомневался. Колебался, держа паузу. Что-то было не так. Он не хотел использовать Сашу. Почему? Вряд ли проникся чувствами, скорее... Капитан резко выдохнул, понимая, что проблем у Киориса может прибавиться. Длинноволосый сразу же

взглянул на него и усмехнулся.

— Как иронично собрать на одном корабле тех, кто имеет чувства к императорской семье... Что ж, я даю тебе разрешение, Марсад. Пусть пленницу приведут сюда. Сейчас. Я хочу лично посмотреть, как это будет.

Он резко хлопнул в ладоши, и все в комнате сразу же пришли в движение...

...Когда за ней пришел охранник, Саша не удивилась. Ждала вызова от шейха. Вчера она уже начала рассказывать ему о встрече с Икаром. Историю, максимально приближенную к реальности, но все же отличающуюся от нее. Хотя бы тем, что привязанность Икара в ней почти не ощущалась, а она сама становилась мечтательницей, жаждущей романтики и приключений. Влюбившейся в принца без памяти едва ли не с первого взгляда. И, судя по реакции этросса, он ей верил. Наверное, для него такое поведение женщины выглядело вполне оправданным. Сегодня она хотела продолжить, но все пошло не так...

Они неожиданно вышли к лифту, а не к каюте. Затем спустились куда-то вниз. Прошли по коридорам и оказались в странном помещении с множеством людей. Русая голова Байона на фоне черноволосых этроссов немедленно бросилась в глаза. И, если бы не цвет волос, она бы его не узнала.

Девушка с трудом подавила вскрик при взгляде на мужчину. Лицо посинело и как-то распухло от побоев. Он стоял непривычно неровно. Перекосившись на один бок, явно от боли. И нога. Он явно поджимал правую, стараясь не переносить на нее вес полностью. Однако, несмотря на свое состояние, капитан постарался улыбнуться ей.

А Саша успела подумать, что если сейчас его начнут пытаться, она расскажет даже то, чего не знает. Создается во всех смертных грехах, если потребуется, и будет хотя бы маленький шанс, что Байона оставят в живых. Еще раз ту ужасную сцену с Ольгой она просто не переживет.

— Нам нужна небольшая помощь в эксперименте, — знакомый голос раздался рядом и привлек ее внимание к другим людям в помещении. Шейх уверенно шагнул ближе и взял ее под руку, что она позволила, боясь даже вздохнуть лишний раз.

Все мысли крутились только вокруг пыток и потоков крови. Слова мужчины почти не доходили до сознания, поэтому, когда они вдруг оказались перед знакомым ядром, девушка несказанно удивилась.

— Коснись его. Ты ведь это уже делала.

Она подняла взгляд на шейха. Попыталась сквозь шум в голове вспомнить, что он говорил. Обернулась на Байона, который смотрел на нее напряженно и медленно кивнул, подбадривая. А потом просто положила ладонь на знакомую поверхность. Секунду ничего не происходило, а потом...

Тьма оказалась привычной, а раздавшийся в ней голос показался родным:

— Ну, наконец-то!

— Я думала, что уже тебя не увижу!

Саша едва сдержалась, чтобы не броситься обнимать принцессу. Та выглядела как обычно, но казалась напряженной. Обеспокоенной.

— Что случилось?

— Прости, что не появилась. Пришлось вмешаться в ход экспериментов. Отвлекла их внимание от Байона.

— Он выглядит ужасно, — девушка вздрогнула, вспоминая внешний вид капитана.

— Могло быть хуже. Твоя подруга жива и поправляется. Я смогла найти ее, но к тебе вырваться не получилось, пришлось сделать так, чтобы ты пришла ко мне.

— Да, шейх уже сказал... — Саша выдохнула, испытывая облегчение. Этрессу она не слишком верила, и услышать подтверждение от Талии было приятно. — Ты хотела видеть меня?

— Мы не закончили наш прошлый разговор. Не знаю, когда еще будет время. Мне нужно кое-что тебе показать. Это важно.

Киорийка протянула руку ладонью вверх.

— А этроссы не начнут волноваться?

— Пусть побегают. Тебе они ничего не сделают, а понервничать им будет полезно. Другой возможности у нас уже может не быть. Управление ядром занимает все мое время. А тебя сюда уже вряд ли пустят.

— Хорошо. Идем.

Саша сжала ладонь и привычно расслабилась, позволяя увлечь себя в чужой разум...

...Когда девушка побледнела и плавно осела на пол, поддерживаемая этроссом, Байон не удивился. А вот остальные присутствующие заметно напряглись. Рядом начал тихо читать молитву Марсад, его ученики поспешили отступить от пьедестала. Длинноволосый неловко пристроил обмякшее тело рядом с ядром, так как рука все еще оставалась намертво прикованной к поверхности.

— Так и должно быть? — он поднял взгляд прямо на капитана, но тот лишь пожал плечами, не собираясь облегчать врагу задачу.

Этросс выпрямился и медленно направился к нему.

— Я ведь могу спросить иначе...

— И не узнаешь ничего нового. Я не знаю, как должно быть. Не исследователь.

Несколько секунд темные глаза пристально вглядывались в его лицо, затем собеседник кивнул и резко отвернулся.

— Марсад, за жизнь женщины отвечаешь головой. Наблюдайте. Не вмешивайтесь. Подключи к ней браслет и отслеживайте показатели. Если будет наблюдаться негативная динамика... Отрубайте руку. Жить она сможет и без нее.

— Сколько наблюдать, великий? — тихо спросил ученый, покорно склонив голову.

— Три часа. Если она не очнется, и изменений не будет... Действуй на свое усмотрение. Мне она нужна живой. И разумной.

— Я поняла, — голова склонилась еще ниже.

— Этого в камеру.

Небрежный жест в его сторону с коротким комментарием. Надо отдать этроссу должное. Решения он принимал быстро. И... по меркам Этры, весьма гуманные. Оставалось только надеяться, что Талия отпустит Александру раньше. И что она вообще слушала разговор.

Байон бросил последний взгляд на девушку и позволил себя увести. Сейчас он ничего сделать не мог...

...Они снова оказались под водой. Песчаное дно. Нагромождения скал. Водоросли. Скопление Археосов. Их оказалось много. Около десяти, не считая того, чьими «глазами» они наблюдали. И чуть в стороне от основной группы находился еще один. Самый крупный. С огромной шапкой — головой. С толстыми щупальцами. Он почти не светился. И казался прозрачнее других. Внутри него, если приглядеться, можно было уловить контуры ядра.

— Что происходит?

Саша ощутила странное беспокойство. Волнение. И страх.

— Смотри. Это проще один раз увидеть.

Она смотрела. Увидела, как медленно, словно нехотя, Археос расширился, распластав короткие отростки в сторону, а потом засветился. Но не так, как в прошлый раз. Сейчас свет был словно в ином спектре. Более холодный. Он не слепил. Только подсвечивал все вокруг, делая невероятно четким. А затем свечение начало уходить. Сначала погасли щупальца, устремленные вниз, затем отростки, а потом голова...

Весь свет сконцентрировался в ядре и остался в нем. В то время как тело... Оно рассыпалось. Расползлось полупрозрачными сгустками, которые...

— Господи...

В некоторых сгустках загорались искры, и к ним устремлялись Археосы из основной группы. Разделяли на стайки, отделяя от пустых, погасших кусков. Их отгоняли в стороны. И у каждой стайки оказался свой «надзиратель». Их Археос не получил свою группу. На песок бесшумно опустилось ядро. И именно его он подхватил щупальцами, а затем направился куда-то прочь, сжимая матово пульсирующую ношу.

— Сколько их родилось от смерти одного?

— Сотня. Но выживут не все. Когда я просматривала ранние воспоминания, часто видела, как погибают мальки. Не знаю, почему. Просто в какой-то момент они гаснут. Возможно, это связано с формированием ядра, возможно, с чем-то еще...

— И какой процент доживает до... зрелости?

Саша сама не заметила, как отстранилась от ситуации эмоционально и начала рассуждать с точки зрения ученого. Любая деталь может пригодиться. Если ей удастся вернуться на Киорис и встретиться с Креоном... Талия права. Это важно.

— Сложно рассчитать, но думаю, не больше половины. И, как ты понимаешь, умирают они не так часто. На Киорисе нет хищников, способных охотиться на них. Разве что вопрос конкуренции и выживаемости вида мешает им размножаться бесконтрольно.

— А как умер этот Археос?

— Точно так же... Сам момент смерти отсутствует в памяти, но я видела нечто схожее в его поведении. А потом воспоминания оборвались. Я так и не смогла уловить их метод общения между собой. Его память забита какими-то картинками. Иногда из жизни киорийцев, иногда, животных. Порой мне казалось, что не все из них он видел сам, словно Археосы обмениваются информацией таким образом. Возможно, человеческий разум

чересчур примитивен, чтобы понимать их. Я лишь частично разобралась в возможностях ядра, но даже они позволяют мне вмешиваться во внешний мир. Что же говорить о живом Археосе и его способностях?

Саша продолжала наблюдать за перемещениями Археоса по океану. В какой-то момент он остановился и опустил ядро среди других матово светящихся ядер. Больших и меньших размеров. Они устлали дно на несколько десятков метров вокруг.

Открывшаяся картина выглядела одновременно сюрреалистично и пугающе. Кладбище, освещенное призрачным светом и находящееся под толщей воды. Внутри что-то сжалось от этого вида.

— Они отдают киорийцам старые ядра или новые?

— Кажется, и те, и те. Я не знаю, какими критериями они руководствуются при выборе.

— Это... очень грустно. И странно. Почему они решили поделиться тем, что так долго хранят?

Талия устало взглянула на нее. Конечно, у нее не могло быть ответов на все вопросы. Придется узнавать самостоятельно. Или передать информацию Креону и ждать, пока он расскажет. Почему-то ей совсем не хотелось стоять в стороне. Наверное, впервые Саша ощущала себя не зрителем, а участником чего-то интересного и судьбоносного. Важного. Ей не хотелось больше плыть по течению. Скорее наперекор ему. И это новое чувство охватило ее неожиданно сильно.

— Я вернусь на Киорис. Хотя бы для того, чтобы разобраться с Археосами. Спасибо, что показала.

— Чтобы вернуться, тебе нужно выжить, — выражение лица принцессы немного смягчилось. — Как твое общение с шейхом?

Александра вздохнула и коротко пересказала основные моменты.

— Хорошо. Продолжай и дальше придерживаться этой линии. Пусть видит романтическую идеалистку и мечтательницу. Любительницу приключений. Не забывай плакать. Для человека, привычного к насилию, слезы — лучший показатель слабости.

— Мне противно от самой себя. Иногда, после этих встреч физически начинает тошнить. Словно я себя убиваю.

— Мне жаль... Правда, очень жаль, что тебе приходится проходить через это. Но иначе... Металлический стержень можно согнуть и сломать. Камень разбить. А воду... Или землю.

— Я знаю. Понимаю. Но, не знаю, кем я стану в итоге.

Пожалуй, сейчас, отрешившись на время от внешнего мира. Забыв о том, что друзья могут погибнуть, Саша увидела себя. Представила будущее. Сколько продлится плен у этроссов? Кто знает? Сколько ей придется изворачиваться, не договаривать, лить слезы и играть роль? И как потом жить в нормальном мире? Будет ли это потом?

При мысли о будущем, внутри все похолодело. Замерло. И не желая заглядывать в эту бездну, девушка вернулась к настоящему.

— Что мне сказать шейху, когда он спросит про ядро? Про Археосов?

— Расскажи правду. Все, что хочешь. Они желают получить источник силы, так пусть заинтересуются теми, кто его создает.

— Разве этроссы не захотят в таком случае завоевать Киорис? — Саша нахмурилась, пытаясь понять цель.

Талия хищно усмехнулась.

— Именно. Пусть захотят. Пусть соберут свои войска и придут завоевывать. Поверь, я знаю, о чем говорю. Будет намного лучше, если шейх сам приведет армию к Киорису, чем мы будем ловить части его флота по всему космосу.

— Но киорийцы смогут защититься?

— О да... Этроссов встретит Немезида...

...Открыв глаза, первое, что она увидела — охранника со светящимся ножом в руках. И сразу же закричала. Скорее даже завизжала. Сначала от страха, а заметив, как тот вздрогнул и отшатнулся, уже по инерции. Затем оторвала ладонь от поверхности ядра и поспешила отползти в сторону. Тело слушалось плохо. Рука онемела и только мешала, бесполезной плетью волочась следом.

— Что происходит? — выдохнула она, убедившись, что на нее больше не пытаются напасть.

— Прошло уже три часа, — ответил этросс с поседевшими висками, жестом отогнавший охранника. — Мы волновались.

— И решили меня убить?! — голос сорвался на фальцет, от которого мужчина поморщился.

Саша прижала онемевшую конечность к груди, баюкая ее здоровой рукой.

— Нет, только отрезать вам руку, чтобы прервать контакт.

Успокоившееся было сердце, забилося с новой силой. А от столь радикального решения, у нее буквально отвисла челюсть.

— Вы... совсем... того... Других способов не нашлось?

В памяти всплыл совет Талии про слезы. Пожалуй, возмущаться и проявлять агрессию сейчас не время. Девушка с силой прикусила язык, ощущая, как глаза заполняются влагой. Шмыгнула носом.

— Вы же сами... Привели... Попросили... А потом... А я вам... поверила...

Оказывается, если словами подогреть нужные эмоции, слезы покатятся сами собой. Дальше она самозабвенно зарыдала, прерываясь только на всхлипы и бессвязный лепет. И краем глаза наблюдая, как засуетились вокруг этроссы...

...Креон работал. Он работал вчера. Позавчера. И два дня назад. Расчеты занимали все свободное время. Иван Александрович снабдил его всем необходимым и дисциплинированно отзванивался каждый день. И принц рассказывал, что успел сделать.

Пожалуй, со стариком ему повезло. Как и с Ольгой... Он оказался рационален. Спокоен. И не вдавался в лишние детали, предпочитая оперировать насущными, понятными проблемами и решать их.

Расчеты относительно первой базы и нахождения устройства-блокиратора над ней, Креон передал вчера. И сегодня уже оказалось, что они верны. Теория полностью подтвердилась. И теперь военные думали, что же им делать с информацией. Ожидаемо, им требовались расчеты для других баз. А еще желательно умник, который смог их сделать.

Принц знал, что до него, рано или поздно, доберутся. Но пока не думал об этом. Расчеты были важнее. Они позволяли занять время. А время значит много. Каждый пройденный час и день приближали их к предполагаемой дате прибытия киорийского флота. Скоро должно решиться, спасут ли их или же придется как-то выкручиваться самим.

Ко второму варианту он и готовился.

Воспроизвести аналогичные расчеты для других баз оказалось намного проще и не заняло много времени. Теперь он обдумывал синхронизацию уничтожения блокираторов и последующую линию атаки. Конечно, обо всем вооружении киориец имел весьма условное представление. Но зато понимал, где может находиться корабль, управляющий блокираторами. И сколько потребуются сил на его уничтожение.

Оставалось лишь понять, обладают ли земляне необходимым потенциалом. И согласятся ли действовать, ориентируясь на его расчеты.

В дверь позвонили. Из коридора донеслось приглушенное рычание Арея. Вот и все.

Креон встал, окинул взглядом чертеж, расстеленный на полу. Почти закончен. Осталось еще немного. На мгновение он испытал нечто, похожее на досаду, что его отвлекли. Еще и так не вовремя. Но ощущение быстро рассеялось.

Короткий коридор он пересек под ворчание ликоса, топтавшегося у входной двери. С лестничной площадки доносились приглушенные голоса. Гости явно спорили. Уже неплохо. Возможно, ему удастся донести свои мысли до того, как пришедшие реализуют свой план.

— Отойди.

Зверь одарил его мрачным взглядом. Квартира ему не нравилась. Как и остриженная грива. И необходимость гулять только посреди ночи. Корм, лишенный привычных вкусов. Земля однозначно стала для него самым нелюбимым местом. Но Арей умел смириться с трудностями. И терпел. Однако терпение его было не безгранично. А явившиеся гости не нравились.

— Я все понимаю. Но нам придется их впустить.

Ликос громко клацнул зубами, намекая на возможный исход. И в нем имелся смысл. Но тогда им придется убежать. Прятаться. Снова искать убежище. Вдвоем на чужой планете. Слишком агрессивной, чтобы продержаться достаточно долго.

— Не сегодня.

Креон ладонью отодвинул морду и открыл замок. За дверью помимо Ивана Александровича оказался мужчина явно в военной форме. С внушительными нашивками на

плечах. Немолодой. И чем-то неуловимо похожий на старика. Скорее всего, сын. Оба, заметив его, замолчали.

— Проходите...

Он отступил, распахивая дверь шире, и направился на кухню ставить чайник. Кажется, это место земляне считали самым удобным для разговоров. А еду — необходимым дополнением.

— Ты уверен, что он из этих? — приглушенно, но все же не слишком тихо поинтересовался более молодой гость. — Что-то не похож...

— На зверя глянь, — коротко бросил Иван Александрович и продолжил уже громче, обращаясь к Креону: — Я тут тебе еще продукты принес!

— Спасибо, — принц поставил на стол чашки, бросил в них по пакету и сел напротив входа в помещение спиной к окну. Чайник стремительно закипал. Гости не задержались в прихожей и теперь выбирали из оставшихся мест. Арей, продемонстрировав себя и осмотрев пришедших, устроился рядом, не торопясь расслабляться.

Военный пододвинул табурет, усаживаясь спиной к двери и явно стремясь перекрыть возможный путь к побегу. Иван Александрович лишь усмехнулся на это и принялся распаковывать сумки, выгружая часть покупок в холодильник, а часть на стол. Закончив, он наполнил чашки кипятком, и уселся на диванчик.

— Ну, что... Креон, это мой сын. Михаил Иванович. Генерал. Но тебе до этого дела нет как я понимаю. Так вот, он очень заинтересовался источником расчетов, которые я передал, и я решил, что лучше один раз показать, чем десять раз рассказать.

Михаил Иванович отхлебнул чай, мрачно глядя на киорийца поверх кружки. Взгляд его ничего хорошего не предвещал.

— Я как раз закончил остальные расчеты. А вы, видимо, хотели что-то узнать?

Он прямо взглянул на военного. Тот не смутился. Да и вряд ли существовало нечто такое, что могло бы его смутить. Чем-то генерал напомнил Креону Валириса. Но новый главнокомандующий Киориса обладал более подтянутой фигурой, а Михаил Иванович явно не следил за диетой. Да и лицо его чем-то напоминало шар, украшенный пышными усами.

— Хотел, — прогудел он. — Посмотреть. И понять, не обманываешь ли ты нас.

— И как же вы хотите в этом убедиться?

— А поедем со мной. Прокатишься, заодно и поболтаем...

— Миша! — Иван Александрович повысил голос. — Мы с тобой договорились!

Генерал поморщился. И нахмурился. Будто у него что-то болело.

— Договорились-договорились... Но лучше объясни мне, как он, сидя в этой квартире смог найти то, что мы там месяц пытались вычислить?!

— Вы не знали диапазон высот, на которых обычно держатся подобные устройства. А Киорис уже воевал с Этрой. После окончания войны мы затребовали все наработки их вооружения. Конечно, прошло двадцать лет, но такие примитивные устройства, как подаватели радио-волн вряд ли совершенствовались с тех пор. Нет необходимости. Мы редко встречаемся с цивилизациями такого уровня развития. Точнее — не вступаем с ними в контакт.

— То есть мы для вас — примитивные?! — явно изначально настроенный на конфликт, военный зацепился только за то, что могло бы помочь ему достичь желанной цели и перевести диалог в прикладную область.

— Возможно, я не слишком точно выражаюсь. Но я не дипломат. Всего лишь

исследователь. И прошу прощения, если мои слова вас задели. Ваша цивилизация только начинает постигать космос. Она еще очень молода и не развита, поэтому мы бы не стали вступать с вами в открытый контакт. Как и любая другая планета, входящая в Совет Безопасности. Однако... Этра решила поступить иначе. И потащила за собой Рахх.

Михаил Иванович явственно скрипнул зубами и предпочел еще раз глотнуть чай. Кипяток его явно не смущал.

— Ты не мог бы показать расчеты, которые сделал?

Иван Александрович как всегда уловил суть и сразу перешел к делу. Эмоции и прочее его не волновали.

— Чертеж в комнате. Расчеты я вам отдам. Но, если это возможно, я предпочел бы остаться здесь и продолжить работу. Она важна. Вы успеете меня допросить, если флот Киориса не прилетит. У нас впереди много времени.

— А если прилетит? — подозрительно поинтересовался генерал.

— То у вас уже не будет проблемы с подавителями. Скорее всего. И в таком случае, вам лучше меня не допрашивать. Технологии Киориса превосходят земные. И мы очень бережно относимся к соотечественникам.

— Ты мне угрожать собрался?!

Раздавшийся громкий писк заставил всех собравшихся замереть и развернуться на звук. Арей наострил уши.

— Это что? — Рука у отставного военного легла на оттопыренный карман с оружием.

Креон впервые испытал желание улыбнуться. А еще облегчение. Оно позволило расслабиться напряженным плечам. Внутри исчезла натянутая струна ожидания.

— Это киорийский флот, который только что приблизился к Земле на расстояние, позволяющее установить с ним связь нашим устройством.

Коммуникатор он держал в спящем режиме, опасаясь, что с ним попытаются установить контакт с истребителя. И так обнаружат местоположение. Выход из сна был настроен на прием более мощного сигнала. Который он уже не ожидал поймать. Но все же... Получилось.

— То есть они уже там? — сдавленно выдохнул генерал, указывая на потолок.

— Да. И думаю, необходимость в моих чертежах отпала сама собой, — он выдержал паузу, как учила Талия, прежде чем выдать важную информацию. — Если только вы не хотите внести какой-нибудь вклад в освобождение Земли...

...Три крейсера, окруженные звеньями из катеров, выпущенных в боевом порядке заранее, на полном ходу приближались к маленькой голубой планете. Щиты были выставлены на полную мощность. Дроны-разведчики отправлены далеко вперед. Разведывательные корабли раххов, встреченные возле самой черной дыры, полностью уничтожены. И вряд ли они успели отправить сигналы бедствия.

На небольшом расстоянии за ними следовали линкоры поддержки, набитые грузом с гуманитарной помощью и медикаментами. Штатный состав гиатросов увеличили в три раза. Брали всех желающих и имеющих хотя бы малый боевой опыт.

Клео настроила последнюю медицинскую капсулу и выдохнула, ощущая, как кипит в крови адреналин. Прошлый раз они попали в стычку с этроссами случайно. Она даже не успела ничего понять. Только выполняла указания гиатроса Лезариуса. Теперь же сама вызвалась лететь туда, где точно ожидалось боевые действия. И все изменилось.

Ожидание, смешанное со страхом от предстоящего столкновения заставляло нервничать. Но четкое выполнение инструкций пока спасало.

— Гиатрос Талматин, я закончила.

— Хорошо, я тоже. Можете выпить воды, съесть что-нибудь и сходить в очистительный блок.

В этот раз в руководители ей достался опытный военный гиатрос с большим количеством боевых часов. А напарницей стала одна из бывших однокурсниц. Сейчас она выдавала экипажу минимальные боевые наборы первой помощи.

Талматин окинул помещение цепким взглядом. Поправил несколько подставок с ампулами на столе.

— Скоро все начнется? — тихо спросила Клео, не решаясь покинуть блок.

Ей казалось, что заниматься чем-то столь обыденным, как питание, перед боем — странно.

— Вы успеете перекусить, — видя, что она не двигается в сторону выхода, Талматин чуть смягчил тон и пояснил: — Не знаю, будут ли раненные в бою, гиатрос. Но на планете в прямом столкновении точно появятся. Нас могут ждать несколько часов непрерывных операций. И мне не нужно, чтобы вы свалились посреди одной из них. Оборудование не заменит ваши глаза и руки. Что же до времени... — он посмотрел на коммуникатор на левом запястье. — Уже через четверть часа крейсера приблизятся на достаточное расстояние, чтобы атаковать. Значит, через пару часов нас ожидает высадка на поверхность. И вот тогда будет жарко. Еще раз повторюсь — позаботьтесь о себе, гиатрос.

Клео коротко кивнула и направилась к выходу. Сердце оглушительно билось в груди...

...Сильный толчок разбудил Ольгу и заставил оглядеться. За прозрачной перегородкой, отделяющей палату от общей части медицинского блока, метались врачи. Что совсем не походило на их обычное поведение.

Она нахмурилась и попыталась сесть. Приборы издали протестующий писк, на который никто не обратил внимание. Что тоже было странно. Обычно к ней сразу же подбегали и отчитывали за неподобающее для больной поведение.

Вообще больницы женщина тихо ненавидела. За равнодушие врачей. Болезненные процедуры. Грубость медсестер. И прочие мелочи, не позволяющие чувствовать себя взрослым, свободным человеком. Врачам вообще удобно, когда пациент не может говорить и двигаться. Ни возмущений, ни сопротивлений. Медики этроссов только еще больше убедили ее в правильности вывода.

Возможно, дело в том, что она — пленница. Или землянка. Или женщина. Но относились к ней без всякого уважения. Всячески демонстрируя, что возьмется лишь из-за того, что кто-то сверху попросил. Кем-то видимо являлся тот самый главный козел, допрашивавший Сашу. Ему Ольга мысленно посылала все кары земные и небесные. И... кажется, сбылось.

К моменту, когда она, морщась от боли, смогла оторвать от себя липкие датчики, сползти с койки и добраться до перегородки, в медицинском блоке появился новый пациент. Несколько охранников внесли своего напарника, вяло стонавшего. Из обрывков диалога стало ясно, что его ударило током где-то в коридоре. Корабль между тем еще несколько раз потрянуло.

Землянка нахмурилась. В голове начали возникать смутные подозрения. А еще воспоминания о диалоге с Креоном. Киорийский флот. Сколько прошло дней, как она в плену? Неужели, за ним прилетели? Напали на этроссов? Или что там происходит?

Сердце заколотилось быстрее. Заныл шов на спине. Ноги задрожали. Если снаружи началось сражение, оставаться на корабле небезопасно. Кажется, у них должны быть спасательные капсулы. Креон говорил, что часть их них сбили. Но... киорийцы же не будут стрелять по беззащитной капсуле? Или будут? А этроссы же не станут убивать своих? Наверное. В любом случае, нужно сначала выяснить, что происходит.

Дождавшись ухода охраны, она выскользнула в общий отсек, огляделась, схватила с ближайшего подноса что-то остро-режущее, смутно похожее на скальпель и направилась прямо к одному из врачей, пока его коллеги суетились вокруг пострадавшего.

— Извините... — голос походил на сип. Кислородную трубку убрали только пару дней как. И горло еще болело. В просторной медицинской рубаше серо-бежевого цвета выглядела она наверняка паршиво. А уж чувствовала себя... — Вы не могли бы... — Ольга спрятала руку со скальпелем за спину и попыталась выдавить улыбку. — Скажите, что происходит?

Врач окинул ее презрительным взглядом.

— Вернись в постель, женщина. Не видишь? Без тебя проблем хватает.

— Я пить хочу. А там вода кончилась...

Мужчина забормотал нечто непереводимое клипсой на ухе и указал на кулер в углу.

— Налей сама. Не до тебя. На нас напали.

— Напали?..

Сердце загрохотало так, что ей показалось, его обязательно должны услышать. Однако удивление вроде получилось изобразить убедительно. Или ее собеседнику настолько было плевать, что он даже не заметил.

— Да. Все, иди. Вернись в кровать и пристегнись. Будет трясти.

Ага, разбежалась. Ольга вежливо пробормотала ответ и направилась к кулеру. Щедро плеснула воды в стаканчик и выпила залпом. Мышцы скрутило от напряжения. Мозг в бешеном темпе прокручивал варианты.

Первое — она права. Киорийский флот прибыл. Второе — с корабля надо выбирать. Срочно. Третье — она понятия не имеет, где находятся капсулы, и как ими управлять. Четвертое — она не знает, где Саша и остальные. Пятое — у нее есть скальпель. И на нее никто не обращает внимания.

Проверяя последнее, Ольга налила еще один стаканчик и украдкой огляделась. Медики суетились, занимаясь какими-то своими делами. Неожиданно под потолком зажглась сирена, а металлический голос, от которого она едва не поседела, сообщил, что: «В отсеке «С» пробой и утечка энергии! В отсеке «С» пробой и утечка энергии!». Где именно этот отсек расположен, и в каком находятся они сами, женщина понятия не имела. Но судя по усилившейся суете, где-то рядом. И ничем хорошим утечка энергии не грозила.

Тут двери открылись, и в блок снова ворвались охранники, волоча на себе бессознательные тела. Упускать такой шанс было слишком глупо.

Ольга облизала губы, посильнее сжала в кулаке скальпель и, опустив голову, вдоль стенки направилась к выходу. На каждом шагу она ожидала, что ее окриknут, схватят, дернут или просто пристрелят, чтобы под ногами не мешалась, но вот выход оказался совсем рядом, а в следующую секунду она уже выскочила в коридор. И едва не оказалась под ногами бегущих куда-то мужчин.

Шарахнулась к противоположной стене. Замерла, прислушиваясь к вою сирены и сообщениям по громкой связи. Экипажу настоятельно советовали занять свои места в каютах и пристегнуться. Эвакуация пока не началась. Но режим чрезвычайной опасности уже объявили. Значит, капсулы еще никто не трогал. Но они ведь должны быть наготове? И должен же на этом чертовом корабле быть хоть один указатель?! Для тех же медиков! Они же не военные. И планы наизусть не учат. План!

В голове сразу вспыхнуло яркое воспоминание о плане эвакуации, который готовили к приезду пожарных. Если у инопланетян хотя бы в половину такая же бюрократия, как на Земле, план должен быть.

Она закрутила головой, пытаясь выбрать нужное направление. Затем сплотнула. Выдохнула. И, решившись, направилась в противоположную сторону от основного потока бегущих. То есть навстречу им. Вряд ли вооруженные люди бегут к капсулам спасения. Значит, ей туда точно не надо...

...Мощный толчок буквально скинул Сашу с койки. На секунду она растерялась, пытаясь понять, что происходит. Встала. Механически села обратно. Но неожиданное озарение-воспоминание заставило буквально подскочить на месте. Кажется, точно также начинался бой с этроссами прошлый раз. А значит...

Переодеваться из сорочки в джинсы она начала раньше, чем додумала мысль. Закрутила волосы, чтобы не лезли в глаза. Заметалась по каюте, переживая очередные толчки и убеждаясь, что ее догадки близки к истине. Несколько раз ударила по панели. Но та

оставалась безмолвна и никак не реагировала.

— Твою мать!

Девушка прижалась лбом к стене. Виски пульсировали от напряжения. Нужно что-то делать. Если их прилетели спасать, нужно выбираться. Как угодно. Главное — выбраться отсюда и... Что дальше? Она не знала, где находятся остальные. Уходить одной? Куда? И как? Она же ни черта не знает!

Зато Талия знает. Мысль неожиданно принесла успокоение. Нужно выбраться из каюты и пробраться в лабораторию. Не будут же ученые продолжать свои изыскания прямо посреди боя. Главное, чтобы лабораторию не заблокировали. Хотя... пока ей не грозило даже из каюты вылезти.

Вспомнив фантастические фильмы, Саша развернулась и поискала глазами решетку вентиляции. Но та оказалась столь мала, что туда разве что ребенок пролезет.

— Черт!

Бессилие бесило больше всего. Разозлившись, она от души пнула дверь, и та неожиданно отъехала в сторону. Одновременно с этим мигнул и погас свет. На мгновение Саша замерла, испугавшись, что ослепла или неожиданно вырубилась. Может, ее током ударило?

В следующую секунду заработало аварийное освещение. Во всяком случае, так сообщил металлический голос из коридора. Дверь как раз поехала в обратную сторону, но девушка инстинктивно прыгнула вперед, и замок захлопнулся уже у нее за спиной.

Теперь оставалось вспомнить, на каком уровне расположена лаборатория. Саша, недолго думая, рванула по темному коридору, освещаемому мерцающим красным светом, в сторону лифтов. Навстречу никто не попался, что показалось странным, но лишь на мгновение. Пока она не ткнула пальцем в панель вызова. А потом еще раз. И еще, убеждаясь, что лифты не работают.

— Черт, черт, черт!

Девушка замерла, напряженно прислушиваясь к сообщениям системы оповещения и пытаясь сообразить, видела ли хоть где-нибудь лестницу. Должны же они здесь быть на такой случай!

Где-то рядом как раз раздался противный скрежет и сдавленные ругательства. Саша огляделась вокруг и рванула к ближайшей нише за лифтами. Замерла, сжавшись в комок и мечтая, чтобы охранники прошли мимо.

Шаги раздались в коридоре. А затем голоса:

— Угораздило подставиться! — возмущался кто-то молодой. — Задели именно наш сектор. Парни теперь в каютах застряли.

— Главное, чтобы внутри. И все. Не хватало еще, чтобы пленники сбежали.

Пленники? Неужели Байона держат где-то рядом? На мгновение она испытала острое желание пристать к охране с вопросами, но задавила его в зародыше. Нужно следовать первоначальному плану. Если сейчас отвлечься и начать метаться по кораблю — ничего хорошего не выйдет.

— Куда они денутся? Из сектора еще нужно выбраться. Лифты отключены...

— Камеры тоже, так что ищи их потом по всем щелям.

Голоса начали постепенно удаляться. Саша, медленно выдохнув, аккуратно выглянула из-за угла, полюбовалась на спины этроссов, и как могла бесшумно двинулась следом. Оказалось, что выход на лестницу располагался с другой стороны от лифтов. И сейчас он

был грубо раскурочен. К счастью.

Александра выскочила на площадку. Посмотрела вверх и вниз на бесконечные лестничные пролеты и мысленно взвыла, представляя сколько времени займет поиск лаборатории. Но выбора у нее не было. Оставалось только вспомнить, на какой уровень нужно направиться. На стене она заметила надпись фосфоресцирующей краской. Обозначение уровня. В лифте значки были такие же.

Закрывает глаза, вспоминая, какую кнопку нажимал охранник. Вспомнила. И рванула наверх, перепрыгивая через ступеньку, будто за ней гнались все охранники уровня. А скоро они поймут, что одна из кают пуста. И точно начнут погоню...

...Космическое сражение постепенно набирало обороты. Корабли раххов вплотную занялись киорийскими катерами, но крейсера быстро отвлекли их внимание на себя. Боевые звенья, прикрывая друг друга, пробились внутрь охраняемого раххами периметра и столкнулись с этроссами, чего те совсем не ожидали. И оказались не готовы...

Корабли-наблюдатели спешно разворачивали щиты и орудия, выпускали хищных «шмелей» и совершенно теряли из виду происходящее на Земле. Пропавшие сигналы с глушилок никто не заметил. А связист, которому было поручено прослушивать эфир, вдруг получил волну помех. Решил, что их причиной стали корабли противника, отправил рапорт и отложил наушники. Возрастающую активность радиоволн в своем секторе он уже не зафиксировал...

Один из катеров совершил крайне удачный выстрел по флагманскому кораблю. И пусть поплатился за это жизнью, но заставил этроссов поверить, что происходящее — совсем не шутки. Киорийцы вернулись мстить за погибшую принцессу и экспедицию. Отступать они не собирались...

А вот раххи, принявшие основной удар крейсеров, быстро поняли, что сегодня им не выстоять. Флагман отправил сигналы в наземные лаборатории. После чего перешел в режим глухой обороны. Данные разработок и беременных самок нужно было забрать любой ценой. Раххи детенышей не бросают. Поэтому флагман должен продержаться до тех пор, пока с Земли не придут катера с учеными...

Для контроля ситуации с раххами хватило и одного крейсера. Остальные двинулись дальше, планомерно сменяя оборону этроссов. Выпущенные шмели накинудись на них разъяренным роем. Но массивная броня и более мощные, чем у линкоров щиты, позволяли кораблям оказывать достойное сопротивление. Половина катеров, однако, оказалась уничтожена. Остальных отозвали назад. А в качестве прикрытия крейсера дали слаженный залп из всех орудий...

...Чертова плана на этаже не оказалось. Или же он находился в той части, куда убежали вооруженные охранники. Встретаться с ними Ольга не хотела, понимая, что совершенно случайно продолжает свободно бродить по кораблю. Она вышла к лифтам, но, не представляя, где находится, и куда ей нужно, так и не решилась ими воспользоваться. Как и лестницей. Хотя опознавательный знак был весьма интернациональным. Жаль, что капсулы также не подписали.

Почувствовав усталость, женщина прислонилась к стене. Перед глазами начали мелькать черные мушки. Так она не только с корабля не выберется, но и в медицинский блок не вернется. Свалится где-нибудь посередине. И станет ковриком. Нет уж.

Ольга тряхнула головой. Вытерла испарину со лба рукавом балахона. Вздохнула. Нужно просто мыслить рационально и...

Корабль тряхнуло так, что она полетела на пол. Свет моргнул и погас. Затем загорелся красным. Сердце улетело в пятки. Правую руку обожгло болью. Чертов скальпель.

Она переложила оружие в другую руку и облизала пострадавшую ладонь. Механический голос, призывавший оставаться в каютах, неожиданно сменил пластинку и заикнулся о доступе к спасательным капсулам.

— Неужели, мать вашу...

Ольга шустро поднялась на ноги, забыв и о слабости, и о боли. На стенах флуоресцентно засветились указатели. И оказалось, что шла она все-таки в нужную сторону...

...Лабораторию не заблокировали. То ли не успели, то ли не посчитали нужным, то ли оставили охрану, которая куда-то отлучилась. Во всяком случае, внутрь Саша попала без проблем. Здесь было тихо. Пусто. И чисто. Кожух на ядре закрыт. Ученые явно уходили спокойно, успев привести все в порядок. Так даже лучше.

Она подошла к постаменту, стараясь выровнять сбившееся во время бега дыхание, и начала стаскивать кожух. Хорошо, что во время истерики успела заметить, как его надевают. Одной, конечно, не так удобно, как двоим, но... Ничего. Справилась.

Стоило стащить защиту с части ядра, как оно засветилось интенсивнее, и рядом возник призрак Талии.

— Киорийский флот... здесь... — выдавила Саша, тяжело дыша. — Корабль поврежден. Где... Филис, Байон и Ольга? Как мы можем уйти отсюда?

Пол неожиданно рванул куда-то в сторону. Землянка полетела на пол, больно ударившись бедром. Принцесса на мгновение растворилась, а затем проявилась вновь с хмурым выражением лица. Взгляд у нее был отсутствующий, словно она что-то пыталась вспомнить. Или искала...

— Байон в камере недалеко отсюда. Пытается взломать панель. Филис заперта в каюте на верхнем уровне. Его не зацепило. Она в порядке. Но выбраться не сможет. Ольга... Твоя подруга почти дошла до спасательных капсул. Если поторопится, успеет до начала массовой эвакуации нижнего уровня. Имеет все шансы спастись.

— И как забрать Филис?

Александра обрадовалась, услышав, что подруга почти в безопасности. Хотя бы за кого-то можно будет не волноваться. Байон тоже рядом. Но бросить жрицу...

Талия взглянула на нее со странным выражением. Смесь жалости и горечи. Наверное, самая эмоциональная реакция, виденная у призрака.

— Никак. Слишком далеко. Я до нее не дотянусь. К тому же... — она склонила голову к плечу, словно прислушиваясь к чему-то. — Корабль разворачивается. Крейсера тиснят остатки этросского флота. Отдан приказ об отступлении. Остальные корабли будут прикрывать флагман, на котором мы находимся. Нижние уровни сейчас начнут эвакуацию. Остальные запрут в каютах. А дальше будет бегство на предельной мощности. Для экономии энергии некоторые обшивающие контуры могут отключить. Я бы так и сделала, чтобы выжать из корабля всю возможную скорость.

Грудную клетку словно сдавила мощная рука. Дышать стало сложно. Сложнее, чем во время бега вверх по лестнице.

— То есть...

— Либо ты сейчас очень быстро бежишь вниз, отыскиваешь капсулу и эвакуируешься, а я постараюсь прикрыть тебя через систему, либо... Остаешься на корабле. Время уходит, нужно решать сейчас...

...Проклятые капсулы, мать их всех за ногу, были отделены от коридора механическими дверями с панельками управления справа. Которые требовали ввести код доступа или приложить что-то там — Ольга не дослушала. Обложила панель матом до третьего колена и

уткнулась лбом в стену.

Сил почти не осталось. Сирена выла, не замолкая. Где-то за спиной уже отчетливо раздавались шаги. Женщина забралась в самый дальний конец коридора с капсулами, надеясь, что прибывшие потом будут использовать те, что ближе к входу. Спасение было рядом. Так близко. И в то же время совершенно недоступно.

Она подняла зажатый в руке скальпель. Воспользоваться им по назначению? Подкараулить желающего спастись и выпытать у него код? А если он будет не один? А если вооружен? А если...

Взгляд зацепился за укрытую пластиком ручку. Если и не пластиком, то чем-то мягким и шершавым, благодаря чему оружие почти не скользило. Выбора, в общем-то, не было. Шаг назад. Обмотать рукоятку рукавом. Ударить. От панели во все стороны посыпались искры. Но дверь не открылась.

— Да чтоб тебя!

Она провернула скальпель и добавила удар кулаком, вспоминая настройку советского телевизора. Помогло.

Несколько секунд Ольга тупо смотрела на открывшийся проем, а затем заскочила внутрь. Капсула сразу же озарилась светом различных датчиков. Дверь захлопнулась. А вежливый механический голос попросил:

— Задайте координаты пункта назначения.

— Чего?!!

Она развернулась на звук и уставилась на еще одну панель с дисплеем, на котором мигал курсор, а рядом располагалась клавиатура с цифрами. Арабскими. К счастью.

Ольга застонала от отчаянья. Координаты. В голове смутно забрезжили воспоминания о географии. Кажется, Москва — это северная широта. И западная долгота. Но вот какие... И... Короткий взгляд на экран породил смутное подозрение, что координаты нужно вводить не в земном исчислении, а в каком-нибудь общекосмическом. И что ей теперь делать?

Руки затряслись. Где-то на задворках сознания замаячила подступающая истерика. Землянка просто больше не представляла, что еще можно сделать. И тут в голове раздался четкий голос, называющий цифры.

По коже волной пробежали мурашки. Она успела свихнуться, пока бегала по этажу? Или это последствия от, черт знает каких, лекарств, что ей ввели? Или...

— Вводи!

Окрик раздался будто над самым ухом. И пальцы потянулись к цифрам. Каким-то чудом удалось ввести нужную последовательность, а затем нажать на зеленую кнопку. В следующий момент капсула ухнула вниз, Ольга полетела на пол.

В небольшой иллюминатор, расположенный почти под потолком, она видела, как стремительно удаляется прочь чужой корабль. И решила не вставать. Если ее собьют, то какая разница, в каком положении? А если долетит, хоть куда-нибудь, то надо набраться сил...

— Спасибо, — запоздало прошептала женщина, больше всего опасаясь услышать ответ, но в капсуле царила тишина...

...Саша устроилась на полу, прислонившись спиной к ядру. Талия заблокировала вход в лабораторию. С местной системой она освоилась быстро, первым делом отрубив камеры.

— Ольга ушла.

— Спасибо.

— Я была рада ее спасти...

Призрак сел рядом, почти касаясь ее плеча своим. Александра прикрыла глаза, думая о том, правильно ли поступила. Не слишком ли рано она сдалась? Стоило ли попытаться сбежать? Рискуя наткнуться на стражу, которая ее опознает? Снова пешком по лестнице туда, где теперь уже точно скопилась толпа.

— По-твоему, я сглупила?

— Нет. Твои шансы добежать до капсулы были не больше десяти процентов. Сейчас они активированы только на нижних уровнях. А там достаточно желающих. Поверь. Взломать систему активации на нашем этаже я не смогу. Поэтому решение верное.

— Почему ты сразу не сказала?

Саша повернулась к собеседнице.

— Потому что ты должна научиться принимать решения. Правильные или нет — узнаешь только со временем. Думай. Собирай информацию, прежде чем что-то сделать. Или сказать. Ты могла уточнить у меня детали. Но поступила по-своему. Сегодня верно. Завтра... Тебе нужно подготовиться.

Это точно. Теперь плен у этроссов продлится дольше, чем предполагалось, и ей снова придется играть. А еще придумать подходящее объяснение своему поведению. И продержаться. Как-то продержаться. Сейчас надежда была на то, что Ольга доберется до Земли, а там... Как-нибудь сообщит киорийцам, что они втроем все еще в плену. А еще Креон. Он точно сможет рассказать все, что знает. Если, конечно, выжил...

— Не будем тратить время. Неизвестно, когда мы с тобой сможем увидеться снова. Мне нужно передать тебе информацию. И, кажется, я знаю, как...

Решительный голос киорийки заставил отвлечься от мыслей. Саша сглотнула и вытерла повлажневшие глаза.

— Тогда давай не будем терять время...

...Ольга не заметила, как провалилась в беспамятство. Но когда капсула вдруг дернулась и перестала двигаться, сразу же очнулась. Попыталась поднять голову, но измученный беготней организм отказался подчиниться. Усталость буквально придавила ее к полу. Оставалось только лежать и надеяться, что заданные координаты оказались верны, и капсула не утонет в Москве-реке. Хотя ей почему-то казалось, что снижение должно занять больше времени.

Взгляд зацепился за иллюминатор, который перестал показывать звезды. Теперь в нем царствовала темнота. Дверь неожиданно распахнулась, и первое, что оказалось внутри — оружие.

Сердце мгновенно сдавило, а ужас буквально парализовал. Неужели, она снова попала к этроссам? Как? Или?..

Дальше Ольга ничего подумать не успела. В капсулу быстро вошел обладатель оружия, окинул ее быстрым взглядом и опустил рядом на колени. Скафандр у него выглядел немного иначе, чем у этроссов. И за дверями явно маячили другие люди в похожей форме.

— Кто вы? Как попали на корабль этроссов?

Клипса на ухе внятно переводила услышанное, но ей все же показалось, что язык звучит немного иначе.

— Я... — оказалось, что в горле пересохло. — С Земли. Земля... Понимаете?

Мужчина кивнул и убрал оружие за спину. Обернулся и кивнул кому-то у выхода.

— Гиатроса сюда. Вы попали в плен?

— Да... я... там еще остались. Там...

Ольга вдруг поняла, что если вокруг не этроссы, то значит... киорийцы. И ей нужно рассказать. Ей нужно так много рассказать. Про Филис и Байона. Про Сашу... Про Креона.. Она открывала и закрывала рот, не зная, с чего начать.

— Успокойтесь, — незнакомец сжал ее руку. — Вы находитесь на киорийском крейсере «Нафтикос». Сейчас вам окажут помощь. А потом вы сможете все рассказать.

От облегчения и понимания, что все, наконец-то, кончилось, из глаз брызнули слезы. Губы задрожали. В горле заклокотали рыдания. И пока она пыталась успокоиться, рядом оказались люди уже без скафандров. Ее быстро уложили на носилки, мгновенно поднявшиеся над полом. Что-то начали делать со спокойной, профессиональной точностью. Задавая вежливые вопросы и обмениваясь короткими репликами. А потом ее куда-то повезли...

Потолок капсулы сменился потолком коридора. Потом еще одного. Голоса начали удаляться, и Ольга снова не заметила, как медленно уплыла в сон. Первый спокойный, мирный сон за последний месяц...

...Креон наблюдал за небом. Он жалел, что не умеет, как Талия по отсветам огней определять, что происходит на орбите. Когда-то сестра пыталась объяснить, но военное дело ему совершенно не давалось. Впрочем, кое-что он все-таки запомнил...

Арей положил морду на подоконник и коротко заскулил.

— Уже скоро, — ладонь привычно зарылась в шерсть на загривке. — Они справятся.

Один из взрывов раздался ниже других. Яркая вспышка и взрыв в небе. Осколки, скорее

всего, упадут за пределами города, но... Это не киорийцы. Значит, его расчеты пришлось кстати. Главное, чтобы военные не перестарались и не уничтожили корабли киорийцев. Впрочем, он уже отправил сообщение с предупреждением на общей частоте. Так что проходить атмосферу линкору будут над океаном, а там максимально экранироваться и двигаться дальше. Осталось лишь дожидаться...

Никогда еще время не казалось ему столь долгим. Принц успел поесть. Принять душ. Прибраться в квартире, понимая, что вряд ли задержится здесь дольше. Собраться. Арей терпеливо ждал у дверей, виляя хвостом и не спуская с него взгляда.

— Можем идти.

Ключи от квартиры Креон бросил в почтовый ящик. Вышел во двор. Вдохнул уже теплый ночной воздух. Запрокинул голову, снова глядя в темное небо. Огни немного сместились к северу. Бой продолжался, но одна из сторон дрогнула. Оставалось надеяться, что это враги.

На коммуникатор поступило сообщение. Киориец бросил короткий взгляд на виртуальный экран. Кивнул, убеждаясь в правильности сделанных расчетов, и направился к центру двора. Ликос поспешил следом.

Вот мигнули фонари. Ветер донес ароматы из ближайшего приоткрытого окна. Над крышей мелькнула размытая тень. Она плавно опустилась между песочницей и горкой, почти незаметная в глубоких сумерках. Бесшумно отъехала в сторону дверь военного катера.

— Вечер добрый, — поприветствовал его глава отряда, находящегося внутри. — Вы один?

— Только с ним, — Креон кивком указал на Арея, радостно впрыгнувшего в кабину, и обернулся. В тених между домами скрывался силуэт. — Передайте Ивану Александровичу спасибо!

Силуэт не пошевелился, но принцу и не нужен был ответ. Сейчас его волновало совсем иное. Он быстро занял оставленное ему место, пристегнулся и откинулся на спинку, чувствуя, как катер набирает высоту.

— Вам нужна помощь гиатроса? — снова обратился к нему главный.

— Нет, благодарю. Мне повезло. Есть еще выжившие в экспедиции?

— Нам сообщили о трех десятках сигналов, поступивших из разных точек планеты. Есть надежда, что выживших больше, но не все они смогли сохранить коммуникаторы. Сейчас заберем всех, кого сможем, потом будем искать.

Три десятка. И неизвестно, в каком они состоянии. Как быстро смогут восстановиться. Вернуться домой. Война ведь еще не окончена... Скорее даже только начинается. И он сам готов поспособствовать ее продолжению.

До линкора они добрались быстро. Оказалось, что туда уже доставили еще нескольких киорийцев, находящихся в пределах области.

— Около десятка сигналов поступили из ближайших районов, — пояснил офицер, когда они выгружались из катера. — Здесь самая высокая концентрация.

Конечно, ученые точно знали лишь координаты крушения корабля Талии. Их и вбивали в капсулах. Остальные либо ошиблись, либо сознательно, на свой страх и риск, их изменили.

— Кто командует кораблем?

Его без задержек проводили к командеру Деметре. Высокая, немолодая женщина со строгим, немного усталым лицом и косой, уложенной вокруг головы.

— Командер, мне нужно в кратчайшие сроки попасть на крейсер, — озвучил Креон,

как только они обменялись приветствиями.

— Бой еще не закончен. И не все катера вернулись обратно. Мы не можем улететь.

— Я понимаю и не собираюсь перечить здравому смыслу. Как только будет безопасно, и все наши соотечественники смогут вернуться, вы отвезете меня на крейсер?

— Могу я узнать, зачем вам туда? Если вы желаете связаться с Киорисом, то я могу установить для вас канал отсюда.

Она смотрела жестко и строго, оценивающе, явно пытаясь понять, чего ей ждать от него.

— Мне нужно связаться с гран-командером Искарисом. А это возможно лишь с крейсера, учитывая его удаленность от Киориса.

Командер нахмурилась. Смерила его взглядом. Затем кивнула.

— Хорошо. Как только будет безопасно, мы доставим вас на крейсер. А пока — не откажитесь пройти осмотр у нашего гиатроса.

— Конечно.

Он сам направился в медицинский блок. Ждать оставалось совсем недолго...

...Прошло несколько долгих часов, прежде, чем двери лаборатории открылись, и охрана ворвалась внутрь. Они готовились ко всему, в том числе к тому, что женщина совершила самоубийство или вообще исчезла. После снов, которые снились тем, кто работал здесь в последние дни, этроссы уже ничему бы не удивились. Но...

...Девушка, казалось, безмятежно спала. Она лежала на постаменте, повернувшись на бок, подложив ладони под щеку, поджав колени к груди, и выглядела такой безмятежной, будто находилась у себя в спальне, а не в лаборатории на инопланетном корабле посреди космического боя. Будить ее показалось даже как-то неловко.

— Господин, что делать?

Начальник личной охраны шейха обратился к Данияру. Тот окинул помещение взглядом. Заметил неплотно натянутый кожух. Его точно открывали, но зачем? Пленница снова вступала в контакт с ядром? О прошлом случае она говорила мало. И что-то подсказывало, что повторять ее встречи с киорийским феноменом не стоит. Вернуть в каюту тоже не выйдет. Нижние уровни обесточены. И в целях экономии их лучше вообще закрыть. И что с ней делать?

— Отнесите в каюту жрицы. Она переживала о ней. Вот и пусть позаботится.

С киорийкой он уже почти нашел общий язык. Конечно, она продолжала упрямиться, но вела себя разумно. На редкость разумно. А значит, сможет внушить нужные мысли и этой девчонке. А возможно, выяснить, что ей известно. И самое главное — что стало известно из ядра. Женщина женщину разговорит быстрее, тем более во время скучного и долгого перелета.

Данияр усмехнулся, предвкушая, как будет наблюдать за обеими.

— А пленника с этого этажа?

— Оставьте, как есть. Он может еще пригодиться...

Шейх направился прочь, не сомневаясь, что его приказы выполнят. Их всегда выполняли. Ему же нужно подумать, как доложить эмиру о проваленной миссии. А также о том, что он обнаружил нечто весьма интересное. И ценное...

...— Больше никого из пленников не удалось спасти?

Креон смотрел на спящую в реанимационной камере Ольгу. Бледную. Измученную. Похудевшую. Но живую. Главное, что живую.

— К сожалению. Мы поймали еще несколько капсул, но все они были с этроссами. Некоторые оказались буйными, и их пришлось усыпить. Остальные сидят по каютам. Вряд ли они знают что-то интересное. На нижних уровнях находился в основном обслуживающий персонал.

Он кивнул словам командира крейсера, и они направились к рубке управления. Бой завершился совсем недавно. Флагман этроссов скрылся в окружении нескольких кораблей прикрытия. Остальные были полностью уничтожены. Крейсера пострадали, но вполне подлежали ремонту, который уже развернули в полную силу. Статистика потерь все еще велась.

Раххам удалось эвакуировать не все лаборатории. Несколько их кораблей сбили при посадке. Флагман ждал до последнего, но когда понял, что от союзников помощи не дождется, также поспешил отступить. Продолжение боя ожидалось на Земле. Лаборатории нужно было ликвидировать. Освободить пленников. Изучить технологии. Бой обещал быть жарким. Все понимали, что просто так раххи не сдадутся, а также то, что отступить им некуда.

— Мы настроили для вас канал связи. Можете воспользоваться прямо сейчас.

— Благодарю.

Креон занял кресло связиста, который поспешил отступить и отвернуться. В обычных обстоятельствах никто не пустил бы его за пульт, но с Птолемеями все немного иначе.

Когда на мониторе возникло размытое лицо Икара, принц ощутил легкий укол в груди, и на мгновение даже растерялся, не зная, с чего начать.

— Креон? Что случилось?

Брови брата сошлись на переносице, и он стал неуловимо похож на отца и мать одновременно. И именно это заставило его говорить. Хватит потерь в их семье...

— Экспедиция на Землю уничтожена. Александра попала в плен к этроссам...

...В каюте Филис оказалось намного уютнее. Широкая кровать позволяла с комфортом разместиться им обеим, не мешая друг другу. Еду приносили строго по расписанию. Тоже более разнообразную, но как заметила киорийка, предлагаемых блюд после отступления заметно убавилось.

Конечно, они не жаловались. Да и кому? Роботу? Кроме него пленниц никто не посещал, но слежка наверняка продолжалась. Проверять ее качество желания не возникало.

Саше хотелось поделиться с бывшей жрицей мыслями и разговорами с Талией, но приходилось молчать. Вопросы та понятливо не задавала. А чтобы не скучать рассказывала об Этре...

— ...правит эмир. Его титул может передаваться от отца к сыну, рожденному от жены или наложницы, или уходить к одному из шейхов, если тому удастся заполучить поддержку других родов.

— А у шейхов тоже непонятно, кто станет наследником?

Александра с вялым интересом перебирала украшения, находящиеся в каюте. Блеск камней привлекал внимание, но не вызывал ничего, кроме желания чем-то занять руки.

— Да. Великие рода многочисленны. Детей стараются заводить как можно больше. Конечно, предпочтение отдается мальчикам. Часто женщин заставляют делать аборты, если выясняется, что должна родиться девочка.

На мгновение горло перехватило.

— Но их же самих родили женщины. И в жены они тоже берут женщин...

— Происхождение женщины не имеет значения для потомства. Браки заключают из политических соображений, а в наложницы берут из-за внешности. Между детьми от первых и вторых нет разницы. А в непривилегированных семьях редко делают аборты. Там любой ребенок считается благом.

— Почему?

— Мальчик может принять дело отца или дядя, пойти служить, поступить в армию, а девочка может выйти замуж. Главное, чтобы обладала приятной внешностью и кротким нравом. Была здорова. И могла родить детей. Каждую невесту проверяют медики. Первое, что их интересует — девственность. Второе — способность зачать и выносить ребенка. Кажется, на Этре разработана целая система оценки способности деторождения с критериями и баллами, но подробности я не знаю.

— Ужасно...

Саша вспомнила Базар. Медицинскую камеру. Анализы. Косметические процедуры. Тогда она почувствовала себя товаром. Но женщины на Этре проходили это перед свадьбой. Их даже не пытались оценивать как людей. Лишь с точки зрения исполнения функции. Как... как вещь. Зонтик должен защищать от дождя. Подушка быть мягкой. Одеждой теплым. А женщина должна рожать...

— А если она не может? Особенности развития, здоровье... Не знаю. Есть же разные причины. Что тогда?

Филис, переключившая наряды на полках, подняла на нее взгляд. Тяжелый и выразительный. Слова застряли в горле. И представлять, что происходит с несчастными, как-то расхотелось.

— А когда женщины стареют?

На самом деле ей совсем не хотелось знать подробности. Но они летят на Этру. И лучше подготовиться заранее, чем сильно удивиться по прибытии.

— О стариках должны заботиться дети. Социальных служб у этроссов нет. Хотя, стоит признать, что детей у них не бросают. И пожилых родителей обычно тоже. Но может стать и так, что сын, унаследовавший дом отца, решает заботиться лишь о своей матери и сестрах. А остальные женщины вынуждены уйти и искать себе другой дом, или...

Многозначительное молчание вызвало в голове картины одна хлеще другой. Вспомнились и яды, и шелковые шнурки, известные благодаря книгам и сериалам о турецких гаремах.

— Женщины друг друга ненавидят?

Это был даже не вопрос, а утверждение. Ведь как можно дружить, если они вынуждены постоянно конкурировать за мужское внимание? Доказывать, что они достойны этого внимания? Унижаться, предавать, доносить, подставлять...

Саша закрыла глаза, представляя все прелести царящей на Этре атмосферы. А у них на Земле считалось, что женской дружбы не существует. Бред. Все возможно, если исключить глупую конкуренцию. Киорис показал это так ярко, что сомнений не осталось, а теперь... Она увидит совсем другую среду.

— Они играют в дружбу. С этроссками я не общалась, но читала несколько трактатов, описывающих жизнь в гареме. На Этре мало внимания уделяют психологии. Ее считают незначительной, особенно, когда речь заходит о женщинах, но несколько мыслителей, признанных уважаемыми, пытались проанализировать и понять, что происходит за закрытыми дверями женской половины. Весьма осторожно и не приближаясь слишком уж близко. Все же интерес к чужим женщинам может быть весьма чреват.

— Социальных служб у них нет, психологию они не изучают, а чем они вообще занимаются?

— Широкое применение получили прикладные науки. Насколько я знаю, на Этре уважаемыми считаются ювелирное дело, парфюмерия, ткачество, особенно ковров, шитье и вышивание, торговля, а также добыча и переработка ресурсов. Лет двести назад в одном из районов открыли богатые залежи минерала, из которого изготавливают топливо для космических кораблей. Этроссы занялись разработкой и смогли обеспечить не только себя, но и соседей. Хотя, здесь не обошлось без проблем... Добыча таких ископаемых редко проходит без ущерба для окружающей среды...

— То есть у них там еще и экологическая катастрофа?

Воображение бодро нарисовало классическую пустыню, утыканную кратерами и имеющую радиационный фон. Вспомнились марсианские пейзажи и фантастические необитаемых планет. Кажется, фильмов надо было смотреть меньше. И вообще ограничиться исторической литературой.

— Я не знаю точно. Все, что мне удалось изучить об Этре, относится к довоенному времени. Когда дипломатические отношения между нашими планетами еще не были столь натянуты. Что произошло там за последние двадцать лет остается только гадать.

И почему Этра так заинтересовалась Землей тоже. Обсуждать этот вопрос они также не стали, погрузившись каждая в свои мысли. Много приходилось додумывать самостоятельно, но Александра была благодарна и за те крохи информации, что давала ей Филис. Без ее рассказов и поддержки она осталась бы слепой как котенок...

...Вечером они принимали ванну. После терм Киориса нагота перестала смущать, да и многие вещи стали видаться иначе. Когда жизнь висит на волоске, смущение как-то перестает играть роль.

— Как ты думаешь, нас поместят в гарем?

— Скорее всего. Только правильное сказать: на женскую половину. Там обычно проживают все женщины, находящиеся в доме. Служанки, жены и наложницы. Дети. Мальчишки до пяти лет. Девочки... Пока не выйдут замуж.

— А что они делают? Помимо того, что пытаются выжить.

— Служанки убирают, готовят еду, выполняют различные поручения. Старые женщины шьют или вышивают. Жены следят за порядком и занимаются воспитанием детей. Наложницы, как правило, тоже. Но они не являются хозяйками. Поэтому у них больше времени для себя. Могут учиться танцевать, играть на музыкальных инструментах, читать. Этроссы любят поэзию...

Вряд ли им понравится Пушкин или Лермонтов, а до Омара Хайяма руки так и не дошли. Жаль. Был бы хоть какой-то козырь. Танцевать, петь и играть Саша тоже не умела. А учиться во время полета... Глупо. Да и не успеет. Лучше уж подумать о том, что можно использовать из имеющихся знаний.

— А на ночь господин выбирает себе... спутницу?

— Как правило... Иногда двух. Или трех. Зависит от предпочтений.

— А если он... жесток? Или его предпочтения... экзотические?

Теперь уже она сама выразительно смотрела на собеседницу, надеясь, что та поймет.

— Нет такого вида удовольствия, которое считалось бы на Этре порочным. Главное, чтобы мужчине нравилось.

А женщине, значит, не обязательно. Вспомнилась вдруг еще одна деталь из обычаев некоторых народов.

— Они хотя бы гениталии девочкам не вырезают?

Ответом стала тишина, от которой на миг захотелось утопиться.

— Я читала описания этой... процедуры, — медленно заговорила Филис. — Она применяется в качестве наказания к женщинам, которых ловят на измене мужу. Или господину.

К горлу подкатила тошнота. Саша закрыла глаза, и несколько раз плеснула в лицо водой. Выдохнула. И больше не задавала вопросов. По крайней мере, не в этот вечер. Сначала нужно как-то смириться с тем, что она уже узнала. И подумать. Очень хорошо подумать...

...А ночью она летала. Стоило закрыть глаза, и сон уносил ее в иной мир. Там не было жестокости и боли. Только ощущение полного контроля. И свободы. Той самой, от которой захватывает дух и хочется прыгать и визжать. От которой кружится голова. А сердце готово выскочить из груди.

Она оказывалась в кресле пилота. Перед глазами разворачивалась панель управления. Тот самый истребитель или похожая модель. Александра уже знала, что панели старались делать стандартными, чтобы облегчить работу пилотам. Но видела каждый раз одну и ту же. Или еще не могла понять разницу между ними.

Руки ложились на штурвал. Пальцы ощущали фактуру. Приятный, шершавый материал с небольшими царапинками. В иллюминаторе раскрывалась взлетная полоса, за которой простиралось небо, усыпанное звездами.

Несколько движений, ставших уже автоматическими, тихий гул корабля. Вибрация, идущая по полу. Нарастающая мощь разогреваемого ядра. Еще несколько движений, и первый толчок, обозначающий начало движения. А затем только нарастающая скорость и взлетная полоса, несущаяся навстречу, чтобы в один момент вдруг остаться где-то внизу...

Еще один толчок, давление, заставляющее вжаться в кресло, звезды, устремляющиеся в лицо, и... Полет. Каждый раз ей хотелось смеяться. Каждый раз, выхватывая боковым зрением движение, она оглядывалась к боковому монитору. Темному и матовому как зеркало. И видела в нем лицо Талии...

...А просыпалась каждый раз от крика Байона:

— Талия!

Лежала, молча глядя в потолок, и слушая, как постепенно успокаивается сердце. И пыталась понять, жива она или осталась на Земле среди обломков разбитого катера и торгового центра...

...Шейх навел их на третий день полета. Когда Саша уже имела представление о традициях этроссов и совершенно не хотела его видеть, или тем более играть роль. К счастью, и не пришлось...

Гость появился после ужина, и Филис сразу же неувовимо выдвинулась вперед, привлекая его внимание и меняясь. Ее движения, поведение, даже выражение лица... За несколько минут бывшая жрица полностью поменялась и в то же время... Что-то осталось прежним.

Нет, киорийка не стала глупо хихикать над замечаниями мужчины, но демонстрировала ему интерес и... Сочувствие?

— Не желает ли великий шейх сыграть партию в шатранжи?

— Не отказался бы... Но не заскучает ли ваша спутница? — равнодушный взгляд скользнул по землянке, от чего захотелось поежиться, но она заставила себя улыбнуться.

— Ей будет полезно взглянуть на одно из традиционных этросских увлечений. В последние дни мы часто обсуждаем обычаи вашей родины. Но вы, конечно, осведомлены...

Последнюю фразу Филис произнесла мягко и без упрёка, однако шейх усмехнулся. Лицо его искривилось от прорвавшейся досады. Он в целом выглядел хуже, чем при их последней встрече. Лицо заметно осунулось, а под глазами залегли тени, не столь заметные на смуглой коже, но делающие глаза более выразительными.

Наверняка ему пришлось доложить о провале на Земле, и вряд ли его за это похвалили. В глубине души Саша ощутила злорадство, но постаралась скрыть его.

— Раз у нас будет наблюдатель, я бы хотел узнать, что же произошло в лаборатории во время боя? И как оказалось, что моя... гостя оказалась там вместо своей каюты?

Он быстро перевел взгляд на девушку, заставив ее замереть. Точь в точь змея перед броском. Что ж, его любопытство было предсказуемо, и у нее имелось достаточно времени, чтобы подготовиться.

— Любопытство... — Александра виновато улыбнулась и хлопнула ресницами. — Когда погас свет, я ужасно испугалась и бросилась к двери. Дернула ее, и она к моему большому удивлению открылась. Я оказалась в коридоре. А когда свет снова зажегся... Не смогла вернуться назад. Дверь заблокировалась. Свет был таким красным и тревожным... Я не знала, что мне делать и направилась туда, где мне казалось, я буду в безопасности.

В каюте появился столик, доска и фигурки, которые Филис начала расставлять.

— И почему же не ко мне? Или я негостеприимный хозяин?

Шейх ее провоцировал. На Этре назвать хозяина дома негостеприимным равносильно смертельному оскорблению. Вот только это не мешает этроссам травить друг друга. Впрочем, яды используют такие, чтобы действие застало гостей уже дома. И следов не осталось. Поэтому Этра ведет активную торговлю с Эль-Сабой.

— Конечно, нет. То есть... — Саша забегала глазами по комнате и закусила губу, делая вид, что пытается подобрать правильные слова. — Я хотела сказать, что... Я не могла отвлечь хозяина от важных дел, ведь очевидно, что на корабле происходило нечто из ряда вон выходящее...

К концу фразы голос стал тише, и она опустила взгляд на свои нервно переплетенные пальцы.

— Значит, ученых в лаборатории отвлекать можно? — он насмеялся и откровенно провоцировал.

— Они не отвечают за сохранность корабля во время конфликта, — мягко ответила киорийка. — Разве ваша... гостя поступила неразумно, решив, что они смогут помочь ей и ответить на волнующие ее вопросы?

— Я предпочел бы, чтобы мои гости оставались там, где должны находиться, а не бегали по кораблю, рискуя получить травмы или...

Этросс выразительно замолчал, позволяя им самим додумать окончание. Да, наверное, ему было бы обидно, если бы она сбежала. Упустить такую добычу... Пожалуй, его отчитали бы куда серьезнее, чем за поражение. Хотелось бы верить, что отчитали все-таки серьезно.

— Мы учтем ваши пожелания, — Филис как-то удавалось оставаться доброжелательной и оберегать свои границы. Саша так еще не умела, но сейчас имела отличную возможность научиться. — Начнем?

Данияр опустил взгляд на доску, сделал ход и взмахнул рукой в сторону землянки.

— И что же было после того, как ты оказалась в лаборатории и обнаружила, что там никого нет?

Рассказать придется. Сбить этого мужчину с толку сложно. Он отлично контролирует ситуацию и показывает себя истинным хозяином положения.

— Я решила больше никуда не уходить. Вы правы, перемещаться по кораблю было опасно, а на уровне с лабораторией хотя бы горел свет. Мне было очень страшно. Я ничего не понимаю в военных действиях. Оставалось только запереться и надеяться, что ничего страшного не произойдет. Но время шло, и я... Мне стало скучно. Сидеть и бояться так ужасно. Я решила, что взаимодействие с ядром меня успокоит...

— И что же показало тебе ядро? Правда ли, что оно хранит разум принцессы Талии?

Его короткий, цепкий взгляд снова скользнул по ее фигуре... Александра облизнула губы и вздохнула. Он не успел поговорить с ней после той проверки, и, конечно, испытывал любопытство.

— Лишь отчасти... На самом деле, только отпечаток ее сознания в момент гибели. Но этого хватает, чтобы она смогла раскрыть некоторые особенности разума Археосов...

Рассказ о расе, населяющей Киорис не занял много времени. Она говорила лишь то, с чем договорилась с Талией, а сама продолжала наблюдать за игрой. Пожалуй, в иной ситуации занятие показалось бы ей скучным. Чем-то похожим на шахматы, которые ей никогда не давались, но не теперь...

Разум цеплялся за незначительные детали. Положение рук, когда игроки делали ход. Пальцы на фигурах. Легкие поглаживания Филис. Короткие и четкие движения шейха. В какой-то момент она замолчала и застыла, замороженно наблюдая за разыгрываемой партией. Будто за танцем, который вели лишь руки. Или действие казалось таким, потому что жрица выдерживала определенный темп?

Саша перевела взгляд на киорийку, отмечая ее видимую расслабленность и легкость, которая виделась в каждом жесте, но на лице при этом застыло сосредоточенное и напряженное выражение, которое ее противник вряд ли замечал, не отрывая взгляд от доски и слушая рассказ. Ему просто не хватило бы внимания...

— И как же много Археосов находится на Киорисе?

— Тысячи... Или даже сотни тысяч... Никто не знает. Киорийцы не исследуют океанские глубины.

— Опрометчиво с их стороны.

— Такова договоренность с Археосами...

— Пожалуй, я узнал достаточно... И выиграл.

Очередное резкое движение, и одна из фигур Филис упала с доски.

— Ваше мастерство вызывает лишь восхищение, — сдержанно отреагировала она, сразу же придав лицу спокойное выражение.

Шейх коротко улыбнулся. Он явно был доволен результатом, но скрывал свою реакцию. Данияр сухо попрощался с ними и ушел, а стражники унесли столик и принадлежности для игры.

Стоило за ними закрыться двери, как Саша взглянула на бывшую жрицу.

— Ты пытаешься очаровать его...

— Разве? — та ответила ей прямым взглядом. — Шейх — интересный собеседник, хотя сегодня нам не удалось насладиться беседой.

И взгляд дополнил фразу невысказанным: «из-за тебя...».

— И как далеко ты хочешь зайти в этих беседах?

— А ты? Как много секретов Киориса еще ты хочешь ему раскрыть?

Теперь выпад был более очевидным. И в ответ на него изнутри поднялась волна возмущения.

— Я не сказала ничего такого, чего он не смог бы узнать от Байона!

— В том то и дело, что не один киориец никогда не стал бы говорить о таком, — тихо и веско ответила Филис, и на лице ее отразилось разочарование. — Ты — не киорийка. И тебе никогда не стать одной из нас.

Воздух с шипением сорвался с губ.

— Я не могла поступить иначе!

— Ты не пыталась.

— Ты ничего не знаешь! — она вскочила на ноги. — Он едва не убил Ольгу! Разве на Киорисе жизнь не ценится превыше всего?!

— Не тогда, когда речь заходит о всеобщем благе. Каждый киориец отдал бы свою жизнь за Киорис и его будущее. Вопрос в приоритетах. Но тебе они неведомы. Кажется, наши прежние беседы пропали зря...

Ее отторжение и разочарование ранили сильнее, чем крики и обвинения. К тому же жрица не пыталась встать и оказаться с ней наравне. Даже сидя, она могла смотреть свысока.

Саша сжала кулаки и постаралась выпрямиться. Губы дрожали от обиды. На глазах выступили слезы.

— Да, я — не киорийка. И мне никогда не стать такой, как ты.

Она отвернулась и ушла в уборную. Села на унитаз. Закрыла глаза, медленно выдыхая и пытаясь успокоиться. Руки дрожали. Сердце ухало в горле. По коже пробежали мурашки. Обычное нервное напряжение. Не более. С ним она умеет справляться, но... Камеры...

Саша прикрыла ладонью рот и незаметно прикусила кожу. Слезы сразу же навернулись на глазах. А уже через минуту она сдержанно всхлипывала, размазывая по щекам соленые капли и вдохновенно шмыгая носом. Вспомнились вдруг все детские несправедливые обиды и обвинения. Очень вовремя.

Слез хватило где-то на четверть часа. Потом она медленно успокоилась. Умылась. И покинула ванную, делая вид, что ничего не случилось. У Филис это получалось лучше. Она

отгородилась книгой на этросском и явно не собиралась отвлекаться.

Остаток вечера прошел в напряженной тишине. Затем они разделись и улеглись каждая на свою сторону кровати. Саша легла на живот, укрывшись покрывалом и повернув голову, чтобы смотреть в стену. В каюте стало темно. Ей отчаянно хотелось повернуться и заговорить с Филис, но та соблюдала тишину.

А спустя примерно полчаса, когда молчание стало почти невыносимым, ее руку под покрывалом сжали тонкие пальцы. С губ сорвался вздох. Саша развернула ладонь и ответила пожатием на пожатие.

Им нельзя говорить. По крайней мере, не о том, о чем хочется. Остаются только взгляды. И вот такие короткие прикосновения. У каждой своя роль. Конфликт был неизбежен, и появление этросса дало повод начать его. Ведь намного проще попытаться использовать их против друг друга, играя на противоречиях, чем столкнуться с парой, действующей в полном согласии и гармонии. История с Ольгой могла повториться, и они обе слишком хорошо это понимали. Нельзя допустить подобное. Во имя общего блага.

Пальцы расплелись, и короткое ощущение поддержки пропало. Саша снова почувствовала себя одинокой. Но ведь так и должно быть в плену...

Крейсер «Нафтикос»

...Когда она проснулась, рядом сидел Креон. Спал в кресле, склонив голову на плечо и обхватив себя руками за плечи. Ольга даже подумала, что у нее галлюцинации. Моргнула. Раз, другой... Но киориец оставался на месте. В черной толстовке и джинсах выглядел он странно. Но это был он. Значит, она на самом деле выбралась.

От облегчения по телу прошла дрожь, и раздался тихий писк каких-то приборов. Мужчина в кресле тут же шевельнулся и открыл глаза. Взглянул на нее, моргнул, прогоняя остатки сна, и резко выпрямился, взглянув на что-то над ее головой.

Ольга вздохнула, писк стал тише и быстро стих. Креон перевел взгляд на нее.

— Как ты себя чувствуешь? Приборы показывают, что не все в порядке, но они могут работать неправильно. Киорийцы нечасто лечат землян.

Она едва не рассмеялась от его манеры говорить. И от звуков голоса. Такого привычно спокойного и отстраненного. Он успокаивал лучше любых лекарств, которыми ее точно накачали, судя по легкой дезориентации и полному отсутствию боли.

— Я... хорошо. Давно я тут?

— Тебе сделали операцию. Насколько я знаю, несложную. Гиатрос позже расскажет. Затем ты проспала четырнадцать часов. Битва закончена. Этроссы отступили. Раххи тоже. Линкоры проводят зачистку на Земле.

Новая волна облегчения прошла от макушки до пяток. Все закончилось. Или заканчивается прямо сейчас. Все хорошо.

— А Саша? — она вспомнила о подруге и киорийцах. — Их спасли?

— Нет, — тихо, но четко ответил Креон. — Александра, Филис и Байон остались в плену. У наших военных был приказ очистить Землю и в первую очередь забрать наших соотечественников, поэтому преследование не организовано.

Страх ударил в сердце ярко и остро. Дыхание перехватило. Снова раздался писк приборов над головой, и теперь он нарастал. А она пыталась схватить ртом воздух. На грудь легла тяжесть, будто сверху положили пуховую подушку и давили. Киориец вскочил и быстро направился к выходу, но дверь распахнулась раньше, и внутрь ворвался человек в голубой форме.

— Что случилось?

— Мы говорили, и ей вдруг стало хуже...

— За дверь! Быстро!

Ольга все пыталась вдохнуть, перед глазами потемнело...

— Сейчас станет легче. Вы меня слышите?..

Голос отдалялся, а она падала в бесконечную темноту...

...Клео в третий раз зарядила прибор для запуска сердца и убрала руки от пациентки. Рядом, буквально в нескольких шагах от нее продолжался бой. Раздался короткий крик, и пятнистое тело рухнуло на грязный пол подземной лаборатории раххов. Девушка вздрогнула, отвлекшись от показаний приборов буквально на секунду, но сразу же вернула все внимание обратно. Воины уже продвигались дальше, а ей нужно закончить свою работу.

Разряд заставил пациентку вздрогнуть и выгнуться. Но показатели не изменились. Пульс отсутствовал, дыхание тоже. Клео судорожно выдохнула и бессильно опустилась на пятки. Это был уже четвертый землянин, которого она не смогла спасти. Раххи безжалостно прикрывались людьми, используя их вместо живых щитов и дорого, слишком дорого продавали свои жизни.

— Гиатрос Клео, что у вас?

Голос Талматина, раздавшийся по внутренней связи, вернул ее к реальности.

— Пациентка мертва, — с трудом шевеля губами, ответила она. Хотелось закричать. Разбить что-нибудь. Ударить стену.

— Возвращайтесь. В лаборатории остались только раххи. Воины справятся без нас.

— Но...

Киорийцам, пусть даже защищенным скафандрами, могла понадобиться помощь. Они также являлись потенциальными пациентами. Как она может их бросить?

— Гиатрос, вы отлично поработали, но сейчас вы нужны за пределами периметра. Раненых будут доставлять сюда. Мне понадобится ваша помощь.

— Хорошо, гиатрос Талматин.

Она быстро собрала походный набор медикаментов. Перекинула лямку через плечо и задержала взгляд на мертвой женщине. Медленно провела ладонью в перчатке по лицу, закрывая ее глаза. Затем встала, сгибаясь под неожиданной тяжестью сумки. Кажется, час назад она весила намного меньше. Краем глаза гиатрос заметила движение и обернулась.

Рядом оказался один из киорийцев. Он коротко кивнул ей.

— Я провожу вас за пределы периметра, гиатрос.

Клео только согласно наклонила голову. У нее не осталось сил. Никакие разговоры не могли подготовить ее к этому. Постоянные смерти. Разрушения. Звуки боя. Гиатросы редко работают на поле, но Талматин сразу предположил, что пострадавших будет много, и им лучше пойти следом за воинами. Конечно, за ними приглядывали, оберегали, но... Реальность войны оказалась слишком страшной...

...В следующий раз рядом оказалась женщина в памятной голубой форме с серыми штанами. Она что-то проверяла, чуть в стороне от кровати.

— Вы кто? — язык едва ворочался.

Женщина обернулась и улыбнулась. На вид ей было лет сорок, в волосах уже появилась первая седина, но она ей невероятно шла.

— Гиатрос Елена. Я присматриваю за вами.

— А Креон?

Мысли в голове казались тяжелыми и неповоротливыми. Как рыбины в аквариуме... Такие огромные... Медленные...

— Принц не совсем корректно повел себя при вашей первой встрече. Он придет, когда вы немного окрепнете.

— Принц?..

Сознание цеплялось за отдельные слова, отказываясь воспринимать общий смысл фразы.

— Вы не знали? Креон принадлежит к роду Птолемеев, который уже тысячу лет управляет Киорисом.

— Он не мог прожить так долго...

Перед глазами снова начало все расплываться...

...— Мы получили сообщение с предложением провести переговоры. Но земляне, кажется, хотят видеть вас.

Гран-коммандер хмурился, явно не понимая, почему обращение адресовано Креону.

— Я помогал их военным снять глушилки Этры. И соответственно являюсь единственным, кого они хоть немного знают.

— При всем моем уважении, вы — не политик. Как и я. У нас есть приказ. И он еще не выполнен. Мы передали тела погибших землян властям и освободили тех, кого раххи держали в плену. Но еще не вся территория охвачена, некоторые киорийцы могут находиться на Земле. Нам нужно забрать их.

— Я понимаю ваши сомнения. И разделяю их. Если землянам так будет проще, я могу поговорить с ними и обозначу нашу позицию. Цели и ближайшие задачи.

— Мы выберем день и назначим время. Нужно также решить, кто будет сопровождать вас на Земле. Мы не можем допустить еще один инцидент.

— В вопросах безопасности я полностью вам доверяю.

Креон кивнул и покинул общество гран-коммандера. Он не слишком удивился сообщению. Иван Александрович, как и его сын, наверняка рассказали все, что знали, а дальше решение принимало правительство. Официальных полномочий у него нет. Да и не может быть, так как он не считается пробужденным. Беседа не навредит Киорису. К тому же... Можно спросить несколько советов у императрицы. При их прошлом общении она выглядела очень плохо и едва могла говорить, но бесконечно обрадовалась тому, что он жив. Принц так и не сказал ей, что сообщил Икару правду. Он не знал, что сейчас происходит на другом конце Вселенной, но испытывал странную уверенность в том, что поступил верно...

...В третий раз пробуждение оказалось легче. Сознание было ясным. Спокойным. Тело ощущалось ватным и невесомым. Ей точно вкололи слишком много лекарств. Рядом никого не было.

Ольга попыталась приподняться, чтобы устроиться поудобнее. Кое-как села, опираясь на подушку, и поняла, что сил не осталось. Ужасно. Она стала слабее улитки. Память услужливо подкинула пару картин из недавних событий. Вспомнился Креон. Его короткий рассказ...

Осознание, что Саша осталась в плену, теперь оказалось не столь сокрушительным. Все же во время сна она успела переварить и смириться с реальностью. Или достаточно окрепла, чтобы понимать происходящее и не отключаться. Ей немедленно захотелось узнать, где Креон, и что вообще происходит. Сколько времени прошло с момента ее последнего пробуждения?

Не успела она начать искать способ вызвать к себе врача, как смутно знакомая женщина появилась сама.

— Вы проснулись! — она искренне улыбнулась. — Сидя по показателям приборов, чувствуете себя лучше.

— Да, — Ольга невольно улыбнулась в ответ. — Мне сделали операцию?

Киорийка кивнула и села в пустующее кресло рядом с кроватью.

— У вас разошлись швы во время побега, а также началось внутреннее кровотечение. В легком скопилась жидкость. Нам удалось все восстановить, но ваше эмоциональное

состояние оставляло желать лучшего. Во время разговора с принцем у вас случилась паническая атака, перешедшая в кардиологический приступ.

Женщина внимательно наблюдала за ее реакцией на каждое слово, также оцупала руки, а затем ноги, проверяя чувствительность. И только убедившись, что все хорошо, снова улыбнулась.

— А я думала, про принца мне приснилось...

— Я не знала, что Креон не рассказал вам. Он очень волновался за вас. И я решила... Впрочем, это совершенно не мое дело. — Она смутилась и отвела взгляд, но мгновенно взяла себя в руки. — Вы наверняка голодны. Давайте я принесу вам еду и помогу поесть.

— Спасибо... — Ольга растерялась от такой заботы.

Отношение киорийский врачей резко отличалось от этроссов и от привычных землян. А уж когда женщина вернулась с полным подносом и осторожно установила его на кровати, удивление стало безграничным. Ароматный бульон. Сухая лепешка с какими-то травами. Целый графин прохладной, свежей воды. Желудок сразу же ответил на предложенное великолепие голодным ором, скорее даже требованием.

Ее предложили покормить, но Ольга сама взялась за ложку. Руки дрожали, жидкость плескалась, но с каждым движением у нее получалось все лучше.

— Слабость пройдет. Сейчас ваша жизнь вне опасности. Мы сделали вам курс витаминов и нескольких препаратов для стабилизации работы печени и почек. Также постарались восполнить недостаток кальция и йода.

Вот почему тело кажется таким легким. Она, наверное, никогда в жизни не была еще настолько здорова, как сейчас.

— Спасибо, — выдавила Ольга, не зная, что еще можно сказать.

— Это наша работа. К тому же, вы проявили редкую смелость, решившись сбежать с корабля во время боя. Мы уважаем подобные поступки.

От похвалы стало немного не по себе. Когда она сбегала, мысли в голове были отнюдь не героические. И слышать чужую оценку оказалось... странно.

— А сколько я спала в итоге?

— Вы находитесь на крейсере три дня.

— Всего? Я уже думала, что неделю, — Ольга отодвинула опустевшую тарелку и с удовольствием выпила воды. В желудке появилась приятная наполненность. — А... вы сказали, что Креон придет позже...

— Да, сегодня принц встречается с представителями Земли. Как только он вернется, я сообщу ему, что вы пришли в себя.

— Земли?!

Она представила киорийца под вспышками фотокамер, в окружении людей, журналистов и черт знает, кого еще. Лабрадор, окруженный волками. Они же его сожрут и не подавятся.

— Вам не стоит волноваться, мы полностью подготовились к встрече...

На этот раз улыбка у женщины вышла многообещающей.

...Ветер шумел в кронах деревьев. По небу плыли облака, ненадолго закрывая яркое солнце, неожиданно решившее одарить всех желающих теплом. В пруду плавали утки, но их никто не кормил. Парк казался пустым, людям сейчас совершенно не хотелось гулять, да и час был неподходящий — слишком рано для выходного.

Креон остановился на горбатом мостике и облокотился о перила. Ожидание его не смущало. Киорийцы прибыли на место встречи заранее, но и люди успели подготовиться. Они явно не ожидали, что выбора падет на парк. Нервничали. Совершали ошибки. А он делал вид, что ничего не замечает.

Человек пришел по тропинке. Обычный. С незапоминающимся, сглаженным лицом, в костюме, с наброшенным сверху и распахнутым плащом. Через пару часов ему наверняка станет жарко. Но пока... Пока солнце еще не разогрелось. Он остановился в паре шагов, достал из кармана булку и начал осторожно отщипывать кусочки и бросать их в воду. Утки сразу же заинтересовались кормом и подплыли ближе.

— Хорошая сегодня погода... — начал парламентар.

— Неплохая. О чем вы хотели поговорить?

Человек едва заметно нахмурился, недовольный тем, как резко разговор перешел к делу. Покосился на него.

— Вы не любите долгих вступлений?

— Не вижу смысла тратить на них время. Мы с вами оба знаем, зачем сюда пришли. И моя цель — закончить нашу встречу побыстрее.

В ответ раздался короткий смешок.

— Вы не дипломат, да?

— Ученый, если говорить вашим языком. Дипломатов среди нас сейчас нет. Наша беседа носит неофициальный характер, о чем вам уже сообщили. Но вы не поверили.

Мужчина снова едва заметно нахмурился, но продолжил размеренно бросать корм птицам.

— В первую очередь мы хотели бы поблагодарить вас за помощь. Благодарность также хотели бы выразить и многие другие... земляне. Официальную. А также провести встречу с вашими дипломатами, если это возможно, конечно.

— Я принимаю вашу благодарность и могу обещать, что ваше предложение будет передано Киорису.

— Разве я что-то предложил?

Креон неожиданно ощутил усталость. Он не понимал эти дипломатические увертки, уловки и приемы, чтобы поставить противника в неудобное положение. Ему ясна была суть и этого хватало. Для науки. Но не для беседы. Не зря он предпочитал ограничивать свое общение. И сегодняшняя встреча его тяготила. Раздражала, если можно так выразиться в его положении...

— Давайте, я сокращу наш диалог. Вы хотите узнать, зачем киорийцы прибыли на Землю. Точнее вы хотите проверить слова Ивана Александровича, который наверняка рассказал вам все, что знал. Так вот, я не врал ему и вам могу повторить то же самое. Киорис отправил исследовательскую миссию, которая не была подготовлена к военному столкновению. Наша цель состояла лишь в изучении Земли, ее культуры и населения. В

контакт мы вступать не собирались.

— Однако вам пришлось... — человек перебил его, но принц не стал останавливаться.

— В отличие от нас Этра и Рахх давно изучали вашу планету. Они успели ознакомиться с вашим оружием и понять, как его нейтрализовать. Конечно, начали они не с вооружения, а с общих параметров планеты, которые показались им перспективными. О причинах остается только догадываться. Раххи уничтожили свои лаборатории, а вместе с ними и всю информацию. Пленных взять не удалось. Вопрос остается открытым.

— Мы также хотим выразить благодарность за освобождение наших граждан...

— Которых вы сами позволили забрать, — равнодушно дополнил Креон, не собираясь слушать дипломатическую маскировку. — Я не буду говорить с вами о морали. Вы столкнулись с врагом, во многом превышающем вас по силе. Идти на уступки в таком ключе — просто и понятно. Вам нужно было время. Но Этра использовала его против вас, раскинув сеть лабораторий на вашей территории. Много вы смогли выяснить, наблюдая за ними?

Человек заметно помрачнел. Бросил остатки хлеба в воду, а пакет скомкал и положил в карман.

— Немного. Им нужны были девушки. Молодые. Здоровые. В основном фигуристы. А еще медики. Мы предполагали, что на них будут ставить опыты, но...

— Не знали, какие именно. Повторюсь — я не стану говорить о морали. Ваша планета — ваш выбор. На данный момент мы лишь хотим забрать своих соотечественников. И было бы хорошо, если бы ваша благодарность проявилась в помощи в их поисках.

Принц повернул голову, в первый раз за разговор прямо взглянув на парламентаря. Тот ответил безмятежным взглядом. Глаза у него тоже оказались невыразительные. Серые. Блеклые.

— Конечно.

За одним словом крылось многое. Гран-коммандер подозревал, что часть киорийцев могла попасть в руки спецслужб. Такой вариант казался вполне возможным. Но подтверждений у них не было. Оставалось лишь догадываться и надеяться, что благоразумие возьмет верх над желанием безнаказанно утолить любопытство.

— Мы понимаем, что состояние отдельных киорийцев может быть плачевным. Им помогут. И не станут преследовать тех, кто стал причиной такого состояния.

— Не станут?

— Жизнь важнее. Для нас во всяком случае. Жизнь и здоровье. Остальное будут решать дипломаты. Мы — не завоеватели. Нам не нужна кровь.

— Но что-то все-таки нужно, если вы решили исследовать Землю.

Нужно... Да. Если вспомнить об Археосах и возможности их появления на Киорисе. Не говорить об этом он также не будет.

— Данный вопрос также будет обсуждаться с нашими дипломатами.

— Можем ли мы узнать, в какие сроки возможно данное обсуждение?

Креон покачал головой. Сроки... Сейчас его прогнозы колебались вокруг цифры в парутройку декад, которые легко могли превратиться в десяток.

— Сложно сказать. Киорийский флот оттеснил Этру и Рахх от Земли, но война еще не окончена. Впереди много сражений. Встреча будет организована не раньше, чем закончатся бои.

— Ваш флот покинет Землю?

Парламентарь, видимо осознал, что говорить с ним стоит прямо, и перешел к

конкретным и понятным вопросам.

— Нет. Мы понимаем, что стоит нам уйти, и Этра попытается вернуться. Поэтому часть кораблей вернется на Киорис с нашими соотечественниками. А часть останется здесь. Большая часть. Земля будет в безопасности. Вы можете не бояться.

Человек хорошо умел держать лицо. Но его облегчение нельзя было не заметить. Страх — сложная вещь. Он сковал землян. Заставил подчиниться чужим условиям. Впоследствии он может трансформироваться в гнев и ненависть. И не только к поработителям, но и к освободителям.

— Благодарю за информацию и потраченное вами время. Полагаю, вы тоже вернетесь домой?

— Нет. Я буду оставаться с военными до окончания столкновения с Этрой. Велика вероятность, что мне придется встретиться не только с вами, но и с другими землянами. Мой опыт может быть полезен.

— Надеюсь, ваш опыт взаимодействия с землянами был позитивным... — немного напряженно улыбнулся мужчина.

Они снова встретились взглядами. Креон вспомнил Ольгу. Обработанные царапины на спине. Горячую еду. Графин с водой. Бульон с ложки. Сон на диване.

— Мне очень повезло. И я это понимаю. Вряд ли остальным повезло также.

Он уже знал, что некоторые киорийцы прятались в лесном массиве, стараясь свести контакты с людьми к минимуму и питаясь захваченной с корабля консервированной едой с высоким содержанием белка и жира. Другие же высадились из капсул посреди городов или мелких населенных пунктов сельского назначения. Кто-то попал к местным властям. Кто-то на содержание к сострадательным местным жителям. А кто-то в лапы раххов и этроссов...

Человек понял его правильно. Медленно кивнул.

— Если у нас появятся дополнительные вопросы, можем мы также обращаться к вам?

— Не знаю, какие вопросы у вас могут возникнуть. Еще раз повторюсь, что никакого официального статуса у наших переговоров нет. Но вы можете обратиться ко мне.

— Тогда до свидания.

— До свидания.

Они кивнули друг другу, и парламентар ушел. Следом за ним начали сворачивать свои позиции военные. Креон наконец-то перестал ощущать себя на прицеле. Взглянул на плещущихся в пруду уток, развернулся и медленно направился в сторону ожидающего его военного катера.

В передатчике на ухе, замаскированном под универсальный переводчик, раздавались короткие приказы. По всему парку медленно взлетали другие катера, а зависший над городом крейсер выводил орудия из режима боевой готовности. Если бы земляне проявили агрессию, им бы ответили. А если бы он погиб, города бы не стало. Киорийцы не желали крови, но больше не могли себе позволить великодушие. А на Земле пролилось уже достаточно киорийской крови...

...На крейсере ему сообщили, что Ольга пришла в себя. Она выглядела уставшей, но улыбнулась, когда он пришел.

— Как прошли переговоры? — в серых глазах промелькнуло беспокойство. Странно. Цвет один, но у нее глаза яркие. С четкой окантовкой и более темными прожилками. Совсем не водянистые. Выразительные.

— Все хорошо.

Он не хотел вдаваться в детали, помня о том, как все обернулось в прошлый раз. Но она сама захотела развить тему.

— Гиатрос сказала, что во время штурма лабораторий погибло много людей. У брата Саши жена — медик, ее забрали в одну из таких лабораторий. Ты сможешь узнать, жива ли она?

Креон задумался лишь на мгновение, затем уверенно кивнул. Проблем возникнуть не должно. Тела погибших, как и освобожденных, доставляли в местные властные структуры, откуда их потом забирали родственники. Можно связаться с одним из них и сделать запрос по личным данным. Не разглашая, кто именно и зачем интересуется.

— Спасибо.

Ольга откинулась на подушки и посмотрела в иллюминатор. На Землю.

— Я могу еще чем-то помочь?

Он знал, что такое благодарность. И хотел отплатить женщине за ее доброту и помощь.

— Отвези меня домой...

...Полет продолжался. Шейх начал появляться каждый день. И не только вечером. Иногда утром, к завтраку. Иногда к обеду. Он старался застать их врасплох. Подловить. Вынудить совершить ошибку. И будь Саша одна, она бы точно попалась. Но рядом находилась Филис.

Она неизменно улыбалась хозяину и оставалась любезна, поддерживая разговор на любую тему. Стоит отдать ему должное, этросс избегал острых вопросов, держась в пределах обсуждения культурных обычаев, искусства и других планет, нейтральных по отношению к Этре и Киорису.

Порой он обращал внимание и на Сашу. И здесь уже ей приходилось изображать интерес к диалогу. А еще страх, который медленно сменялся апатией и равнодушием. Бояться тоже надоедает. Тем более, когда ничего не происходит, и день сменяет день. Да, шейх по-прежнему вызывал в ней внутренний трепет, и она прекрасно понимала, что он опасен. Как ядовитая змея, затаившаяся в ожидании добычи. Он приручал их, желая втереться в доверие. И когда-нибудь ему надоест играть, терпение кончится, а в ход пойдут иные методы. Эта мысль действительно пугала, и именно за нее девушка держалась, встречаясь взглядом с темными глазами.

Филис же изображала обиду. О нет, она позволяла эмоциям взять верх, но поджимала губы, отводила взгляд, каменела лицом, от чего улыбка становилась натянутой. Их хозяйни-вость все видел. И, кажется, верил. Несколько раз проверял, убеждаясь в одинаковости полученных реакций. В глазах его читалось удовлетворение и скрытое торжество. Он уже верил в победу. Пусть неблизкую, ведь одно дело — разрушить женскую дружбу, изначально хлипкую по меркам Этры, и совсем другое — преданность Киорису.

Они не могли обсуждать результаты. Говорили лишь на отвлеченные темы. Бытовые. Исторические. Культурные. Но иногда, оказываясь рядом, совсем близко, обменивались короткими выразительными взглядами и обменивались рукопожатиями. Все хорошо. Все правильно. Все идет так, как нужно.

Это дарило утешение. Надежду. Робкую радость, которая мгновенно увядала, стоило появиться шейху.

Сегодня все было немного иначе. С самого утра как-то не заладилось. Лепешки оказались пересушены. Соус пересолен. Чай слабо заварен. А выходя из ванной, Саша поскользнулась и едва не упала на пол, чудом удержавшись за стену. К ней она и прислонилась. А потом сползла на пол, ощущая усталость. Кажется, так она еще не уставала. Раньше было немного иначе. И даже во время плена у шиитранцев ее не накрывало чувством полной безнадежности. Может быть, от того, что тогда ей хотя бы верилось в чудо? В то, что путешествие, начавшееся со спасения, не может закончиться вот так глупо? Теперь же в происходящем виделся логический исход. Не будь ее, у Этры не останется козыря. Никто не сможет шантажировать Киорис. Все закончится. Киорийцы победят в войне. А Икар... Он найдет кого-то еще. Ведь теперь он пробужден, сможет стать императором. Ему пойдут церемониальные одежды, которые рисовала Филис. Он будет хорошим правителем...

— Саша!

Она вздрогнула и поняла, что уже несколько минут молча смотрит на воду. Киорийка стояла в паре шагов в стороне, одетая в алый балахон, очень смутно напоминающий тунику.

— Ты не отвечала. Все хорошо?

Она спрашивала с деланным равнодушием, но в глазах проглянула тревога.

— Да, — легко соврала девушка. — Просто поскользнулась. Подумала о том, сколько в гаремах на Этре случается несчастных случаев в год. Особенно в бассейнах. Почему ты так оделась?

— Сегодня мы прибываем. Для тебя тоже готова одежда.

Сегодня. Сердце пропустило удар. Сжалось. Кожа покрылась мурашками.

— Уже... — выдохнула она.

— Заканчивай, и я помогу тебе одеться.

С этросской одеждой Александра уже могла разобраться и сама, но отказываться не стала. Вытерлась полотенцем, позволив тому мокрым комом упасть на пол, вышла в каюту. Натянула мягкое белье, состоящее из крайне целомудренных трусов и топа на широких бретелях. Повернулась к жрице, которая подхватила полупрозрачную блузу из легкого шифона белого цвета и накинула ей на голову.

Пока Саша путалась в рукавах и горловине, ловкие пальцы нашли ее и сжали. А потом раздался голос:

— Жизнь — слишком ценная вещь, чтобы расставаться с ней. Даже когда все вокруг рушится, всегда остается шанс, что ситуацию можно исправить.

Блуза скользнула по телу до середины бедер. В комплект к ней шли широкие шаровары. Тонкие, как будто шелковые. Мягкого песчано-бежевого оттенка.

— Клео говорила, что самоубийство для киорийцев — едва ли не смертный грех.

— Она еще юна. Мы не практикуем самоубийство, но на Киорисе распространена эвтаназия. Милосердная смерть для тех, кто не может обрести исцеление или слишком стар, чтобы заботиться о себе самостоятельно. Не все могут смириться с тем, что постепенно теряют контроль над телом или утрачивают разум. Пусть наши технологии сильны, но победить время не дано никому.

— Значит, беспомощность и долгая жизнь могут оправдать смерть?

— Они могут сделать ее приемлемой. К тому же у человека остается возможность попрощаться с родными, доделать все свои дела и покинуть этот мир в той обстановке, которую он считает комфортной.

Дела... Вспомнились Археосы. Она каким-то чудом должна вернуться на Киорис и рассказать то, что не успела передать Креону. Пропрощаться... Это ведь тоже важно. Родители. Брат. Икар... Сердце снова сжалось. Неожиданно оказалось, что она так много не успела сказать.

Саша сунула ноги в привычные мягкие тапочки с укрепленной подошвой для выхода на улицу. Встала, позволив Филис набросить поверх блузы длинный жилет в тон штанам с темными пуговицами. Бывшая жрица развернула ее лицом к себе и начала медленно застегивать каждую. От горла вниз.

— Наши воины тоже гибнут раньше положенного срока. И иногда в бою им приходится принимать сложные решения, которые могут привести к гибели. Каждый решает, что для него важнее — собственная жизнь или Киорис. Его благополучие. Безопасность. Процветание.

— Значит, вы оправдываете самопожертвование?

— Только тогда, когда решение принято, исходя из всех факторов. И на холодную голову. Разум делает выбор, а не сиюминутные эмоции. Ты понимаешь?

Она кивнула. Ей сообщили о том, что умереть она еще успеет. Если ситуация выйдет из-под контроля и другого выбора не останется. Этот вариант стоит рассмотреть, но подходить к нему нужно не под давлением момента, а максимально спокойно и рассудительно.

Филис едва заметно улыбнулась и указала на пуфик перед туалетным столиком.

— Давай заплету волосы. Под платком с убранными удобнее.

Александра согласилась. Позволила расчесать, заплести, набросить на голову ткань, которая пока оставляла открытым лицо. На себя она не смотрела. Не хотелось видеть, как из нее снова делают куклу, наряжая в чужую одежду и не оставляя выбора. Вот в чем было основное отличие ее пребывания на Киорисе — там у нее всегда имелся выбор. Определенная свобода. И независимость, учитывая выданные средства. Ее не заставляли. Не вынуждали. Ей позволяли пробовать, выбирать и учиться. А здесь...

— Этру уже видно?

— Пойдем, посмотрим...

Они подошли к иллюминатору. Слева в стороне осталась звезда, которую они огибали. А впереди, прямо по центру обозримого пространства выступала планета. Темная. Почти черная. Окруженная странным алым заревом и смутно похожая на знакомый Марс. Такая же... мертвая.

Саша изучала ее, стараясь взглядом отыскать границы континентов. Моря. Океаны. Линию облаков. Хотя что-то, что позволит сделать выводы о находящейся там жизни. Вспомнилась пыльная К`Шиитра с ее песками, бурями и повышенным радиационным фоном. Шиитранцы с их серой, лысой кожей. Но этроссы — это те же люди. Они не смогли бы адаптироваться к сильно отличающимся от земных условиям, если только здесь не ошибка, и они видят совсем не Этру, а...

— Кажется, теперь я понимаю, почему этроссы прибыли на Землю.

Изменившийся тон Филис заставил отвлечься от размышлений. Девушка взглянула на киорийку, застывшую со странным выражением лица. Будто увидела призрака.

— Филис?

— Они хотели обрести новый дом. Потому что свой уже погубили...

Саша перевела взгляд на планету, и ее окатило волной жара. А потом холода.

— То есть... Этра...

— По сравнению со снимками, которые были сделаны до войны... мертва.

— Но почему?

Сколько прошло после той войны? Двадцать лет? Тридцать? Неужели за столь короткий срок можно довести планету до такого состояния? Как?

— Не знаю... Но боюсь, скоро нас посвятят...

Почему-то радости от подобной перспективы не возникло...

Земля

Квартира встретила их тишиной. Запахом пыли. А еще каким-то неповторимым ощущением дома, от которого одновременно нахлынула слабость и облегчение.

Ольга опустилась в кресло и вытянула ноги, откинувшись на спинку на кресла. Почему она раньше не замечала, как в нем удобно сидеть? Какое оно мягкое и в то же время уютное? Немного продавленное. И под поясницей явно не хватает подушки, но... Как же хорошо вернуться домой.

— Ты уверена, что хочешь остаться здесь?

Креон смотрел на нее сверху вниз и едва заметно хмурился. Брови чуть склонились к переносице. Захотелось провести между ними и вернуть на место. Он не сопротивлялся ее решению. Договорился с врачом, выдавшим список рекомендаций и несколько баночек инопланетных лекарств. Помог добраться до катера, и от катера до квартиры. Был невероятно терпелив и спокоен, но вот теперь одним вопросом выдал все свое беспокойство.

— Да. Я уверена. У вас хорошо. Но дома... лучше. Спасибо тебе. За все.

Она только и делала, что благодарила все последние дни. Его. Женщину-доктора. Командира корабля, который заглянул ее проверить и расспросить в подробностях о пребывании в плену. И вот странно — вспоминать время там было неприятно, но он как-то умудрился спрашивать так, что горький осадок прошел, не оставив следа. Стало легко. Свободно.

Вот только вряд ли она справится самостоятельно с приготовлением еды...

— Хорошо.

Киориец точнее целый принц, оказывается, деловито кивнул и направился на кухню, где начал хлопать дверцами шкафов и холодильника. Чем-то шуршать. Что-то доставать. И вообще создавалось впечатление, что уходить он не собирается.

Ольга приподняла голову и заметила стоящую в прихожей небольшую сумку, похожую на дорожную. Явно не пустую. А еще ликоса, странного зверя, который сопровождал их всю дорогу, а теперь деловито обнюхивал мебель, оглядываясь с видом хозяина.

— Ааа... — ничего более связного или умного выдавить не получилось.

— Я проверил твои запасы, — инопланетянин снова появился в дверном проеме. — Из тех ингредиентов, что имеются на кухне, можно приготовить сносный ужин. Потом ты составишь список, и я схожу в магазин. Гречка или макаронны?

— Ээээ...

Дар речи возвращаться не собирался. Хотелось задать несколько вопросов, но они казались какими-то не слишком приятными. Что происходит? Почему ты остаешься? Надолго ли? И... И вообще принцы там должны подвиги совершать, планеты спасать, на худой конец делать открытия, которые мир перевернут, а не вот это вот все... Ну уж точно не на кухне торчать, готовя обед для малознакомой женщины тридцати лет с букетом хронических заболеваний и десятком килограммов лишнего веса.

Она хотела возмутиться. Объяснить. В конце концов, встать и пойти на кухню. Но зверь неожиданно оказался рядом и положил морду ей на колени. И она оказалась тяжелой. Как будто свинцовой. И стало вдруг очевидно, что никуда-то она не встанет. Что короткая, в общем-то, дорога выпила все ее силы. И что иногда так хорошо, когда дома есть кто-то еще...

— Гречка, — выдохнула Ольга, зарывая пальцы в мягкую, короткую гриву.

И закрыла глаза, ощущая себя беспомощной, но в безопасности. А еще немного счастливой...

Этра

...При приближении к планете, стали проступать границы материков и океанов. Вода заметно потемнела с тех пор, как делали последнюю съемку. Стала темно-синей с уходом в фиолетовый. Почти черной. Будто насытилась неким новым веществом. В этом все дело? Неконтролируемый выброс? Загрязнение? Катастрофа?

Филис вглядывалась в знакомый рельеф местности, к которой они приближались. Один из материков Этры располагался на полюсе и считался полностью необитаемым, за исключением некоторых видов животных и птиц. Два других находились в разных полушариях, но оба вытянулись вдоль экватора. Основную их часть занимали пустыни, саванны и степи, лишь в прибрежных районах обретающие подобие привычной растительности. Но теперь и ее не было...

Границы местных лесов претерпели серьезные изменения. Возможно, вся местность заражена. Отравлена. Но чем? Что могло дать столь чудовищный эффект? Сейчас она впервые пожалела, что не занималась вплотную изучением биологии, Элпис с ее образованием и заслугами, сделала бы выводы намного быстрее. Но ее нет рядом. И остается полагаться лишь на знание общих закономерностей.

Корабль быстро миновал зону лесов, заметно снижая скорость, и направляясь в сторону пустыни. Вглубь материка. Может быть, отравляющее вещество чувствительно к температуре? Само распадается, при достижении определенных значений? Или в пустыне столь мало живого, что умирать оказалось нечему? Но пески местами также изменили цвет, стали бурыми, более темными, чего не встречалось в описаниях.

Пустыня, простирающаяся далеко вниз, чем-то походила на море. Со своими волнами. Течениями. Закономерностями. И законами. А еще опасностями. Как-то бывшая жрица мельком пролистывала справочник флоры и фауны Этры, отыскивая животных, упоминающихся в старинных легендах. От обилия ядовитых, зубастых и агрессивных видов рябило в глазах. Оставаться здесь без охраны во всех смыслах опасно. Когда-то именно из-за агрессии внешнего мира слабые и беззащитные женщины и оказались под замком.

Она осторожно сжала руку Саши, замершей рядом и замороженной видом.

— Этра опаснее КШиитры. Ты понимаешь?

Та подняла на нее короткий взгляд и медленно кивнула. В глазах отразилось понимание, что немного успокоило. Вряд ли им и дальше позволят оставаться вместе. И ей не хотелось бы переживать о том, что девушка решится на побег. Или поддастся на провокацию... Их наверняка будет немало. И вновь остается лишь верить в ее благоразумие и надеяться на некоторую удачу.

Город возник впереди неожиданно, до последнего скрываясь на фоне песков и в мареве жара. При отсутствии дерева и привычных для Киориса минералов, дома на Этре строили из песчаника, глины и других местных материалов, слабо выделяющихся цветом на общем фоне. Чтобы различить строение на горизонте требовался определенный опыт, и Филис с сожалением осознала, что совершенно им не обладает.

Рядом тихо ахнула Саша, пораженная неожиданно изменившимся рельефом. Город перед ними был большим. Обнесенным высокой стеной, призванной хоть немного защитить

от зверей и песчаных бурь. Со стороны он казался одним бесконечным строением с крохотными окнами и фигурками людей в светлых одеяниях, движущихся на их фоне.

— Лучше один раз увидеть, чем тысячу раз услышать...

Корабль направился в сторону, к башне, возвышающейся над общим ландшафтом. Вокруг нее заметно было движение мелких транспортных средств, а также несколько уже знакомых «шершней», зависших, будто в спячке.

— Космопорт. Полагаю, нам пора готовиться к посадке...

...Еще почти через час их вежливо проводили до местного флайера, рядом с которым уже ожидал шейх. Он окинул их взглядом и, судя по удовлетворенной улыбке, остался доволен. Сам мужчина также постарался выглядеть достойно, не только выбрав лучший наряд из струящегося темного шелка с проблесками золотых нитей, но и надев символы власти — широкий золотой обруч на голову и несколько явно непростых перстней.

Все вместе они направились в центр города, к дворцу эмира. Заметить его среди построек оказалось не так-то просто. Единственное, что выделяло дворец — еще одна стена, отделявшая его от остального города и укрепленная силовым полем. Все, что нужно знать о доверии власти к народу. Парк, раскинутый вокруг императорского дворца Птолемеев, закрывался лишь на ночь, в остальное время позволяя любому желающему приблизиться к дворцу и даже посетить исторические залы, слушая рассказы электронного гида. На Этре о таком даже не слышали...

В остальном город также казался Филис необычным. Невысокие дома, часто соединенные друг с другом галереями и мостиками, позволяющими пересечь улицу на уровне крыши. Песок, пусть не такой мелкий, как серая пыль на К`Шиитре, но все же существенно загрязняющий воздух и осложняющий дыхание. Палящее солнце, стоящее в зените. И полностью отсутствующая тень, в которой можно спрятаться. Понятно, почему этроссы стараются не выходить на улицу без нужды.

Впрочем, передвигаться с помощью транспортных средств они тоже не спешили. Навстречу им попало лишь несколько флайеров. Еще пара мелькнула на перекрестках, а в остальном движение осуществлялось на весьма существенной скорости, которую на Киорисе позволяли использовать отнюдь не везде. Возможно, дело лишь в том, что сейчас слишком жарко, и этроссы предпочитают отдыхать...

Отсутствие зелени и парков также вызывало отторжение. Глазу не на чем было задержаться, и взгляд бездумно блуждал по окружающему пейзажу. Внутри пробуждалась лишь глухая тоска и скука. Филис и раньше не могла понять, как можно жить в таких условиях, а теперь испытывала нечто, сродни культурному шоку. Наверное, также чувствовала себя Александра, попав с Земли на Киорис.

Киорийка украдкой взглянула на спутницу, отвернувшуюся к своему окну. Кажется, ее мало что волновало. И хорошо.

Они миновали ворота, и скорость снизилась. Флайер опустился к земле. А вскоре уже заскользил по одной из дорожек. Кажется, это из-за каких-то запретов, действующих на территории дворца эмира. Свод правил и ограничений вспоминался весьма скудно. Его часто дополняли, поэтому глупо ориентироваться на те, что были известны двадцать лет назад.

Очень скоро они остановились у одного из строений, объединенных в общий ансамбль. Дворец представлял собой целый лабиринт из зданий, соединенных друг с другом разно

уровневыми переходами, галереями и тайными ходами, точное расположение которых знали лишь члены семьи эмира и его приближенные. Учитывая, как часто и легко эмир мог казнить этих приближенных, список лиц часто менялся, а секрет строго охранялся не первое столетие.

Филис уже хотела выйти, но ее дверь оказалась заблокирована. Шейх впервые за всю дорогу обернулся к ним.

— Наш с вами путь еще не окончен, а вот вашей спутнице уже пора нас покинуть, — его взгляд остановился на Александре, и та вздрогнула.

Растерянно замерла, хотя дверь с ее стороны уже распахнули, а на улице ждал воин из личной гвардии эмира, судя по отличительным знакам. Саша невольно обернулась к ней. Платок, закрывающий лицо, позволял увидеть лишь глаза. Застывший в них страх и робкую надежду, которую ей не суждено было оправдать.

— Тебе пора, — голос прозвучал холодно, хотя Филис пожалела, что не может снова коснуться руки девушки и успокоить. Она надеялась, что та все поймет верно.

Саша перевела взгляд на этросса, осторожно кивнула и медленно вышла. Не успела она отойти хотя бы на шаг, как флайер уже направился дальше. Дверь закрылась буквально на ходу.

— Эмир не любит ждать, — прокомментировал Данияр, и одно это уже можно счесть хорошим знаком, ведь он вообще не обязан что-либо объяснять, но все же счел это возможным...

...К покоям эмира они подошли в сопровождении гвардии, через несколько арок, оснащенных металлоискателями и, кажется, сканерами, что позволило получить еще большее представление о местных порядках.

За массивными дверями, украшенными искусной резьбой, драгоценными камнями и золотом, оказался довольно просторный зал. Шейх шагнул вперед, позволяя ей идти следом. И первое, что услышала Филис — ровный гул, раздавшийся со всех сторон. Стоило сделать пару шагов, как стало ясно, что звук доносится сверху. Она медленно подняла взгляд и едва справилась с собой.

Весь куполообразный потолок закрывали сотни, тысячи полосатых черно-желтых тел с прозрачными крыльями. Они шевелились, двигались в некоем едином ритме, иногда некоторые из них вспархивали и перелетали на другое место, тесня других особей. Но самое главное — их размер. Учитывая высоту потолка, можно было предположить, что размер одной особи мало уступает размеру щенка ликоса.

Этот вид киорийка знала. Этросская пчела. Та, что заняла почетное место на гербе планеты. Стала ее символом. Выносливая. Способная выжить в самых сложных природных условиях. Смертельная для человека. Переваривающая песок и создающая из него алмазы. А еще — драгоценный прополис, крема из которого позволяли сохранять красоту и молодость...

— Приветствую тебя, о великий Отец песков, — голос Данияра заставил киорийку отвлечься от осмотра.

Эмир восседал на троне, к которому вела небольшая лестница из десятка степеней, укрытых алым ковром. Он был стар. Очень стар. Борода его и волосы стали совсем белыми. Лицо избородили морщины, а плечи согнуло время. Если он и правил, то лишь потому, что никто еще не попытался вырвать власть из его рук.

Филис поспешила опустить взгляд и застыла в паре шагов за спиной шейха, приклонившего колени. Она не служанка, не жена, не сестра и не дочь этросса, что дает некоторые привилегии, а также возможность не знать некоторые обычаи.

— И ты будь здоров, друг мой... — дребезжащий голос наполнил зал, с трудом преодолевая гул, который и не думал смолкать. — Кого ты привел ко мне?

Морщинистая ладонь шевельнулась, позволяя гостю подняться.

— Мой трофей, взятый в этой войне — старшая жрица с Киориса, которая ускользнула от меня на грязной К`Шиитре. Судьба снова вернула ее мне уже на Земле.

— Жрица... Красива... А что ты скажешь мне о потерянном флоте? Или о договоре с нашими союзниками раххами? Где мои войска, Данияр?

Голос зазвучал чуть ровнее, но гул сразу же усилился, будто рой чувствовал настроение старика и разделял его.

— Я глубоко сожалею о поражении, что нам пришлось потерпеть на Земле, — шейх склонил голову, но отнюдь не от раскаяния, а лишь играя роль. — Но информация, полученная мной от пленницы...

— Информация? Ты привез мне слова в обмен на войско?! — голос сорвался на фальцет, на миг перекрыв общий шум. А старик, наклонившийся вперед, бессильно откинулся обратно. — Еще один мой сын умер, Данияр. И я скоро последую за ним. Из моих наследников остался лишь Джамиль, а ты знаешь, какой он... И ты привез мне лишь слова? Нам нужен дом!

— И я знаю, как отыскать его, Великий Отец!

...Саша прошла внутрь двухэтажного строения, где ее встретила пожилая, дородная женщина невысокого роста в расшитом не то халате, не то платье.

— Здравствуйте... — тихо пробормотала девушка, пытаясь натянуть на лицо улыбку.

Но старуха лишь окинула ее цепким и крайне неприятным взглядом, а затем взмахом руки поманила за собой и направилась куда-то по коридору. Оставалось только последовать за ней.

Этросска повернула в один из проемов и начала подниматься по лестнице, шла она быстро и, не оборачиваясь. На втором этаже, где оказалось заметно жарче, прошла до самого конца коридора и толкнула дверь справа. Обернулась и указала Саше внутрь.

— Будешь жить здесь.

Комната оказалась угловой, с парой небольших окон, низкой кроватью по обеим сторонам которой располагались узкие двери, тонким ковром и парой подушек. А еще жаром... Комната казалась печкой, которую раскалили, чтобы сунуть внутрь горшок, роль которого, видимо, полагалось сыграть землянке.

— Благодарю за заботу.

Александра вежливо склонила голову и приложила руки к груди, как учила Филис. Во взгляде женщины что-то дрогнуло, но выражение лица осталось непреклонно-высокомерным.

— Я покажу тебе ванны. Потом вернешься сюда. Надеюсь, дорогу ты запомнила. И... на ночь запирай дверь.

Только теперь девушка заметила простенький засов и железные петли на двери изнутри. Прежде, чем она успела задать вопрос, старуха развернулась и направилась прочь по коридору. Пришлось догонять.

— На первом этаже живут жены и дочери эмира, — соизволила пояснить та на лестнице. — На втором размещают жен и дочерей гостей.

— А наложниц?

Этросска остановилась и соизволила обернуться, окинув ее таким свирепым взглядом, что слова застряли в горле.

— Этот дом для высокородных. Рабыни живут в другом месте. Если только не сопровождают младенцев, доверенных их заботе. И если хочешь здесь задержаться, веди себя соответственно.

Оставалось только сглотнуть и вновь вежливо склонить голову. Если уж высокородных гостей держат в столь скромных условиях, страшно представить, что творится в доме для наложниц.

Тем временем старуха стала спускаться ниже. На лестнице заметно повеяло прохладой и влагой. Дышать стало легче. Подвальное помещение оказалось освещено мягким тусклым светом. Стоило глазам привыкнуть к освещению, как на стенах стали заметны голубые узоры, напоминающие волны и воду, а на полу — плитка с какими-то символами.

— Здесь комната для переодевания, — этросска указала на ближайшую дверь. — Выйдешь из нее через другую дверь и окажешься в ванной. Там тебя встретят.

Договорив, она, не прощаясь, поспешила уйти. Саша перевела дыхание, вошла в помещение, разделась, сложив одежду аккуратной стопкой на полке, где уже лежали чужие

одежды. На Киорисе она привыкла к термам и общей нагоде, в том числе не стесняться собственной. В теле нет стыда. Тем более среди своего пола. Но как с этим обстоит на Этре? Стоит ли завернуться в простыню, лежащую на соседней полке, или остаться, как есть?

Она прикрыла глаза и покачала головой. Кажется, гостям простительны мелкие ошибки. К тому же... Она ведь глупая. Да. Наивная, испуганная, любопытная и глупая. Вдох-выдох. Пора идти.

Вторая дверь открылась легко. Саша на секунду помедлила, прислушиваясь к звукам. Плеск воды и звуки голосов несколько успокоили. И она уже увереннее толкнула створку, и ступила в другое помещение, заранее натянув на лицо неуверенную улыбку и потупив взгляд. Сделала пару шагов и остановилась.

На нее уставились десять пар темных глаз. Разговоры смолкли. А одна из женщин уронила ковщ, которым поливала плечи. Стоило все-таки взять простынь. По крайней мере, чтобы дойти до бассейна, вокруг которого лежали свернутые накидки. Вода оказалась белесой и малопрозрачной, а женщины, расположившиеся на лежанках вдоль стен, были закрыты. Целомудрие, мать его...

— Прошу прощения, — девушка опустила взгляд и постаралась покраснеть. Шагнула назад, но была остановлена восклицанием:

— А вот и ты, дорогая!

С ближайшей лежанки вспорхнула смуглая, молодая девушка с копной черных, вьющихся волос. Она придержала скользнувшую вниз накидку и подхватила с пола еще одну.

— Вот, возьми! — ткань, похожая на лен, развернулась до самого пола. — Медрес не пояснила тебе, что у нас не принято обнажаться?

— Нет... — выдавила Саша, быстро оборачивая накидку вокруг тела, и стараясь смотреть в пол. — Она не сказала...

В ответ раздался звонкий смех, эхом отразившийся от стен.

— Ее стоит отчитать, госпожа Нулефер! Она поставила вашу гостью в неловкое положение.

— И ты ловко помогла ей из него выйти, Дилара, — ответила самая старшая из присутствующих. Она возлежала на низкой тахте в окружении шелковых подушек, а на столике перед ней были расставлены угощения: фрукты, легкие закуски, знакомые по ужинам на корабле, и запотевший кувшин с водой. Волосы ее уже наполовину поседели, но лицо еще оставалось молодым, хотя черты его и заострились от прожитых лет, а фигура, укутанная в узорную ткань, казалась мягкой и округлой.

Компанию ей составляли три более молодых этросски с неуловимо похожими чертами лица, но разными фигурами и ростом. Одна из них прикрывала рукой живот.

— Пойдем к нам, — Дилара не стала отвечать госпоже, а потянула Сашу за руку в угол комнаты к составленным буквой «П» лежакам вокруг еще одного столика, угощений на котором было заметно меньше. Один лежак занимала совсем еще юная девочка. Лет пятнадцати на вид. С темной, шоколадной, кожей и черными короткими кудряшками. — Это Батима. Располагайся. Будь как дома!

Землянка неуверенно опустилась на свободный лежак, остро чувствуя на себе взгляды. Разговоры, тем не менее, возобновились, как и плеск воды из бассейна, где плавали остальные женщины.

— Благодарю за заботу, — она повторила изученный жест.

— Оставь эти церемонии! Для друзей они не нужны. Угощайся!

К ней пододвинули блюдо со сладким хворостом. А в чашку налили чай. Холодный. Душистый. Наверняка специальный сбор для принятия ванн. Филис говорила, что чайные плантации располагаются ближе к побережью. И этот напиток на Этре пользуется большой популярностью. На каждый случай есть свой особый состав.

Саша взяла угощение и чашку с благодарностью, из-под ресниц наблюдая за молчаливой Батимой. Та лежала на животе, переплетя пальцы под подбородком и болтая ногами. Тонкая. Стройная. Девочка-лоза. Но веяло от нее чем-то, что заставляло напрягаться. Словно в ожидании удара. После Влада Александра уже интуитивно ощущала исходящую от людей опасность. Особенно, когда перестала впадать в панику от каждого встречного.

— Как прошел полет? Мы все заждались возвращения Данияра с дорогими гостями.

Гостями. Друзья. Такой искренний интерес. Улыбка. Поддержка. Помощь. Вся эта сцена с накидкой, молчаливым осуждением и забывчивостью медрес выглядела убедительной постановкой с целью немедленно расположить ее к тщательно выбранной кандидатуре.

Землянка отпила чай и маленькими глотками допила всю чашку, обводя взглядом зал. Госпожа Нулефер следила за ними с другого края. А ее или не только ее дочери убедительно изображали оживленную беседу. Что ж... расклад понятен.

— Полет был... таким странным. Сначала меня разместили в ужасной, маленькой каюте. Там совершенно негде было развернуться! Ко мне никто не приходил, пока шейх не позвал меня к себе и не начал расспрашивать. Я так его боялась! Пока не оказалось, что он благородный и радушный хозяин. А потом случилось это ужасное нападение...

Рассказ под чай и сладости давался легко. Саша полностью погрузилась в эмоции, позволяя себе говорить громко и строить гримасы. Пусть слушают. Они же этого хотели. К тому же у нее появилось странное ощущение легкого похмелья. Цвета стали ярче, но общая картинка немного расплывалась перед глазами. Можно было бы списать это на эффект от перепада температур, но... Дилара так старательно наполняла ее чашку и так медленно цедила содержимое своей. Пусть...

Легкость в теле и в голове позволяла убедительно выглядеть дезориентированной. В то время, как часть разума оставалась совершенно трезвой. Последствия прямого контакта с ядром. Ее разум стал устойчивее к психотропным веществам, к тому же Талия предупреждала о том, что такой вариант возможен. А предупрежден — вооружен.

К концу рассказа Александра уже с трудом могла выговорить слова. Язык не слушался. А смех срывался с губ по любому поводу. Она явно выглядела неадекватной и вела себя соответственно. Странно лишь, что никто особо не обращал на это внимание. Как-то вдруг оказалось, что в помещении они остались втроем. Дилара предложила проводить ее в комнату. Батима пристроилась с другой стороны и вдвоем они помогли ей подняться по лестнице и пройти по коридору.

Сердобольная спасительница даже предлагала посидеть с ней, но Саша сделала вид, что сейчас отключиться. Махнула рукой, рухнула на кровать и перестала шевелиться. Чьи-то тонкие пальцы коснулись ее запястья.

— Пульс ровный, — холодный, оценивающий голос явно принадлежал Батиме.

— Мы точно не перестарались?

— Нет. Уснет, а завтра ничего не вспомнит. Отец будет доволен.

— Тогда пойдем.

Бесшумные шаги и шорох закрывающейся двери. Еще пару минут девушка полежала без

движения, а затем медленно и с трудом села. Координация хромала. Здесь она совершенно не притворялась. До двери пришлось ползти на четвереньках, путаясь в чертовой простыне, что вызывало неудержимый смех. Приходилось кусать губы и щеки с внутренней стороны.

Засов она задвинула со второй попытки. Затем села, прислонившись к стене. Вытянула ноги, кое-как выпуталась из спеленавшей ее ткани. Комната кружилась. Стены изгибались под невероятными углами. Глаза закрывались, и тянуло в сон. Но сначала нужно было избавиться от проклятой отравы.

— Ту-а-лет... Нам нужен ту-а-лет...

Слово показалось смешным и ужасно сложным. Боже, такими темпами, она точно отключится. Два удара ладонью по щекам немного взбодрили. Дверь. Узкая дверь. Мысленно нацелившись на ближайшую, Саша снова поползла, стараясь не смотреть по сторонам и сосредоточить все внимание на руках и ногах. Правая. Левая. Правая. Левая. Пока голова не врезалась во что-то твердое.

Так, теперь найти ручку. В помещение, к счастью и удаче оказавшемуся маленькой ванной, она ввалилась безвольным телом и разлеглась на плитке, глядя в сторону унитаза. Последний рывок. Несчастные полметра оказались самыми сложными. Кажется, несколько раз она отключалась и включалась снова только чудом. Затем сунула два пальца в рот и радостно обнялась с белым другом. Процедуру пришлось повторить еще дважды, прежде чем перед глазами, наконец, начало проясняться.

Обведя комнату более осмысленным взглядом, Александра обнаружила импровизированную ванную — выложенный плиткой бортик и кран на стене. Отлично. Вода оказалась теплой. Той противной температуры, когда ни горячая, чтобы согреться, и не холодная, чтобы взбодриться.

— Сволочи...

Выбирать не приходилось, и она сунула голову под струю воды, позволяя волосам и шее намочиться. Медленно, очень медленно сознание прояснялось. По всему телу выступила липкая испарина. Захотелось пить. Саша вывернула голову и принялась жадно глотать воду из-под крана. У нее был металлический и немного химический привкус, но хотя бы точно не отравлена.

Спустя минут десять девушка смогла вытереться полотенцем и прислониться к стене. От сидения на кафедре была легкая дрожь, но на обратный рывок до кровати нужны были силы.

Посвящение в этросскую культуру она прошла. Оставалось только надеяться, что ей не станут подмешивать эту дрянь каждый день. Иначе ее неожиданно приобретенный иммунитет может и не выдержать.

— Дальше будет сложнее, — Талия села напротив, игнорируя мокрый пол. — Они будут проверять тебя каждый день. Тебе нельзя выпасть из роли.

— Я знаю...

Терпение. Ей понадобится все имеющееся терпение, чтобы выжить...

Земля

...Вечер прошел скомкано. Ночь была муторной. Ольга то просыпалась, то снова падала в противное серое месиво на грани сна и реальности. Кошмары ее не мучили, но не покидала тревога и напряжение, из-за которых никак не получалось расслабиться и отдохнуть. Даже обидно немного — на космическом корабле она спала как убитая...

Утро наступило рано в соответствии с уже привычным внутренним будильником, но радости не принесло. Сил не было. Кажется, их стало даже меньше, чем вечером накануне, а она ведь отдыхала... Хотя, после такой ночи можно весь день лежать — легче не станет. Еще и погода не радовала: небо затянули низкие серые тучи, несущие обещание дождя и говорящие о перемене давления, на что голова немедленно отреагировала ноющей болью.

Ольга сразу же почувствовала себя старой, измученной, больной и совершенно ни на что негодной. Если вчера беспомощность казалась временной, то сегодня стало очевидно, что последствия плена будут аукаться ей еще долго. А она никогда не умела правильно болеть. Чтобы полежать в кровати, с сериалом, температурой и горой лекарств. Обычно приходилось запикивать в себя лекарства на ходу и идти на работу. Жить на горячем чае, попутно обчихивая всех, кто рискнет подвернуться под руку.

Даже после операции она отвалилась положенный минимум и поспешила закрыть больничный, чтобы снова вернуться на работу. В привычную среду. С заботами, авралами, цифрами, руганью... Благодать. А теперь и спешить некуда... Болеть можно в полное удовольствие, только как?

При первой попытке встать, зверь на полу поднял морду и тихо заворчал. Креон тут же проснулся и оказался рядом раньше, чем глаза разлепил.

— Что-то случилось?

— Голова болит... Таблетку надо.

— Сейчас.

Она честно хотела его остановить. Даже руку вслед протянула, но потом поняла, что комната как-то странно расплывается перед глазами. Кажется, голова болит не просто так, а из-за давления. Низкого. Замечательно... Такого с ней со студенчества не было.

Киориец вернулся через пару минут с целой аптечкой лекарств, выданных на крейсере, и начал методично выдавать ей по одной капсуле из разных баночек. Оставалось только прилежно глотать их и запивать водой — рядом с диваном снова стоял памятный кувшин.

— А теперь ложись, — непреклонно заявил принц, поправляя одеяло. — Что хочешь на завтрак?

Голова после приема таблеток стала ватная и тяжелая. Ольга попыталась удержаться от зевания, но едва не вывихнула челюсть. После чего мысленно махнула на все рукой, повернулась на бок и закрыла глаза. На нее волной накатило умиротворение и сонливость. Тело стало легким и невесомым. Вспомнилось вдруг детство. Лето. Когда можно вот также проснуться утром, вспомнить, что в школу не надо и лечь спать дальше. А потом бабушка разбудит и позовет завтракать...

— Кашу... манную... с вареньем...

Вишневым. И чтобы только сироп. Без ягод. И каша такая жидкая-жидкая. Без комочков.

И кусочек масла сливочного в серединке плавает. И можно аккуратно есть ложкой, собирая с края тарелки к середине. А потом эту тарелку еще и облизать. Так ведь вкуснее...

...Проснулась Ольга от запаха гари. Такой вот характерной. От убежавшего молока. Распахнула глаза и села, оглядываясь и пытаюсь понять, что случилось. В комнате никого не было, а из кухни доносились подозрительные звуки бряцанья посуды, шума воды и приглушенного ворчания.

— ...раз тебе понравилось, значит, съедобно... Знать бы еще, какая она должна быть...

— Креон! — на всякий случай позвала она, испытывая смутные предчувствия.

Мужчина возник на пороге, подпоясанный ее фартуком. Желтым. В алые маки. На работе подарили. В комплекте с прихваткой, скатертью и салфетками. Она его и одевала-то раза два. И хранила, кажется, на дальней полке, чтобы лишний раз не видеть.

— Ты проснулась. Завтракать будешь?

За отсутствием слов оставалось только кивнуть. Поправить подушку, чтобы сидеть удобнее — после сна тело ощущалось намного лучше. И с удивлением обнаружить на подносе тарелку с кашей. Пиалочку с вареньем. Чашку чая.

— Аааа...

— Ты сказала «манную», — Креон едва заметно нахмурился. Меж бровей возникла знакомая складочка. — Пришлось идти в магазин. Потом я спросил у продавщицы рецепт приготовления. Оказалось, что нужно молоко. Масло было в холодильнике. А еще варенье. В магазине оно не продается. У тебя стояло какое-то, но я не знаю, как выглядят ваши ягоды, поэтому не уверен, что оно вишневое.

Варенье было малиновое. Прошлогоднее. Или позапрошлогоднее? Главное, что без плесени. От каши немного пахло гарью. И пару комков сложно было не заметить, но... Каша. Ей приготовили манную кашу. Не зная рецепт. На чужой планете. Из неизвестных и явно непонятных продуктов. Просто потому, что она что-то пробормотала перед сном...

В горле встал комок, а в носу подозрительно захлюпало. Пришлось часто заморгать, чтобы сдержать неожиданно навернувшиеся слезы.

— Я пробовал сам. И давал Арею — он съел, — осторожно добавил мужчина, видя, что она не торопится приступать к завтраку.

Зверь обнаружился тут же. Сидел рядом с диваном и облизывался, задумчиво глядя на тарелку. Кажется, если ей блюдо не понравится, он с удовольствием съест добавку.

Ольга осторожно взяла ложку и зачерпнула с краю. Креон и ликос следили за ней с таким вниманием, будто от ее реакции зависела, минимум, их жизнь.

Каша оказалась... вкусной. Да, не такой, как она помнила из детства. Но в меру сладкой, в меру соленой. Со странным привкусом, который легко перебило варенье, немедленно полностью выложенное сверху. Оказалось, что у нее проснулся совершенно неприличный аппетит. И каша пропала в считанные минуты.

Ольга поскребла ложкой открывшееся дно и подняла взгляд на мужчину. Тот уже перестал хмуриться и заметно расслабился.

— А можно добавки?

Ее вопрос заставил его моргнуть. Затем бросить взгляд в сторону кухни. И самоотверженно ответить:

— Конечно.

...На самом деле издеваться над киорийцем Ольга не стала. Силы вернулись, и они уже вдвоем отмывали кухню. Потом готовили обед. Потом играли в монополию, найденную на антресолях — больным необходимы положительные эмоции, а смотреть телевизор не хотелось.

Правила Креон усвоил быстро. И также быстро освоился с полем. Играть с ним было интереснее, чем с Сашей. И попутно удалось узнать кое-что о Киорисе. А еще о его жизни на Земле в ее отсутствие. И о том, как принцу пришлось осваиваться на кухне. И о визитах Ивана Александровича. Ольга слушала и качала головой, удивляясь и в то же время в очередной раз убеждаясь, что для власти война — лишь еще один повод доказать свое превосходство. Даже перед лицом общего врага.

А ближе к вечеру они пошли гулять. Тучи унесло ветром. Выглянуло солнышко. Засидевшихся дома людей потянуло на воздух. Официально они выгуливали ликоса, который, судя по поведению, в компании совершенно не нуждался, и независимо бегал рядом. Неофициально — заменяли прописанную ей физическую активность хотя бы прогулкой. От былой выносливости не осталось и следа. Уже через пятнадцать минут Ольга опиралась на руку принца. И неожиданно поняла, что идти с ним рядом невероятно комфортно.

Он не бежал вперед. Не жаловался на ее шаг. Легко поддерживал, принимая на себя часть веса, а не просто сжимая руку. И еще рост. Разница у них была в полголовы. А женщина уже давно привыкла, что мужчины либо чуть ниже, либо, в лучшем случае, с ней на равных. Странно было смотреть на него снизу вверх. И ведь даже каблуки можно будет одеть... Только куда? И зачем?

— Кажется, людей стало больше...

— Скорее стало чуть спокойнее. Я слышал по радио, что некоторые предприятия возвращаются к работе. Власти делали какое-то заявление ранее, но я не интересовался. Возможно, у людей появляется надежда на будущее.

— Возможно...

Надежда. Еще пару недель назад в перспективе были только ужас и неопределенность, а теперь они говорят о надежде. Если бы еще получилось также легко вычеркнуть из памяти этроссов.

— Когда ты вернешься на Киорис?

Нет, она совсем не хотела, чтобы он улетал. Ведь у принца наверняка достаточно дел дома, и второй раз на столь гостеприимную и доброжелательную планету он вряд ли вернется. А она не наивная дурочка, чтобы вообразить, будто вскружила ему голову. Да и... кто сказал, что там его никто не ждет?

— Пока неизвестно. Мы будем ждать окончания войны. Эскадра получила приказ с Киориса патрулировать Солнечную систему и прикрывать Землю. К тому же мой брат... Он разбил флот Этры в другой системе. Думаю, сейчас начнется перегруппировка войск. Я в этом мало понимаю, но... Думаю, ждать осталось недолго.

— Хорошо. То есть... Если война закончится, ведь хорошо?

Ольга заглянула ему в глаза, и успела поймать мелькнувшее в них странное выражение.

— Хорошо... Я должен признаться, — неожиданно сменил тон Креон. — Я не хотел говорить, потому что ты плохо себя чувствовала. Но... Молчать дольше я не имею права. Заранее прошу прощения, что не сообщил сразу...

С каждым его словом ощущение умиротворения и легкости, навеянное сегодняшним

днем, уходило, сменяясь уже таким привычным предчувствием неприятностей.

— Ты просила узнать о родственниках Александры. Нам удалось собрать сведения. Жена ее брата погибла во время штурма одной из лабораторий. Рахи использовали персонал в качестве заложников. Нашим военным удалось спасти лишь половину. Мне очень жаль.

Ольга вздохнула и кивнула. Она понимала, что сопутствующий урон может быть велик. И что киорийцы — не боги. Они не способны взять штурмом здание, уничтожив всех врагов и спасая всех гражданских. Кому-то повезло — уже хорошо. Жене Сергея — нет.

— Завтра надо ехать к Сашиным родителям. Помочь, если получится. Спасибо, что сказал.

Мог ведь и не говорить. Мог вообще не узнавать. Или... Ольга покосилась на чеканный профиль, эмоции на котором можно было прочесть лишь с большим трудом. Не мог. Он слишком честный и прямолинейный, чтобы соврать или умолчать о чем-то. А еще... Он переживает. Где-то очень глубоко внутри. Этого не видно. И неясно, почему он так скрывает свои эмоции, но все равно переживает. И за нее, и из-за того, что не сказал сразу...

И от этого вдруг стало странно тепло внутри. Будто что-то встало на место. Такое знакомое и родное. Уже понятное. Известное. И новое...

Этра

...— Ярмарка в этом году откладывается, так день рождения эмира придется встречать без обновок, — Дилара показательно надула губы, из-под ресниц продолжая наблюдать за Сашей.

Та лишь рассеянно кивнула, успешно изображая дезориентацию и полное отсутствие воспоминаний о вчерашнем вечере. Неспешный завтрак, накрытый на террасе во внутреннем дворике, длился уже полчаса и не спешил заканчиваться. Сюда ее привела вчерашняя старуха, выдавшая также и новый наряд — нижнюю рубашку, платье на пуговицах и платок на голову.

В центре двора журчал фонтанчик с питьевой водой, а вокруг него раскинулись клумбы с цветами — гордость госпожи Нулефер, ухаживающей за ними последние тридцать лет. Сейчас возраст уже не позволял ей все делать самой, и она пыталась приставить к делу невесток и дочерей, но те не горели должным желанием.

Все это Дилара рассказывала легко, запивая слова холодным чаем. Батима молча сидела в стороне, играя с цепочкой, несколько раз обвивавшей левую руку. Молчаливая. Отстраненная. С мечтательным взглядом, которым она изредка окидывала двор. Жмурилась на редкие лучи солнца, пробивающиеся через тонкий навес, укрывающий террасу. Вот так посмотришь и поверишь, что перед тобой ребенок, но Саша помнила ее холодный тон вчера. Нет, девочка вовсе не так проста, как кажется.

— День рождения эмира наверняка большой праздник. Как вы обычно его проводите?

Она не была уверена, что ей удалось разыграть должное любопытство и восторг. Голова, несмотря на все предпринятые меры, оставалась тяжелой. А уж что ей снилось ночью...

...То ли у отравы имелся побочный эффект афродизиака, то ли тело истосковалось по плотским утехам, но все ее сны, обрывочные и мутные, состояли из крайне откровенных фантазий-воспоминаний. И просыпаться с ощущением полной неудовлетворенности ей не понравилось. Даже душ и известное уже средство для помощи себе любимой помогли слабо. Желание ушло. Но внутри засело смутное подозрение...

— О, да. Собираются все шейхи и их семьи. Каждая из жен эмира готовит ему подарок. Накрывают роскошный стол с четырьмя переменаами блюд и несметным числом закусок. Рабыни устраивают представление. Приглашаются звездочеты, которые рассказывают, что ждет эмира в следующем году. Празднество длится всю ночь. До самого рассвета...

Да, праздники на Этре предпочитали устраивать ночью, когда дневной жар уходил. А после них — спать до полудня. И проводить жаркие часы в купальне, где и вкушать поздние завтрак, переходящий в обед и ужин. Конечно, это относилось к тем, кто мог себе подобное позволить. Торговцы после праздника устраивали выходной — все равно за покупками никто не придет. А вот простым людям, так или иначе, приходилось спешить на службу.

Дверь на террасу резко запахнулась, пропуская старуху и идущую за ней Филис в неизменно алых одеждах. Сердце трепыхнулось в груди, Александра подалась вперед и улыбнулась:

— Филис, я так рада тебя видеть!

Киорийка ответила сдержанным кивком и едва уловимой улыбкой.

— Как жаль, что вчера тебя с нами не было. Здесь потрясающие купальни! Почти такие же чудесные, как на Киорисе!

Сердце забилось чаще и сильнее. Им решили организовать встречу под присмотром. Наверняка, о каждом слове будет доложено. Нельзя говорить лишнего, как и проявлять беспокойство, которое приходилось сдерживать весь вечер и утро.

— Надеюсь, сегодня мне удастся их увидеть...

Бывшая жрица заняла место на кушетке и опустила взгляд на угощение. Дилара поспешила предложить ей напиток.

— Если на то будет воля шейха Данияра. Я слышала, вчера он не желал отпускать вас до глубокой ночи.

— Шейх бесконечно гостеприимен и хотел убедиться, что мне понравится во дворце эмира. Он взял на себя труд рассказать мне о тонкостях местных порядков...

— Какое высочайшее внимание! Хочу заметить, что далеко не всех гостей ждет такое приветствие...

— Я понимаю и высоко ценю заботу нашего хозяина.

Последняя фраза заставила этросску замереть. Улыбка ее стала жесткой. Как и выражение лица. Звякнула цепочка Батимы, упав на камни и привлекая всеобщее внимание.

— Извините, увлеклась... — она широко улыбнулась, нисколько не смутившись, и подняла украшение, снова наматывая его на запястье.

— Тебе стоит быть внимательнее, — холодно заметила Дилара и обернулась к ним, возвращая голосу прежнюю приветливость. — Мы как раз говорили о скором праздновании. День рождения эмира наступит уже через десять дней.

— Как удачно, что мы здесь оказались! — Саша постаралась скопировать безмятежность Батимы, но, судя по взгляду этросски, получилось не очень.

— Безусловно. Подобное празднество должно быть незабываемо. Особенно для тех, кто присутствует на нем впервые. Шейх Данияр упоминал, что в этом году праздник особенный. Ведь эмиру исполняется семьдесят пять лет. Три четверти столетия.

— Он и об этом успел вам рассказать...

— Ай! — короткий вскрик Батимы снова заставил переключить внимание. — Застежка сломалась...

Нижняя губа ее задрожала, а в глазах встали слезы.

— Отец рассердится... Это был его подарок.

Она часто заморгала, пытаясь сдержаться. Вот у кого стоит поучиться лицедейству. Ни капли фальши. Только искренность. Такая, что даже за душу берет.

— Мастер Ульгаз наверняка сможет все починить, а отец даже не узнает, — сухо ответила Дилара, и лицо девушки посветлело.

Она вскочила со скамейки и прижала цепочку к груди.

— Пойду и найду его прямо сейчас!

Батима выскочила с террасы быстрее, чем кто-либо успел отреагировать. Диларе оставалось лишь неловко улыбнуться.

— Юность... Батима еще не просватана и может позволить себе детские выходки.

— Но ей ведь уже пятнадцать... Разве это не тот возраст, в котором принято подыскивать жениха?

Филис явно пыталась вывести этросску из равновесия, но на этот раз не вышло. Та улыбнулась и вернулась к угощению:

— Все зависит от того, где его искать...

Выдав многозначительную фразу, она окинула алый наряд пристальным взглядом и решила перейти в нападение:

— У нас говорят, что жрицы на Киорисе ублажают мужчин за деньги. И даже странно, что пользуются таким уважением народа, у нас таких женщин называют совсем иначе...

— Известные заблуждения. Но на Киорисе за близость не платят. А если мужчина и женщина разделяют постель, то только по обоюдному желанию. Я слышала, что на других планетах все еще используют рыночную модель отношений. И не везде мужчины платят. У Эль-Сабцев самки выбирают самца и предлагают ему деньги за связь и заведение потомства. А иногда платят другой самке, состоящей в связи, за возможность использовать ее самца. Порой даже заключают взаимовыгодные союзы. Триумы. А иногда и больше...

— Да, мы тоже слышали о бесстыдстве змеелюдов, но что еще можно ожидать от зверей?

На лице Дилары отразилось презрение и отвращение лучше всяких слов говорящее о ее отношении к Эль-Сабе. Кажется, теперь ясно, почему Этра не вступила с ними в союз. Хотя... рахи ведь тоже звери. О чем Александра простодушно и напомнила.

— У этих хотя бы кровь теплая, — отмахнулась этросска. — А змеелюды... Кто в здравом уме будет с ними сотрудничать? Они всегда сами по себе. И ищут выгоду только для себя.

— Как и Этра... — мягко отметила Филис.

Дилара оскорбленно замерла.

— Прошу прощения... Мне нужно вас покинуть.

Саша проводила ее виноватым взглядом. И укоризненно взглянула на киорийку.

— Зачем ты так? Вчера она помогла мне. Была так любезна. И внимательна.

Бывшая жрица качнула головой и вздохнула.

— Муж приказал ей быть внимательной и заботливой. Данияр.

Они встретились взглядами. Александра чуть удивленно приоткрыла рот и недоверчиво распахнула глаза, стараясь понять по выражению лица собеседницы, все ли с ней в порядке. Та медленно закрыла и открыла глаза. Все хорошо.

— Надо же... Я и подумать не могла... А Батима?

— О ней он не упоминал.

Значит, кто девчонка — неизвестно. И чего от нее ждать — тоже. Плохо. Она может оказаться намного опаснее, чем кажется. А убедить ее в своей искренности точно будет сложнее, чем Дилару.

— И чем же вы занимались с шейхом?

Саша игриво подмигнула и наклонилась вперед, словно хотела посеCRETничать.

— Говорили... Он сварил для меня кафлу. Потом гуляли под звездами... Ночью в пустыне красиво. — Тон ее был задумчивым и мечтательным. — Знаешь, люди не рождаются великими. Ими становятся. И, оказываясь рядом с таким человеком, в какой-то момент ты понимаешь, что видишь истинное величие. Что тебе повезло оказаться рядом с тем, кто очень скоро будет творить судьбу. Это не вера, а именно знание. Осознание столь пронзительное, что в какой-то момент охватывает дрожь. Таких людей невозможно забыть. Они — большая редкость. И оставляют огромный след в истории.

— Как Птолемея и Мелпомин?

— Да. И как те, кто пришел после...

Взгляд Филис на мгновение затуманился от воспоминаний. А затем она вздрогнула, отгоняя их.

— Иногда мне жаль, что между Этрой и Киорисом непримиримая вражда. Ведь все могло бы быть иначе...

В правдивости этих слов Александра не сомневалась. Как не усомнится и тот, кто наверняка их слушает. Вот только акцент... Киорийка в своем маленьком отступлении говорила вовсе не о шейхе. О ком именно Саша не знала, но совершенно точно о том, кто затронул ее сердце. А также был велик... В мыслях мелькнула догадка, но девушка поспешила отогнать ее. Не время. И не место. Тем более что скоро их наверняка прервут. Для искренности хватит и пары минут...

Земля

...Ольга глубоко вдохнула, прежде чем нажать на звонок. До Сашиных родителей они доехали только к обеду, потому что утром она снова чувствовала себя не очень, и Креон настоял, что ей нужно отдохнуть. Пришлось согласиться. От нее измотанной все равно толка не было бы. И вот теперь они здесь, а дверь никто не открывает...

Ольга уже хотела пойти к соседям, но за дверью как раз раздался шорох, а потом она распахнулась.

— Здравствуйте, Анна Ильинична! — женщина бодро выдала заготовленную фразу, понимая, что едва узнает мать подруги. За последние пару месяцев она заметно постарела, а сейчас вообще выглядела едва живой. Потухшие, пустые глаза, серое лицо с впалыми щеками.

— Оленька... Да как же...

Показалось, что собеседница сейчас упадет, и Ольга поспешила шагнуть навстречу и обнять ее.

— Все хорошо, Анна Ильинична. Все хорошо. Я здесь.

Тело в ее руках немного обмякло, но затем женщина взяла себя в руки. Выпрямилась и отстранилась, рассматривая ее.

— Как ты? Нам Сергей сказал, что тебя забрали эти... ироды. А ты здесь. А Саша?

В глазах промелькнула безумная надежда, гасить которую было невероятно трудно.

— С ней все было хорошо, когда я ее видела последний раз. Но сейчас Саша не здесь. Давайте, мы пройдем на кухню, и я вам все расскажу. А Владимир Михайлович где?

Она быстро разулась и отошла в сторону, пропуская Креона и Арея. Ликос принялся и громко чихнул, привлекая к себе внимание.

— Ой! А это... А вы кто? — женщина подняла испуганный взгляд на киорийца.

Тот вежливо кивнул и поздоровался.

— Это мой хороший знакомый. Креон. Очень мне помогает сейчас. Так где Владимир Михайлович?

Ольга постаралась перевести тему, чтобы не пускаться в длительные объяснения. Ехать через весь город без сопровождения, ей даже в голову не пришло. Неизвестно, как организм отреагирует на путешествие, да и мужчина не пытался оставить ее одну. Кажется, ему такое даже в голову не пришло, как и запереть зверя в квартире.

— Ох, Олюшка... Его в больницу увезли утром. Сердце...

Тут все имеющиеся силы, наконец, оставили хозяйку, и она заплакала, вздрагивая всем телом...

— ...Нам, как Сергей рассказал, что тебя забрали, и Сашу, скорее всего, тоже. Так отец с ним даже разговаривать перестал. Сказал, что нет у него больше сына. И дочери, наверное, тоже... Ох...

Они сидели на кухне за чаем, который Креон разлили по кружкам, но никто так и не начал пить. Анна Ильинична после ударной дозы корвалола и валерьянки немного успокоилась и обрела возможность говорить.

— Сергей как тень ходил. Спал плохо. Внуки с нами все время были. Про Катю ничего

не слышно. А потом, как гром среди ясного неба — вдруг звонят из полиции, говорят, вы родственники такой-то? Мы — да. И сообщают... — она покачала головой. — Я те два дня вообще плохо помню. Тело забрали. Похороны организовали. Вова еще держался, Сергей... не помню. Потом садики заработали. Я детей начала отводить. А вчера они вдруг поругались. Я уж не знаю, с чего начали, но мы приходим из садика, а они тут так кричат... Ужас просто. Сережа ему что-то говорил, что он виноват, а Володя ему, и оба... Я уж и не чаяла их успокоить. А сегодня утром Вова встал с кровати и упал вдруг... И не шевелится. Я скорую вызвала. Сергея отправила детей отвезти. Сама за лекарствами кинулась. В общем...

Она махнула рукой, а Ольга глянула в окно. Солнце уверенно стояло в зените. Сергей ушел утром.

— А сейчас он где?

— Вова в больнице, а Сережа... — женщина растерялась, словно только теперь вспомнила, что сына нет дома с утра. Что совсем неудивительно, учитывая обстоятельства.

— Анна Ильинична, у вас же есть адрес их с Катей квартиры?..

...Новостройки. Приятный, симпатичный район. Сергей, как бы его не ругал отец, всегда хорошо зарабатывал. И для семьи старался сделать все самое лучшее. Новая квартира. Ремонт. Садик и развивашки. Отдых в Турции. Про его семью Ольга знала лишь по рассказам подруги, и со стороны та производила весьма положительное впечатление. Конечно, всякое бывает. Но очкарик Сережка, никогда не повышавший голоса, точно не походил на домашнего тирана, а жена ему попалась здравомыслящая. Вот и жили. Очень и очень неплохо. Да, жили...

К дому она подходила с острым ощущением надвигающейся беды. Хотелось развернуться и сбежать. А лучше сразу позвонить в МЧС, скорую и полицию заодно. Наврать с три короба, а там пусть разбираются, только вот... Не привыкла она перекладывать ответственность.

— Можешь подождать меня здесь, мы с Ареем проверим квартиру и вернемся, — Креон взял ее под руку и показал связку ключей, выданную Сашиной мамой.

Соблазн был велик, но Ольга упрямо качнула головой.

— Нет, давай вместе. Арей ведь почувствует, если внутри что-то не так, да?

Собаки ведь чуют покойников. А Ликос — это даже круче собаки, как ей объяснили.

— Почует. Идем?

Киориец заглянул ей в глаза, словно пытался прочесть в них ответ. Стало чуть спокойнее. Она с трудом выдохнула и кивнула.

На лифте поднимались в тишине. Потом подошли к квартире на площадке. Позвонили. Изнутри не донеслось ни звука. Но Арей при этом не выказывал ни малейшего беспокойства. Сидел и пристально рассматривал дверь.

— Может, его дома нет?

И она все себе придумала? Накрутила? Ошиблась? Вот было бы хорошо. Мало ли куда, в конце концов, отправился мужчина. Может... Тут мысль обрывалась. Сергей не представлялся ни в баре с бутылкой, ни в церкви со свечкой, ни... Куда там еще тянет мужиков в депрессии?

Креон молча открыл дверь ключом и вошел первым. Огляделся, пропуская зверя, и кивнул ей. Ольга по привычке закрылась, и только после прислушалась к звукам квартиры. Тихо. Только легкий цокот когтей по полу, а затем приглушенное рычание. Достаточно,

чтобы пойти следом.

Сергей оказался на кухне. И предчувствия ее не подвели. Он сидел на подоконнике распахнутого настежь окна, выходящего на улицу, а не во двор. Поэтому они его не увидели. На полу валялись ножи. Обрывки бечевки. На столе стояла открытая бутылка водки и полный стакан. К содержимому, кажется, не притронулись. Уже хорошо. Ликос застыл в шаге от стола, приставленного к окну. Смотрел на человека, вздыбив шерсть, но не нападал. Сергей на них даже головы не повернул.

— Сереж... — в горле вдруг пересохло, и Ольга поняла, что совершенно не знает, что сказать.

Он обернулся. Глянул на нее через плечо. Лицо без очков выглядело странно.

— Оль? Ты?

Кажется, он удивился.

— Я... Я тут. Все нормально.

Как там надо разговаривать с суицидниками? Спокойно и уверенно? А если хочется стащить с подоконника и по шее дать?

— А Саша?

Снова эта безумная надежда, которую так не хочется гасить.

— Ваша сестра осталась в плену у этроссов, — неожиданно заговорил Креон и шагнул вперед. — Уверен, она жива и здорова, так как нужна им в качестве аргумента для ведения переговоров с моим братом.

— Братом?

— Он уничтожил часть флота Этры, направленную в другую галактику, и сейчас ждет разрешения от главнокомандующего, чтобы перейти в наступление. Ваша сестра дорога ему. И он сделает все, чтобы спасти ее. Поэтому она нужна Этре живой.

— Ты... инопланетянин. Один из тех, о ком она говорила...

Так, голова у несостоявшегося самоубийцы заработала, уже хорошо. Пожалуй, даже лучше, что с ним говорит киориец, сама бы она в жизни не смогла так уверенно и спокойно излагать аргументы.

— Вы правы. Я с Киориса.

— Вы... это вы штурмовали те лаборатории?

— Наши военные. Мне очень жаль, что ваша жена погибла. К сожалению, мы не смогли спасти всех пленных.

Сережка сглотнул. Судорожно вдохнул. Выдохнул.

— Я... я говорил с теми, кто там был. Нашел еще пару людей. Кому повезло... Все говорят, что чудом... Что ваши... В общем, их бы там всех порешили, если бы не вы...

— Такой сценарий развития событий был вполне вероятен. Мы спешили, как могли.

— Катя... ее туда забрали, потому что работала хорошо. На работе предложили подзаработать. Поучаствовать в проекте. Закрытом. Она согласилась. Потому что началось черте что, мы переживали из-за денег... А я... Я кроме программирования ничего не умею... Она позвонила с работы, сказала, что задержится, а потом... Я не знаю, как они узнали. К нам просто пришли, меня вызвали для разговора и сказали, что либо я сдаю сестру, либо... Катя домой больше не вернется. Я... испугался. Я не хотел. Правда, не хотел... Я надеялся, что ее не тронут...

Надеялся... Ольга только вздохнула и вдруг поняла, что устала. Огляделась и села на ближайший стул. Злиться не получалось. Трепку вот устроить надо бы. Там отец в больнице

лежит, мать едва держится, дети маленькие, а он тут решил поиграть во вселенскую вину. Красиво, конечно. Самоубился, и делу конец. А потом скажут — он так страдал. Ага. А другим легче... Нет, все-таки она злится. И устала. Перенервничала. И ей не стоит разговаривать с этим идиотом. Придушит же...

— Вас бы все равно заставили рассказать все, что вы знаете, — ровно произнес киориец. — А жену бы убили. Этра совсем не милосердна. И ничего не пожалеет для достижения цели.

Это точно. Вспомнился тот зал. Испуганная Саша. И удар в спину. Тот этросс точно ни перед чем бы не остановился. И понятно, почему.

— Хотите сказать, что я не виноват? — прозвучало жалко. И грустно. По-детски. И показалось, что перед ними не взрослый мужчина, а ребенок, разбивший мамину любимую вазу, а теперь ждущий, что ее склеят, и все будет, как раньше.

— Вы были в безвыходном положении. Любое ваше действие с вероятностью в девяносто процентов привело бы к точно такому же исходу. Мне очень жаль, что вам пришлось через это пройти. Но теперь остается только жить с этим.

— А если я не могу? Я... жена погибла. Сестра в плену. Отец в больнице... Мама...

— Ваши родители стары и нуждаются в заботе. Ваши дети еще юны и несамостоятельны. Они не выживут без вас. Александра взрослая. Она не одна. О ней есть, кому позаботиться. И вы точно уже никак не можете повлиять на ситуацию, в которой она находится. А вот помочь другим вы можете. И в первую очередь себе.

— Себе?

— Нанесение вреда себе считается наихудшим из возможных вариантов. Не говоря уже о том, что вы можете вернуться к нему в любой момент. Более подходящий.

Ольга вскинула на Креона возмущенный взгляд, но прикусила язык. Если это сработает, она его расцелует. А главное... Главное, что без него она, пожалуй, здесь бы не справилась.

Сережка вздохнул, ссутулился. Показалось, что вот сейчас центр тяжести сместиться, и он полетит вниз. Но ликос вдруг оказался рядом с подоконником и аккуратно ухватил зубами его штанину. Мужчина вздрогнул и неловко обернулся, мгновенно теряя равновесие и нелепо взмахивая руками.

Счастье, что реакция у Креона оказалась отличной. И у зверя тоже. Вдвоем они быстро втащили Сережку в комнату и усадили на стул. Киориец закрыл окно, а ликос коротко рыкнул, перекрывая к нему доступ. Сергей обвел их безумным взглядом и покачал головой.

— Кажется, я столько всего натворил...

— Жить сложно. Каждый день нужно принимать решения и нести ответственность. В смерти же страшен лишь один миг. А затем уже нет ничего. Так говорила моя сестра.

И она была абсолютно права...

Этра

Вечерняя прохлада на Этре казалась истинным благословением. Закатные лучи местной звезды еще догорали, окрашивая небо в алые и бордовые тона, но жар уже ушел. От земли поднимались волны тепла, ноги будто были укрыты одеялом. Но на уровне бедер излучение от земли уже смешивалось с остывающим воздухом, и температура выравнивалась. Лица же касались и вовсе свежие порывы.

Странные ощущения.

— Это Дом Рабов, — Батима указала на здание справа от выложенной гравием дорожки. Внешне точно такое же, как и другие, разве что людей здесь оказалось больше, и все они сновали туда-сюда по делам, не поднимая глаз от земли.

Экскурсия продолжалась уже полчаса. Саша успела издали полюбоваться на Дом Эмира, Дом Гостей, Дом Воинов, Дом Советников и прочие, менее интересные строения. Стоило признать, что дворец занимал немалую территорию, и обойти ее всю удалось бы лишь за долгое время. Однако грамотно проложенные дорожки позволяли не приближаться к некоторым домам, а любоваться ими издали. Предусмотрительно.

— А там что?

Девушка указала на тянущуюся в стороне стену, за которой начинался город. По крайней мере, именно так она подозревала, и искренне устала изображать восторженную идиотку, но приходилось терпеть. И улыбаться. Улыбаться, пусть даже щеки уже немного болели.

Батима бросила на нее быстрый, подозрительный взгляд. Не верит? Александра отвлеклась на разглядывание фруктового дерева, стоящего в кадке. Выглядело то довольно чахлым, но с десятков плодов все же желтели на ветках.

— Цитроны у нас не растут, — вопрос спутница проигнорировала. — Жидкости не хватает. Они остаются сухими и кислыми. Есть их неприятно. Но они хорошо идут на приправу.

— У нас тоже делают чудесные лимонные пироги. Пропускают лимоны через мясорубку...

Кто бы мог подумать, где и зачем ей пригодится мамин рецепт пирога. Нести чушь довольно утомительно. Но постепенно привыкаешь, главное — вовремя перестроиться, когда ее, наконец, оставят в покое и дадут побыть одной.

За весь день такая простая радость не представилась ей ни разу. Завтрак, затем купальня, где Далила всячески ей помогала мыть волосы, а затем рекомендовала масла и притирания для кожи. В них этросска разбиралась прекрасно, выдавая информацию бесконечным потоком. И, если бы не термы на Киорисе, Саша бы не выдержала, но общих основ хватило, чтобы справиться и не сломаться на какой-то мелочи.

Это ведь тоже проверка. Пусть и маленькая. Несущественная по большей части. Призванная скорее измотать, чем выведать что-то ценное.

С Филис их наедине тоже больше не оставляли. И в целом жрица исчезла сразу после обеда, накрытого там же, в купальне. Далила таким взглядом сверлила ее спину, когда киорийка уходила, что невольно возникали некоторые подозрения. Которые приходилось

держат при себе. И щебетать. Щебетать. Щебетать. Попугайчиком.

После ужина госпожа Нулефер предложила Батиме показать гостье сад, а сама поманила к себе Далилу. Наверняка будет отчитывать. Вежливо, конечно. Но все же. Интересно. Уже ясно, что жену эмира здесь уважают. И вся иерархия строится вокруг нее. Ее дочери, невестки и внучки стоят на нижних ступенях, и еще неизвестно, почему здесь находятся. По обрывкам разговоров, Саша смогла понять лишь то, что наследник у эмира по неизвестным причинам остался один, и он призвал к себе мужей дочерей, очевидно желая расширить выбор того, кому оставить власть. Вопрос лишь в том, куда и почему исчезли остальные? И сколько их было?

Они обошли Дом Рабов и вдруг свернули на какую-то незаметную тропинку. Сад между домами представлял собой скорее заросли разных видов кустарников, местами переплетенных столь плотно, что разглядеть что-то сквозь них не представлялось возможным. Вдоль основной тропинки их аккуратно подстригали, но здесь явно запустили. И, кажется, специально.

— А куда мы идем? — простодушно спросила Саша, прямо взглянув на Батиму, и в ответ получила куда лучше разыгранное представление.

Девушка опустила глаза вниз и поправила волосы, выбившиеся из-под платка, который она надела лишь перед прогулкой. Она явно смущалась или старалась выглядеть так.

— Мне нужно увидеться с одним... человеком. Госпожа Нулефер не одобряет эти встречи. И мне так редко удается ускользнуть, чтобы его увидеть... Если ты скажешь, что я была с тобой, она ничего не заподозрит. А взамен... я буду должна тебе услугу. Небольшую. Например, могу узнать, что с тем пленником, который прибыл вместе с тобой и жрицей...

Сердце оборвалось и рухнуло куда-то в живот, Александра сжала зубы, но в следующую секунду широко распахнула глаза и уставилась на собеседницу. Та изучала ее с неприкрытым интересом. Проккололась? Или специально показывает, что не столь мила, как кажется?

— О, правда? Представляешь, я совсем о нем забыла! Тут столько всего, что из памяти совершенно выскользнуло. Да, я была бы рада, если бы ты смогла что-то рассказать о нем. Филис наверняка обрадуется. И я не буду такой бесполезной в ее глазах...

Она сделала вид, что обдумывает перспективы. Хотя на самом деле готова была провалиться сквозь землю. Саша ведь действительно забыла о Байоне. Точнее... она помнила, но он и его судьба незаметно отошли на второй план перед лицом выживания в столь... гостеприимном месте. А их, значит, хотят прощупать. Понять, кто для нее еще важен. И так ли нужен пленник. Может быть, его хотят показательно казнить в честь юбилея эмира? Она бы не удивилась...

— Тогда ты сможешь подождать меня здесь? — Батима остановилась возле очередного здания. Дорожка здесь уже мало походила на часто используемую, а кусты стали и вовсе непролазными. Освещение не использовалось, хотя остальные дома подсвечивались снаружи, да и окна в них светились, здесь же... Темнота. Приближающаяся ночь. Тишина. Уже ощущается начало триллера. Или ужастика. — Я вернусь очень быстро, ты даже не успеешь испугаться.

Какая интересная оговорка... Она специально так плохо играет или поверила в ее дурость?

— Только не задерживайся... Не хочу получить выговор от медрес.

Саша уже знала, что так называют смотрительницу Дома Женщин.

— Конечно!

Этросска уже скрылась среди кустов, лавируя между ними так, как может только человек, получивший немалый опыт. Когда шорох ее шагов растворился в темноте, стало совсем тихо. И сумерки сгустились, а ночи на юге всегда темные. Здесь же юг, можно сказать, повсюду.

Ну, и зачем ее сюда привели? Проверить выдержку? Терпение? Или стоит заглянуть в здание? Оно ведь кажется заброшенным. Загадочным. Просто идеальным для сохранения грязных тайн.

Александра подавила порыв обойти его по периметру, зайти внутрь и раскрыть все секреты. Глубоко вдохнула. Выдохнула. Нужно ждать. Наивные, доверчивые идиотки ждут. А за ней наверняка следят. Нужно выглядеть убедительной.

Поэтому она начала бродить вдоль стены, мурлыкая под нос мотив какой-то глупой, привязчивой песенки из последних хитов, слышанных по радио. Через некоторое время жар от земли начал спадать, а свежесть коснулась уже плеч и груди. Ощущение одеяла осталось лишь на стопах. Такими темпами она просто замерзнет. Или на это и есть расчет? Нужно подмерзнуть и заглянуть внутрь в поисках тепла?

Саша покосилась в сторону дома. Вдох-выдох. Терпение. Еще не настолько холодно. Интересно, какую историю сочинит Батима, оправдывая свое отсутствие? А если сломать им шаблон и просто уйти? Выйти на дорожку? Вернуться обратно? Что будет?

Этот вариант она решила оставить как запасной. Да и... Предполагается ведь, что все это происходит из-за ее желания узнать о Байоне. Как он там? И где это «там»? В тюрьме? А какие на Этре тюрьмы? Вряд ли они лучше турецких. Да и российских. И вообще...

Вдох-выдох. Нельзя думать об этом сейчас. Нужно контролировать себя. Только так можно трезво оценивать ситуацию. А она может скатиться в панику. Чего точно нельзя допускать. Поэтому дышать. Дышать и еще раз дышать.

Еще через некоторое время, когда холод уже однозначно окутал плечи и спустился до бедер, Александра аккуратно начала присматриваться к дому. Огляделась по сторонам. Позвала Батиму. Не дождалась ответа и решила обойти здание вокруг. Просто обойти. Сначала заглянуть за угол. Пройти вдоль короткой стены. Заглянуть за второй... И наткнуться на приоткрытую створку, откуда донесся сдавленный стон.

Саша замерла. Сердце быстро забило. Заглянуть? Уйти? Сделать вид, что ничего не заметила? Где-то в темном нутре здания мелькнул огонек. Теплый. Лампа? Новый стон. Глубокий. Протяжный. За спиной зашумели ветки кустарника. Холодный воздух хлестнул по спине, вызвав поток мурашек на коже. А из-за двери пахло теплом...

— Ну, ладно...

Она аккуратно, боком протиснулась в приоткрытую щель, стараясь не касаться двери. Внутри, действительно, было теплее. И звуков тоже стало больше. Чьи-то приглушенные голоса. Неразборчивый шепот, похожий на молитву. Стоны. Огонек располагался где-то в отдалении. Там, где коридор, по которому она пробиралась как можно тише, переходил в комнату.

Сердце громко билось в груди. На лбу выступила испарина. Глупо идти туда, где тебя точно ждут неприятности. Но раз они ждут, разве можно не прийти? Раз ее так старательно сюда привели?

Еще одна дверь оказалась ближе, чем представлялось. Деревянный косяк. Створка. Лампа, висящая у противоположной стены. Тусклый, теплый свет от нее. Запах ладана и сладковатый аромат гниения. К горлу подкатила тошнота, и Саша поспешила закрыть нос и

рот краем платка. А потом медленно заглянула внутрь.

Комната была узкой и длинной. Она наверняка тянулась через все здание. Окна здесь постарались закрыть ставнями, а вдоль стен стояли убогие койки, на которых лежали люди. Кто-то спал или потерял сознание. Кто-то бредил. Кто-то глухо стонал. Ближе всех к входу лежал подросток. Совсем еще мальчишка. Свет четко очертил его худое тело с выпирающими ребрами. И темные пятна, проступившие на коже. Большие. Разных форм. Они смутно что-то напомнили, но Саша не могла вспомнить, что именно.

Мальчик, волосы которого слиплись от пота, вдруг открыл глаза и посмотрел прямо на нее. Девушка замерла, боясь пошевелиться и едва не завопив от ужаса. Сердце ухнуло куда-то в пятки. Глаза у этросса были темными. Без белка и радужки. Лишь сплошная чернота.

Несколько секунд Александра молча таращилась на мальчишку, прежде чем поняла, что его грудь больше не поднимается. А рот приоткрылся, и из него по подбородку протянулась ниточка слюны. Глаза не шевелились. Подросток умер.

Осознания хватило, чтобы тело пришло в движение. Без какого-либо участия мозга или сознания она развернулась и быстро направилась прочь. Выскочила из здания, хватанула ртом свежий, прохладный воздух. Провела ладонью по лицу, отстраненно отметив, что пальцы дрожат. И направилась обратно. До угла, вдоль короткой стены, чтобы на следующем повороте столкнуться с Батимой.

Та отшатнулась, а затем наоборот кинулась навстречу:

— Где ты была? Я уже испугалась, что ты вернулась без меня и все рассказала госпоже Нулефер!

Лучше бы она так и сделала.

— Там люди... Внутри... Люди... Они больны?

В темноте разглядеть лицо девушки не получалось, но та заметно напряглась, а затем сжала ее запястье. Стиснула с неожиданной силой.

— Пойдем. Пойдем отсюда...

По всем законам жанра сейчас следовало бы закатить истерику. Со слезами, соплями, криками и привлечением стражи. Саша уже именно так и хотела поступить, но тащившая ее вперед Батима неожиданно остановилась. Землянка буквально врезалась в нее и оказалась достаточно близко, чтобы различить шепот:

— Притворись, что тебе плохо.

На принятие решения у нее имелась буквально пара секунд. Поверить или нет. Сделать, как велено, или поступить по-своему. Александра выбрала первое и обмякла, повиснув на спутнице...

...Батима дотащила ее до места, где дорожка выходила на основную тропинку, а там резко опустилась на землю, привлекая внимание стражи. Надо признать, она не особенно церемонилась, несколько раз задевая своей ношей ветки.

— Помогите! Ей плохо! Помогите!

Вокруг поднялась суета, в которой Саше уделили особое внимание. Мужчины быстро подняли ее на руки и понесли в сторону нужного дома. Там их встретила встревоженная медрес, начавшая задавать вопросы. Батима отвечала коротко. Голос ее звенел и срывался от волнения. В нем слышались слезы и неприкрытая тревога.

— Мы гуляли... она интересовалась нашими растениями. Мы углубились в дальнюю часть сада и уже возвращались домой, как вдруг... Она обмякла. Я не знаю, может быть, ее ужалила пчела...

Это предположение заставило всех вокруг засуетиться сильнее. Саше оставалось только максимально расслабиться и отстраниться от происходящего.

— Зови рабынь! Ее нужно раздеть и осмотреть! Если это пчела, понадобится противоядие! Быстрее!

Батима, судя по звукам, убежала. Видимо, в этом и крылась цель. Появилось искушение чудесным образом прийти в себя, разогнать всех и остаться одной, чтобы обдумать произошедшее, но... Топот босых ног по полу, и комната наполнилась гомоном голосов. Ее трогали чужие руки. Одежда исчезла мгновенно. Зато появилось тонкое покрывало.

— Укус! Вот! На руке!

Укус? Откуда?! Она едва не начала подниматься, когда на плечи легли руки, удержавшие ее на месте. А уха коснулось теплое дыхание:

— Не сопротивляйся. Антидот безвреден.

Да какого?!

Возмутиться Александра не успела. Плечо кольнуло острой болью, заставившей задохнуться и дернуться.

— Шевелится! Жить будет!

Вот спасибо! Чудесный прогноз, еще бы понимать, что к чему. Неожиданно Саша разозлилась. Ей до смерти надоело быть игрушкой в чужих руках. Да, она не может играть на равных, так как ей не хватает опыта и знаний. Но позволять пятнадцатилетней девчонке водить ее за нос!

Она посчитала спектакль достаточно убедительным и открыла глаза.

— Очнулась!

Оказалось, что вокруг нее едва ли не десяток женщин. Разных возрастов. Темнокожих. С кудрявыми, короткими волосами. С какими-то тряпками и тазиками в руках. В одинаковых, выцветших одеждах.

— Эээ...

Медрес резко хлопнула в ладоши, и с лиц женщин мгновенно пропали улыбки, а глаза опустились в пол.

— Ну, все! Раз укус нашли, разошлись все! Быстро! Ты, — она указала пальцем на одну из рабынь, — принеси закуски на ужин. И кувшин с водой. Скажи на кухне, что гостью укусила пчела.

Женщины покинули комнату так же быстро, как в ней появились.

— Я побуду с ней! Помогу! — Батима положила ладонь Саше на лоб, незаметно надавив сильнее и не позволяя подняться.

Землянка прожгла ее взглядом снизу-вверх, но промолчала. Только робко улыбнулась. Медрес окинула их обеих пронзительным взглядом:

— Я обо всем доложу госпоже Нулефер.

— Конечно...

Улыбка у девчонки вышла так себе. Но это как раз неудивительно, учитывая, что жена эмира вряд ли обрадуется новостям.

Старуха снова на них посмотрела, но все же покинула комнату и прикрыла за собой дверь. Терпения Александры хватило еще на пару минут ожидания, что этросска сейчас вернется. Затем она стиснула запястье Батимы и встретилась с ней взглядом:

— Рассказывай.

Никакого притворства не осталось. Только где-то на задворках сознания билась мысль, что девчонку можно заманить в ванную, а там «случайно» уронить головой об кран. Она мельче. И, пусть и выносливая, но все-таки хрупкая, а на Киорисе Саша научилась лучше владеть телом. Да и ночные уроки с Талией не прошли даром...

— Я тебе не враг. Но... здесь все не расскажешь.

Вырваться собеседница не пыталась. Смотрела прямо и открыто. А еще... играть она тоже перестала. Или же надела еще одну маску.

— Люди в том доме больны?

Этот вопрос волновал больше всего. Точнее, насколько болезнь заразна. И могла ли заболеть она сама? И, если да, то помог ли ей несчастный антидот? Или зачем его ей ввели?

— Да.

Дверь открылась, прервав диалог. Вошедшая рабыня поставила на кровать грузеный поднос, низко поклонилась и вышла, плотно закрыв за собой дверь. Батима соскользнула на пол и задвинула засов. Затем вернулась и села, скрестив ноги, пока Саша пыталась устроиться поудобнее и не опрокинуть ужин. Хотя искушение было велико.

— Еда нормальная. И вода тоже, — девчонка налила себе в чашку из кувшина и выпила половину, затем протянула посуду гостье. — Пей. После антидота всегда мучает жажда.

Во рту уже пересохло, верить этросске не хотелось, но разве она уже не пошла ей навстречу?

На вкус вода оказалась обычной. И тут же захотелось выпить еще, но девушка подавила желание.

— Те люди заразны?

— Нет, — девчонка подобрала с подноса тонкую полоску вяленого мяса и сунула за щеку. Зажмурилась от удовольствия, а потом взглянула на нее. — Болезнь началась на Дунбае. Это второй материк. До моего рождения. Мама говорила: сначала заболела земля, на ней начали появляться странные пятна, потом деревья — они умирали, вместе с ними гибли животные, из рек начала уходить рыба, а вода стала ядовитой. Потом начали болеть люди.

— Это из-за рудников?

Саша вспомнила о добыче какого-то ресурса, который нужен для изготовления космического топлива.

— Нет. Мы давно знали, что добыча римета опасна. Те территории давно не обитаемы.

И там все иначе. Животные живут. Но иногда встречаются странные. С тремя лапами вместо четырех или с дополнительными ушами. Там есть жизнь. А к нам пришла смерть...

Девушка говорила серьезно. Жестко. Как и вчера. Не верить ей не получалось. А злость понемногу уходила.

— Сначала все было медленно. Но через пару лет ситуация резко ухудшилась. Мой народ... Ты ведь уже заметила, что я отличаюсь от ассов?

— Ассов?

— Далила. Госпожа Нулефер. Эмир. Все они — ассы. Мой народ — этори. Наша земля — Дунбай. И теперь она мертва.

— Весь материк?

Недоверие скрыть не получилось. Такого не может быть. Просто невозможно. Это же катастрофа. Тем более скорость, с которой распространяется болезнь. Да как они вообще выжили?

— Я не знаю, остался ли там кто-то живой... Мама росла на Дунбае. Отец забрал ее оттуда незадолго до широкого распространения болезни. Он хотел получить знания этори. Пообещал бабушке, что увезет ее дочь подальше от больных земель. Будет хранить и беречь. Та согласилась. Если бы не болезнь, никто не отдал бы ассу одну из будущих жриц.

— У вас есть жрицы?

— У этори... были. Раньше. Потом их стали называть хранительницами. Потом — знающими. Мама говорила, что от названия суть не меняется. Я тоже стала бы знающей. Наверное... Это те женщины, что помнят сказки нашего народа. Мама рассказывала мне их все детство. Потом заставляла пересказывать. Слово в слово. Потому что у истины не может быть трактований.

— Сказки?

Ситуация становилась все более запутанной, и Саша уже не понимала, для чего ей лишняя информация, но поневоле втягивалась в рассказ.

— Сказки. Легенды. Я не знаю, сколько в них правды, но они были важны для нас. Когда отец понял, что знание этори состоит в историях, он разочаровался. Мама ему надоела. А когда болезнь добралась до Атласа и заболел сын эмира, он попросил ее вылечить его. Мама не смогла. Она не знала лекарства от этой болезни. И никто до сих пор не знает. Наследник умер. Маму казнили.

— Казнили? — во рту снова пересохло, но уже от липкого, противного страха, сжавшего ее тисками.

— Удалили. Милосердная казнь. Она не мучилась. Единственное, что она смогла понять — что люди заболевают, если едят плоды с зараженной земли или мясо животных, что приходят оттуда. Теперь мясо — редкость.

— И все те люди... Обречены?

— Да.

Пятна. Она вспомнила, что видела похожее, когда они пролетали над пустыней. Невидимое излучение, что поражает все живое? Сюда еще не добралось, поэтому нет эпидемии? Но где тогда источник? На Дунбае? И каков спектр излучения, если его до сих пор не обнаружили? Вряд ли на Этре плохая медицина или плохое оборудование. Явно лучше, чем на Земле. И, если они до сих пор не смогли понять причину...

Легче стало лишь частично. По крайней мере, смерть в самое ближайшее время ей не грозит. А дальше...

— Зачем нужен антидот?

— Он нейтрализует яд местных пчел. Неважно, когда его ввели. До или после укуса. А сам укус смертелен для любого, кто не родился на Атласе. Тебе пригодится.

— Так меня не кусали?

По губам Батимы скользнула знакомая улыбка, а в глазах мелькнули искорки смеха.

— В толчее легко принять одно за другое... Этори осталось мало. Мы все помогаем друг другу.

— Этори — рабы ассов?

Лицо девушки исказилось, но она быстро взяла себя в руки.

— Среди ассов тоже есть рабы. Но в последние годы, из-за переселения с Дунбая, почти весь мой народ оказался рабами.

Стоило покинуть Землю, чтобы на другом конце галактики с размаху влететь в межрасовые разборки.

— Твой отец — шейх Данияр?

— Да.

— И почему я должна тебе верить?

Батима пожала плечами. Безразлично. Окинула ее взглядом. Усмехнулась.

— Ты играешь. Я вижу. Потому что сама научилась притворяться. И знаю, что ты видишь меня. Они не видят. Привыкли, что такая, как я — не может быть... помехой. А ты видишь...

Осталось лишь решить, на чем им строить взаимовыгодное сотрудничество. И нужно ли ей вообще это сотрудничество. И... вопросов много. Надо подумать. Потянуть время. Ей ведь плохо должно быть. Да...

Саша взяла с подноса такую же полоску мяса, сунула в рот, сползла пониже, устраиваясь на кровати.

— Я бы послушала сказки твоего народа... Если ты захочешь рассказать.

Девушка пересела ближе, прислонилась спиной к стене, запрокинула голову и закрыла глаза. А потом низким, поставленным голосом начала говорить:

— Много лет назад, когда этори еще ходили по океану, с неба упала звезда...

Земля

Проводив Сергея домой и, сдав с рук на руки матери, Ольга и Креон отравились домой. По дороге молчали. Женщина хмурилась, а еще чувствовала усталость. Поездка по разным районам Москвы ее утомила. Хотелось лечь и лежать, но завтра она обещала приехать снова. Их и сегодня уговаривали остаться, но киориец сумел отказаться, а уставший и какой-то потухший Сережка вообще был не в состоянии общаться.

Дома она устало рухнула в кресло. Зверь тут же положил морду на колени, и пальцы привычно зарылись в мягкую шерсть. Он блаженно прикрыл глаза, позволяя почесывать себя за ухом. Вот кто сегодня не особенно устал и, кажется, даже доволен долгой прогулкой.

— Ты злишься.

— Что?

Ольга подняла взгляд на мужчину, севшего на диван.

— Злишься. На брата Саши.

Утихшее было раздражение всколыхнулось вновь. И как он все замечает?

— Злюсь. У него родители старые, дети маленькие... Нашел время глупостями заниматься.

— Ты не привыкла сдаваться.

— При чем здесь я?

— Потому что других мы, как правило, оцениваем через призму собственного опыта и восприятия. Ты бы так не поступила.

— Если бы я сдавалась каждый раз, когда меня загоняли в угол... Я бы и с того корабля не выбралась.

— Да, но все люди разные. И у каждого свой запас сил. Порой он заканчивается.

Она вздохнула и шумно выдохнула. Глухое раздражение не проходило. Хотелось вернуться обратно, отозвать Сергея в сторонку и высказать ему все, что накипело. Да, он много дел натворил. Но это еще не повод бросать тех, кто от него зависит. Да и вообще...

— Я знаю. Просто... Злюсь. Не люблю чужую слабость.

— Потому что не можешь быть слабой сама.

Ольга вскинулась, чтобы привычно огрызнуться и возразить, но наткнулась на спокойный, открытый взгляд, и замерла. Если так подумать... Да, слабой она быть не умеет. И не может. И помощь ей проще дать, чем принять. Да и много ли в ее жизни было людей, которые стремились эту помощь оказать?

— Не могу. В этом мире нельзя быть слабым. И, когда я в нормальном состоянии, я понимаю, что люди разные, и что не все могут оставаться сильным, несмотря ни на что. Но сегодня я устала. И чувствую себя разбитой. И злюсь на себя. За слабость. За то, что не могу помочь близким. За то, что и себе-то помочь не могу. И, если бы не ты сегодня... не знаю, что бы я делала... Спасибо.

Он не улыбнулся. Только кивнул, принимая благодарность. И, наверное, вот это умение — не впадать в ложную скромность, а принимать свой вклад и правильно его оценивать, ей нравилось. Трезвость ума. Она невольно задержала взгляд на знакомых чертах лица с правильными, четкими линиями. Узкий подбородок. Скулы. Тонкие губы. Тяжелые дуги

бровей. Взгляд.

Встретить она его где-нибудь на улице или на корпоративе, полюбовалась бы издалека, как произведением искусства, и пошла дальше. Такие мужчины — они не для обычной женщины. Которая работает с утра до вечера. Ругается с коллегами. Мечтает о собаке. Общается со стариками. А выходные проводит в свое удовольствие. Которая давно перестала бороться с лишним весом. Цепляться за попадающихся под ноги мужиков. И держать свои мысли при себе, а язык — за зубами. Нет, такие не для нее.

А этот вот сидит. Смотрит. И все-то видит. Понимает. И даже сбежать не пытается.

— Я могу договориться, чтобы завтра нас довезли на катере. По воздуху будет быстрее, и ты не устанешь в дороге. Будет больше сил, чтобы помочь.

Ольга моргнула. Задумалась. И...

— То есть, ты и сегодня мог так сделать?

— Мог, — Креон невозмутимо кивнул. — Но ты бы не согласилась. Захотела бы все сделать сама. Проверить свои силы.

От возмущения приоткрылся рот. И закрылся от досады и осознания, что он снова прав. Отказалась бы. Точно отказалась бы. А потом ждала бы упреков. Типичного «яжеговорил». И злилась еще больше. Нервничала. Накручивала себя. А он просто решил подождать. И вот то ли снова поблагодарить, то ли прибить, чтобы дышалось легче.

Она вдруг почувствовала себя обнаженной. Не в физическом, в эмоциональном плане. Разве так бывает, чтобы кто-то понимал тебя так хорошо? Чтобы думал и делал все для тебя и твоего комфорта? Даже эмоционального. Разве...

— И как ты все понимаешь... — разочарованный вздох сдержать не удалось.

Ольга встала, решив поставить чайник и попить чай. Привычная возня на кухне успокаивала. Да и мысли глупые в голову больше не лезли. Она остановилась у окна, глядя на вечернюю Москву, постепенно возвращающуюся к жизни.

Не надо к нему привыкать. Он уедет. Вернется домой. А она, взрослая самостоятельна женщина, будет заново привыкать к жизни уже без него. И... глупо влюбляться в принца, когда тебе немного за тридцать...

— Я тебя обидел?

Голос раздался над ухом и заставил вздрогнуть.

— Извини, если что-то не так. Я плохо разбираюсь в эмоциях. И в людях тоже, — он вздохнул, и теплое дыхание защекотало шею. Ты немного похожа на мою сестру. Характером. Она тоже не любила сдаваться. И я сделал вывод, исходя из того, какой была бы ее реакция. Я ошибся?

— Нет. В том-то и дело.

Сестра там или нет, но он видел ее насквозь, а сам при этом оставался загадкой. И продолжал удивлять. Каждый долбаный день.

— Я согласна на катер. И... я не обиделась. Просто устала. День был... долгим.

— Тогда я заварю чай и сыграем в «Монополию»?

И вот как на него злиться?..

Этра

...Очередную сказку пришлось прервать. Саша встала с кровати и прошлась по комнате, пытаясь уложить в голове услышанное. Да, на первый взгляд знание этой истории выглядело

обычными легендами, которые вряд ли бы заинтересовали столь практичного человека, как Данияр, но...

— Какая последовательность у историй?

— Последовательность? — Батима непонимающе хлопнула ресницами. Кажется, впервые сделав это естественно, а не ради игры на публику.

— Да. В первой истории ты рассказывала об упавшей звезде, после которой началась новая эра для этори. Правитель, объединивший племена, родившийся под звездой и так далее. Это все замечательно, но во второй истории говорится о болезни, поразившей Дунбай. Павшие звери. Почерневшая земля. Кровавый дождь, сделавший воду в реке ядовитой. Тебе это ничего не напоминает?

Темные глаза расширились от осознания. Рот приоткрылся.

— Но...

— Ты говорила об исцелении. Когда это было: до или после падения звезды?

— Я не... понимаю. Какая связь?

— Просто скажи. Подумай. Может быть, в других сказках есть указание на время событий. Не пересказывай. Просто подумай. Ты знаешь каждое слово этих легенд. Болезнь и звезда. Когда болезнь ушла?

Девушка нахмурилась. Задумалась. Губы ее беззвучно зашевелились. Она закрыла глаза и переплела пальцы обеих рук. А Саша развернулась к шкафу и достала оттуда свободную рубашку, которую натянула на голое тело. Ноги вставила в тапочки. Волосы расчесала.

Звук собственного сердца гремел в ушах, а жажда действий мешала сидеть на месте. Если все так, как она поняла... То это останется всего лишь несчастной гипотезой. И все равно ни черта не ясно. Но... желание разгадать загадку стало нестерпимым.

— В легенде употребляется слово, — медленно заговорила Батима, хмурясь и раскрыв глаза. — Для обозначения племени. Старое. Раньше я думала, это потому, что сказка старая. Но... после объединения племен, употреблялось иное название. А это слово звучало до. Значит, болезнь началась еще до падения звезды. А вот исцеление... наступило после. В конце сказки слово меняется. Но что это значит?

Саша медленно выдохнула, умирив бешеный пульс. Если она не придумала себе ничего лишнего, то Археосы создали не только Киорис. Но, там им повезло — планета, судя по всему, была необитаема. А здесь... Умирала?

— После объединения племен правитель наложил табу на хождение в море, так?

— Да, — девочка кивнула.

Еще одна общая черта. Киорийцы плавали по морям, но не изучали недра, а здесь... Совсем перестали плавать. Почему? Чтобы не обнаружили второй материк? А что происходило на нем? Откуда пришла неизвестная болезнь? Могло ли быть так, что ее источником стал Атлас, а Археосы, оказавшись здесь, спасли планету от гибели и принесли с собой ассов? Но тогда почему на Этру не наложено ограничение в эмоциях? Или... энергия Археоса уходит на контроль. Что, если на Этре контролировать пришлось нечто иное? А люди остались предоставлены сами себе? И из-за войны контроль пропал. Или... Двадцать лет прошло с момента ее окончания. Болезнь на Дунбае началась до рождения Батимы. Сроки сходятся. Что, если во время войны Археосы погибли? И то, что они остановили, началось снова?

Саша обхватила голову руками, чувствуя, что она сейчас просто развалится от теорий и предположений. В любом случае, что это ей дает? Кроме теории происхождения жизни на

Этре? Ядро. Если здесь были Археосы, на дне океана должны находиться ядра. Это источник энергии. И космических перемещений. И... если он окажется в руках такого, как Данияр...

Ее прошило холодным потом. С губ сорвалось судорожное дыхание. С другой стороны. Этроссам нужно переселиться на другую планету, потому что их умирает. Если объяснить, что им не нужно завоевывать Киорис, чтобы получить источник энергии... Что все это время он был у них под носом. Может быть, войну удастся остановить?

Она снова вскочила не в состоянии оставаться на месте. Взглянула на Батиму, наблюдавшую за ней настороженно и подозрительно.

— Я... мне нужно...

Дверь неожиданно распахнулась с такой силой, что засов вырвало из стены. В комнату ворвалась стража. Сашу схватили и куда-то потащили.

— Отпустите! — она попыталась вырваться. — Что вы делаете?! Я — гостя шейха Данияра!

Мужчины заломили ей руки, заставив согнуться пополам, и потащили по коридору. Батима осталась в комнате.

— Мне нужно поговорить с шейхом!

Боль в запястьях стала невыносимой, и девушка замолчала, решив дождаться более удобного случая. Где-то за спиной раздался душераздирающий крик, заставивший похолодеть.

На лестнице Саша едва не упала, но мужчины даже не обратили на это внимание. Ее выволокли на улицу и потащили по освещённой дорожке. Куда-то в сторону от жилых Домов. К хозяйственным постройкам. Если она правильно запомнила. Соппротивление не имело смысла. Александра затихла и молча ждала, что будет дальше.

Спустя минут десять бешеной ходьбы, они оказались в каком-то здании, спустились в подвал. Холодный воздух с привкусом гнили ударил в ноздри. Она невольно дернулась, но боль сразу же отрезвила. Затем раздался скрежет, и в следующую секунду ее бросили на каменный пол. А затем захлопнули... решетку.

— Какого?... — она скорее удивилась, чем испугалась. Подскочила на ноги. Огляделась, понимая, что заперта в примитивной камере без окон с деревянной полкой на стене вместо кровати. С железным унитазом в углу. И с решеткой вместо одной из стен и двери. — Эй! Выпустите меня! Мне нужно поговорить с шейхом!..

Она же нашла выход. Она почти все поняла. Нужно просто объяснить этому заносчивому, жадному до власти ублюдку, что выход есть!

Но никто ей так и не ответил...

...— Далила не доставила тебе проблем?

— Великий шейх очень внимателен ко мне.

Филис сдержанно улыбнулась, принимая из рук мужчины чашечку с кафрой. Атмосфера гарем ей не нравилась. Шепот, улыбки, многозначительные фразы... Неприкрытая ревность младшей, а судя по некоторым обмолвкам с недавних пор — единственной жены шейха. Далила не доставила проблем лишь по очень простой причине — не успела. Но киорийка не сомневалась, что еще познакомится с ее темпераментом. Слишком уж нетерпелива этросска. Хочет насладиться победой и всесторонним вниманием мужа. А тот, забрав в поездку наложницу, неожиданно вернулся с пленницей, которой уделяет слишком уж много внимания. Как тут утерпеть?

Даже понимая мотивы ее поступков, Филис совсем не желала сближаться с женщиной. Да и невозможно это. Не на Этре.

— Вижу, она тебя утомила. Хочешь, отошлю ее прочь?

Опасный вопрос. И рабыня, принеся поднос со сладостями, замирает. Слушает. А потом расскажет той, кому служит. Жене ли эмира или кому-то еще? И, конечно, служанки обсуждают между собой все, что происходит в Домах. Слуги знают все. Это известно еще из истории.

Филис пригубила напиток, рассматривая довольного мужчину. Он хотел показать ей, что она значит больше, чем думает. А еще донести до всех во дворце, что дорогая гостья крайне ценна для него. И даже, возможно, претендует на нечто большее...

Дешевый фокус, который может стоить ей жизни. Ведь в гареме всякое случается. Необдуманно или сознательно? Данияр хочет вынудить ее принять некое решение?

Проводив взглядом удалившуюся рабыню, женщина заметила:

— Я и не знала, что на Этре есть представители другой расы.

Она отметила темный цвет кожи и отличия в строении черепа. Происхождение у двух народов явно различалось. И вставал лишь один вопрос: почему до сих пор об этом никто не знал?

— Этори примитивны. Они верят в старые сказки. Живут по заветам предков. Города не строят. В море не выходят. До тех пор, пока мы не начали исследовать планету и не наткнулись на них, племена представляли жалкое зрелище. Это теперь они умеют пользоваться технологиями, но сами почти ничего не изобретают. И верят, что их *хранительницы* владеют некими древними знаниями. По сути же все это чушь и суеверия...

Пренебрежение к чужой культуре. Расовые предрассудки. Порой кажется, что ниже падать уже некуда, но жизнь всегда способна удивить. Филис не знала, какими именно знаниями могут владеть так называемые хранительницы, но не отказалась бы поговорить с одной из них. Ведь каждая культура начинается с древних легенд и сказок. И порой в метафорических образах кроются весьма интересные знания...

— Я видела в гареме юную девушку. Этори. Она точно не рабыня.

— Батима? — Данияр усмехнулся. — Давным-давно мне было любопытно узнать, что из себя представляют этори. Я взял ее мать в жены. Она оказалась... обычной.

Глаза его оставались холодными, а сама фраза говорила больше, чем ей хотелось бы услышать. Так будет и с ней, в том случае, если придется принять предложение шейха.

Каким бы оно ни было. Рано или поздно он потеряет интерес и... Убьет? Придумает иной способ избавиться? Та девочка. Она не сказала ни слова правды. И так умело притворялась, вытаскивая мачеху... Несчастное дитя, которое никогда не станет своей в мире Этры. Той Этры, которую Филис знала.

— Великий шейх любит экзотику...

— Что-то необычное. По своей сути я искатель. Исследователь. Мне интересно познавать новое. И применять знание на практике. Полагаю, ты уже это поняла.

О да, она достаточно услышала в тронном зале, когда шейх говорил с эмиром. И о странной болезни, убивающей оба материка и их жителей, и о поражении этроссов при Пескаре, и о планах направить оставшуюся часть флота в наступление на Киорис. Тогда она думала, что живой из зала уже не выйдет. Ибо тех, кто так много знает, не оставляют в живых. И теперь, надежно повязав ее этим знанием, шейх решил перейти в уверенную атаку.

— Я искренне восхищаюсь вашим умением находить выгоду для этроссов в любой малости.

Рассказ об Археосах — вовсе не малость, и для этроссов открывает большие возможности, но... Она уже устала ждать и решила несколько подстегнуть беседу.

Данияр усмехнулся, а затем что-то сделал со своим браслетом. Личный коммуникатор служил не только средством связи, но и индикатором жизненных показателей. Такие носили в основном мужчины, облеченные властью. Если что-то случалось, тревожный сигнал немедленно поступал ближайшим охранникам или стражам порядка, и они являлись нести справедливость и спасение, как говорили на Этре.

— Эмир болен, — он отставил чашку и встал. Потянулся, распрямляя спину. Прошелся по комнате. — Скоро он отправится следом за сыновьями. А его наследник... избалован. Никто не думал, что ему достанется трон, поэтому... не готовили. Не воспитывали. Эмир призвал дочерей и их мужей. Теперь все ждут, что на празднике он назовет наследником кого-то из них.

— И тебе это не нравится...

Несложно понять, куда клонит амбициозный мужчина.

— Не нравится... До праздника еще полторы декады. Флот вооружен и готов к вылету. Силы Киориса разделены между Пескаром и Землей. Не говоря о стычках с Раххом, и которые им пришлось ввязаться. Идеальные условия для удара. Если я вернусь с победой...

Смена династии. Новый, овеянный славой правитель Этры. Умный. Сильный. Опасный Тот, с кем придется считаться. И тот, кто сможет согнуть Совет Безопасности на свою сторону. Но только если победит...

— Эмир доверит тебе флот после... Земли?

Мужчина ожег ее недовольным взглядом. Напоминания о собственных ошибках он не любит. А ведь стоило бы уже понять, что не нужно воевать с Киорисом. Путем переговоров и дипломатии можно добиться куда лучших результатов. Ведь, узнай императрица о сложностях Этры, и гуманитарная экспедиция гиатросов немедленно прибыла бы на планету для исследований и поиска лекарства. Но этроссы не умеют просить о помощи.

— Военачальник, потерпевший поражение при Пескаре, является отцом мужа старшей дочери эмира. Из кораблей, отправившихся туда, не вернулся еще никто. И вряд ли вернуться. Зная уважаемого Тармида, предположу, что он предпочел погибнуть в бою, нежели вернуться с позором. Его сына трона не видать. Семьи, в которые вошли младшие дочери, поддерживают меня. И... зависят от моих решений. Остальным пока не удалось

набрать достаточно союзников для превосходства. К тому же эмир привык ко мне. А он, в силу возраста, не любит перемены.

Что ж... Отношение, как и положение, не возникают на пустом месте. Амбиции тоже. И все действия уважаемого Данияра уже давно подчинены лишь одному стремлению — забраться как можно выше. Править. Сначала планетой, затем — Советом Безопасности и далее всем, до чего дотянутся руки.

История Киориса уже знала военачальника с такими же стремлениями. Деяния его подробно разбираются и изучаются. А сам он является первым императором и основателем династии.

— И ты уверен в победе?

— У меня есть твоя подопечная, — этросс улыбнулся. Неприятно, но искренне. — Избранница принца. Как ты думаешь, каково будет киорийцам воевать, зная, что она на одном из кораблей? Я могу устроить торг за ее жизнь и свободу. И пока будут идти переговоры, мои корабли направятся к поверхности планеты. Мне нужен Археос. Живой или мертвый... Без разницы. Но мне нужно то, что он хранит в себе. Киорийский корабль для понимания основных принципов работы у нас уже есть, как и пилот. Он же достаточно разбирается в инженерии, чтобы отремонтировать свою птичку? Вот и послужит на благо Этры. Видишь ли... Для победы мне не нужно уничтожать твою планету или даже убивать кого-то из твоих соотечественников. Лишь забрать одного водного монстра и привезти его на Этру.

Ложь. Точнее... Недосказанность. Ведь до тех пор, пока существует Киорис, Этра будет видеть в нем соперника. И только уничтожив, сможет успокоиться.

— Что же требуется от меня?

Мужчина подошел и опустился на колени возле ее кресла. Искренний порыв, достойный быть воспетым в сказке или песне. Вот только в него не верится. Нисколько.

— Поддержать меня. Быть рядом. Если ты примешь участие в переговорах, покажешь, что Этра может быть милостива к врагу. Расскажешь, что видела и о чем знаешь, разве ваша многомудрая императрица не услышит? Разве она не проникнется словами той, что многие годы отдала служению планете? Разве ты не можешь быть убедительна?

— Я смогу рассказать о болезни. И о необходимости новых кораблей для Этры. Возможно, императрица поймет. Тогда вам не придется ловить Археоса. Не проще ли наладить торговлю?

— Киорис никому не продает свои ядра, — он недоверчиво прищурился.

— Но здесь случай особенный. Вам грозит смертельная опасность, — Филис коснулась щеки мужчины кончиками пальцев, и он перехватил ее запястье. Прижался губами к тыльной стороне ладони.

— Ты сможешь убедить ее?

— Я могу попытаться. Но Киорису понадобятся гарантии. Окончание войны. Ты должен будешь обещать, что новый мир продлится долго... Иначе все переговоры пойдут прахом.

— Я не могу говорить за всю Этру. Но, получив образец для опытов, я смогу убедить эмира. И тогда путь мира будет открыт для нас.

До тех пор, пока Этра не создаст достаточно кораблей и вооружения, чтобы вступить в новый конфликт. Бывшая жрица читала это в глазах шейха также легко, как когда-то исторические летописи.

— Думаю, взамен на образец, императрица потребует отпустить Александру. Это будет

справедливый обмен. Пойдешь ли ты на это?

Данияр нахмурился, обдумывая ее слова. А затем медленно кивнул.

— Справедливо. Но ты останешься со мной. Как и тот капитан.

Ложь. Снова. Он не собирался отдавать Сашу, понимая, что останется без единственного козыря на руках.

Филис улыбнулась.

— Я останусь.

— Значит, ты согласна отправиться со мной?

Если она откажется, шейх заберет землянку, а ее бросит здесь на растерзание жене. Шансы выжить есть в любом случае. И даже есть маленький шанс на то, что киорийцы победят, Саша выживет, а ее освободят... Когда-нибудь. Но эмир может не дожить до праздника. А в отсутствие шейха здесь начнется грызня за власть. Полетят головы. Многие погибнут.

— Полагаю, у меня нет выбора, — мягко заметила она.

Он ответил улыбкой, но не стал откровенно лгать, заверяя ее в свободе. Нет. У шейха имелись строго определенные цели. На нее. На Сашу. На трон. И им обоим предстояло стать лишь ступеньками к заветной мечте. А затем погибнуть, сыграв свою роль.

Филис встала, окинув комнату взглядом. Сегодня шейх пригласил ее к себе. И это тоже не останется незамеченным. Просторная гостиная утопала в подушках. Но они, хоть и манили своей мягкостью, не вызывали должного восхищения. Киорийка заметила дверь во внутренние покои и направилась к ней, позволив мужчине наблюдать и выбрать — стоит ли отправиться следом.

Дверь открылась легко, и за ней ожидаемо оказалась спальня. Работал Данияр в другом месте. Она обернулась, легко отыскав взгляд мужчины, а затем, плавно покачивая бедрами, направилась к кровати. Платок упал на ковер первым. Затем слетели домашние тапочки. Следом за ними отправилось простое платье из алой ткани. И вот она уже опустилась на расшитое покрывало, закинув одну руку за голову и устраиваясь с комфортом.

Шейх наблюдал за ней, стоя в проеме. Жадный взгляд скользил по коже. Ощупывал фигуру. Ласкал и брал, пока мужчина решался подойти. Победа неожиданно показалась ему чересчур легкой. И вызвала нотку разочарования.

Киорийка приподнялась на локтях:

— Договор стоит скрепить, не так ли?

Пусть лучше думает, что нашел хорошего союзника. Вспомнит, почему вообще решил к ней обратиться.

Этросс усмехнулся и взялся за стежки кафтана. Он приближался медленно, позволяя себе насладиться предвкушением, а ей — открывающимся видом. Да, он был сложен хорошо. И сохранил фигуру и силу, похвальную для его возраста. Возможно, в другом месте и в другой ситуации она смогла бы разделить с таким любовником страсть и даже получить удовольствие, но... Война диктовала свои правила.

Мужчина наступил коленом на постель, оставшись лишь в нижнем белье, которое не спешил снимать. Он навис над ней. И Филис приглашающе раздвинула бедра, согнув ноги в коленях. Опустилась головой на подушку, наблюдая за реакцией Данияра из-под ресниц. Его ладонь скользнула по голени вверх. Задержалась на колене. Пальцы сменили губы, оставив на коже поцелуй. Он не торопился. Ладонь заскользила вниз по бедру. Прошлась в короткой ласке по чувствительно месту. Затем по животу, медленно подбираясь к груди, на которой

сосредоточился взгляд...

Все изменилось в одно мгновение. Филис резко дернула его ладонь на себя, вынудив мужчину потерять равновесие и упасть вперед. Одну ногу закинула ему на плечо, прижимая шею, вторую — на спину, блокируя вытянутую руку. Закрыла замок, скрестив лодыжки. Ладонью прижала голову, мешая вырваться, а свободной рукой дотянулась до колена, удерживая мужчину на месте и не позволяя выпрямиться. Затем надавила лодыжками вниз. Несколько секунд она смотрела в удивленные глаза, а затем шейх потерял сознание.

Киорийка продолжала душить его до тех пор, пока в спальню не ворвалась стража и не оттащила от нее безвольное тело. Один из мужчин попытался помочь шейху, но было уже поздно. Данияр умер.

...Ночь прошла сумбурно и тихо. Никто к Саше не приходил. Как оказалось, в подвале она вообще единственная заключенная. Стража, хлопнув решетку, осталась где-то снаружи. Одеяло, покрывало или хотя бы воду ей тоже никто не принес. Помучившись от неизвестности, девушка свернулась клубком на жесткой доске, подтянув колени к груди, и забылась тяжелым, муторным сном.

А проснулась от протяжного скрипа двери. Распахнула глаза, поморгала, приходя в себя, потянулась, разминая до боли затекшие мышцы. Кое-как встала. Свет в помещении был тусклым и ничем не отличался от вечернего. Понять, сколько она спала, было невозможно. Но стоило увидеть, кто к ней пожаловал, и сонливость мгновенно улетучилась.

За решеткой стояла Батима в чистом белом платье и платке. На Этре белый означал траур. Саша сглотнула и медленно встала. Подошла к решетке, предчувствуя неясную угрозу.

— Что случилось?

Голос после сна хрипел. В горле пересохло. В глаза будто песка насыпали.

— Моего отца убили, — тихо ответила этори, не поднимая красных, опухших глаз.

— Что?

Поверить в услышанное оказалось сложно. Информация просто не укладывалась в голове. Никак.

— Как убили?

— Жрица Киориса. В постели, — все так же тихо отвечала девушка.

— Филис?

Саша шагнула ближе и схватилась за прутья решетки. Сердце сорвалось с места в карьер. Губы пересохли.

— Она не могла... Нет... Скажи мне, что она не могла...

— Она его убила, — Батима подняла на нее прямой, холодный взгляд, без малейшего признака сожаления или горя. И он лучше всяких слов убедил в истинности слов.

— Поэтому меня посадили сюда? — чуть заторможено продолжала спрашивать землянка, пытаясь сообразить, что делать. И как? И... Почему? Что могло случиться такого, что Филис решилась на убийство? На Этре. Где женщин...

Желудок завязался узлом. Болезненный спазм заставил согнуться и прижаться лбом к прохладным прутьям. Саша тяжело и поверхностно задышала, переживая приступ. Батима качнулась ей навстречу.

— Когда эмиру доложили, он приказал тебя отправить сюда, — быстро зашептала она. — Мне сказали, как только тебя забрали. Я не знала раньше...

Верить? Не верить? Какая теперь разница?

— Что будет с Филис?

Александра поймала взгляд темных глаз. Хотелось закричать, но она сдержалась. Этори смотрела прямо, но теперь с едва заметным сожалением.

— Ее казнят за убийство шейха. Мне жаль.

— Нет...

Теперь свело не только желудок, но кажется вообще все внутренности. Жрица не могла не знать, что с ней будет. Просто не могла! Но как она тогда допустила такое? Как решилась? Как... Зачем???

Саша хватанула ртом воздух и рывком подняла голову, прижалась к проклятой решетке.

— Ты можешь сказать эмиру, что мне нужно с ним поговорить? Я кое-что знаю. Я могу рассказать ему. Не нужно будет воевать с Киорисом...

— Эмир слег, — тихо и безжалостно добила ее девчонка. И теперь в глазах ее виделась жалость. — Он очень плох. Со дня на день все может решиться...

— Но кто-то же сейчас принимает решения?!

Она тряхнула чертову решетку, но та даже не шевельнулась. А собеседница покачала головой.

— Все сложно... Мужья дочерей эмира ссорятся из-за власти. Наследник... Все плохо. Понимаешь? Отец мог их успокоить. Сдержать. Эмир ему верил. А теперь...

— Нет... Нет! Когда состоится казнь? Что... Что они с ней сделают?

Печальные карие глаза. Тихий вздох. Слова, лежащие на плечи неподъемным грузом:

— На закате. Сейчас отца готовят к церемонии. Убийцу должны бросить в костер убитого.

Воздуха резко перестало хватать. Как будто в камере его выкачали. И во всем подвале. Перед глазами потемнело. Свет пропал, но Саша усилием воли не дала себе свалиться в беспомощность.

— Этого нельзя допустить. Нельзя... Кто-нибудь может это остановить?

— Это закон. Его нельзя остановить. Никак.

По голове будто ударили пыльным мешком. Реальность казалась тусклой. Размытой. Будто картонной. Дышать получалось только невероятным усилием воли. Грудь заболела. Девушка медленно опустилась на каменный пол. Ноги стали ватными и не держали.

— Так не может быть... Не может... Она не могла... Так нельзя...

Мысли начали путаться. словно она снова оказалась на киорийском корабле. Столкнулась с Байоном и вдруг все осознала. Только теперь рядом не было ни Икара, ни Клео, ни... Филис.

— Она — жрица. Пленница. Ее не могут убить. Так нельзя.

— Сейчас я пойду к ней, — едва слышно прошептала Батима. — Хочешь что-нибудь передать?

Передать. Что? Филис знала, что ее убьют. Почему решилась на это? Неужели не видела другого выхода? Что там случилось? Данияр хотел ее изнасиловать? Нет. Он бы не стал. Жрица была ему нужна. Зачем? Чего он хотел? И что теперь будет? Эмир умрет? Шейх сдерживал наследников. Начнется грызня. Хаос. Хаос ослабляет страну. Да. Внутренние разборки всегда ослабляют страну. Во время войны хаос может быть фатален... Этого она хотела? Поняла, что Данияр играет важную роль и... убрала его с доски? Как фигурку в той игре. Одним ходом обезглавила Этру. Кто теперь возглавит армию? Кто будет командовать войсками? Наступлением? Принимать решения?

«...Наши воины тоже гибнут раньше положенного срока. И иногда в бою им приходится принимать сложные решения, которые могут привести к гибели. Каждый решает, что для него важнее — собственная жизнь или Киорис...»

Киорис. Для нее он был важнее. Она все понимала. И сделала все для своей планеты. Раньше в приоритете было спасение самой Сашы, теперь же речь шла о планете. Неизвестно, что произошло, но выбор был очевиден. А значит...

— Передай ей, что я справлюсь...

Голос звучал глухо. А внутри стало пусто. Холодно. Если Филис казнят, она останется

одна. На чужой планете. В лапах врага. Байон? Жив ли он еще? Оставят ли его живым после сегодняшнего? Увидит ли она его снова? Все неважно. Уже неважно.

Батима коротко кивнула и сдавленно произнесла:

— Я постараюсь прийти вечером.

Потом она ушла. Пронзительно скрипнула дверь. Закрылась со стуком. Стало тихо. Как в могиле.

Саша сидела на полу и дышала. Медленно. Ровно. В голове царила звенящая пустота. А где-то внутри начала зарождаться безумная надежда на то, что все еще исправится. Как-нибудь. Может быть, сейчас киорийский корабль уже мчится сюда и к вечеру будет на орбите. Может быть, они успеют в последний момент, и Филис останется жива. Их спасут. Заберут домой. Туда, где тихо, спокойно и уютно. Где нет камер. Казней. Войны.

Отчаянно захотелось закрыть глаза и проснуться. Пусть все окажется сном. Кошмарным, безумным сном. Пусть она проснется. На Киорисе. С Икаром. Пусть никогда больше его не покинет. Или... Она согласна даже на Землю. Пусть не было того взрыва. Пусть Талия осталась жива. А она, Александра Владимировна Светлова, так и живет на Земле, своей тихой, серой жизнью. Только... Только бы ничего этого не было. Только бы Филис осталась жива...

Лицо стало мокрым. Горло перехватило так, что звуки не проходили. Рыдания оставались где-то внутри. Разрывали грудную клетку болью и страхом. Отчаянием от собственного бессилия. От смеси надежды и ужаса.

Спустя какое-то время Саша встала и медленно, словно старуха, дошла до доски. Легла, снова прижав колени к груди. Отвернулась к стене. Закрыла глаза. Пусть она уснет и проснется в другом мире, где больше не будет боли. Пусть... Господи, да пусть с ней случится все, что угодно, но разве другие заслужили? Ольга, которую едва не убили. Филис. Байон. Сережка... Неизвестно, что творится на Земле. Родители. Дом... Лучше бы она тогда умерла. Поплакали и забыли. А теперь...

Ее кидало из крайности в крайность. От надежды до бездны отчаяния. От агонии и самобичевания до холодного анализа ситуации с просчетом разных возможных исходов. От желания кричать до тихого скулежа в уголке.

Голова болела. Кожу на лице стянуло. Глаза опухли. Несколько раз она пыталась докричаться до стражников. Требовала принести воды. Позвать кого-нибудь. Хоть кого-нибудь... Никто не приходил. И само по себе одиночество становилось худшей пыткой. Не с кем разделить ни боль, ни злость, ни страх. Не на кого спустить эмоции. А держать в себе...

В какой-то момент отчетливо захотелось разбить голову о стену. Камни твердые. Шершавые. Будет больно. Зато потом ничего. Тишина. Покой. И никаких больше смертей. Вот только она обещала Филис, что справится. Справится.

Саша не знала, сколько прошло времени, прежде чем буря внутри немного улеглась. На смену вулкану эмоций пришла апатия. Она снова легла на лавку. Теперь уже лицом к решетке, чтобы дожидаться прихода Батимы. Придет ли она? Обманет? И много ли правды в ее словах? Стоит ли ей доверять?

Вопросы были ленивыми. Обдумывать их не хотелось. Ощущение времени стерлось полностью. А потом снова пронзительно заскрипела дверь. Тихие шаги по коридору. Белый силуэт.

Землянка встала и подошла к решетке на автомате. Ноги едва шевелились. Кажется, она уже сутки не ела. И не пила. Батима взглянула на нее пустыми глазами. Сглотнула. Облизала

губы.

— Церемония закончилась. Рабыни собирают пепел.

Пепел. Костер. Снова замутило. От голода или отвращения? Непонятно.

— Их сожгли вместе.

Слова доносились словно через вату. Чуда не случилось. Никто не прилетел. Их не спасли.

— Возьми. — Тонкая ручка протиснулась между прутьев и сунула ей маленький флакон. — Это вода. Чистая. Я постараюсь найти кого-нибудь, чтобы отдали приказ тебя кормить. Иначе...

Смерть от голода. Говорят, не такая уж и страшная. Легче, чем сгореть заживо. Воду она взяла тоже на автомате. Кивнула. Направилась к кровати. Батима постояла еще минуту, а затем ушла.

Саша молча смотрела в стену, сжимая в руке флакон. Небольшой. Там всего-то грамм пятьдесят или семьдесят. Не так уж и много. Яд? Может, так даже лучше? Не мучиться. Не ждать, что будет с ней. Что решат неведомые этроссы. Что...

Талия вышла из стены напротив и остановилась, скрестив руки на груди.

— Значит, смерть Филис была напрасной? Ты сдашься и позволишь им победить?

— Они уже победили...

— Если ты так думаешь, то конечно.

— Уходи...

Не хватало еще поругаться с призраком.

— Не могу.

— А где ты тогда была раньше?!

Неожиданная злость заставила подняться.

— Где тебя носило?! Если бы ты была здесь!

— Ничего бы не изменилось... И ты это знаешь.

Ее слова словно волнорез, о который разбилась ее злость. Бессилие и горечь остались. Грудь вздымалась и опадала. Внутри словно раскрылся прямой проход в ад. Жар. Ярость. Боль.

— Убирайся. Не хочу тебя видеть.

Призрак растворился в воздухе.

Пальцы сжались на несчастной бутылки. Саша взглянула на флакон. Зубами выдернула пробку. Выплюнула. Одним махом выпила все содержимое. Вода. По крайней мере, по вкусу. Просто вода. И есть хочется. Желудок свело от боли. А та подстегнула злость. Ярость, от которой перед глазами все краснеет. Голову будто сдавило тисками. А с губ сорвался вой. Сначала тихий, он становился все громче, эхом отдавался от стен. А затем перешел в рев...

Земля

...Золотистый блинчик, аккуратно обжаренный с обеих сторон, лег на тарелку. А на раскаленную сковороду потекло тесто, равномерно распределяемое привычными движениями. По кухне витал приятный аромат еды. В кастрюльке мирно побулькивали щи. В духовке доходила курица в сметане. Еще бы компот сварить, и полный комплект. Но время для ягод еще не подошло, а мороженные у Сашиных родителей кончились.

Ольга перевернула очередной блин, прислушиваясь к подозрительной тишине в квартире. Анну Ильиничну они сегодня отправили к мужу — все равно волнуется и дома места себе не находит. Так пусть лучше съездит и с врачами поговорит. И ей спокойнее, и на кухне мешать не будет.

Сергей после вчерашнего напоминал призрака. Читать ему нотации расхотелось. Жалость перевесила. А вот приставить к делу получилось. В магазин они с Креоном сходили. Продукты в четыре руки принесли. Потом уборкой занялись, а полчаса назад, когда блюда подходили к последней стадии готовности, забрали из садика детей. Поэтому тишина и напрягала.

Блин присоединился к стопке уже готовых, а на сковороду вылились остатки теста.

С утра Сережка еще сторонился киорийца. Смотрел искоса. Больше молчал, но потом любопытство взяло верх, и во время уборки им уже порой приходилось напоминать о цели происходящего, иначе тема разговора слишком увлекала. Мужики... Ученые.

А теперь вот тихо... Странно.

Последний блин плотной шапкой укрыл остальные, плита была выключена, а посуда отправилась в мойку. Через пару минут, вытирая полотенцем руки, Ольга заглянула в гостиную, где должны были находиться дети и мужчины.

Они и находились. Земляне, все трое, сидели рядом на полу, с одинаковым выражением восторга наблюдая, как Креон быстро что-то выплетает из бисера. Когда он взял с собой коробку, женщина даже не стала спрашивать зачем. Надо, значит, надо. Пусть берет. С утра мутное состояние и тяжелая голова мешали думать. Но короткий полет над столицей, а потом домашние хлопоты будто вдохнули в нее новую жизнь...

Ольга замерла, наблюдая, как ловкие пальцы, каким-то хитрым образом переплетя леску, нанизывают бусины одну за другой. Зеленый. Белый. Черный. И вот уже на ладони лежит крохотный крокодилчик. С маленькими лапками. Глазками. И хвостиком. А потом он встает рядом с... львенком? Нет, ликосом.

Зрители разразились аплодисментами и восторженными воплями. Арей, дремавший тут же, в углу, поднял морду и широко зевнул. Заинтересовано повел носом в ее сторону, но Ольга не заметила...

Смотрела, как радуются дети, сравнивая две фигурки и споря, кому какая достанется. Как неуверенно улыбается Сергей, к которому вернулись краски. Как спокойно и, кажется, немного снисходительно наблюдает за ними принц. А в голове... Ох, в голове царили глупость пополам с фантазией. Последнее время она у нее что-то разыгралась. И все не в ту сторону.

Женщина вздохнула, повесила полотенце на плечо и громко скомандовала:

— Ужин готов. Быстро всем мыть руки.

Дети промелькнули мимо в считанные мгновения, отец поспешил за ними помогать, а Креон задержался, убирая бисер обратно в коробку. Поднял взгляд на нее, застывшую в дверях.

— Все хорошо?

Серьезно. Спокойно. Как будто они уже лет десять знакомы. И смысл, который он вложил в простой вопрос, понятен. Хорошо ли она себя чувствует? Все ли получилось с обедом? Как настроение?

— Да. Хорошо.

Ее ответ был таким же многогранным. Она в порядке. Настроение тоже. И с обедом справилась, хотя он и хотел помочь. Но пришлось отказаться, так как сегодня у них были разные роли. И она вряд ли бы справилась с тем, чтобы отвлечь Сергея и занять детей. Сил бы не хватило. Она и готовила-то никуда не торопясь. С перерывами. Чаем. В медленном, размеренном темпе.

Мужчина кивнул. Такой собранный. Серьезный. Захотелось растрепать ему волосы. Растормошить. Прикоснуться. Нет, плен на ней все-таки сказался. Необратимо. В мозгах точно что-то не так стало.

Ольга развернулась и пошла на кухню. Ей еще на стол накрывать. Кормить всех. Как раз дурь из головы выветрится...

...Выветрилась. За едой в основном отвлекались на детей. Арея, решившего, что без него тут никак не обойтись. На фантазии времени не осталось. А потом Анна Ильинична вернулась. И стало вообще не до чего...

— ...Говорят, плохо все... — женщина всхлипывала и вздыхала, выдавая информацию путанно и с паузами. — Врачи руками разводят. Говорят, недолго осталось...

Вот и съездила. Успокоилась. Развеелась.

В голове сразу как-то пусто стало. Надо было что-то сказать. Поддержать. Но слова не шли. Оседали в горле комком. Зато Сережка подсел к матери и обнял. Махнул рукой, показывая, что можно идти. Да, в семейное горе лучше не лезть. Заставив его пообещать, что обязательно позвонит, если что-то понадобится, они с Креоном ушли.

На улице светило солнце. Дул теплый, весенний ветер, гоняя по небу мелкие облачка. Воздух дышал обещанием лета.

— Наверное, эту весну я никогда не забуду... И хотела бы, но не выйдет.

Совершенно не верилось, что после той трагедии в торговом центре прошло... сколько? Два-три месяца? Будто бы год промелькнул. И нервов унес столько же.

— Мне жаль. Я могу попросить наших гиатросов взглянуть на его историю болезни, но, боюсь, результата может не быть. Возраст. И... условия на Земле не слишком... благополучные.

Она только усмехнулась. Вот уж точно. Неблагополучные.

— Пусть посмотрят, если это возможно. Не выйдет... ладно. А если вдруг... Пусть будет маленькое чудо.

Свой лимит чудес Ольга, кажется, исчерпала. Но... может быть, у других он еще остался? Хотелось верить во что-то хорошее. А еще... К маме надо съездить. Летом в деревне хорошо. Свежий воздух. Овощи и ягоды прямо с огорода. Лес. Да, комары и работать надо, но... После городской суеты и нервов на работе, деревня ей казалась раем. Тихим,

размеренным и спокойным.

На работу теперь вообще неизвестно когда и как. Да и... не хотелось. Не то, чтобы она вдруг обленилась или разлюбила свои цифры. Отчеты. Скандалы. Проверки. Просто... устала. Как-то вдруг. Резко. Стало ясно, что силы у нее ограничены, и что восстановиться будет непросто. И...

— Я разговаривал с Икаром.

Все мысли из головы сразу же выветрились. Ольга уже знала, что крейсер обеспечивает Креону связь с братом, и что тот очень заинтересован в Саше.

— И что?

— Он... вылетает к Этре. Предупредил, что связи с ним ближайшее время не будет.

— Ему одобрили наступление?

В горле пересохло. А сердце вдруг кольнуло. И холодно стало. Хотя солнце все еще светит. А ветер теплый.

— Нет. Но... В общем, у него есть план. Довольно рискованный и... дерзкий. Раньше он на такое никогда бы не решился. Раньше... только Талия на такое была способна. А теперь... С ним идут добровольцы. Их немного, но... Я не могу оценить, насколько высока вероятность успешного выполнения задачи. Только надеяться... И... Я бы хотел, чтобы у него получилось.

Она видела, как сложно киорийцу сформулировать мысли. Как трудно подобрать слова. Волнуется. Переживает. И сам от себя скрывает. Почему? Не привык? Или... что с ним еще случилось такого, что так повлияло?

— Полетели домой.

И они полетели...

...Дома был чай. Тишина. Уютный диван. И тоска... Такая, что хоть волком вой. И страшно, и хочется верить, что все еще будет. Хорошо. Или почти хорошо. Что Саша вернется. И брат Креона не наломает дров. Что...

Когда становилось так муторно, мама затягивала песню. И бабушка тоже. И пели до тех пор, пока не отпускало. Ольга, задумавшись, тоже тихонько замурлыкала знакомый мотив:

— Ой, то ни вечер, то ни вечер, мне малым-мало спалось...

Ликос перестал вычесывать ухо и повернул к ней острую морду.

— Мне малым-мало спалось, ой, да во сне привиделось...

Креон сел рядом. И оказалось, что плечо у него очень удобное. Не мягкое. Не жесткое. А такое, как надо.

— Мне во сне привиделось, будто конь мой вороной расплясался, разыгрался, разрезвился подо мной...

Она подняла голову, хотела заглянуть в глаза мужчины — понять, стоит ли продолжать, а встретила губы. Замерла от неожиданности. Выдохнула. И поцеловала сама.

Губы у него были твердые. И на них привкус блинов остался. С вареньем. Вишневым. Вкусно. И сладко. Так, что внутри все дрожит. И сжимается от восторга. Будто зимой с горки летишь. Или как в детстве на качелях. Все выше и выше. Вот только они давно не дети...

Руки легли на плечи. Скользнули вниз. Сжали. Прижали ближе. К груди, где ухало сердце. Громко. Часто. Его захотелось успокоить. Ольга приложила ладонь. И мужчина отстранился. Заглянул в глаза. Серьезный такой. Вот только идиотского благородства ей сейчас не хватало!

— Остановишься — скалкой тресну, — голос оказался хриплым и низким. Таким не угрожать надо, а сообщения на телефон надиктовывать. Любовнику.

Впрочем, угроза тоже подошла. Показалось, что Креон даже улыбнулся. Уголки губ дрогнули. А потом он снова ее поцеловал. И больше уже не останавливался. Он не торопился. Медленно стягивал с нее кофту. Позволил избавиться себя от футболки. Смотрел. Целовал. Прикасался. Уверенно. И нежно. Без трепета. И без слюнявых страстей. Так, что любимый контролер в голове наконец-то расслабился и отступил на второй план, позволив просто получать удовольствие. И дарить его...

Оказывается, прелюдия может быть совсем не скучной. Пусть и немного странной, когда вот так внимательно смотрят. Наблюдают за реакцией. И молчат. Изучают, позволяя изучать в ответ. В какой-то момент тишина перестала напрягать. Остались только они двое. Руки. Губы. Тела...

Его глухой стон и ее сбитое дыхание, когда границ не осталось вовсе. А потом... такие знакомые движения. И будто снова на качелях. Взлетаешь с каждым толчком все выше и выше. До крон деревьев. До крыш домов. До самого неба. И задыхаешься от восторга, что криком рвется наружу. И сдержаться нет сил. Да и не нужно...

Ее отпусало долго. Тело подрагивало, переживая отголоски оргазма. Мышцы превратились в желе. В голове было пусто. А в душе... Тепло. Светло. Спокойно. И ничего, совсем ничего, не нужно.

Кажется, она все-таки свихнулась...

Этра

...— Ой, да налетели ветры злые...

По пустому подвалу голос разносился звонко. Множился эхом. Слухом и голосом природа Сашу не наделила, но здесь жалеть было некого. Те, кто услышат, потерпят. А не понравится, пусть мучаются...

— Ой, да с восточной стороны...

Ночью она так и не уснула. Не смогла. Перед глазами каждый раз вставало пламя. И рыжие волосы Филис, развевающиеся на ветру. Конечно, на самом деле все выглядело иначе, и она никогда не узнает, как именно. К счастью... Но фантазии это не объяснишь.

— Ой, да сорвали черну шапку с моей буйной головы...

Желудок болел от голода. Голова трещала от недосыпа. А все тело охватило странное онемение. Гнева не осталось. Только пустота.

— Помнишь, что я говорила о войне?

Талия сидела у противоположной стены. Поджав ноги, она что-то чертила пальцем на полу.

— Война — это вирус, поражающий планеты. Болезнь, тяжелая форма которой способна уничтожить все живое. В войне нет победителей и проигравших. Пересекая черту насилия, проигрывают все.

Ее голос звучал сухо. Спокойно. Как и в прошлый раз. Когда у них было время на корабле. Достаточно, чтобы многое обсудить.

— Порой, однако, выбора нам не оставляют. Нельзя победить в одиночку. Тебе нужны союзники.

Нужны. Батима. Только... Никто к ней больше не приходил. И... нужна ли она этой девочке? Слишком наблюдательной и расчетливой для своих лет?

— А еще план. Нужно спастись. Выжить. Понимаешь? Тебе нельзя умирать.

Нельзя. Только что делать? Грызть камни? Воду она уже пила из бачка унитаза. Благо он тут имелся. И наполнялся исправно. И, судя по вкусу, вода не отличалась от той, которой она мылась в комнате. Сколько человек может прожить без еды?

— Как только хаос во дворце уляжется, про тебя вспомнят. Выпустят.

Если хаос не затянется... И кто станет во главе Этры? А еще та болезнь. Откуда течет вода во дворец? Не заразились ли еще те земли? И насколько опасна болезнь для инопланетян? Почему этроссы вообще не сообщили об эпидемии?

Талия подняла на нее взгляд. Пронзительный. Немного насмешливый. Лукавый.

— А сама как думаешь?

Вина. Они могли считать себя виноватыми в произошедшем. Но разве им не помогли бы? Разве их бросили бы бороться одних?

— Гордость порой смертельна. Как и глупость.

Тогда что они могли натворить? В конце войны. Или во время? Или?

— Газ. Они использовали биологическое оружие, которое влияло на гормональную и нервную систему. Нам так и не удалось узнать, из чего его сделали.

Газ. Гормональная и нервная система. Сделан. Биологически...

Саша дернулась. Встретилась взглядом с принцессой. Догадка лежала на поверхности. И теперь Талия тоже поняла.

— Белесый. Он походил на туман, если верить отчетам...

Или на медузообразное тело Археоса. Светлое. Полупрозрачное. Белесое. Неужели этроссы поймали и убили Археоса? Но, тогда они должны были понять, на что похоже ядро.

— Если только он не был слишком мал, чтобы они поняли и провели аналогии.

Детеныш? Газ. Вряд ли у них получилось с первого раза, должны были ставиться опыты. Эксперименты. Но... почему взрослые это допустили? Из памяти ядра следовало, что за своим потомством, Археосы присматривали очень трепетно. Тогда... Что пошло не так? И... стоило ли сообщать шейху о них? Кому еще он успел рассказать? Что понял из ее рассказа?

Саша обхватила себя руками. Казалось, что хуже уже быть не может, но теперь... Что, если этроссы нападут на Киорис? Что, если они захотят уничтожит Археосов? Что будет с Киорисом? Что... что вообще теперь будет?

— Если твоя догадка верна, и ассы — лишь вторые обитатели Этры, то они сами поставили свою планету на грань гибели, уничтожив Археосов. Мы с тобой видели, как они размножаются. Популяции нужно обновление. Ни одно существо в мире не может жить вечно.

Размножение... Что будет, если весь молодняк погибнет? И почему Археосы не мстили за гибель детей? На Киорисе они контролируют эмоции. Пробуждение. Жизнь. А здесь... Что не так? Почему?

Голова разболелась от количества вопросов. Она подтянула колени к груди, принимая наиболее компактную форму. Закрыла глаза. Если бы только удалось установить контакт с кем-то из этросских Археосов. Могут ли они передавать сообщения между планетами? Поддерживают ли связь? Или полностью изолированы? И почему?

Пока, если верить сказкам Батимы, ясно становилось лишь то, что некогда на Этре обитали боги. И порой они снисходили до этори и делились с ними мудростью. Описания богов не сохранилось. Как и имен. Лишь само понятие. И некое общее знание, передающееся из поколения в поколение. Интересно еще и то, что боги появляются лишь перед самым объединением племен, которые с тех пор больше не разбивались на отдельные народы. А ведь это странно... Вспоминая историю Земли, сколько войн происходило хотя бы в Европе за какие-то пару столетий? А здесь... Странно. Но почему тогда ассы столь агрессивны?

Незаметно для себя Саша провалилась в сон. Ей снился океан. Волны с алым отливом под лучами палящего солнца. Блеск. Жар. И темное, огромное тело, медленно поднимающееся из глубины. Оно приближалось, и разум отказывался принимать его размеры. Сердце гулко забилось в груди. Блеска и жара не осталось. Стало холодно. Темно. Совершенно темно. И ясно, что приближающееся тело поглощает свет. Она хотела проснуться. Сбежать. Но ничего не могла сделать. Только смотреть, как оно приближается...

Девушка проснулась, задыхаясь от крика. На шее и лбу выступила испарина. В горле клокотало. Кожу покрыли мурашки. Она огляделась, вокруг была та же камера. Камень. Решетка. И пронзительный скрип двери, сменившийся звуком приближающихся шагов. Белый силуэт...

— Батима...

Пересохшее горло отказалось воспроизводить звуки. И к счастью. Посетительница оказалось вовсе не девочкой этори.

— Жива еще?

Далила рассматривала ее с выражением брезгливости и презрения. Без украшений, в простом наряде она выглядела моложе. И в то же время... Исчезла радушная улыбка. Блеск в глазах. Стали заметны капризные складки в уголках губ. И первые морщинки возле глаз. Пожалуй, ей было хорошо за сорок. А умелый макияж и уход стирали лет десять. До сегодняшнего дня.

— Недолго тебе осталось. Скоро Этра выиграет войну. И ты больше не понадобишься. Я попрошу эмира, и он отдаст тебя мне.

Хищное выражение резко состарило ее лицо. Или наоборот заставило проявиться возраст?

— Я найду тебе применение... Ответишь за все, — тонкие пальцы сжались на прутьях решетки. И Саша отстраненно порадовалась, что не встала со своего жесткого и неудобного ложа. — Твоя жрица убила моего мужа. А я убью избранницу наследника. Справедливо будет.

Темные глаза горели ненавистью и жаждой крови. Ноздри раздувались. А пальцы побелели от усилий.

— Что ты молчишь?! Безмозглая тварь... Если бы не ты, Данияр был бы жив! Он бы и жизни не стал связываться с жрицей!

Кажется, о своем муже Далила знала не так уж много, как и она сама когда-то. Придумала себе образ или... поддалась умелому внушению и манипуляции? Судя по шейху, второе. Наверняка он играл с женой. Манил. Обещал. Использовал. Как и мать Батимы. А потом избавился... Далиле повезло. Он бы и ей пожертвовал. Просто не успел. Не разъяренной женщине, ослепленной горем и жаждой мести, это не объяснить.

Саша повернулась на другой бок, укладываясь спиной к решетке, а лицом к стене.

— Не смей поворачиваться ко мне спиной! Ты!!! Да как ты смеешь?!

Слушать ее вопли было скучно. К тому же вскоре они затихли, затем раздался скрип, и в подвале снова стало тихо...

...Наверное, она опять задремала, уже без сновидений, потому что пришла в себя снова от скрипа. Повернулась на спину, с вялым интересом ожидая появления того, кто решил ее навестить. На этот раз силуэт был незнаком. Обычное, бежевое платье. Без украшений и вышивки. Темные кудряшки на голове. Но не Батима. Ниже. Полнее. И старше.

Женщина остановилась у решетки и аккуратно просунула между прутьев что-то, завернутое в тряпку.

— Бульон для тебя, госпожа. И вода, — она также осторожно положила рядом со свертком небольшую бутылку.

Саша моргнула, фокусируя расплывающуюся картинку. С трудом поднялась. Голова казалась тяжелой, а тело наоборот легким. Желудок скрутило болезненным спазмом. Горло болело от сухости. Она сделала шаг. Покачнулась. Закрыла глаза. Опустилась на колени и на четвереньках добралась до решетки. Рабыня никуда не ушла. Села на пол и смотрела на нее. Показалось, что в ее глазах мелькнула жалость.

— Кто тебя послал?

При мысли о еде внутренности сводило от боли, но хватать все, что ей дают — глупо. Хотя... травить, наверное, тоже. В конце концов, смерть от голода дольше, а Далила явно хотела ее помучить.

— Сестра. Она сейчас отвлекает стражу. У нас мало времени. Поешь, госпожа.

Сестрой этори могла назвать только Батиму. Теоретически. Впрочем, боль стала

нестерпимой, а в голове зазвенело. Александра осторожно размотала тряпку. Под ней оказался глиняный горшочек. Теплый. Дрожащей рукой она сняла крышку и вдохнула приятный травяной аромат. Дальше мозг отключился. Была еда. Вкусная. Жидкая. Но мало. Кажется, ей хватило мозгов не пить залпом, а делать маленькие глоточки. Кажется...

Разум не фиксировал происходящее. Была только еда. И вода. А потом все кончилось.

— Завтра мы постараемся принести еще, — рабыня аккуратно забрала посуду.

— Что происходит во дворце?

— Бойня, — коротко ответила женщина, медленно поднялась и ушла.

Саша вернулась на лежанку. Легла на спину. Желудок приятно потяжелел и потеплел.

Боль отступила. Хорошо. Ей понадобятся силы...

— А есаул догадлив был...

— Раздумала умирать?

Талия оказалась рядом. Забралась на доску с ногами. Взглянула на нее.

— Он сумел сон мой разгадать...

— И что будешь делать?

Перед глазами встало перекошенное лицо Далилы. Затем Археос в ореоле света. Темное пятно в глубинах океана. Приговор для Филис. Бесстрастный Данияр, наблюдающий за пыткой Ольги.

— Ой, да не сносить, он говорил, тебе буйной головы...

Киорис

...Во дворец Элпис прибыла по личной просьбе главнокомандующего, что само по себе было странно. Да еще в такой час... Солнце уже встало, но склоны гор едва-едва окрасились розовым и золотым, а город и вовсе спал, досматривая последний, самый сладкий, сон. Ничего хорошего жрица не ожидала, но уже привычно оставалась спокойной и собранной, готовой ко всему.

Валирис встретил ее в холле, отослал прочь робота-регистратора и поманил за собой в открытую залу Птолемея.

— Доброе утро, главнокомандующий, — вежливо поздоровалась она, пытаясь прочесть по лицу мужчины, что произошло. Но тот оставался внешне невозмутимым. И, не считая странного приглашения и оглядки, с которой он обставил их встречу, вел себя как обычно. — К чему такая секретность?

— Доброе утро, иерия. Прошу прощения, но мне пришлось действовать быстро. Императрица скоро проснется, и мне придется донести ей новости... Я бы предпочел, чтобы вы были рядом.

Элпис вежливо приподняла брови, показывая заинтересованность и внимание. Главнокомандующий вздохнул, явно собираясь с силами, и на одном дыхании сообщил:

— Вчера гран-коммандер Искарис подал рапорт об отставке и покинул наш флот, прихватив с собой уцелевший корабль этроссов, а также тех, кто добровольно решил последовать за ним. Предположительно, он направляется к Этре.

Жрица выдохнула. Новости были неприятными, и императрице точно не понравятся, но все же не катастрофичными. Наследник жив. Киорис победил в сражении. Флот контролирует Пескар и Землю. Принц Креон жив и здоров, а Иазон находится под присмотром.

— Думаю, с этим мы справимся. Полагаю, гран-коммандер желает спасти Александру?

— Предполагаю аналогичное. Напоминает К`Шиитру, но тогда, мне казалось, он действовал более... рационально.

— Каковы его шансы?

Снова вздох. И вот теперь удержать лицо Валирис не смог. Сквозь маску собранности и сдержанности проступило нечто. То, что заставило Элпис похолодеть.

— Есть что-то еще, не так ли?

— Да. Под утро мы получили сигнал с Этры. От нового эмира. Джамаль... или Джабаль... Я не слишком силен в их политике и именах. Этот... — мужчина умолк, явно подбирая подходящий термин, и это заставило сердце сжаться. Мало что могло заставить непреклонного военного потерять дар речи. — Нам угрожают. Жестокой и скорой расправой. А в доказательство серьезности намерений прислали видео...

— Видео?

Валирис окинул ее тяжелым, испытующим взглядом. Затем кивнул, достал из кармана транслирующий кристалл и установил его на столик. Включил. Перед ними развернулась трехмерная проекция.

Погребальный костер, собранный для богатого этросса. Высокий помост. Дрова,

перехваченные золотыми поясами, которые умерший носил при жизни. Тело, завернутое в белый саван. Только волосы выпущены наружу. Длинная, черная коса — знак мудрости и долгого служения. Получая отставку, советники эмира либо отправляются на тот свет, либо отрезают волосы, чтобы каждый знал об их позоре. Умерший служил долго. И даже при смерти еще пользовался расположением господина, раз его хоронят с почестями.

Жрицы, затянувшие погребальный гимн. Рыдающие женщины — жены и рабыни, не разобрать кто из них кто — на похороны не принято надевать украшения. Огонь, который поджигают с молитвами. И он медленно охватывает помост по кругу. Пламя будет гореть долго, чтобы от покойного остался лишь пепел. И кости, которые затем истолкут в труху.

Зрелище производило удручающее впечатление, но озноб пробил Элпис лишь когда двое стражников вывели к разгоревшемуся костру женщину.

— Филис!

Если бы не рыжие волосы и знакомая походка, верховная ее бы не узнала. Бывшую жрицу одели в темную ткань, балахоном укрывающую тело. Руки связали за спиной. Ее вели за локти, заставляя держаться прямо. А лицо... Вместо глаз темнели кровавые провалы. Подбородок заострился. Губы неестественно адели, искусанные в кровь.

Перед костром стражники остановились. Этросский жрец что-то проговорил, то ли отдавая распоряжения, то ли поясняя происходящее присутствующим — Элпис не слушала. Вглядывалась в знакомое лицо, уже понимая, что будет дальше.

Двум мужчинам ничего не стоило бросить в огонь хрупкую на вид женщину. Пламя жадно полыхнуло, принимая жертву. Тело изогнулось от боли, но не раздалось ни звука. И тишина ударила по нервам сильнее любого крика. Объятая огнем фигура попыталась подняться, дернулась, извиваясь, но снова рухнула и больше уже не шевелилась.

Запись прервалась, сменившись лицом молодого еще этросса, но Валирис остановил видео раньше, чем тот заговорил. В зале повисла тишина. Верховная прикрыла глаза и сглотнула, прогоняя горечь, подступившую к горлу.

— Я глубоко сожалею, иерия.

— Они выкололи ей глаза и вырвали язык, — Элпис проигнорировала сочувствие, думая о другом. — Убийца не достоин видеть небо и вещать ложь, оправдывая свой поступок. Кого она убила, главнокомандующий?

— Исходя из речи эмира — шейха Данияра. Того, кто взял в плен ее, Александру и капитана Байона.

— Значит, Филис считала, что иного пути нет. Жрицы не убивают без необходимости.

— Я знаю, иерия. Как и то, что подобные навыки приобретают далеко не все старшие жрицы Храма. Вам не нужно оправдывать поступок вашей воспитанницы.

— Я не оправдываю... Лишь пытаюсь понять, чего она хотела добиться. Филис — искусствовед и историк. Она намного лучше меня знала обычаи Этры и понимала, что ее ждет. К тому же... Не думаю, что она решилась бы оставить Александру без своей опеки. Была причина. И единственным решением ей показалась смерть. Теперь девушка осталась одна в окружении недругов. Заложницей против Киориса. Капитана, уж извините, таковым считать нельзя. Его связи с императорской семьей, хоть и более длительны, но на данный момент практически полностью разорваны.

— Согласен с вами. И, узнав о таком повороте, я, в какой-то мере даже порадовался, что гран-командер решился нарушить все указания и поступить самовольно. Боюсь, после произошедшего судьбу девушки предсказать сложно.

— Ее не тронут. Единственный козырь. Не идиот же новый эмир, в самом деле... — Элпис встретила взглядом с главнокомандующим и осеклась. — Что?

Тот молча запустил продолжение записи.

— Шлю привет всем гражданам Киориса, — молодой, лощеный красавец улыбался во весь экран. Взгляд у него был маслянистым и явно чем-то затуманенным. — Пусть мое послание увидят все и проникнутся ужасом, ибо скоро подобная участь постигнет каждого. Я соберу флот, приду в ваши дома и сожгу каждого, кто окажет сопротивление. Я уничтожу ваш Храм, а жриц заставлю станцевать на его обломках. Скоро вы все узнаете силу моей ярости!

Искаженное лицо застыло. Запись закончилась.

— Судя по белкам его глаз, он давно употребляет некие вещества, растормаживающие сознание. Снимающие границы. Побочным эффектом является необузданная жестокость, тяга к насилию и... повышенное либидо.

— Гиатрос Лезариус сказал то же.

— Вы и его уже подняли?

— Мне требовался результат как можно скорее, при этом с привлечением минимального количества людей. К счастью, запись мы успели перехватить. В общий доступ она не попала.

— И теперь вы хотите показать ее императрице?

— Я должен. Угроза касается всего Киориса.

Элпис промолчала, продолжая разглядывать красивого и еще молодого мужчину, за свою короткую жизнь успевшего свернуть на кривую дорожку и заполучить огромную власть. Что будет с планетой под его руководством? В какой еще хаос он ввергнет космос, обладая разработками раххов? Перед глазами встало обезображенное лицо Филис.

— Главнокомандующий, мы с вами оба понимаем, что императрица едва оправилась от прошлого потрясения. Ее брат болен, и болезнь постепенно входит в терминальную стадию. Что не добавляет маедже Софронии сил и спокойствия. Сейчас она не сможет принять решение.

— И что вы предлагаете?

Судя по отсутствию удивления, он все понимал. Просчитал, как только посмотрел запись и получил заключение от Лезариуса.

— Вы знаете закон. На случай отсутствия на Киорисе правителя, кратком или продолжительном, власть временно переходит к Храму. Верховной жрице, если быть точной.

Валирис кивнул.

— Верховная гиатрос согласилась провести оценку состояния императрицы и Иазона-старшего и дать заключение. На его основании, а также учитывая отсутствие принцев и непробужденность Иазона-младшего, вы сможете принять временные полномочия. Именно об этом я и хотел поговорить.

Вот так. Ее красиво и аккуратно подвели к нужному выводу и решению. Неудивительно. Главнокомандующий не был идиотом, в отличие от зарвавшегося наркомана, который решил устрашить Киорис своими угрозами.

— Вы же понимаете, что в таком случае вам придется считаться с моими решениями? И что, возможно, вам они не понравятся.

— Я давно не мальчик, иерия. И, полагаю, не давал повода сомневаться в здравости

моих решений. Я готов обсудить с вами как текущее положение дел, так и будущее Киориса. До возвращения принцев, конечно.

Элпис кивнула. Ее не радовала и не огорчала перспектива. На верховной жрице лежит не меньшая ответственность за всех жителей планеты, чем на императрице. Разница лишь в том, что теперь она сможет принимать решения о внешней политике.

— Запись необходимо отправить в Совет Безопасности. Пусть посмотрят, во что они решили не вмешиваться. И с кем оставили нас один на один. Раххам тоже следует показать. Они разумнее и рациональнее, чем кажутся. Смена власти на Этре может не прийти им по душе.

— Согласен. Пусть политика — не мое дело, но дипломатией мы ничего не добились, значит, пришло время более жестких шагов.

— В таком случае... Сделайте так, чтобы Этра сама пришла к нам.

Валирис выдержал ее взгляд. Не изменился в лице. Предполагал подобное?

— Хотите их спровоцировать?

— Учитывая состояние этого мальчишки, даже стараться не придется. Пусть нападут. Нам есть, чем их встретить.

— Осмелюсь напомнить, иерия. Главное условие активации «Немезиды»...

— Я помню, главнокомандующий. Я помню. У нас есть корабли Эль-Сабы. Неожиданный ход гран-командера Искариса. Но мы должны быть готовы. Отправьте ролик на новостные каналы. Пусть его увидят. А затем... мы объявим военное положение и начнем эвакуацию людей. Я не настолько тщеславна, чтобы не понимать, жертвы будут в любом случае. Мы можем лишь уменьшить их количество. И закончить эту войну. Здесь.

— Пусть будет так, — мужчина кивнул. — Закончим с формальностями? Полагаю, вы найдете подходящие слова для императрицы?

Найдет. Она найдет, что сказать. И справится. Обязательно. Никто не смеет угрожать ее дому. Ее Храму. Ее жрицам. Никто. И никогда.

Этра

Ее отпустили на третий день. Утром в подвал неожиданно вошли стражники. Решетку открыли. Ее вежливо попросили выйти, а на выходе встретила медресс. Старуха окинула ее недовольным взглядом, после чего махнула рукой, вынуждая следовать за собой, и направилась куда-то по вымощенным плиткой дорожкам.

Саша, отвыкшая от дневного света, была благодарна за то, что ее забирают ранним утром. Часто моргала. Глаза слезились. Ногами пришлось перебирать быстра. Этросска, несмотря на возраст, двигалась проворно и явно не собиралась ждать. Охрана их не провожала. Что все это значит, девушка решила не спрашивать. Старуха вряд ли ответит. Так зачем сотрясать воздух?

Та привела ее в уже знакомую купальню.

— Раздевайся и мойся, я пока тебе одежду принесу. Это все бросай вон туда. Сжечь только остается. Мыла не жалея. Потом рабынь пришлю. Еще не хватало всяких паразитов в Доме разводить.

Вежливости у нее за прошедшее время точно не прибавилось. Однако Александра пропустила комментарии мимо ушей, сбросила несвежую одежду в указанную урну и, не заботясь о полотенце и нагоде, направилась в бассейн. Если кого-то ее внешний вид смутит, пусть мучаются сами, настроения угождать чьим-либо желаниям и вкусам не было совершенно.

Купальня оказалась пуста. Слишком рано для изнеженных дам?

Она медленно спустилась в воду по выложенным мозаикой ступеням. Отошла в противоположный угол, чтобы видеть вход, прижалась к стенке и окунулась с головой. Вынырнула. Вздохнула. Покосилась на ряд бутылочек, выставленный на специальной полке. И поняла, что сил на мытье нет. Возможно, явление рабынь будет совсем не лишним...

Стоило подумать, как дверь открылась, впуская Батиму, замотанную в привычное для купальни одеяние, и пышнотелую, знакомую рабыню, приносящую ей еду в тюрьме.

— Как быстро медресс нашла, кого прислать... — вяло отметила Саша, разглядывая девушку и ее спутницу.

— Я сама предложила ей помощь. Конечно, она обо всем доложит, но пока нас никто не побеспокоит.

Батима взяла один из флаконов, бросила на пол подушку и опустилась на колени у края бассейна.

— Позволишь помыть тебе голову?

Отказывать смысла не было.

— Давай.

Саша закрыла глаза и позволила чужим тонким пальцам зарыться во влажные волосы. Подумалось, что сейчас убить ее будет легко. Сил на сопротивление нет, вокруг — вода. Стоит окунуть и немного подождать, а потом сказать, что сама уснула и захлебнулась. Поверят. Даже проверять не станут.

Но девчонка потратила столько сил, чтобы она не сдохла от голода. Глупо убивать теперь.

— Ничего не хочешь спросить?

Тоненький голосок звучал непривычно серьезно. Без намека на игру. Даже странно.

— А надо? Полагаю, ты сама расскажешь, что происходит, и почему меня внезапно решили выпустить.

Сверху раздался смешок, а затем этори заговорила привычным игривым, звонким тоном:

— Во дворце столько изменилось. Госпожа Нулефер решила последовать древнему обычаю и последовала за супругом в последнем его пути. Их похоронили вместе. Дочери эмира были безутешны на церемонии. Во время поминального пира подавился косточкой и скончался муж старшей из них. Вдова его была безутешна, но не последовала примеру матери, а удалилась в имение мужа. Ее примеру последовали и другие. Кроме одной. Самой младшей. Зулейка. Ты ее видела. Срок ее беременности уже столь велик, что лекарь настоятельно рекомендовал ей задержаться во дворце. К тому же ее брат, молодой эмир, да будут дни его долгими и безоблачными, был столь гостеприимен, что предложил ей занять покой матери.

— Какая щедрость... Он уже... коронован? — она невольно подхватила нить разговора, вживаясь в роль любительницы сплетен. — Или как это происходит на Этре?

— Сегодня будет официальная церемония. Поэтому, в честь праздника, эмир объявил милость. Тебе в том числе.

— Полагаю, мне следует быть благодарной...

На макушку полилась вода, смывая пену. Стоило признать, что с волосами Батима справлялась быстро и умело. Видимо ее не первый раз приставляют к чему-то подобному. Хотя, учитывая ее происхождение... Неудивительно.

— Эмир выказал желание видеть тебя на празднике. У тебя будет возможность поблагодарить его... позже. Нам же нужно тебя подготовить.

От намека внутри вяло шевельнулось отвращение. И схлынуло под потоком воды из кувшина. Позже. Она еще успеет подумать о встрече с эмиром. Пока сплетни важнее.

— Далила посещала меня в тюрьме... Полагаю, она тоже не стала следовать традиции?

— На похоронах отца она была безутешна, но ты права... В ней нет должного смирения, чтобы отправиться в последний путь добровольно.

А жаль... Как спокойно сразу стало бы в Женском Доме. И безопасно. Относительно. Конечно, но все же... Впрочем, замечание на счет «добровольно» показалось намеком. Мачеху Батима, похоже, не жалуется.

— Почему вы с ней еще здесь? Я думала, после смерти шейха, вы отправитесь домой...

Странно, что эмир выставил сестер, намеренно оставив лишь ту, что носит ребенка, но при этом не тронул вдову и дочь незадачливого советника.

— Далила испросила у эмира разрешение остаться. А я... У меня нет жениха. Отец не оставил приданое. Мне не будут рады дома. А во дворце всегда найдется место. Медресс уже не молода, а я так стараюсь быть полезной...

О да. Настолько старается, что тайком таскает еду пленнице и даже вызвалась привести ее в порядок для эмира. А ведь ее подготовка может стать своеобразным экзаменом...

— С волосами готово. Нужно заняться остальным. Позволь я помогу тебе выйти.

Саша позволила. И приняла чашку рассыпчатого риса с изюмом. И бокал прохладной воды. Потом покорно легла на кушетку, чтобы рабыня могла нанести на ее ноги и прочие места специальную пасту для удаления волос. Батима же нанесла ей на лицо маску,

расписывая ее чудесные свойства и что-то болтал про прополис.

— Чего ты от меня хочешь?

Вряд ли у них еще появится возможность поговорить, а выяснить цену оказанных услуг стоило как можно раньше.

— Жизнь.

Одно короткое слово. Но как много смысла.

— У меня нет власти казнить или миловать.

— Пока нет. Но будет. Войну можно не только выиграть...

Опасные слова на Этре. Ясно, почему девчонка избегает говорить прямо даже наедине при рабыне, которая явно посвящена в ее секреты.

— А если все же выиграть?

Рука Батимы дрогнула. Губка, которой она снимала маску, мазнула в сторону.

— Тогда будет видно.

Голос неуловимо изменился. В нем проскользнули нотки металла. Девочка не так проста, как кажется даже на второй взгляд. И еще не решила, стоит ли доверять ей полностью. Александра решила, что тоже еще подумает.

Маска сменилась другой. В купальне стало тихо. Боль от удаляемых волос позволяла на заснуть, расслабившись от тепла, сытости и относительного уюта. Батима взялась за гребень, когда Сашу перевернули на живот, и начала аккуратно расчесывать волосы.

— Эмир, какой он?

— Он молод и прекрасен. А нрав его не обуздан, как в гневе, так и в радости. Рабыни уходят от него утомленными и называют весьма искусным. Он не жесток с женщинами. Делает щедрые подарки. Но иногда... Он любит отдохнуть с кальяном. И курит... красный дым. Тогда его разум туманится, и действия могут быть...

— Я поняла, — перебила землянка.

Ей предстояло встретиться с молодым, избалованным ублюдком, который балуется наркотиками. Чудесно. Еще и женским вниманием избалован, наверняка. И за что ей такое счастье?

— Как эмир узнал обо мне?

Вряд ли во время борьбы за власть он бы вспомнил о госте с другой планеты. Кто-то должен был напомнить.

— Далила заговорила о том, что стоило бы казнить и тебя, ведь неизвестно, была ли ты в сговоре с... недостойной. Эмир заинтересовался, где ты, а потом... Речь пошла о политике. Киорисе. Войне. И он захотел проявить милосердие.

А еще трахнуть предполагаемую избранницу будущего наследника. Так, по-мужски. И так предсказуемо. Хочешь насолить врагу — заведи его бабу. Может, оторвать ему причинный орган? И мстить будет нечем.

— Не делай глупости, — тихо, едва различимо, шепнула девчонка. — Эмир — не шейх. Ты не выдержишь пытки. Это того не стоит.

Пытки. То есть Филис еще и пытали. Саша медленно выдохнула, гася желание нанести непоправимый физический ущерб тому, кого ни разу не видела.

— Ну, что ты... Какие уж тут глупости. Это же такая честь... Сам эмир.

Она надеялась, что сарказм в голосе был не слишком заметен, но Батима, заглянувшая ей в лицо, нахмурилась. Плохо. Придется притворяться лучше. Если этот ущербный смог занять трон, не так уж он и глуп. А обмануть его придется. Ей нужно выжить и выбраться с

этой проклятой планеты. Правда, от перспективы секса с этроссом ее передернуло. И тут же возникла идея, которую стоило обдумать отдельно...

...Одевали ее уже в новых покоях. На первом этаже. Прохладных. Просторных. С отдельной гостиной и спальней. С драпировками на окнах. Подушками. И мягкими коврами. Раньше здесь размещалась одна из сестер эмира, как между делом упомянула Батима. Наряд тоже выбрали явно из гардероба обеспеченной этросски.

Тонкая ткань в несколько слоев завернула благоухающее тело, прикрыв символическое белье. Несчастные три ниточки с треугольником снизу и какой-то мягкий, весьма условный, топик сверху. Тапочки, расшитые бисером или чем-то похожим. Шелковый жилет, прикрывший самое интересное и обрисовавший длинные, прозрачные рукава и условную юбку. Широкий пояс, подчеркнувший талию. Стоит признать, что в этом наряде у нее даже наметилось подобие фигуры. Или какой-то загадки относительно нее. Хотя, учитывая диету, сейчас Саша больше походила на себя прежнюю. До Киориса. И это вызвало непрошенные воспоминания о Владе... Которые спровоцировали лишь приступ раздражения. Как и вся эта ритуальная суета в целом.

Ее снова пытались продать подороже. Как на Шиитранском Базаре. Нарядить. Украсить. И получить выгоду. Пусть не деньги, но место, положение, удовольствие... Ее желания никого здесь не интересовали. Эмир захотел, а все остальные должны повиноваться.

Волосы уложили аккуратными волнами и укрыли синим платком в тон жилету. А затем поднесли шкатулку.

— Высочайшим разрешением эмир дарит тебе украшения, чтобы на празднике все видели его щедрость по отношению к госте.

Браслеты. С синими камнями. Наверное, сапфирами. Вот только похожи они на кандалы. И на запястьях ощущаются также. Хотя плетение весьма изящно. И в другом месте, в другое время, Саша бы залюбовалась. Вот только желания не было. Разве что убить кого-нибудь...

Она поймала в зеркале взгляд девчонки этори и прочитала в нем отражение собственных устремлений.

— Ты их ненавидишь.

Та вздрогнула, вернула лицу привычное, сдержанно восторженное выражение, а глазам — наивность.

— О чем ты? — Батима шагнула ближе, оказалась совсем рядом, прижимаясь плечом к плечу. — Прости, если мое волнение смутило тебя.

— Все нет, — Александра склонила голову на бок так, что черные кудряшки защекотали кожу. — Ведь если ты хочешь избавиться от них, то я хочу того же...

Она развернулась, становясь лицом к девушке. Та была всего на полголовы ниже. Взглянула снизу вверх. Обожгла темным взглядом. И медленно кивнула. Теперь секретов между ними не осталось.

...Праздник. Просторный зал с большими окнами, через которые можно наблюдать закат. Длинные низкие столы в окружении подушек. Отдельный — для эмира, стоящий на возвышении, чтобы правитель мог видеть всех гостей, и все могли видеть его. Один — для мужчин и советников. Один — для женщин. Угощения, из-за которых сами столы почти не видно. Рабы, бесшумно скользящие туда-сюда.

В другой ситуации можно было бы представить, что она попала в восточную сказку, и насладиться костюмированным вечером. Только сегодня настроения не было. Женщин за столом рассаживали по какой-то только им ведомой схеме, и Батима проводила Сашу на тот край, что располагался ближе к столу эмира. Усадила к нему лицом, резким жестом отмахнувшись от шипения других гостей.

— Эмир захочет увидеть, что его приказ выполнен. Здесь он тебя заметит. Позовет. Не делай глупости, пожалуйста.

Видимо, лицо у нее хорошо отражало настроение, раз этери решила просить. И Александра сделала над собой усилие, натянув на лицо улыбку. Пару раз моргнула, прогоняя тяжелые мысли и возвращая взгляду должный восторг и лучезарность. Ей полагается быть благодарной. Напуганной. И готовой на все. Абсолютно на все. Да, именно так стоит вести себя той, кого внезапно помиловали.

Вздых удалось подавить. Вежливо кивнуть, благодаря за заботу, и даже выдержать взгляд устроившейся напротив Далилы. Хорошо, что между одеванием и процедурами красоты они успели пообедать. Теперь ведь кусок в горло не ползет.

— Вырядилась... Шваль...

Вдова шейха сверкала глазами. Наряд ее выглядел куда скромнее. А вот тонко нанесенный макияж и прическа делали лицо буквально кукольным. Утонченная маска страдающей женщины, нуждающейся в утешении. И то, что она оказалась спиной к столу шейха и других мужчин, наверняка ее разозлило.

Саша краем глаза проводила Батиму, удалившуюся на другой конец стола, где появилась медресс. Поискала среди присутствующих знакомые лица. Сестра эмира нашлась почти в середине стола. К гостям она сидела лицом, но выглядела неважно. Бледная. С припухшими глазами, которые не скрыл даже слой косметики. Аккуратно уложенными под платком волосами и почти без украшений. Видимо, в знак траура. Руки девушка держала на округлившемся животе, который не скрывали слои ткани. Соседки по столу активно что-то обсуждали, обращались к ней, но принцесса — или как тут их называют? — оставалась безучастной.

Зал быстро заполнился гостями и гомоном голосов, в котором шипение Далилы различить уже было сложно. И хорошо. Можно представить, что ее тут вообще нет. И не было никогда. Чтобы не привлекать лишнего внимания, Саша положила на тарелку несколько кусочков фруктов и уже знакомый рис с изюмом. Сладко. Питательно. И легко усваиваемо. То, что нужно, после вынужденной диеты.

Интересно, если бы Батима ее не кормила в тюрьме, и она сейчас валялась бы в полубессознательном состоянии от голода, шейх бы тоже возжелал близости? Или... Кто сказал, что эта мысль пришла ему в голову самостоятельно? Рассказ девчонки был максимально обтекаем. Она и сама могла намекнуть на такой исход, чтобы заинтересовать

этого высокородного засранца экзотикой. Экзотику они тут все любят...

Злость колыхнулась и сразу же опала. Какой смысл тратить силы и эмоции? Батима вытащила ее из тюрьмы. Так или иначе. Стоит быть благодарной. И постараться выжить. Для эмоций время придет потом...

Она положила в рот кусочек то ли персика, то ли манго, и улыбнулась Далиле, едва не подавившейся напитком. Голоса неожиданно смолкли. И головы всех присутствующих опустились. Землянка тоже поспешила опустить глаза. Распахнулись боковые двери, что-то грохнуло, в зал кто-то вошел быстрым, летящим шагом. А спустя почти целую минуту звучный голос громко произнес:

— Поднимитесь! Пусть продолжится пир!

Саша подняла взгляд и украдкой взглянула на шейха. Черноволос. С косой до середины спины. В синем халате-кафтани с золотым шитьем, которые тут носят все мужчины. Кожа смуглая. Приятного оттенка загара. Лицо... Как-то раз она читала в интернете статью про самого красивого в мире арабского шейха. По сравнению с этросским эмиром тот мог бы претендовать разве что на второе место. С генетикой ему повезло. Правильные, даже какие-то неестественно правильные черты. Густые брови вразлет. Темные глаза. Взгляд из-под ресниц. Чувственные губы. Улыбка с оттенком порока. Движения. Неторопливые. Размеренные. Он походил на сытого хищника, которому нет никакого дела до добычи. Просто поваляться на солнышке. Подремать, усыпляя бдительность.

Если от Данияра веяло опасностью и силой, неприкрытой властью и жестокостью, то эмир казался мягким. Немного женственным. Медлительным. Возможно даже недалеким и небольшого ума. Но... Он удержал власть. А это уже немало. Не стоит его недооценивать.

Следующий час тянулся медленно. Гости говорили. Женщины шептались, обсуждая саму Сашу, ее наряд и присутствие на пиру. Кто-то упоминал смерть шейха. Но шепотом. Намеками. Так, чтобы никто не уличил говорящую в неуважении. Слушать их было забавно. Переводчик Александра уже не использовала, натренировавшись понимать беседы Данияра с Филис во время полета. Говорить сама могла мало и с акцентом, но зато другие, кроме Батимы и рабынь, не знали о ее осведомленности.

Эмир порой подзывал к себе за стол кого-то из мужчин. Беседовал. Улыбался. А затем отсылал. Все уходило от него довольные. Но что-то подсказывало, что не каждому слову избалованного мальчишки можно верить. Он играл с ними. Позволял верить в то, что слаб, глуп и ни в чем не заинтересован. И не в этом ли разгадка его победы? Шейхи решили, что лучше посадить на трон того, кем смогут управлять?

В какой-то момент они встретились взглядами. Отвернуться она не успела, поэтому пришлось застенчиво улыбнуться и опустить взгляд в притворном смущении. Взглянуть из-под ресниц. И заметить приглашающий жест.

Саша замерла, неуверенная, что правильно все истолковала. Но взгляд эмира не оставлял сомнений. Обволакивающий. Мягкий. Ласкающий. Кожа сразу же покрылась мурашками. И отнюдь не удовольствия.

Девушка медленно поднялась, мысленно прокляла дурацкие обычаи, от которых у нее затекли ноги, и направилась в сторону возвышения. Шепот за спиной стих. В зале вообще стало заметно тише. И с каждым ее шагом голоса затихали буквально на середине фразы. Она остановилась перед столом эмира, склонив голову и ожидая продолжения спектакля.

— Сегодня наш пир почтила своим присутствием гостя с далекой Земли. Той отсталой цивилизации, которую некоторые из вас могли изучать последние месяцы. Она прибыла к

нам в сопровождении жрицы Киориса, пусть черви сожрут ее тело. Оказалось, что сам принц сделал ее своей избранницей. Но не уберег... Шейх Данияр сделал мне подарок, доставив ее на Этру. И сегодня я оценю его, — эмир протянул к ней руку и указал на место рядом с собой.

Вот теперь зал наполнился не только шепотом, но и шипением, а также возгласами и прочими обсуждениями. Саша молча прошествовала на указанное место и аккуратно заняла его, стараясь смотреть прямо перед собой и ничем не показывать эмоций, которые ее охватили.

— Как ты находишь мой дворец, Александра?

Если приказы эмир отдавал жестким, грубоватым тоном, то шептал ласково и даже интимно. А уж смотрел... Да, с такими глазами и голосом, можно быть хромым и сутулым, все равно внимание привлекать будет, этросс ни хромым, ни сутулым не был. Отнюдь. В меру высок. В меру мускулист. Руки с тонкими пальцами. Аккуратный маникюр. И аромат парфюма. Какие-то экзотические специи. Ему шло. Ему все шло. И он это отлично знал.

— Бесподобным, — Саша робко улыбнулась, воскрешая в памяти первое свидание с мужем. Сейчас нужно именно это: восторг и робость. А еще наивность. Да. Наивная идиотка. Авантюристка. Нужно снова вернуться в образ. — Я никогда не видела такой роскоши. Здесь все так необычно. И...

Она прервалась и опустила ресницы, сделав вид, что подбирает слова. На самом деле хотелось взять ближайшее блюдо и надеть на голову этому ублюдку. Остановивало понимание, что это ничего не изменит. Хуже будет только ей самой.

— Продолжай.

Этросс склонил голову к плечу, наблюдая за ней, как за диковиной зверушкой. Но для него она такой и была.

— Я хотела выразить благодарность... За то, что мне сохранили жизнь и позволили вернуться в Дом Женщин. Я высоко ценю оказанную мне честь. И понимаю, что такой дар бесценен.

— У тебя будет время поблагодарить меня. Впрочем... зачем затягивать?

Он сделал какой-то жест, затем хлопнул в ладоши, и разговоры смолкли. Эмир поднялся, протянул ей руку, которую пришлось принять. Боковые двери вновь распахнулись, теперь уже для того, чтобы пропустить их обоих. Остальные же гости склонили головы. И только Далила бросила на нее обжигающий взгляд, повернув голову. Взгляд, полный зависти.

Пожалуй, для этросски ее положение выглядело завидным. Учитывая что без покровительства мужчины женщины здесь вообще не могут выжить, заполучить в любовники целого эмира. Молодого и щедрого. Да она просто джек-пот сорвала!

Саша с трудом удержала на лице нужное выражение и на всякий случай опустила взгляд, разглядывая плитку под ногами. Так надежнее. Шли они недолго. Она как раз успела настроиться на нужный лад, когда двери в очередной раз открылись, а потом закрылись за спиной, отрезая их от коридора и шума гостей.

Комната, в которой они оказались, была даже скромнее, чем ей представлялось. Не больше той новой спальни, что ей выделили. Отделана синим — кажется, любимый цвет эмира. Пушистый ковер под ногами. Кровать с балдахинном. Подушки на полу. Столик с фигурками для игры. Распахнутое окно с посверкивающим силовым полем — не войдешь и не выйдешь через него. И никакой позолоты, шитья и прочего. Можно сказать, строго по

меркам этроссов.

Эмир подождал, пока она осмотрится, а затем рывком развернул к себе. Коснулся пальцами платка, закрывающего волосы. Погладил по щеке.

— Покажешь мне свою благодарность?

Саша заглянула в глаза с поволокой, неуверенно улыбнулась и заговорила:

— Я хотела сказать. Предупредить... Дело в том, что я... фригидна.

Этросс замер. Моргнул. Затем аккуратно, кажется, несколько брезгливо, убрал от нее руки.

— Ты любишь женщин? — столько отвращения в голосе она еще не слышала и только теперь сообразила, что термин назвала на русском.

— Нет. Я не люблю близость... Физическую. Мне она не нравится. Не доставляет удовольствия. Совсем. И я не умею доставлять удовольствие мужчине. Мой муж — на Земле я была замужем — ушел от меня из-за этого. А сначала несколько лет пытался... разбудить во мне женственность. Страсть. Но ничего не вышло.

Прекрасное лицо исказилось от удивления и отвращения одновременно.

— Несколько лет?

Эмир на всякий случай отступил от нее на шаг, оглядывая с головы до ног.

— Да... Он был хорошим мужем. Заботливым. Верным. Не хотел, чтобы я работала. Он считал, что работа утомляет меня, и от этого... возникают проблемы. С постелью тоже. Я очень старалась быть хорошей женой. Но ничего не вышло.

Она опустила глаза и печально вздохнула. В комнате стало тихо. Через распахнутое окно доносился тихий шелест листвы.

— А как же киориец?

— Непробужденные мужчины не испытывают физического желания. А пробужденные... — снова вздох. — У нас ничего не было. Я сразу рассказала о своих особенностях. Для киорийцев физическая близость не столь важна. А лечению мое состояние не поддается.

— Ты мне врешь!

Темперамент все же взял верх над разумом. Эмир шагнул к ней, обхватил за талию, поднимая над полом — сильный зараза — и в два широких шага оказался у кровати. Уложил на покрывало и навис сверху. В глазах его светилась решимость доказать, что уж он-то точно заставит ее испытать страсть...

...Жадные руки шарили по телу. Губы изучали шею. Пальцы развязывали пояс...

Саша лежала и изучала балдахин, мысленно воскрешая в памяти бывшего мужа и близость с ним. Охлаждало безотказно. А еще оказалось, что если прелюдия не возбуждает, то выглядит довольно скучной. И нелепой.

...Мужская ладонь проникла под жилет — быстро он с пуговицами справился — и сжала грудь...

Девушка поморщилась. Не больно, но и приятного мало. Почему мужчины вообще считают, что мять женскую грудь — это обязательный атрибут возбуждения? Хотя Икар таким не страдал... Думать о нем, она себе запретила, иначе может получиться совсем не то, чего хотелось. Саша перевела взгляд на стену, пытаясь найти что-нибудь интересное. Отвлечься. Сколько эмиру понадобится времени, чтобы убедиться в отсутствии у нее реакции?

...Пока ладонь мяла одну грудь, губы добрались до другой. Горячие. Жадные. Влажные. Язык обвел ореолу соска, вызывая чисто физическую реакцию...

Землянка вздохнула и повернула голову в другую сторону. Взгляд наткнулся на картину. На Этре она еще не встречала произведения искусства. Да и здесь картина столь удачно вписывалась в интерьер, что заметить ее было сложно.

...Жилет на ней уже распахнули полностью. Теперь руки и губы играли с тонкой тканью просторной рубашки. Весьма умело, стоит признать...

Однако картина выглядела интереснее. Изображение Этры из космоса. Вот только... Не такое, как видели они с Филис. Немного иное. Без алого ореола вокруг. Да и в целом. Более... мирное? Возможно, такой планета была раньше. Но что делает здесь снимок? Который так удачно расположен, что его видно с кровати. А если лечь еще и к изголовью, то смотреть явно будет удобнее.

— Ты ее любишь.

Мужчина на ней замер. А добрался уже до живота. Одну руку уже и под подол запустил. Так на лодыжке и замерла. Вторая — на бедре. Пока еще по эту сторону ткани. На лице же отразилась крайняя степень задумчивости и недоумения.

— Планету, — пояснила Саша, разглядывая холеные черты. — Ты ее любишь.

Она взглядом указала на картину, эмир взглянул туда же. Затем на нее. Прищурился.

— Ты... смотрела на картину?

— Да, она очень гармонично вписана в комнату. Красиво. Мне нравится.

Руки аккуратно убрались с изучаемых мест, а сам этросс поднялся и сел рядом. Матрас прогнулся под его весом.

— Почему ты решила, что я ее люблю?

— Разве в спальне станут вешать что-то, что не нравится? Да еще и на таком месте, чтобы видеть перед сном и при пробуждении?

— И ты думала об этом, пока я...

Выразительное молчание звучало громче слов. Саша кивнула, глядя на мужчину снизу вверх. Вставать она пока не торопилась.

— Я же говорила... Я не получаю удовольствие от близости.

Судя по выражению лица, ей поверили, но радоваться пока было рано.

— Может, тебе все-таки нравятся женщины?

Показалось, или в вопросе теперь прозвучала надежда?

— Нет...

И даже не соврала. Что эмира совсем не обрадовало. А ведь если разозлится, может решить, что с милостью он поторопился, и отправит ее обратно в камеру. Прежде чем мужчина дозрел до столь заманчивого решения, Александра села и запахнула жилет.

— Зато я умею играть в карты.

— Во что?

От Батимы она уже знала, что на Этре карточные игры неизвестны.

— Карты. Я знаю, что этроссы предпочитают шатранжи. А на Земле любят играть в карты. Я могу научить правилам, и тогда вы станете единственным этроссом, владеющим этим умением.

Взгляд. Главное взгляд попроще. И выражение лица. Помягче. Полегче. Она всего лишь наивная, недалекая девица, пытающаяся быть полезной и уstraшенная тюрьмой.

Эмир усмехнулся. В глазах его снова вспыхнул интерес.

— Рассказывай. Я хочу знать, что тебе известно.

Известно было многое. Спасибо папиным путевкам в лагерь, где кроме карт и поиграть было не во что. Кто бы знал, где ей эти знания пригодятся...

...Уже через полчаса, благодаря призванному роботу, они стали обладателями простейшей колоды из тридцати шести карт. Рисунков на них не было. Обозначения вышли весьма условными. Но в целом читаемыми. А дальше...

...Она правильно рассчитала, что тот, кто имеет одну зависимость, легче подсядет на другую. Эмир оказался азартен. Играл с интересом. Проигрывал с яростью. Выигрывал с горящими глазами. Он втянулся. И весьма быстро. А когда узнал, что игр несколько, а не одна...

— Просто так играть неинтересно, — его взгляд снова скользнул по ее фигуре. Неутоленное желание давало о себе знать. Это тоже было предсказуемо.

— Можем играть на вопрос, — предложила Александра, хмурясь и рассматривая карты. Она поддавалась. Позволяла мужчине выигрывать чуть чаще, чтобы поддерживать его настроение.

— Это как?

— Выигравший задает любой вопрос проигравшему. Тот должен ответить правду.

— И что же ты можешь мне рассказать? — насмешливо приподнятые брови и ирония во взгляде.

— Я могу рассказать о Земле. Разве эмиру не интересно узнать о планете из первых уст?

И хлопнуть ресницами. Пару раз. Улыбнуться. Неуверенно. Но с надеждой. Робкой. Пусть поверит, что он — единственный господин и владелец ее судьбы, и она уже заранее смирилась с такой участью.

— Давай попробуем... Но ты. Я не стану отвечать на вопросы о побеге или безопасности дворца.

— Я лишь предлагаю небольшой обмен культурными ценностями...

Наивность и немного обиды. Совсем чуть-чуть, ведь на повелителей не обижаются. Они всегда правы. Во всем. Главное — поддерживать в них эту веру...

...В отведенную ей комнату Александра вернулась ранним утром в сопровождении

охраны. Закрыла дверь, прислонилась к ней спиной и едва не подпрыгнула от раздавшегося в темноте голоса:

— Ты все это время была с эмиром?

Батима выступила вперед, а Саша тихо выругалась на родном.

— Напугала. Да... Я от него.

Она прошла мимо застывшей этори, проводившей ее изумленным взглядом. Развязала пояс, позволив ему упасть на ковер. Скинула тапочки.

— И... как...ты?

— Нормально. Жить буду.

Застежки на жилете поддавались с трудом. Пальцы путались. Глаза слипались. Зевоту подавить не удалось. Да она и не старалась. Не став даже пытаться прикрыть рот.

— Ты... ты...

Батима проводила взглядом упавший жилет, а затем рубашку. Белье Саша решила оставить. Спать можно и в нем. Залезла на кровать. Замоталась в покрывало и улеглась на подушку.

— Ты не делила с ним постель!

Возмущенное восклицание выдернуло ее из подступающей дремы. Пришлось оторвать голову от подушки и сфокусировать взгляд на нависшей над ней фигурке.

— Не делила. Глупостей тоже не творила. Успокойся.

— Но... он же отправит тебя назад!

— Не отправит... — Саша снова зевнула и закрыла глаза. — Я его еще покеру не научила...

— Что?

Девушка приоткрыла один глаз и вздохнула.

— Вечером расскажу. А сейчас дай мне поспать, а? И это... Ночью эмир снова ждет меня у себя. Так что найди там платье или еще что... Можно шаровары. В них удобнее.

Ответом стал долгий протяжный вздох. Потом кровать прогнулась под весом Батимы.

— Я рада, что ты нашла к нему подход, — тихо произнесла она и еще тише добавила: — Ночью... Когда пир закончился, флот Этры был отправлен к Киорису. В наступление.

Сон как рукой сняло. Александра замерла. Затем медленно открыла глаза. Нервозность девчонки стала понятна. Страх. И неизвестность будущего.

— Это что-то меняет для нас?

— Если для тебя — нет, то и для меня тоже.

Ждать. Вот то единственное, что они могут. Ждать. Победы или поражения.

— Хорошо. Спасибо.

Этори выдохнула. И едва слышно произнесла:

— Пленник еще жив. Его держат отдельно. Я слышала, почтенный Марсад делает опыты с ядром корабля киорийцев.

И Байона держат рядом с лабораторией. Скорее всего. Ведь он — единственный, кто хоть что-то понимает в строении корабля и инженерии. Жив — уже хорошо.

— Он занимался этим и по дороге сюда. Недолго. Я думала, они оставили ядро в покое.

Их голоса сливались с тишиной. Едва уловимые. Почти неразличимые.

— Отец... он велел продолжить. Я слышала... первую лабораторию пришлось поменять. Там что-то случилось.

Что-то. Обтекаемая формулировка. За ней может прятаться все, что угодно. Смерть.

Взрыв. Уничтожение оборудования. По крайней мере, ясно, что Талия не даст им скучать. Но почему же этроссы никогда не видели ядра? Или она ошиблась, и на Этре нет Археосов?

— Кто теперь контролирует исследования?

— Эмир.

Одно слово, и по спине пробежали мурашки. Она может сколько угодно строить из себя идиотку и пудрить ему мозги, но не стоит оставлять без внимания то, что он опасен. И совсем не глуп.

— Хорошо.

Батима встала и бесшумно удалилась, растворившись в рассветных сумерках. Саша закрыла глаза. Сон. Ей нужно выспаться. Утро вечера мудренее...

...Пробуждение наступило где-то в обед. Голова гудела от недосыпа. Желудок требовал еды. А еще нужно было посетить уборную. Очень нужно. Саша с трудом разлепила веки и на полуавтомате направилась выполнять утренние процедуры. Проснувшись она, уже стоя под струями мерзкой теплой воды, совсем не приносившей ощущение чистоты. Теперь понятно, почему женщины большую часть времени проводят в купальне...

Из ванной она вышла с мрачной решимостью отыскать завтрак — можно и обед — а потом нормально отмыться. Все вчерашние притирания остались на коже и теперь вызывали легкий зуд, навевающий неприятные мысли о ядах, болезнях и прочем...

Вчерашний костюм уже исчез с ковра. На подушках ее ждал новый, аккуратно сложенный. Теперь уже зеленого цвета. Из мягкой, текучей ткани, отдалено похожей на шелк, но куда лучшего качества. Материал не просвечивал, но приятно ласкал кожу и даже, кажется, охлаждал. Фасон оказался прост — длинное платье под горло со свободными рукавами и пуговицами спереди от ворота до талии. К нему прилагался тонкий платок и серьги. Висячие. Золотое плетение и крупные изумруды. Такое захочешь — не пропустишь. Эмир явно решил продемонстрировать свое отношение. И ведь никто не поверит, что она с ним не спала. Да и стоит ли говорить? Разубеждать? Бессмысленно. Вот только любить ее точно не будут...

Расчесав волосы и одевшись, Саша выглянула за дверь, где сразу же наткнулась на рабыню. Незнакомую. Уже немолодую. С сединой в черных волосах и усталым взглядом. Та медленно поднялась с пола у ее двери, где явно ждала, черт знает, сколько времени.

— Добрый эээ день. Обед уже прошел? — она приветливо улыбнулась и распахнула глаза в притворном удивлении. Не каждый же день ее встречают у дверей слуги.

— Трапеза как раз началась. Вы хотите принимать пищу в своих покоях или с другими женщинами?

Безопаснее было бы не высовываться, но... Прятки ее не спасут, а вот увидеть реакцию на свое появление — не повредит. Заодно она узнает, кто еще задержался во дворце.

— Я хотела бы отобедать в компании. Вы не могли бы меня проводить?

Этори кивнула и взмахом руки поманила ее за собой. Спрашивать про Батиму Александра не стала. Либо увидит ее за обедом, либо найдется позже. Вряд ли девчонка решила бросить ее на произвол судьбы.

Рабыня привела ее в трапезную, расположенную также в подвале. Просторная комната с искусственным освещением, пушистым ковром и длинным столом посередине, вокруг которого разбросаны подушки. Здесь могло бы разместиться человек тридцать, но сейчас набралось всего пять: Далила, беременная сестра эмира, Батима, медресс и еще одна незнакомка.

При появлении нового лица разговоры смолкли. Провожавшая ее рабыня осталась в коридоре, а Саша, продолжая безмятежно улыбаться, прошла в зал и остановилась в ожидании, пока ей предложат место. Положение гостя зависит от отношения хозяина или от родовитости самого гостя. Сейчас во главе стола никто не сидел. Ближе всех к нему располагались незнакомка и сестра эмира. Медресс и Батима сидели ближе к входу, Далила — между падчерицей и незнакомкой, что ее явно раздражало. Или ее так перекосило от сережек?

— Доброго дня и легкой трапезы, — вежливо пробормотала девушка, по очереди оглядывая всех присутствующих.

Незнакомка выглядела эффектно. Синие цвета. Драгоценности. Лицо с тонкими чертами. Темные, выразительные глаза. Она была молода. Моложе Далилы, но старше Батимы. И взгляд... Если бы им можно было убивать... Если бы...

Медресс поднялась со своего места и подвинулась, приглашая Сашу сесть напротив Далилы. Пусть не надеются, что у нее испортится аппетит. Голод сильнее чужой зависти. И злости. Прибор перед ней появился в мгновение ока, а взгляд заметался между блюдами. Рот наполнился слюной. Тарелку девушка наполнила очень быстро и примерно с такой же скоростью начала уничтожать выбранное. Общая тишина за столом ее не смущала, как и взгляды.

— Кажется, эмир решил попробовать экзотику... Но всем известно, что она быстро надоедает.

Голос у незнакомки оказался низким и хриплым. Таким как раз шептать в темноте любовнику. Саша, не отвлекаясь от поглощения овощей с каким-то пряным соусом, отломил кусочек лепешки и сунула в рот. Оказывается, она ужасно соскучилась по хлебу. Нормальному серому хлебу. Или белому. С горбушкой. И мякишем.

— Но сегодня эмир велел приготовить для него Александру, — мягко откликнулась Батима, — и после трапезы я прослежу за всем в купальне.

Стало еще тише. Теперь явственно слышалось чавканье, с которым Саша поглощала лепешку уже со сладкой начинкой. Пальцы она облизывала, наплевав как на приличия, так и на чужое мнение. Пусть ядом исходят. Она послушает.

— Как эмир вообще мог позариться на такое... — прошипела Далила.

— Вкус эмира безупречен, — тихо, но твердо произнесла беременная, — и не должен быть подвержен пересудам и осуждению. Если он желает видеть в своих покоях землянку, она там будет. А дальше — на все воля его...

Если бы не голод, после таких речей, кусок бы в горло точно не полез. Да и тон... Холодный. Равнодушный. Будто ей уже не до чего нет дела. Почему?

Саша покосилась на соседку. Та почти ничего не ела и сидела, опустив взгляд в тарелку и сложив руки на животе. Напугана? Больна? Или беременность так влияет?

Обед так и закончился. В тишине. Под осуждающе-презрительными взглядами кобр, готовых разорвать ее, стоит только оступить. А они, каждая из них, сделают все, чтобы она оступилась. Очаровательно.

...Уже позже, после купальни, где ее снова вертели, массировали и смазывали, в свой комнате, Саша спросила Батиму:

— Эта женщина за обедом — наложница эмира?

— Да. Любимая. Ей позволено жить в этом Доме, приказывать рабыням и сопровождать эмира на праздниках.

— Но вчера он не пригласил ее за свой стол.

— Не пригласил. И все видели, что ушел он с тобой. А утром стража сопровождала тебя обратно. Живую. И уставшую. А потом эмир прислал подарки.

— Если эмир от нее откажется, что будет?

— Он может подарить ее кому-то из приближенных. Или отправить в дом к рабыням. Другим наложницам. Из которых он иногда выбирает себе кого-то на ночь. Для нее это

будет понижением. И поражением. Еще никогда рабыни, отправленные в тот Дом, обратно не возвращались.

Значит, за свое место она будет держаться до последнего. И ждать стоит, чего угодно.

— Как ее зовут?

— Маналь.

— А сестру эмира?

— Савсан. В честь цветка. Говорят, старый эмир очень любил ее. Баловал. И долго не отдавал замуж.

А теперь ее держат в собственном доме как пленницу. Что-то не похоже, что она хочет здесь оставаться. Вот только, чем это поможет? Вряд ли беременная женщина, даже доведенная до отчаяния, решится что-то сделать против собственного брата. Стоит только надеяться, что ей и не до интриг в целом.

— Что они могут сделать?

На вечер наряд подготовили совсем иной. Тоже зеленый, но более темного оттенка, уже с прозрачной нижней рубашкой и плотным, шелковым жилетом, пуговицы которого украшали драгоценные камни. В дополнение шел гарнитур с браслетами и колье из изумрудов. Явно изготовленных в комплект к серьгам. Весьма искусно. На Земле такую красоту Саша не видела, но сейчас оставалась к ней равнодушна. Какая разница, как ее упакуют, если цель — не дать эту упаковку снять?

— Отравить вряд ли попытаются. Это серьезно. Но ткнуть булавкой — легко. Толкнуть в купальне. Подложить мыло на пол. Пригласить куда-то и... В общем, не слушай никого и будь осторожна. Очень осторожна. Пока они просто злятся и не понимают, но если эмир призовет тебя на третью ночь подряд... Это автоматически повысит твоя статус. Вы станете с Маналь наравне. И она уже вряд ли будет терпеть.

Прекрасно. Судя по азартному рвению, эмир ее позовет не только на третью, но и на седьмую ночь подряд, а к такому тут явно не готовы. Предложить ему пригласить еще рабыню? Еще поймет не так. Подумает, что женщины ей все-таки интересны. И что делать?

До вечера оставалось не так уж и много. Легкий ужин Батима принесла прямо в комнату, где они его и съели. Вдвоем. Молча. Саша думала. Выстраивала речь. Морально готовилась. И все равно оказалась в замешательстве...

...Эмир встречает ее в своей спальне. Он одет лишь в распахнутый халат и тонкие брюки. Стоит признать, что фигура у него хороша. И широкая, гладкая грудь. И пресс, проступающий под смуглой кожей. Вот только интереса совсем не вызывает. Может, от того, что как человек он ей скорее противен?

— Вечер добрый, великий эмир, — она поклонилась, отдавая дань традиции.

— Подойди, — властный голос, более жесткий, чем вчера. В руке его — бокал с чем-то. И это что-то суется ей под нос. — Выпей. Вчера ты меня развлекла, но сегодня я хочу попробовать кое-что другое...

Вот черт! Улыбка застывает на лице. Сомнений в том, что находится в бокале, нет. Пить или не пить вопрос тоже не стоит. Придется. А что потом?

Саша аккуратно взяла бокал и едва пригубила напиток.

— Сладко.

— Выпей все.

Этросс наблюдал за ней с исследовательским интересом. Глупо было надеяться, что

такой мужчина возьмет и с первого раза поверит в свое поражение. Вчера ей удалось застать его врасплох, сегодня... Все внутри сопротивлялось. Хотелось выплеснуть жидкость в наглое лицо, но нельзя. За дверями стража. А в тюрьме не кормят. Да и... Ей нужно выжить.

Александра улыбнулась и маленькими глотками выпила весь бокал, не спуская глаз с мужчины. Стоило отдать ему пустую посуду, как он улыбнулся. С предвкушением. И торжеством. Кто-то уже не сомневался в своей победе. Сволочь.

— Сыграем? — она кивнула на постель, которую прошлой ночью они использовали отнюдь не по назначению.

— Сыграем. Но сегодня не на истории.

Они расположились на покрывале полулежа, лицом друг другу, чтобы посередине осталось место для карт.

— На что же хочет сыграть многомудрый эмир?

— Если я выиграю — ты снимешь предмет одежды.

Стриптиз захотел. Стоило догадаться, что до этого он быстро додумается.

— А если выиграю я?

— Разденусь я.

Саша улыбнулась, на этот раз широко и искренне.

— Мне кажется, мы можем сделать игру интереснее.

— И чем же?

— Если выиграю я — один из предметов одежды вернется на место. Так азарт будет сохраняться.

— Хорошо, — он усмехнулся. Проигрыш его не пугал совершенно.

Внизу живота потеплело. Вечер обещал быть бесконечным...

...После первого проигрыша, оставив эмиру тапочки, Саша отпросилась в уборную. Здесь она была роскошная. Выложенная мозаикой, с какими-то узорами на стенах, утопленной в полу ванной и прочими атрибутами роскоши.

Пустив воду в раковину, чтобы немного заглушить звуки, девушка согнулась над унитазом и сунула пальцы в рот. Мучительные спазмы избавления желудка от содержимого заставили согнуться и буквально обняться с фаянсовым другом. Когда все закончилось, она тщательно умылась, прополоскала рот, уничтожила все следы преступления и взглянула в зеркало. Зрачки немного расширились. Дыхание участилось. На шее выступила испарина. И не поймешь, то ли от тошноты, то ли от афродизиака.

Сволочь высокородная. Его бы самого накормить этой гадостью. По спине пробежал озноб. А если он тоже выпил? Тогда все ее усилия будут напрасны. Не драться же с ним в самом деле, да и... Как? Он сильнее. А она не обладает нужными знаниями и навыками, чтобы справиться с ним. Влипла.

Саша выключила воду и вернулась в спальню. Мужчина встретил ее улыбкой и внимательным, долгим взглядом. Пришлось улыбнуться и снова залезть на кровать. Следующую партию она выиграла, вернув себе обувь. Затем дважды проиграла, лишившись ее снова, а заодно платка с головы.

В комнате становилось жарче. Или ей не хватало воздуха? Одежда казалась тесной. Кожа стала чувствительной. Низ живота налился жаром. И все это можно было бы пережить, если бы у нее перед глазами не маячила обнаженная мужская грудь. И кубики идеального пресса.

Сосредоточиться на игре стало сложнее. Так она быстро проиграет, а там последует закономерный итог.

— Когда мы направлялись к Этре, шейх Данияр занимался исследованиями корабля киорийцев и привлекал меня к нему, но потом все неожиданно закончилось... В лаборатории произошел несчастный случай.

Масляный, раздевающий взгляд сменился острым и внимательным.

— Тебя интересуют исследования?

— Все нет, — Александра рассмеялась, — я в них ничего не понимаю. Скорее безопасность. Я слышала ядра кораблей могут взрываться. Не хотелось бы, чтобы эксперименты неожиданно стали причиной трагедии.

Выражение лица этросса смягчилось. На губах заиграла усмешка.

— Тебе не о чем волноваться. Лабораторию тщательно экранировали. И она находится в стороне от жилых Домов. Накладки были в самом начале, но сейчас, насколько я знаю, все не так уж и плохо.

— Я так рада это слышать, — она улыбнулась, мысленно прикидывая план дворца и возможное место расположения лаборатории. — Предусмотрительность эмира не знает границ.

Усмешка. Довольная. Все же насколько этросские мужчины падки на лесть. С одной стороны, они привыкли к ней и не признают иного отношения, с другой — она нужна им как воздух для подтверждения уверенности в том, что они неотразимы.

— Достопочтенный Марсад намекал мне, что твое участие в опытах может дать

интересный результат... Это правда, что ты можешь контактировать с ядром?

И снова этот короткий, пронизывающий взгляд. Саша опустила взгляд в карты, ощущая, как по спине течет пот. Жилет хотелось снять без всякого проигрыша. А еще пить... И есть. Именно опустевший желудок отвлекал разум низменными желаниями.

— Сложно сказать... Я не понимаю его. Могу видеть отдельные отрывки. Какие-то места. Люди. Звери. Все совершенно мне незнакомое. Я никогда там не бывала. Но вижу. Сама не знаю, почему.

— На Киорисе — Археосы, у нас на Этре — пчелы, а что на Земле?

— Атланты...

— Кто?

Теперь в глазах зажегся интерес. Вот и хорошо. Вот и замечательно. Она аккуратно выложила карты перед собой, зная, что крыть противнику нечем. Тот бросил на них короткий взгляд, мимолетно нахмурился, но сразу же успокоился.

— Расскажи об атлантах. Ты о них не говорила.

— Планета велика, не могу же я за один вечер рассказать все ее секреты, — и пару раз хлопнуть ресницами. Улыбнуться. — Но желание эмира — закон. Атланты — это жители давно затонувшего материка Атлантиды...

Вовремя вспомнился мультфильм Диснея про Атлантиду, который она вольно и пересказала, перемешивая выдумку с прочитанными теориями ученых. Самое сложное было в том, чтобы голос звучал ровно. А еще — не сбиться с мысли. В голове откровенно путалось. Кожа горела огнем, внизу стало мокро и жарко. Но она улыбалась и говорила, говорила, говорила...

Спустя еще три игры стало ясно, что эмир утратил интерес к ее телу. Его мало стало интересоваться выигрыш, больше занимал рассказ и эксперименты.

— Тебя приятно слушать, но я устал...

Саша прикусила язык и тихо выдохнула. Она уже сама мало понимала, что говорит.

— Я надоела эмиру?

Он окинул ее насмешливым взглядом.

— Можешь называть меня по имени. Джамиль. На сегодня — хватит. Иди к себе... Видимо, ты и вправду дефектна, раз даже мед с вином тебя не берут.

— Благодарю...

Она склонила голову, а потом медленно и аккуратно оделась, пока эмир вызывал охрану, используя браслет на правой руке. Нечто, отдаленно похожее на коммуникатор киорийцев. Использовал он его нечасто. Но связь с охраной там присутствовала постоянно. Наверняка.

Саша покорно опустила взгляд и медленно прошествовала вслед за стражниками до Дома Женщин. А там также медленно и величественно до своей комнаты. И только заперев дверь, позволила себе застонать и буквально рухнуть на ковер.

— Скотина... Тварь... Ненавижу...

Она срывала одежду, не заботясь о ее сохранности, и швыряла на пол. Тело изнывало от желания. В глазах темнело. До ванной девушка добралась с трудом. А там встала под душ, который принес лишь слабое облегчение.

— Александра! — тонкий голосок Батимы с трудом пробился сквозь шум воды. — Ты в порядке?

— Не мешай!

Землянка опустилась на дно небольшой ванны. Легла, подставив бедра под струи воды. Этого было мало. Слишком мало. Пальцы скользнули по влажной коже. Туда, где все горело. Жаждало. Трепетало. Перед глазами встал Икар. С губ сорвался стон. Мучительный и больше похожий на рык животного. Она сейчас мало походила на человека. Скорее на озабоченную самку, которой требовалось удовлетворение. Немедленно. Прямо сейчас.

Хватило пары прикосновений для оргазма. Судорога скрутила все тело, дыхание перехватило, а новый стон застрял в горле. На мгновение стало легче. Но лишь на мгновение. Потом все началось снова...

...Понадобилось еще две столь же мощных разрядки, чтобы тело начало успокаиваться. Жар отступал. Мышцы ослабели. Голова стала пустой и легкой. Она лежала в ванной. Мокрая. Уставшая. С тяжело вздымающейся грудью и пересохшим горлом.

Дверь тихо открылась, и рядом оказалась Батима. Непривычно смущенная и выглядящая на свой возраст. Она выключила воду. Подала полотенце. И села на пол, обхватив колени руками.

— Сильно я шумела?

Саша села с трудом. Начала аккуратно проходить тканью чувствительную кожу.

— Не очень... В покоях отца обычно кричали громче. Ты была... довольно тихой. Не думаю, что в коридоре кто-то слышал.

— Хорошо.

Еще не хватало, чтобы эмиру донесли про странные звуки. Вторую такую проверку она точно не выдержит.

— Я тебя не понимаю, — вдруг снова заговорила этори. — Ты явно получила удовольствие... Здесь. Сейчас. Но снова не стала спать с эмиром?

Вопрос звучал скорее утвердительно, но Александра кивнула, подтверждая вывод.

— Почему? Говорят, он весьма умел. И не мучает наложниц. Они уходят от него довольные.

— И это все, что должно быть в мужчине?

Она устала, и вопрос прозвучал резко. Пришлось глубоко вздохнуть и выдохнуть. Взять паузу, чтобы закончить вытираться, и уже вылезти из ванной.

— Ты сама была с мужчиной?

Саша бросила влажную ткань на пол и завернулась в сухую. Батима покачала головой.

— Я видела... Не раз. Животных. И рабов. Я знаю, как все происходит. Мама рассказала. Да и отец... никогда не стеснялся. Но он считал, что меня надо беречь... Мало ли...

Ну да. Вдруг, кто-то решил породниться с шейхом через его дочь. Она должна быть не тронута, чтобы не уронить честь семьи.

— Ясно. Не знаю, поймешь ли ты... Но я постараюсь объяснить. У вас на Этре считается, что у женщины нет своих желаний — только подчинение или служение мужчине. Твой отец или эмир — они хоть раз спрашивали, желает ли наложница провести с ними ночь? — в глазах Батимы появилось недоумение. — Вы считаете, что так должно быть по умолчанию. Господин повелел, женщина пришла и захотела, а если не захотела — это ее проблемы. Ведь он свое все равно получит. И да, возможно наложницы уходили довольные, потому что ни им, ни тебе никогда даже не приходило в голову, что можно сказать «нет». Не захотеть.

Девочка нахмурилась. Сейчас она как никогда раньше выглядела подростком.

Пятнадцатилетней. Юной. Неопытной.

— Но... Ты же хотела. Разве нет?

— Хотело мое тело. Потому что эмир дал мне вина с медом — понятия не имею, что это, но он так сказал. Однако тело — это еще не все. Желание рождается не между ног, а в голове. И оно состоит не только из животного порыва к спариванию и размножению, но и из чувств. Симпатия. Привязанность. Интерес. Уважение. Но самое главное — свобода. Выбор — сказать «да» или «нет». Когда его нет, близость превращается в насилие. Даже если жертва так не считает, даже если получает удовольствие от происходящего или учится этому, потому что ее разум вырабатывает защитную реакцию. Никому не нравится, когда его принуждают, и разум умеет себя обманывать. Он верит, что происходящее — норма, что ничего страшного и неправильно в этом нет, что удовольствие — это все, что нужно от секса.

Батима хватанула ртом воздух. Встала. Прошла по комнате. Обернулась и взглянула на нее.

— Ты... Откуда ты это знаешь?

— Я была замужем. И тоже считала, что все нормально. А потом встретила мужчину, которого захотела по-настоящему. И у меня был выбор. Теперь я знаю разницу. И не хочу возвращаться к прошлому.

— Но если однажды ты не сможешь обмануть эмира?

Саша вдохнула. Об этом она уже думала.

— Я это переживу. Мне будет неприятно, но переживу. Знаешь, ему тоже не понравится чувствовать себя насильником. Не все мужчины это любят.

Девочка покачала головой.

— Тебе нельзя оставаться на Этре. Ты слишком чужая. И уже не сможешь здесь прижиться.

Да. Раньше, попади она сюда с Земли, смогла адаптироваться, смирилась бы. Но не после Киориса. Не после того, как увидела своими глазами мир, в котором есть свобода. В котором люди не боятся выбирать и нести ответственность. И пусть там она тоже не стала своей, но обратной дороги уже нет.

Александра зевнула, прикрыв рот ладонью.

— Пойдем спать. Думаю, сегодня меня уже не позовут. А отдохнуть надо.

Этори не стала возражать. Она так и ушла, притихшая и смущенная неожиданным знанием...

...Ночью ей снился Икар. То утро, когда все изменилось. Когда стало вдруг ясно, что существующие раньше правила и ограничения больше не играют роли. Что есть только они двое и то, что между ними. И только это имеет значение.

Его лицо после пробуждения. Растрепанные волосы. Отпечаток подушки на щеке. И улыбка. Она рождается в глубине глаз. И постепенно расходится по всему лицу, озаряя его светом. От нее становится так легко, что неловкость отступает. И пробуждение плавно перетекает в завтрак, а потом...

...Она проснулась на мокрой подушке с влажными глазами. И продолжала лежать, не желая двигаться. Хотелось вернуться в сон. К Икару. Забыть об Этре как о страшном сне. Забыть...

Но перед глазами встала Ольга на полу в том зале. Лицо Данияра. Филис... Сколько еще людей пострадает? И выжила ли ее подруга? Или теперь близких у нее стало меньше? И как ей жить с этим дальше?

Утреннее уныние пришлось отложить. Усилием воли отодвинуть в сторону. Заставить себя сесть. А потом встать. Она обещала справиться. И она сможет. Сделает. А потом, когда все закончится, пострадает в волю. Будет лежать. Молчать. И не шевелиться. Сутками напролет. И сможет оплакать всех. А пока... С каждым днем флот Этры приближается к Киорису. Ей нужно только дождаться итога. Дождаться. И она сможет.

...К завтраку ей принесли новые наряды. Такие же шелковые и прекрасные, как вчера. А еще драгоценности. Сапфиры в комплект к тем браслетам. Брошь и серьги. На мгновение стало противно. Будто она принимает что-то грязное. Мерзкое. Захотелось отбросить шкатулку, но Александра сдержалась. Она должна терпеть. И улыбаться. Улыбаться, несмотря ни на что.

На завтраке Маналь сияла и бросала на нее торжествующие взгляды. А еще громогласно рассказывала о том, сколь неутомим был эмир минувшей ночью. Саша молча ела, хотя аппетит пропал. Она заставляла себя жевать и глотать, не чувствуя вкуса. Пить. Двигаться.

В голове царил сумбур. И, когда медресс обратилась к ней, девушка отреагировала не сразу. А потом очень удивилась, наткнувшись на взгляд старухи.

— Что-то случилось?

До этого этросска показательно ее игнорировала, оставив все общение Батиме.

— Эмир желает тебя видеть в тронном зале.

Все звуки в столовой исчезли. Кажется, Далила даже перестала дышать. Как и этори, замершая с круглыми глазами. Подобное видимо было совсем не в местных традициях.

— Тогда не стоит заставлять его ждать.

Под испепеляющим взглядом Маналь Саша встала и направилась следом за старухой. Та проводила ее лишь до дверей Дома, где передала заботам стражи. А девушка запоздало порадовалась, что оделась тщательно и даже драгоценности нацепила. Она не знала, зачем понадобилась эмиру, и даже не пыталась гадать. К чему, если ответ скоро будет известен?

В тронный зал она входила, мысленно готовясь к любому исходу, но стоило поднять взгляд...

Пчелы. От их количества и размеров дыхание перехватило. Кажется, в зале находился кто-то еще. Люди. И они о чем-то говорили с эмиром, но жужжание полностью заглушало

голоса. Или ей только показалось?

Саша замерла посреди зала, не в состоянии сдвинуться с места. Гудение становилось все громче и громче. А черно-золотые тела сливались в единый, шевелящийся ковер. В сплошное марево перед глазами. От которого заболела голова. Резкий прострел между висков. Спазм такой силы, что все вокруг потемнело, а гул стал невыносим. Кажется, она закричала, а может быть, просто упала, потеряв сознание...

...Саша оказалась в пустыне. Желтый песок. Солнце над головой. На ней только простой бежевый балахон. Волосы распущены. И никого вокруг.

Сердце забило чаще. Куда все подевалось? Как она здесь оказалась? Что вообще происходит? Девушка закружилась, пытаясь понять, пытаясь увидеть хоть что-нибудь. Знак. Человека. Да хотя бы животное!

Слабый ветерок подул со спины. Запутался в складках балахона, прижимая ткань к коже. Поиграл волосами. А потом вдруг дохнул жаром в лицо, заставив зажмуриться...

...Она оказалась на берегу океана. Или моря. Во всяком случае, под ногами был песок, а в паре метрах впереди начиналась кромка воды.

— Какого черта?

Дыхание перехватило, но лишь до тех пор, пока взгляд не наткнулся на стену между водой и небом. Она возвышалась над темной, недружелюбной поверхностью и приближалась. Медленно. Точнее казалось, что медленно, потому что ее размер не с чем было сравнить. Но затем ударил гром. Между туч почти сразу сверкнула молния, и разум вдруг собрал всю картинку целиком.

Волна. Цунами. Огромное цунами. Будто гора, приближающаяся столь стремительно, что бежать бесполезно. Саша оцепенела. Мышцы сковало ужасом. Захотелось закричать. Но крик застрял в горле. С губ не сорвалось ни звука. Вокруг вообще было подозрительно тихо. Нереально тихо. И эта странность вдруг показалась значимой.

Как она здесь оказалась? Почему? Ветер. Пустыня. Океан. Этра. Пчелы. Пчелы в тронном зале!

— Что здесь происходит? Почему я это вижу?

Ответа не было. Только приближающееся цунами, в которое она вгляделась, пытаясь найти ответ. И увидела...

В темной глубине, похожей на застывший цемент, вдруг промелькнуло тело. Светлое. Светящееся. Вот мелькнуло щупальце. Вот еще одно. И еще. Саша шагнула ближе к воде, стараясь рассмотреть и боясь ошибиться. Сердце забило громче и чаще.

Археос. Огромный. Сильный. Он находился внутри цунами. Направлял его. Или... Щупальце. Голова. Ощетинившиеся отростки. Вспышка. Молния без грома. Не молния. Энергия. Свет Археоса. Он пытался остановить волну, а не управлял ей.

— Давай. У тебя получится. Давай же...

Теперь она отчаянно хотела, чтобы неведомое существо справилось. Чтобы волна не дошла до берега, а исчезла. Растворилась. Ведь это всего лишь вода. И в ней существо, которое может управлять жизнью и смертью. Он не может не справиться...

Она сама не заметила, как стиснула ткань в кулаках. Волна приблизилась уже настолько, что закрывала половину неба. Смотреть приходилось вверх, а не вперед. Размеры подавляли. Саша впервые поняла, насколько незначительным и слабым может оказаться человек. Перед таким явлением бессильно все... Оружие. Болезни. Воины. Государства. Чтс

сможет устоять?

Археос бился в волне, словно пойманная в силки птица. Его щупальца взбивали пену на вертикальной поверхности. Словно законов физики для него не существовало. И в какой-то момент стало страшно, что он не справится. Не сможет. Что стихия уничтожит даже его. Но вот еще одна вспышка. Самая сильная. Ослепительная. Паутиной молний отразившаяся на темной поверхности воды. И волна начала падать. Просто падать. Вниз.

Она на глазах теряла жутковатый мертвенный оттенок. Растекалась пенным прибоем. И вот уже докатилась до берега. Саша закрыла глаза, понимая, что вряд ли переживет удар, а когда открыла — снова стояла у кромки прибоя и смотрела, как волны — уже обычные, а не смертельные — накатывают на берег. Археос исчез...

Девушка медленно выдохнула и шагнула ближе. Ей хотелось снова увидеть это существо. Поговорить с ним. Понять... Взгляд шарил по горизонту, пока ее ногу не задело нечто... Александра посмотрела вниз, уже готовясь завизжать, но увидела не неведомого гада, а маленькую медузу. Хрупкую. Полупрозрачную. Со светящейся искрой в голове. Тельце трепыхалось у самых ног, выброшенное прибоем.

— Нет... — Она упала на колени и подхватила кроху. — Нет... Как же так?

Даже снова возвращенное в воду существо не пыталось плыть. Оно безвольно шло ко дну. Искра погасла.

— Нет! Должны быть другие! Не могло же все вот так закончиться!

Она оглянулась и действительно увидела других. Не все медузы погибли. Часть из них целеустремленно выбиралась на берег. Медленно, но верно. Перебирая щупальцами. Помогая себе отростками. Мальки Археоса ползли на сушу. В песок.

— Что?.. Но... как же?

Саша обернулась к воде. Та подозрительно быстро успокоилась. Но темная гладь не внушала доверия. Она казалась зловещей. Опасной. Жестокой.

— Вы не смогли жить в воде? И переселились на сушу? Но...

Еще один взгляд на мальков. Часть из них уже достигла сухого песка и теперь целеустремленно закапывалась. Медузы буквально ввинчивались в песок, подтягивали конечности и исчезали, оставив на поверхности лишь небольшие холмики.

— Кем же вы стали? И почему? Почему эта вода так опасна?

Ответом стал ветер. И шелест песков. А еще шепот волн. Словно кто-то вдруг включил звук на телевизоре, позволив ей услышать мир, а не только свои мысли. И пришло странное ощущение печали. Старой. Такой древней и всеобъемлющей, что она просто не помещалась в человеческое сознание.

Саша моргнула и увидела людей в палатках. Целый палаточный город, раскинувшийся под ночным небом. Песок. Отсветы костров. Тишина. И какая-то общая подавленность. Страх. Нет разговоров. Нет шуток и смеха. Лишь тишина и скорбные фигуры, караулящие огонь. Она не могла видеть, но откуда-то знала, что перед ней первые ассы. Те, кто пришел на эту планету из другого мира.

— Что-то случилось, да? Так ведь не должно было быть. На Киорисе было не так, да?

Снова шелест песка. И прикосновение ветра будто вздох. Печаль. Бесконечная печаль. И горечь. Все ошибаются. Даже те, кто может путешествовать между планетами.

— Почему вы выбрали этот мир?

Океан. Снова волны накатываются на берег, но сам он уже другой. Камень. Скалы. А на них деревья. Высокие. Толстые. С широкими листьями. И лианами. Джунгли. Местные

джунгли. И люди, живущие в них.

— Этори... Они были здесь до вашего прихода, ведь так?

Поселение в лесу. Хижины из листьев и веток. Темнокожие местные жители в набедренных повязках и с раскрашенными лицами. Огромный костер в центре поляны. Плачущие женщины. И молчаливые мужчины. Тело в огне. Сердце замирает, но человек в пламени уже мертв. И никого не сжигают вместе с ним.

— Их поразила болезнь, о которой говорила Батима... Но откуда она пришла? Почему?

Океан. Тяжелые волны бьются о скалы. Вода темная. Жестокая. Она не дарит жизнь, а отнимает ее.

— Но почему?

Морское дно. И на мгновение дыхание перехватывает, но мозг быстро адаптируется. Разлом. Темный и глубокий. Археос скрывается в нем, но свет его еще долго виден сверху. Он погружается медленно. И с каждой секундой его погружения, ощущение неправильности происходящего только увеличивается. Хочется закричать. Остановить его. Но она может только смотреть. И ждать.

А потом свет гаснет. Становится темно. И так холодно. Стук сердца оглушает. А крик рвется с губ. Но вот свет снова разгорается. Приближается. Быстро. Стремительно. Огромное тело вылетает из разлома и устремляется вверх. А Саша судорожно выдыхает, ощущая вполне реальную дрожь...

— Что же там такое находится?..

...Дальше картинки замелькали быстрее. Разлом. Глубина. Ядро планеты в разрезе, как на уроке географии. Просачивающаяся магма. Что-то смутное зашевелилось на задворках памяти. Саша попыталась собрать разрозненные кусочки воедино.

— Цунами... Они ведь не приходят просто так. Должна быть причина. Землетрясение? Сдвиг тектонических плит? Этот разлом — следствие или причина?

Картинка замерла, словно ее неведомый собеседник раздумывал над ответом. Или над тем, как лучше его сформулировать. Затем появился разлом с Археосом. А потом уже виденная картина цунами.

— Значит, причина. Произошел какой-то сдвиг, который породил волну и сделал воду непригодной для вашего обитания?

Перед глазами возникла целая планета. Но словно в другом спектре. Темная. Почти черная. И на этой черноте стали возникать алые линии. Они разрастались. Пересекались. Объединялись и раздваивались. Пока Этра не стала похожа на перетянутый нитями воздушный шар.

— Твою мать...

Теперь картина была полной. Максимально полной. Разум собрал пазл окончательно.

— Вы выбрали обреченную планету. Она должна была разрушиться. Но вы хотели ее спасти. Почему?

Она оказалась на берегу рядом с лесом джунглей. По песку бегали голенькие дети. Мужчины и женщины доставали из деревянных лодок сетки с рыбой и несли ее глубже в джунгли. Волны накатывали на берег, а небе собирались тучи. Сети вовсе не были полны так, как обычно. Люди хмурились. Кто-то ругался. Кто-то разводил руками.

— Вы хотели их спасти... Но ничего не вышло.

Горечь. Печаль. Чувство вины.

— Вам не хватило сил, чтобы удержать планету от разрушения... Получается, вы смогли только замедлить его. И теперь все начинается заново.

Ее не стали поправлять. Только показали огромный кратер, мертвые деревья на километры вокруг. Больных, каких-то вдруг посеревших этори.

— Разработка минерала. Она все усугубила... А война... Получается не при чем?

Снова промедление, будто существо сомневалось, стоит ли ей показывать, но все же решилось. И вот она видит корабли Киориса, приземляющиеся в пустыне. И газ... Белый газ, стелящийся по земле.

Почему-то сердце защемило. Стало неудобно. Захотелось отвернуться.

— Из чего этот газ? Как они его получили?

Она вновь оказалась на берегу. В тот момент, когда медузы зарылись в песок. Время вокруг словно ускорило. Холмики из песка начали расти, затем опадать, выпуская наружу... пчел. Те деловито отряхивались. Распускали крылья. И поднимались над песком. А затем сбивались в стаи и устремлялись куда-то в глубину материка.

— Зачем...

Вопрос она закончить не успела. Следующая картина все объяснила. Стая пчел и человек в центре. Он кричит. Пытается вырваться. Бежит. И падает, а тело его облепляют черно-золотые тельца.

С губ сорвался судорожный вздох. Саша отшатнулась от увиденного, впервые задумавшись о том, насколько гуманен ее собеседник.

А пчелы уже отпустили жертву, оставив на песке только кости. Белые. Будто ненастоящие. Они сбились в стаю, образовав темный, плотный ком, который все уплотнялся и уплотнялся, словно пытаясь... собраться заново? Когда из центра этого кома появилась огромная неповоротливая туша, девушка даже не удивилась. Пчело-матка. Она нужна для размножения. Иначе в новом виде Археосы бы не выжили...

— Вам нужна была кровь? Но почему?

Ветер в спину, как будто тяжелый вздох. Горстка песка поднимается снизу вверх. И оставшиеся мелкие пчелы кружатся в вихре. Хватают песчинки.

— Вы научились переваривать песок. А кровь...

Вспомнился светящийся Археос. Сила, идущая от него. Умение управлять энергией. Пчелы были совсем не такими. Они... Просто существовали. В стае. И им нужна сила. Но здесь они только тратили ее, пытаясь удержать планету, а брать было больше не откуда, кроме...

— Вам пришлось брать их кровь. И не только кровь. Вы же и мозг съедали, да? И спинной тоже... Нервы...

Нервная система Археосов — это основа кораблей киорийцев. А здесь... Им пришлось поглощать ее, чтобы не потерять друг друга и себя.

— Вы загнали себя в ловушку. Вы не могли вернуться назад, откуда бы вы ни пришли, и не могли нормально функционировать здесь. Если бы вы погибли, погибла бы и планета. А выжить в старом облике вы тоже не смогли.

И вышло то, что вышло. Кровь в обмен на силу. И что там еще? Прополис? Мед? Люди нашли им применение. И научились жить с пчелами в мире. Построили города. Основали культуру. Создали технологии. Пока на другом материке тихо и мирно существовала другая раса и культура. А потом ее завоевали...

— Тот газ тоже создали вы? Съели минерал, да?

И получили некое вещество, обладающее поразительными свойствами. Наверняка, там не только негативные, но люди ведь всегда из всего делают оружие, а потом уже думают о мире.

Александра покачала головой и села прямо на песок. Она уже не понимала, на каком из материков находится. Знала только, что вокруг ночь и где-то рядом шелестят волны.

— Я вас услышала потому, что уже имела связь с ядром. Видела память Археоса. В общем, я — приемник, настроенный на нужную волну. Радиус действия только небольшой. Я могу чем-то помочь?

Глупо думать, что она может решить проблемы тех, кто замахнулся на спасение целой планеты, но все же...

— Если я вернусь на Киорис, я могу рассказать, что здесь происходит. Вы можете связаться с другими Археосами?

Тишина в ответ. Но в данном случае молчание — вовсе не знак согласия.

— А если я расскажу им? Они смогут помочь?

Снова тишина. Только шелест воды. И легкий ветерок, пошевеливший волосы на макушке. Будто кто-то погладил ее по голове.

А потом ей показали Этру такой, какая она есть сейчас. В космосе. Шарик в алом ореоле, вращающийся вокруг звезды. Вот он медленно делает полный оборот, а потом

вспыхивает и разлетается на осколки...

Саша зажмурилась, но даже так продолжала видеть отсвет взрыва. И еще несколько минут сидела, пытаясь понять, что до нее хотят донести. А потом осознала...

— Год? Остался всего год? И Этра погибнет?

Легкий бриз, ласкающий кожу на лице.

— И они ничего не понимают? Пытаются лечить болезнь, от которой нельзя спастись? А на самом деле...

Девушка осеклась на полуслове, вспоминая слова Филис на подлете к планете. Этроссы все понимают. Но решают проблему в той манере, в которой привыкли. Завоеванием. Например, Земли.

Она покачала головой.

— Это же не выход. Поработить чужую планету... Неужели, ничего умнее не придумали?

Чувство вины вдруг накатило так ярко и остро, что стало не по себе.

— Это вы им подсказали? Серьезно?! Вы же... вы должны быть за мир! Вы же спасали этих этори! А потом что?! Остальных не жалко?

Возмущение рвалось наружу вместе с остатками пережитого страха. Боли. И злости.

— Вы хоть представляете, что они там натворили?! Да я боюсь даже предположить, какие теперь будут последствия для Земли! Вы о чем думали вообще?

О выживании. Ответ приходит вместе с видом на тронный зал, чей потолок покрыт золотисто-черными тельцами. Мало. Слишком мало, чтобы выжить. Чтобы удержать планету и дальше. Им нужна была помощь. Выход. И этот показался единственным...

— Вы так сильно хотите их спасти?

Понимание вдруг оказалось тяжелее всего, увиденного ранее. И одна из пчел отделяется от стаи и подлетает ближе. Останавливается на уровне глаз.

Саша протянула руку, приветствуя гостя, и пушистое тело плавно опустилось на ладонь. Теплое. Мягкое. Тяжелое. Такое живое. И опасное, если вспомнить, какое у пчел жало.

Горечь и печаль нахлынули снова. А вместе с ними в жужжании начали слышаться слова.

— Жизнь — это смысл. Смысл всего... Мы были рождены, чтобы нести жизнь... Создавать ее... Дарить... Мы ошиблись. Здесь. Мы привели людей не к жизни, а к смерти... И это наша ошибка. Они выросли такими, потому что им пришлось выживать. Но это мы не дали им безопасный мир... Теперь мы должны найти другой. Тот, в котором они обретут спасение. Помогите нам...

— Помочь? — лицо исказилось, а внутри заворчалось то, что Саша так долго прятала даже от самой себя. — Они убили Филис! Сожгли ее! У меня на глазах пытали мою подругу! Она захлебывалась кровью! А теперь я должна им помочь?! Они этого не заслужили!

Она оттолкнула пчелу и отвернулась, сжимая кулаки. Внутри все клокотало от боли и гнева. Это для Археосов жизнь значит так много, но не для нее... Не после того, что было.

Перед глазами возникли этори. Больные. Посеревшие. Задыхающиеся на больничных койках.

— Если бы вас не было, они погибли бы давным-давно! Не надо давить на жалость! Все на этой планете обречены!

Дети. Старики. Женщины. Беременная сестра эмира.

Она понимала, что ей хотят сказать. Но все еще помнила Ольгу. И Филис. Филис...

Лица замелькали чаще. Разные. Больные. Здоровые. Старые и молодые. Этори и ассы. Мужчины и женщины. Их калейдоскоп не кончался. И в висках застучало. Заныло.

— Хватит!

Мельтешение остановилось.

— Если вы и цените жизнь превыше всего, то за годы здесь точно научились шантажировать и добиваться своего. Не очень-то гуманно...

Александра закрыла глаза, пытаясь собраться с остатками мыслей. Хотелось кричать. От злости. От усталости. От... бессилия. Но всему еще будет время. Потом...

— Я же все равно ничего не могу изменить. Так зачем вам моя помощь?

Киорис. Образ военных в знакомой форме оказался вполне ясен.

— Вы хотите, чтобы Этра проиграла войну?

Молчание.

— Хорошо, на самом деле это неважно. Допустим, за мной прилетят... Допустим, я расскажу на Киорисе о происходящем, и, допустим, меня не сочтут психопаткой. Что именно вы хотите?

Корабли. Много кораблей. Люди, загружающиеся внутрь.

— Эвакуация? Переезд? Новый дом? Думаете, я смогу это все организовать? Сильно вы меня переоцениваете...

Она могла бы объяснить и попросить. Поверят ли ей? Сомнительно. Насколько мстителен будет Киорис к своим врагам? Насколько захочет уничтожить их? Пощадит ли? И захочет ли спасти? Она и сама не была уверена в том, что хочет этого. Но...

— Я подумаю. И в любом случае все расскажу киорийцам. Больше ничего обещать не могу...

Кажется, пчел это устроило...

...Глаза Саша открыла уже в своей спальне. Шторы задвинуты. В комнате полумрак. Рядом с кроватью кто-то тихо всхлипывал. Она хотела спросить, что случилось, но с пересохших губ сорвался только хрип. Звуки сразу же прекратились. Рядом возникла Батима.

— Ты проснулась... Сейчас. Подожди.

Пока Александра пыталась сесть и вообще понять, насколько плохо себя чувствует, девчонка успела вернуться с чашкой воды.

— Выпей.

В полумраке разглядеть ее лицо удавалось довольно смутно. Не понять, плакала или только показалось.

— Долго я...

— Сейчас вечер. Того же дня. Ты упала в тронном зале и не приходила в себя. Позвали лекаря. Но он тоже не смог тебя разбудить. Сказал, что все пройдет само. Нужно только подождать.

Отличная тактика. Видимо, лекарь сам не понял, что случилось, и предпочел самоустраниться. Интересно, чтобы он делал, если бы она умерла? Счастье, что ей повезло. Да и кроме легкой дезориентации и слабости больше никаких последствий девушка не ощущала.

— Ты из-за меня так расстроилась?

Плечи этори опустились. Она поникла. И только спустя несколько минут ответила:

— Среди рабов вспышка заболевания... Слегли сразу десять человек. Возможно, выявят еще. На территории сада нашли участок зараженной почвы.

По спине пробежали мурашки. Вспомнился шарик, обмотанный нитями-разломами. Прогноз Археоса. И именно сейчас Саша вдруг ощутила обреченность. Предопределенность Этра пыталась бороться за жизнь. Но все ее попытки были тщетны. И все происходящее — лишь агония умирающей планеты.

Она взглянула на Батиму. Сейчас та походила именно на ребенка. Испуганного. Страстно желающего жить. И бессильного изменить что-либо. Разве она виновата в смерти Филис? Или в том, что Археосы выбрали эту планету? Что им не хватило сил спасти ее?

Девушка села рядом с этори и обняла ее, уложив голову в кудряшках себе на плечо.

— Все будет хорошо. Мы справимся. Я обещала тебе жизнь, помнишь?

Та неожиданно всхлипнула и судорожно выдохнула.

— А если ничего не выйдет? Иногда мне кажется, что все бесполезно. Мы тут возимся, пытаемся каждая занять положение повыше и получше. А что в итоге? Мы все умрем? Эта болезнь нас убьет? Что будет?

Талия вышла из стены и села рядом. Плечом к плечу.

— Война — это вирус не только для планет, но и для людей. Она извращает все, чего касается. Оставляет разрушение и хаос там, где должен быть мир. Внушает сомнения. Страх. И боль. Извлекает из людей самые темные их стороны. И не все могут им противостоять...

Саша вспомнила газ, стелящийся над песком. И сожаление Археосов. Чувство вины. Они не хотели создавать оружие. Жизнь для них важнее. Но что тогда должно было получиться? Газ тяжелый. Его прибывает к земле... Земле, которая рождает болезнь.

Мысль показалась безумной. Но что если... Газ опасен для людей. Здоровых людей.

Но... Он должен воздействовать не только на них. Почва. Что если он сможет убить саму причину болезни? Конечно, она не биолог, но... Почему не попробовать? Осталось только убедить того, кто может отдавать приказы...

— От любой болезни можно найти лекарство. Или вакцину. Зачем эмир хотел меня видеть?

— Я не уверена... Но там был кто-то из советников. Кажется, эмир хотел, чтобы ты помогла ему с чем-то.

Карточная игра? Решил использовать свое преимущество против неподготовленных противников? Что ж...

— Сообщи ему, что я пришла в себя и хочу поговорить с ним, если он желает меня видеть.

Батима выпрямилась и заглянула ей в лицо.

— Ты уверена?

— Да. Все будет хорошо. Я в порядке.

Этори вытерла лицо, несколько раз вдохнула и выдохнула, а потом ушла. Саша проводила ее взглядом.

— Если решения принимает правитель, народ не несет ответственности за происходящее...

— Ответственность всегда лежит на правителе. Он принимает законы. Он отдает приказы. Жизнь и смерть в его руках.

— Я понимаю, почему Филис убила шейха... Хаос власти. Смута отвлекает внимание и ослабляет...

— Да. Слабость врага дает нам преимущество.

— А теперь единственный прямой наследник эмира — еще нерожденный ребенок его сестры. Поэтому он держит ее здесь. Ее муж...

— Мертв. Скорее всего. А она носит сына. Эмир не женат. Ты права.

— Но почему он не дает забеременеть наложнице?

— А если все сложнее? Если он не может стать отцом?

— Тогда понятно, почему его сестра здесь...

И теперь ясно, что нужно делать.

— Ты уверена?

Глаза у Талии такие же, как у Икара. И тоска снова сжимает грудь.

— Я буду ждать, пока смогу...

...С эмиром они встретились в саду. И был он мрачен. Тень лежала на лощеном лице, делая его неприятным. Отталкивающим. Но Саша улыбнулась, преодолевая собственные чувства и заталкивая их поглубже.

— Приятного вечера великому эмиру. Надеюсь, не я испортила твоё настроение?

Мужчина смерил ее тяжелым взглядом.

— Нет. Вечер неприятный, но не из-за тебя.

Из-за болезни рабов и того, что нашли в саду.

— Могу ли я быть полезна эмиру?

— Ты могла быть полезна. Днем. Но упала в обморок... — они медленно шли по одной из дорожек, удаляясь от жилых домов и приближаясь к одной из стен периметра. — Лекарь так и не смог понять, что произошло. А достопочтенный Марсад сказал, что такой же

недвижимой ты была, когда вступала в контакт с ядром.

Александра не сбилась с шага только усилием воли. Как она могла забыть про того ученого на корабле? Конечно, его привлекли. Как консультанта. А Батима не сказала. Не знала? Или ей теперь нельзя верить?

— Ядра не было рядом и в любом случае без прямого контакта, я бы ничего не смогла увидеть...

— Да, поэтому мне стало интересно, — один жест, и стражники у строения, к которому они подошли, распахнули двери. — Проходи...

Она заглянула в темные глаза. Опять в тюрьму посадят? Или что похуже? Опыты будут ставить? В любом случае бежать некуда... Оставалось только войти.

Внутри ее ждал хорошо освещенный коридор, затем еще одни двери и стекло, отделяющее ее отсек от лаборатории. Там, за стеклом, тоже были пчелы. Немного другие. Крупнее. И темнее? Они ползали по каким-то каменным стержням. Улетали. Прилетали. Ползали. И снова. Все происходило лишь по одной им понятной схеме. Людей за стеклом не было.

Саша в красках представила, как ее сейчас толкают внутрь и оставляют на растерзание насекомым. Внутренности завязались узлом. А мышцы свело судорогой. Но она заставила себя стоять на месте и безмятежно наблюдать за происходящим.

— Пчелы многое дают нам, — эмир встал рядом. — Лекарства. Молодость. Защиту. Все Великие шейхи некогда поили пчел своей кровью. И теперь имеют иммунитет к их укусам, которым не могут похвастаться остальные. Поэтому любой из шейхов может стать эмиром. Правитель должен быть защищен и должен иметь оружие против любого.

— Но шейхи в любом случае выживут...

— Да, поэтому количество Великих Родов стоит сократить. И я уже занимаюсь этим. Мне не нужны конкуренты. Однако сейчас не об этом... Никто не знает, откуда и как произошли пчелы. Считается, что они были с нами всегда. И мы давно смирились с их помощью и участием. Привыкли к тому, что они не любят чужаков, и всегда будут защищать нас. Но сегодня... ты заставила меня усомниться.

— Что же я сделала не так?

Вот сейчас ее и убьют. Без всяких рассуждений и угрызений совести. Как и других шейхов.

— Я дам тебе шанс рассказать, что произошло в тронном зале. Самой. А если мне не понравится твой ответ, я отправлю тебя туда, — он указал на стекло. — Знаешь, что получается при распаде диволония?

Диволоний — это видимо тот минерал, который они добывают. А получают из него газ. Смертельный. Какие, однако, хорошие средства убеждения он использует.

— Мне было видение, — спокойно заговорила Саша, продолжая наблюдать за пчелами. — Я видела Этру в разные моменты ее истории. Видела рождение пчел. И то почему вы не ходите по океану. Я знаю, что пчелы создали для вас этот газ, которым вы смогли сдержать киорийцев, когда те высадились на поверхность. Он убил бы и их, и вас. Но я подумала о том, что еще он мог бы уничтожить...

— И откуда мне знать, что это правда?

— А откуда мне знать, что у вас нет морских кораблей?

Они встретились взглядами. Хмурый, настороженный, напряженный мужчина. Он не боялся, но чувствовал себя явно неуютно.

— Допустим. Так что еще, по-твоему, может уничтожить газ?

— Болезнь, от которой сегодня слегли рабы. Вы не пробовали обрабатывать им зараженную почву?

Судя по лицу, столь революционная мысль не посещала его голову. Но заставила задуматься.

— У нас нет лекарства от болезни. Никто не смог его найти. Ни этори, ни наши лекари. Думаешь, это удалось тебе?

— Я не искала. И я не лекарь. Я лишь предполагаю.

Несколько минут эмир молчал. А Саша считала про себя секунды и старалась дышать как можно ровнее. Напряжение не уходило, а только росло. Если ей не поверят, смерть быстрой не будет.

— Хорошо. Если ты окажешься права, я хочу, чтобы ты снова вступила в контакт с пчелами. Мне все равно, как ты это делаешь. Если ты сможешь быть полезной, я сохраню тебе жизнь. Будешь жить в личных покоях. Иметь своих рабынь. И гулять по территории дворца, где тебе вздумается. А еще будешь неприкосновенна.

По меркам Этры — невиданная щедрость. И стоит быть благодарной, только вот мышцы одеревенели.

— Но если ты ошибешься... Я найду, как тебя наказать...

Кто бы сомневался...

...Сашу разбудил грохот. Звук такой силы, что задрожали стены, задребезжали стекла, и по кровати прошла вибрация. Девушка подскочила с колотящимся сердцем, не понимая, что происходит и что надо делать. Из-за задернутых штор пробивался неуверенный утренний свет. Окна выходили в сад, вряд ли там можно что-то увидеть.

Александра откинула покрывало и поспешила натянуть на себя поправшуюся под руку одежду. Вставила ноги в тапочки. Накинула на голову платок. Выглянула в коридор. Стража уже стучала в соседнюю комнату, принадлежавшую сестре эмира. Рядом медресс объясняла что-то растрепанной Маналь. Стоило открыть дверь чуть шире, и ее сразу заметили. Один из стражников обернулся и шагнул к ней.

— Вы должны пойти с нами.

— Хорошо, но что случилось?

Она захлопала ресницами, без труда изображая испуг и непонимание. Грохот — это ведь может быть в лаборатории? Или на дворец напали? А если напали, то кто?

— Вам нужно быть в Доме Правителя. Идемте.

Охранник легко прихватил ее за локоть и повел по коридору. Саша тихо выдохнула и смирилась, решив подождать. Краем глаза она заметила Далилу, высунувшуюся в коридор, но тут же скрывшуюся за дверью. Охрана на нее даже не взглянула. Тут из комнаты показалась Савсан в просторной одежде. Бледная и напуганная. Стража окружила их обеих, оставив в центре защищенного круга, и направилась к выходу.

Александра поймала взгляд сестры эмира и, поддавшись порыву, взяла ее за руку. Раз уж они оказались в одинаковой ситуации, стоит держаться вместе. Сначала холодная ладонь оставалась неподвижна, но затем женщина ответила робким пожатием. Уже что-то.

Двор они пересекли быстро, буквально прошмыгнули по короткому открытому пространству, зашли в ближайший Дом с черного входа, а затем спустились в подвал и через него двинулись дальше. Оказалось, что здесь начинается подземный ход, который вывел их точно к Тронному залу. Прямо за трон эмира. Под гулкое жужжание пчел.

Джамиль уже был здесь. Растрепанный, явно одетый наспех, он выглядел мрачным. Обернулся к ним, бросил лишь короткий взгляд на сестру, а затем посмотрел на землянку. И взгляд его был таков, что сердце замерло и попыталось сбежать в пятки. Неужели она ошиблась в своем предположении? Лаборатория взорвалась?

— Проводите Савсан в мои покои и позаботьтесь, чтобы она была в безопасности, — коротко бросил он страже, не спуская с Саши взгляда. — А ты останешься здесь, дорогая гостья.

Ей оставалось только разжать руку и проводить взглядом обернувшуюся к ней женщину, выглядевшую совершенно несчастной.

— Что случилось? — тихо спросила девушка, наблюдая, как закрывается дверь, и стража остается снаружи.

— Случилось? — этросс усмехнулся, губы его искривились, на виске стала заметна бьющаяся жилка. Он начал медленно наступать на нее, приближаясь с каждым словом. — Пару часов назад в атмосферу Этры вошел корабль, принадлежавший нашему флоту, отправленному к Пескару. Из-за помех капитана не смогли полноценно допросить. Корабль приземлился, а точнее разбился за городом. И туда направилась группа спасения для

тушения пожара и прочего. Полагаю, все это было лишь прикрытием для нападения на дворец.

Саша отступала, стараясь сохранить расстояние до эмира, и скорость, с которой он приближался. Она спиной вперед обошла трон, спустилась по трем ступенькам, отделявшим возвышение от основной части зала.

— Нападения?

— Именно. Скажи, за кем еще могли явиться киорийцы?

Киорийцы. В голове щелкнуло. Икар. За ней пришли. Победа? Нет, он сказал про Пескар, а не про Киорис.

Александра поздно поняла, что вопрос — лишь уловка, чтобы отвлечь ее. Короткий рывок, и она едва успела увернуться, шарахнувшись в сторону. Улыбки на лице не осталось. А нездоровый блеск в глазах эмира начал навивать некоторые подозрения.

— Хочешь поиграть? Это легко. У нас достаточно времени. Подождем твоего принца.

— Он не мой, — ровно ответила девушка, продолжая отступать и не выпуская из виду мужчину. Нельзя отвлекаться и позволить ему приблизиться. С ее массой — один удар, и она больше не встанет. И никакого сопротивления оказать не сможет. Расстояние и скорость — ее лучшие союзники.

— Да? А мне почему-то кажется, что ты врешь!

Вместо рывка он одним движением достал оружие их ножен на поясе. Чуть изогнутый, узкий клинок, лишь отдаленно напоминающий арабские сабли, виденные в фильмах. В оружии Саша не разбиралась совсем, зато сразу поняла, что все плохо. По виску скатилась капелька пота. Сердце забило тяжело и гулко. Ей не хватит скорости, чтобы бегать долго, а он явно настроен поиграть. Что там говорила Батима? Эмир курит какую-то дрянь... Может быть, дело в ней?

— Ну, что же ты загрустила? Давай продолжим нашу чудесную беседу!

Он шагнул вперед, и в этот момент снова раздался грохот. Пол под ногами качнулся. Девушка упала. Стекла задребезжали сильнее, чем в первый раз, но выдержали. Из-за дверей донеслись крики. Потом они дрогнули от удара. Александра на четвереньках рванула в сторону. Подальше и от дверей, и от эмира. Черт его знает, что там... Может, этому наркоману вообще в бреду привиделись киорийцы, а она уже понадеялась...

— А ну стой!

Ее резвое отступление заметили, и девушка рывком вскочила на ноги, увеличивая дистанцию между ними. Обернулась и увидела, как распахиваются двери, и в тронный зал влетает тело одного из стражников, насаженное на подобие копья, которыми они были вооружены. Оно упало на пол и прокатилось до ног эмира, оставляя на полу кровавый след. В двери ввалилась целая группа стражников, за которыми невозможно было что-то разглядеть.

— А вот и наш гость! — воскликнул Джамиль с неестественным воодушевлением. — Окажите ему достойный прием!

Эмир засмеялся громким, безумным смехом, которому вторило жужжание под потолком. Хищное и злое. Саша запрокинула голову, заметив, что пчелы стали вести себя более нервно. словно происходящее будоражило их.

— Кровь... Вам нужна кровь...

Ответа не последовало, но что-то подсказывало, что она права. Не могут же они питаться одним песком. И чем там еще? Явно не нектаром.

Тем временем стражники начали падать. Один за другим они вылетали из общей толпы и оставались неподвижно лежать на полу. Раненные или убитые. Кровь летела во все стороны. И оставшиеся на ногах начали поскользнуться на ней. Падать, мешая тем, кто еще мог сражаться. Вот среди тел в одинаковой форме появилась брешь, и в нее стало заметна черная фигура, словно запаянная в плотный, облегающий костюм со шлемом. Она двигалась без остановки. Так, что движения казались размытыми. Виден был лишь их результат: брызги крови, крики и смерть.

Саша замерла, не в силах оторвать взгляд от ужасного и завораживающего зрелища. Реальность вдруг стала плоской. Будто все происходит где-то далеко. На экране телевизора. Разве кровь может быть такой яркой? А смерть близкой? И такой легкой? Разве человека так просто убить?

Все закончилось слишком быстро. Просто очередной стражник упал, и больше никого не осталось. Фигура в черном замерла с вытянутой в сторону последней жертвы рукой, а затем плавным движением выпрямилась и развернулась к эмиру. Под шлемом, максимально близко повторяющим строение головы, лицо было не разглядеть. Вместо глаз только отражающее стекло. Но почему-то ей показалось, что это Икар. Этот костюм... Она ведь его уже видела. На манекене в его каюте. Тогда он показался странным, но теперь... Стражники мертвы, а он жив. Жив.

— Полагаю, наследный принц Киориса? — издевательски поинтересовался эмир.

— Я заберу девушку и уйду, — голос был приглушен шлемом, но она узнала его. И сердце рухнуло куда-то в пятки. Икар. Здесь. Он пришел за ней. — Не стоит мне мешать.

— Думаю, что не заберешь... Убейте его!

Сначала Саша не поняла, к кому обратился Джамиль, но затем кожей почувствовала, как изменилось жужжание пчел. Подняла взгляд, и увидела, как от общей массы отделяются отдельные, крупные особи.

— Нет... — выдохнула она. — Вы не можете.

Для Археосов жизнь важнее всего. Они не станут убивать. Но ведь уже убивали по желанию эмира. Он сам говорил...

Икар тоже заметил насекомых, но явно не придал значения.

— Мы можем разойтись миром. Я просто уйду. Это личное дело, а не государственное.

Пчел стало больше, и они уже начали кружиться над головой принца.

— Только попробуйте, — прошептала Александра, ощущая, как изнутри поднимается так долго сдерживаемая ярость. Какой-то частью она надеялась, что Икара защитит костюм, но еще понимала, что Археосы — это не обычные пчелы. Они опыляют чертов диволоний! И он потом превращается в газ! — Почему вы вообще его слушаете?

Мужчины не обращали на нее внимание.

— Боюсь, у нас не осталось личных дел. Сейчас мой флот уничтожает твою планету. И, если мы немного подождем, то скоро узнаем о результатах битвы. Думаю, смерть наследного принца станет прекрасным дополнением к основной новости! Убейте его!

Часть пчел устремилась вниз, однако часть еще колебалась. Икар увернулся. Раз. Еще раз. Но затем одна из них его все-таки достала.

— Нет! — Саша подалась вперед, как будто это ее сейчас ужалили в спину. Увидела, как дернулось тело в черном. Пошатнулось. Его облепили еще несколько пчел. И Икар упал. — Нет!!!

Она шагнула вперед, не в силах поверить.

— Как тебе мое гостеприимство, киориец? Нравится?

Смех эмира донесся, будто через вату. Александра смотрела только на корчащееся на полу тело. Судороги скручивали мышцы, не позволяя ему увернуться. А пчелы продолжали ползать по костюму. Они жалили прямо сквозь него, не оставляя следов.

— Если он умрет, сделки не будет, — ярость, огненным комком свернувшаяся внутри затопила ее полностью. И все неожиданно обрело запредельную четкость. Пчелы — это лишь перерождение Археосов. Они потеряли часть своей силы и сути. И они не только не могут сдержать планету, но и не хотят больше. Они сами устали от себя. От мира, который создали и не смогли сохранить. Они хотели уйти. А еще подчинялись эмиру. Пусть даже и не хотели этого, но... Им приходилось выживать. А порой за жизнь платишь разумом. И кто бы не лишился его, сменив привычную среду обитания на полностью противоположную? Вот только жалости к ним не было. — Если он умрет, вся ваша планета подойдет. Все, кто остался. Мне никого не жаль. И я не стану спасать. Пусть умирают.

Гул сверху словно притих, а потом разразился новыми нотами. Но Саша не стала слушать. Она взглянула на эмира, который наслаждался агонией противника. Но вот тот затих. Замер на полу, все еще облепленный пчелами.

— И это все? Я думал, что киорийцы крепче. Не хочешь взглянуть на своего принца, дорогая?

Он обернулся к ней. Усмехнулся. И направился к телу. Девушка пошла следом. Медленно и спокойно. Она наблюдала за движением его руки. Той, что сжимала клинок. Острый и тонкий.

«Если хочешь убить, нужно бить в мягкие ткани. Живот. Шея. Крови будет много. Зато это легче всего».

«А сердце?»

«Там ребра. Нужно аккуратно. Не задеть кости и точно прицелиться. А еще бить изо всех сил. Никогда не жалею того, кого хочешь убить. Решилась — бей».

Эмир остановился рядом с телом.

— И вот он повержен...

Рука Икара дернулась. Захват. Резкий рывок, и Джамиль полетел на пол, нелепо взмахнув руками. Саша рванула вперед. Перехватила запястье с оружием. Ударила пяткой в плечо, вынуждая разжать пальцы. Крутанула ладонь, забирая рукоять. Перевернула клинок острием вниз. Замахнулась, подняв руки над головой, а потом резко опустила оружие вниз. Изо всех сил.

Скрежет металла о камень. Надсадный хрип. И бесконечное удивление в темных глазах эмира...

— Ты не можешь... — он попытался поднять руки, чтобы дотянуться до лезвия, торчащего из груди, но Саша безжалостно провернула клинок, чувствуя, как под руками рвутся связки и мышцы, и как металл обдирает кости.

— Я могу все.

Киорис

Сирена гремела над городом. Из башни Храма было видно, как опустели улицы, освобождая место для тяжеловесных катеров. Пока корабли Этры уничтожали орбитальную защиту, у жителей было время укрыться в безопасных местах. Большую часть уже эвакуировали. В первую очередь образовательные учреждения, детей и всех тех, кто хотел уйти. Многие остались в своих домах, доверяя системам защиты и армии. Защитные купола распускались один за другим, укрывая отдельные здания и даже кварталы.

В историческом районе подобное невозможно, и, если приглядеться, можно увидеть, как оттуда взлетают личные и эвакуационные катера, устремляясь к горам. Среди скал подготовлен полевой госпиталь, накрытый всеми возможными оборонными укреплениями. Императрица и Иазон-младший уже доставлены в укрытие, как альмы, а так же большая часть жриц. Храм и дворец опустели. На них будет нацелен основной удар. Ни к чему подвергать опасности гражданских.

Эллис отвернулась от окна, когда тональность сирены изменилась. Орбитальная защита прорвана. Скоро враги будут на земле. И их нужно встретить.

Она шагнула к огромному чашеобразному гонгу, установленному здесь, прямо над самым центром холла. Сейчас он молчал. Но скоро музыка зазвучит. Жрицы-хранительницы встали с обеих сторон от инструмента. Четыре женщины с разного размера колотушками. Единственные, кто не ушел. Кроме нее, конечно.

— Сегодня на вас возложена важная задача.

— Никто не смеет осквернять Храм, — ответила старшая. Она была здесь, когда Эллис впервые перешагнула порог Храма и уже тогда казалась немолодой, сегодня же, в ее последний день, Иванника выглядела древней. Но крепкой. И руки ее, обучившие так много жриц-хранительниц, все еще сжимали колотушку. — Мы знаем, что делать. Все будет так, как надо.

Остальные три кивнули. Ни страха, ни сомнений. Иванника умела выбирать учениц. Верховная кивнула и направилась к лестнице, на ходу отправляя запрос в Храм на Нимфее. Ответили ей не сразу, но киорийка не торопилась.

— Иерия, — Елена ответила немного резко, явно отвлекаясь от других дел.

— Как у вас с подготовкой? В столице сирена изменилась.

— Все хорошо. Сейчас отправляем последние катера и выставляем купол. Храмы пусты, как вы и приказали, — судорожный вздох. — Мне не нравится оставлять их такими...

— Я знаю, — Эллис непросто далось это решение, но Храмы можно построить заново, а вот людей так просто не заменишь. — Мне тоже, но мы должны думать о жизни. Жриц будут искать. Правитель недвусмысленно дал это понять. Мы должны защитить наших сестер. И не только их.

— Я понимаю, — Елена явно взяла себя в руки. — Иерия, вы уверены в своем решении?

— Конечно. Как только все закончится, и военное положение будет отменено, ты займешь мое место. Ты готова. А теперь иди. И помни о себе.

— Вы тоже, иерия...

Жрица как раз достигла своей комнаты и подумала о том, чтобы связаться с Обителью,

но Настоятельница опередила ее, прислав короткое сообщение: «Все под контролем. Мы ждем». Необходимость в связи отпала.

Эллис шагнула к высокому в полный рост зеркалу. Открепила от туники фибулу и положила на стол. Одним движением избавилась от слоев ткани, опустившихся на пол. Оставила коммуникатор рядом с украшением. Прикрыла глаза, активируя систему. Впервые не на тренировках.

По телу прошла легкая дрожь от активации вживлённых имплантов. Система выдала сообщение о полной боевой готовности.

«Установить связь с другими субъектами?»

«Да».

Короткие однотипные сообщения начали выдавать опознавательные коды и координаты нахождения всех ее братьев и сестер по эксперименту. Общая сеть позволяла координировать действия и работать синхронно при желании. Возможно, сегодня им пригодится весь опыт, накопленный за последние годы.

Эллис открыла глаза и пару раз моргнула, привыкая к изменившейся контрастности и яркости. Сжала и разжала кулак. Покрутила головой. Попрыгала на месте, заново ощущая вес тела и работу мышц. Сердце забилось чуть быстрее, разгоняя застоявшуюся кровь. Когда проверка закончилась, киорийка замерла у окна, упираясь руками в подоконник и ожидая прибытия кораблей противника.

«Немезида готова?»

Сообщение от Валириса вспыхнуло среди других однотипных, сопровождающих появление других Немезид.

«Готова».

«Через десять минут начинаем».

Эллис молча отразила сообщение в сети, чтобы его увидели все. Ответов не последовало, но она знала, что остальные прочли и приняли его к сведению.

Когда-то реализация проекта по созданию сверхчеловека казалась несбыточной. Закон четко очертил границы вмешательства в человеческое тело: замена органов на искусственные допустима при угрозе здоровью. Нанокосма для восстановления после ожогов, титановые кости и искусственные мышцы при утрате конечностей. Пусть редко, но на Киорисе такое случалось. И всех устраивала альтернатива несовершенным протезам. Но мысль... Мысль эпистимов всегда устремлялась дальше. Когда-то и ее вдохновила идея уподобиться самой природе... Или Богам, если верить легендам.

Она была юной студенткой университета и проявляла большой интерес к анатомии, нейробиологии и разработкам в этих областях. Лекции по инновациям от эпистима Леандра Спаноса оказались захватывающими и подтолкнули ее к знакомству с тем, кто впоследствии стал частью ее жизни.

Ему было сорок пять — пограничный возраст для Пробуждения, ей — двадцать один, и она горела только наукой. Когда состоялась первая официальная встреча при жрице, Эллис была поражена. Уважаемый профессор, на которого она смотрела с восхищением, вдруг оказался живым человеком, а не идолом. Ей пришлось отказаться от лекций, чтобы избежать конфликта интересов. Она не хотела рассматривать даже самую мысль, чтобы связать свою жизнь, такую идеальную и выстроенную для учебы, с кем-то еще. Но... Отказаться от Леандра оказалось слишком сложно.

Они начали встречаться вне стен университета. Говорить. Сближаться. И постепенно он

открылся ей с другой стороны. Пробуждение в зрелом возрасте наделило его бесконечным терпением, а еще умением принимать мир вокруг таким, какой он есть. Леандр сам рассказал ей о том, что теории останутся только теориями и никто не даст разрешения на эксперимент, какой бы хорошей и убедительной не была ее диссертация. Тогда Элпис бушевала. Она не была готова смириться. Принять. И в итоге совсем отказалась от науки. Окончила университет и отправилась в Храм, чтобы найти себя снова.

Ушло несколько лет, чтобы обрести мир с собой. Леандр продолжал преподавать и заниматься любимым делом. Они обсуждали создание андроидов и сложности адаптации искусственного интеллекта под человеческий мозг. Этику и моральную сторону вопроса. Ограниченность эмпатии, которую невозможно компенсировать. Постепенно она понимала, что прежние взгляды были чересчур категоричны. Элпис успокоилась. Приняла предложение выйти замуж. Занялась делами Храма, испытывая насущную потребность творить и созидать. Она родила двоих детей и плавно двигалась по лестнице, ведущей ее к вершине. Жизнь казалась безмятежной. А потом случилась война...

Та война с ее потерями, неожиданной болезнью и последствиями, оказалась страшной. Особенно для тех, кто понимал демографическую ситуацию на планете. Следующее столкновение могло стать для них последним. Поставить киорийцев на грань гибели и вымирания. И вот тогда вопрос о том, как улучшить армию и сократить потери встал необыкновенно остро...

Над городом показались корабли незнакомой формы. Они превентивно стреляли по куполам, ошестинившись орудиями во все стороны, и неторопливо приближались к Храму. Валирис очень точно рассчитал время.

Киорийка развернулась и покинула комнату, вышла на винтовую лестницу, прилегающую к холлу. Двери Храма были приветственно распахнуты, и этроссы не могли не воспользоваться приглашением.

Мягкая музыка раздалась сверху. Пока еще тихая и приятная. Хранительницы настраивались и приводили гонг в рабочий ритм.

Группа мужчин в защитных костюмах зашла в зал. Двойками. Прикрывая друг друга. Двигались быстро и профессионально.

«Обнаружено десять целей. Вероятность уничтожения — 95 %. Сложность — 60 %».

Система избавила от необходимости считать. Элпис позволила ей выстроить оптимальный вариант ведения боя и внесла несколько коррективов, которые встроенный чип принял без изменений. А затем женщина одним слитным движением проскользнула в окно и прыгнула вниз.

Она приземлилась точно за спинами первой двойки. Музыка заглушила лишние звуки. А, прежде, чем остальные успели что-то сделать, пара уже была мертва. Хруст сломанных шейных позвонков и пястных костей хорошо влился в основную мелодию. Которую сразу же пришлось отфильтровать, так как музыка перестала быть приятной.

Звук обрушился сверху почти материальным весом, заставив этроссов пригнуться и сбиться с мыслей. Трое успели выстрелить, но она скрылась за телами покойников, присвоив себе их оружие. Стреляла система лучше, чем люди. Два выстрела — два трупа. Уйти от нападения перекатом в сторону. Сбить с ног ближайшего соперника. Еще два выстрела. Удар прикладом в защитный щиток на лице. Для человека — непробиваемый. Но не для Немезиды. Наверное этросс кричал. Она не слышала, продолжая стремительное и смертельное движение по залу. Судя по вибрации, идущей по полу, хранительницы

старались, выкладываясь полностью. Головная боль и дезориентация противникам обеспечены. А ей облегчают задачу. Еще несколько ударов. Выстрелы. И все кончено.

Элпис остановилась, окидывая холл взглядом.

«Все цели уничтожены. Уровень повреждений — незначительный. Регенерация запущена».

Она опустила глаза, рассматривая ожог на бедре от меткого выстрела этросса. Кожа стремительно отмирала, сменяясь новой — розовой и тонкой. Синяк на локте и еще несколько на груди быстро рассасывались. Царапины стягивались. Запечатать кровотечение — первая из задач программы регенерации. Ее разрабатывали под наблюдением лучших гиагросов, и за годы тренировок она не давала осечек ни разу.

Элпис отшвырнула оружие и направилась к выходу. Фильтрацию звуков она отключила только снаружи, наблюдая, как полыхает опустившийся на площадке перед входом катер этроссов. Рядом стоял Каин, или Немезида-0135. Он обернулся, мгновенно обмениваясь с ней данными. Этроссы решили сосредоточить основной удар на историческом районе, где отсутствовала защита. Дворец пока держался под куполом. А к Храму приближались новые цели.

Они поделили задачи, и Каин длинными прыжками направился в сторону исторического района. А киорийка подняла взгляд, разглядывая приближающийся врагов. День обещал быть длинным...

Этра

...Глаза эмира погасли, и Саша с трудом разжала пальцы на рукояти. Развернулась на тихий вскрик у дверей. Батима смотрела на нее широко распахнутыми глазами. Но не успела сказать ни слова, когда смазанное пятно толкнуло ее в плечо, а затем двери начали закрываться. Этори поскользнулась и упала, но поспешила встать и перебежать на чистый пол. Пятно же замерло, полностью сливаясь со створками, а затем резко проявилось в костюме, аналогичном тому, что был на Икаре.

— Что здесь произошло?

Капитан Окинос сдвинул переднюю часть шлема наверх и поспешил к принцу.

— Пчелы, — выдохнула Саша. — Его укусили пчелы. Вас тоже могут...

Она подняла взгляд на гудящий потолок. Пока местные обитатели вели себя прилично. А учитывая количество крови вокруг...

— Но будет лучше, если перекусят покойниками.

Батима снова издала какой-то сдавленный звук.

— Икар... жив?

На вопрос ушла вся ее смелость. Руки вдруг задрожали, а воздух застрял в горле. Сердце сжалось от неожиданной боли.

— Пульс есть, — киориец что-то делал с костюмом, ощупывая грудь и живот принца. — Его нужно срочно доставить на корабль. В медблок. Я смогу его понести, но вам придется идти самой.

Снаружи на дверь обрушился мощный удар, створки заметно дрогнули.

— Это стража! — Батима взглянула на Сашу огромными испуганными глазами. — Эмир мертв! Они все направятся сюда, потому что здесь перестал поступать сигнал. Нас убьют...

Ей понадобилась секунда и еще один удар в дверь, чтобы осознать происходящее, а затем мозг начал работать в каком-то альтернативном режиме. Эмоции пропали. Остался только голый разум, мгновенно собравший картинку:

— Здесь есть черный ход. Быстро!

Александра бросилась к трону, сразу же услышав топот за спиной. С открытием пришлось повозиться, но вот одна из панелей подалась, открывая проход.

— Проходите!

Она отступила, уступая дорогу Окиносу, закинувшему на плечо тело Икара. Батима скользнула следом:

— Стража наверняка о нем знает!

— Им будет, чем заняться... — Саша подняла взгляд на потолок. — Мы ведь договорились, да? Вам же не все выжившие нужны?

Волна нарастающего гула стала ответом, а затем двери пали. Девушка шагнула назад и закрыла проход. Пара пчел успела проскользнуть за ними.

— Куда мы выйдем?

Киориец выглядел невозмутимым. В тусклом свете местных ламп, костюм снова начал сливаться с окружающей обстановкой.

— Почти к Дому Женщин. Нас сюда так вели. Сколько с вами людей во дворце?

Они шли быстро, Батима держалась на шаг впереди.

— Было семеро. Катер высадил нас и должен был забрать, но его заметили. Пришлось таранить ангар, так получился второй взрыв.

— Так нас никто не заберет?

После пережитого страх как-то выцвел. Перестал ощущаться. И даже сейчас лишь вяло шевельнулся где-то на периферии сознания.

— Есть другие катера. Но нужно будет подать сигнал. Это небыстро.

— Сначала нужно забрать Байона.

— Мы проверяли. Его нет в тюрьме.

— Его держат не там, а рядом с лабораториями.

— Вы знаете, где?

— Догадываюсь.

— Ей можно доверять?

Короткий кивок указал на этори, которая настороженно прислушивалась к их речи, но универсального переводчика у нее не было. Ответить землянка не успела...

На последнем повороте перед выходом они столкнулись с еще одной группой сопровождения. Все произошло быстро. Пчелы с тихим жужжанием ринулись вперед. Капитан вскинул оружие. Раздался женский визг. Затем вспышка бластера. Тихие вскрики. Снова визг.

В Сашу, прижавшуюся к стене, кто-то врезался. Она инстинктивно оттолкнула человека от себя. И только потом увидела, что это Маналь. Она неловко дернулась, налетев на копьё стражника. Опустила взгляд на наконечник, торчащий из груди, и рухнула на пол.

— Ах, ты дрянь!

Крик Далилы заставил отвести взгляд от мертвой. Мачеха и падчерица сцепились, пытаясь оттащить друг друга за волосы.

— Ты предала нас!

— Я никогда не была одной из вас! — Батима извернулась, вырываясь из хватки, крутанулась на месте. В тусклом свете блеснул нож, которым она мгновенно полоснула по горлу женщины. Та схватилась за шею, открывая и закрывая рот, словно не в силах поверить в происходящее, а затем упала.

— Видите? — спросила Александра, обращаясь к Окиносу. — Она с нами.

— Куда мы дальше? — поинтересовался он, когда они обошли мертвых стражников и остановились у выхода, ожидая благоприятный момент. Икара временно опустила на пол. И капитан проверил его состояние.

— В Дом Женщин, там уже никого не должно быть. Медресс ушла? — уточнила она у Батимы.

— Она направлялась к рабам, я как раз с ней столкнулась. Мы можем идти.

Улицу они перебежали успешно, а затем поспешили спрятаться за дверями. Охраны не было. Видимо, все действительно направились к тронному залу.

— Нам нужно эвакуировать часть людей с территории дворца.

— У нас была задача забрать вас, капитана Байона и жрицу. Кстати, где она?

Сердце болезненно сжалось.

— Мертва. Они ее убили.

— Мне очень жаль, но нам нужно торопиться. Состояние гран-командера ухудшается с каждой минутой. А отвлекающих маневров уже не осталось.

— Ядро с корабля Киориса подойдет как отвлекающий маневр?

Она заглянула в лицо капитана, снова закрытое щитком.

— Вы представляете радиус его поражения?

— Поэтому я и хочу эвакуировать отсюда людей. Хотя бы часть.

— На катере мест не хватит. Можем забрать только вас, капитана и эту девушку, раз иерия погибла...

— А на линкоре?

— Вы серьезно?

Окинос явно не был доволен перспективой.

— Да. Нам нужно забрать людей.

— Маневрировать в атмосфере может не каждый, особенно учитывая габариты линкора.

Вы понимаете...

— Сесть они смогут! А на взлете поможет капитан Байон. В его способностях вы не сомневаетесь?

— И вы думаете, линкор не собьют при подлете? Нам пришлось маскировать операцию за разбившимся кораблем этроссов!

— Я знаю! А еще я знаю, где находится лаборатория по распаду дювалония! Пчелы обрабатывают его, производя тот самый газ, который отравляет все! Вы же ее не взорвали?!

— Мы не знали о лаборатории...

— А теперь представьте, что будет, если там произойдет утечка. Лопнет хотя бы один баллон. А их, кстати, должны были подготовить для эксперимента с обработкой почвы.

Несколько минут он молчал, затем отошел в сторону и что-то быстро заговорил, явно переговариваясь с кем-то из группы.

— Нас заберут? — тихо спросила Батима.

— Скорее всего. Нужно предупредить остальных рабов, — Саша поймала ее взгляд. — То, что происходит сейчас — только начало. Понимаешь?

— Ты хочешь все уничтожить... — в ее глазах не было осуждения. Только скрытый в глубине огонь.

— Ребята видели баллоны, но не трогали, — Окинос обернулся к ним. — Сейчас они без присмотра. Их заберут. Утечка начнется с противоположной стороны. Газ тяжелый, распространяться будет медленно. Плюс свежий воздух. Паника захлестнет выживших. По протоколу они должны начать эвакуацию и запросить помощь извне. У линкора появится шанс сесть, но люди должны быть готовы. Времени будет очень мало. Мы не станем ждать.

Александра коротко передала его слова этори. Та резко кивнула.

— Я всех предупрежу.

Она умчалась в сторону сада, подобрав платье и громко стуча пятками.

— А теперь давайте найдем капитана Байона.

Саша вздохнула:

— Есть еще кое-что. Нужно забрать сестру эмира. Ее держат в его спальне. В здании, где расположен тронный зал. Она беременна.

Капитан тихо и отчетливо выругался. В какой-то мере она его даже понимала. В конце концов, он на такое не подписывался. Но... Она обещала. Икар пока еще жив. И, судя по поведению пчел, они старались сдержать свою часть договора. Значит, и она должна попытаться.

— Вы хотя бы представляете, как это будет сложно?

— Спальня на первом этаже. Там большое окно. Его закрывает силовое поле. Как только начнется эвакуация, ее захотят перевести. Ангар вы уничтожили. Что будет делать стража?

— Направится переходами. Сюда. Потому что газ пойдет с той стороны... Хорошо. Мы попробуем, но я ничего не обещаю. Один наш план уже сорвался.

— Я понимаю. И... спасибо. За все.

— Я согласился потому, что нам тоже нужна эвакуация, а у линкора больше шансов сесть, чем у катера. Предложенный вами маневр увеличивает вероятность положительного исхода. Но все может случиться. Когда мы соглашались на эту операцию, все понимали, что исход может быть любым, но мы здесь.

Саша медленно кивнула. Она понимала, что шансов у них немного. Но все они стараются сделать свою задачу как можно лучше. К тому же, есть еще пчелы... Девушка перевела взгляд на два полосатых тельца, отдыхающих на стене. От них тоже многое зависело.

— Идем за капитаном?

— Идем.

Окинос поправил на плече тело Икара, и они направились к противоположному выходу из здания.

Киорис

Он застегнул комбинезон и потянулся за кобурой. Чем пилоту может помочь оружие? Никто не задумывается. Ведь даже при катапультировании удачное приземление никто не гарантирует. Не говоря уже о травмах, если удастся выжить. И какое сопротивление может оказать измотанный перегрузками пилот, оказавшись не в своей среде? Разве что застрелиться и избавиться себя от мучений плена. Но это еще тоже нужно суметь сделать. Иногда враги бывают чересчур проворны.

Затянуть ремень вышло только со второго раза. Руки дрожали. И эта противная дрожь раздражала. Как и слабость. Пришлось опереться на стол. Сделать глубокий вдох, пережидая очередной приступ. Выдохнуть. Осталось недолго. За окном мелькнула вспышка, и по полу прошла дрожь. Слабо задребезжали стекла. В его дом пришли враги.

— Иазон, поторопись, нас ждет эвакуационный катер!

Дорея стремительно ворвалась в комнату и замерла, заметив форму.

— Нет...

Лицо жены дрогнуло. Предельная сосредоточенность и сведенные на переносице брови сменились на растерянность и страх в глазах.

— Тебе, действительно, стоит поторопиться. Не стоит заставлять группу эвакуации ждать.

Он знал, что придется с ней встретиться и объясниться. И сознательно откладывал все на последний момент, надеясь, что будет легче. Иазон всегда плохо переносил ее эмоции. И был готов сделать что угодно, лишь бы Дорея не волновалась. Исключая те случаи, когда ему приходилось выбирать между собой и Киорисом.

— Куда ты собрался?! — она неожиданно рывкнула, уперев руки в бока. — Ты с трудом можешь ходить! Что ты собираешься делать?!

Ее голос заполнил комнату, отражаясь от стен и заставляя морщиться от звона в ушах. Жена никогда не позволяла себе подобного, обходясь словами. Но сегодня день точно необычный.

Иазон медленно развернулся к ней лицом и сделал шаг, сосредоточившись на том, чтобы сохранить равновесие. Обхватил ладонями любимое лицо.

— Я знаю, что ты боишься. И волнуешься. Я знаю, что ты делала для меня и для Киориса все это время. Я безмерно ценю это. И я люблю тебя. Но сейчас... сегодня. Все должно закончиться. Я устал, Дора. Я очень устал. И пусть лучше я уйду в бой, чем где-то в больнице под наблюдением гиагросов. Мне нужен этот бой. И прости, что все вот так.

Она сжала его запястья, заглядывая в глаза.

— Так нельзя. Ты не можешь бросить меня здесь и просто уйти!

— Я подожду, пока ты сядешь в катер и улетишь. Ты будешь в безопасности.

— А ты пойдешь навстречу смерти?! — Дорея оттолкнула его руки и отвернулась к окну, обхватив себя за плечи.

Пришлось снова опереться о стол, чтобы не упасть. Пожалуй, он несколько переоценил собственные силы. Придется немного передохнуть. Но сначала добраться до катера. В кабине будет спокойнее.

— Защищать Киорис — мой долг, Дора. И мое желание. Я стал военным, чтобы его исполнить.

— Тебя отправили в отставку! — она не обернулась, восклицая в пустоту.

— Потому что ты рассказала Икару, — жена обернулась с немым вопросом в глазах. — Я догадался, а ты не отрицаешь. Я слишком давно тебя знаю, дорогая. И в какой-то мере я благодарен. Ты дала мне время и возможность побыть с тобой и Иазоном. Я не злюсь. Но я сам могу выбрать, как мне умереть.

Дорея закрыла лицо руками, плечи ее задрожали.

— Будьте вы прокляты, Птолемеи... С вашим долгом... и...

Она убрала ладони, смахивая слезы. Запрокинула голову, пытаюсь успокоиться.

— Хочешь идти — иди. Я никогда не могла тебя остановить.

Неправда. Только она и могла его переубедить. Она и Софрония. Но Дорея могла найти подход даже к сестре.

Иазон шагнул к жене, обхватил за плечи и поцеловал в лоб. Она не сопротивлялась. Замерла, опустив голову и мелко вздрагивая всем телом.

— Поторопись на катер. И передай Иазону, что я его тоже люблю.

Дара не ответила. Но он и не ждал. Развернулся и медленно вышел из комнаты...

К моменту, когда бывший главнокомандующий добрался до катера, он успел сильно пожалеть, что вообще решился на авантюру. Тело предавало его. Казалось, будто пол качается под ногами, а стены пляшут. На лбу выступила испарина, а руки дрожали все сильнее. Кажется, единственное, что он сможет сделать — это героически врезаться в какое-нибудь здание.

Мужчина рухнул в кресло и закрыл глаза, пытаясь выровнять дыхание и сосредоточиться. Пол действительно подрагивал от раздающихся вокруг взрывов. В квартале почти всех уже эвакуировали. Остались лишь такие, как он — те, кто не хотел уходить, оставив дом без защиты. Те, кто вообще умел защищаться.

Прошло несколько минут, прежде чем он смог набраться достаточно сил, чтобы запустить систему. Личный катер, оснащенный самыми современными системами безопасности — единственная привилегия Птолемеев, которая его радовала. Орудия у него были приличные, как и щиты. А маневренность и скорость значительно выше, чем у более громоздких военных. Изящная, легкая машина, позволяющая почувствовать себя живым. Как давно он уже не садился за штурвал...

Система выдала местоположение ближайших кораблей. Вот удаляется эвакуационный катер. Значит, Дорея уже в безопасности. Вот мигают красные огоньки предполагаемых целей. И их несколько больше, чем он ожидал. Чем этроссов мог так заинтересовать исторический район? Отсутствием защиты? Или другие цели оказались не по плечу, и они решили выманить войска туда, где у них не будет преимущества? Так или иначе, их ждет сюрприз. В отличие от Валириса, который категорически не желал обсуждать план ведения боя, он не сомневался в Немезиде. И мысленно пожелал ей удачи.

Иазон устроился поудобнее и пристегнулся. Запустил проверку. Промокнул лоб. Допустим, взлететь ему поможет автопилот. Он же уберет от столкновений с гражданскими объектами. Но вот, как он собирается стрелять и маневрировать одновременно, предстояло подумать. И решить еще на земле. В бою на размышления времени не останется.

Катер тихонько загудел, готовясь к взлету. Автоматические ворота ангара плавно поехали в стороны. Краем глаза мужчина заметил какое-то движение сбоку, но пока повернул голову, никого уже не было. Не пошли же этроссы захватывать дома? Это уже что-то совсем нереальное. В следующую секунду ему на плечо легла ладонь, а рядом возникла затаенная в комбинезон фигура.

— Проверку ты уже завершил?

Дорея с собранными в тугий пучок волосами села в соседнее кресло и пристегнулась.

— Что ты...

— Все системы в полном порядке. Можно взлетать.

Она отключила автопилот и встретила его взгляд.

— Я буду пилотировать, а ты — стрелять.

— Ты должна быть в безопасности.

— Нет, — непривычно твердо и спокойно ответила она. — Я должна быть с тобой. Я обещала. Тридцать три года назад. Таков мой долг. И желание.

На мгновение у него перехватило дыхание. Как и в день их встречи. Как будто это было вчера. Дора. Юная, счастливая, восторженная. И сейчас. Она же... постаревшая? Отнюдь. Вот только уже не восторженная, и, кажется, несчастливая.

— Прости...

Ее лицо дрогнуло, но она быстро взяла себя в руки.

— У нас прекрасный сын. И я ни о чем не жалею.

— Даже о том, что вышла замуж за проклятого Птолемея?

— Даже об этом.

— Тогда покажешь, как ты умеешь летать?

Он постарался улыбнуться дрожащими губами. И Дора усмехнулась, а в глазах мелькнуло что-то такое... Давно забытое.

— Держитесь крепче, главнокомандующий, будет трясти.

Поднять катер в воздух оказалось легко. Как на тренировке. Или во время обучения. Кто бы мог подумать, что ей, некогда одной из лучших актрис Императорского театра, придется учиться управлять катером? До войны о таком и подумать было невозможно.

Она легко повернула совершенную машину, чтобы лучше ощутить габариты и направила катер за кораблем этроссов, решившим преследовать эвакуированных. Иазон уже примеривался к орудиям. Стрелять она тоже умела, но... Ей всегда это было сложно. Отнять чужую жизнь. Перебороть себя. Сжать кулачок, чтобы ударить. Ничего-то она не могла. Разве что играть... И оказалось, что талант можно использовать не только на сцене.

Катер едва заметно дрогнул, выплевывая плазму. Раз. И еще. И снова. Ей оставалось только держать штурвал и присматриваться к тому, что происходит. Свои их заметили, индивидуальные опознавательные знаки императорской семьи отразились в системе сразу после активации. Пилот эвакуационного катера прислал благодарственное сообщение. Этросс отвлекся на них.

— Давай погоняем его, иначе нас сейчас в клещи возьмут, — голос мужа звучал ровно и уверенно. Давно она не слышала его таким. И сейчас, несмотря на происходящее вокруг, испытала острую, щемящую радость. Пусть ненадолго, но она снова увидит его живым. С собой. Таким, каким помнит. Таким, каким он останется для всех остальных. Героем войны. Главнокомандующим. Тем, кто не сдался. Даже болезни...

Дорея заставила катер рухнуть вниз на пару метров, сбивая прицел уже приближающимся этроссам. Рванула вперед, выжимая скорость и плавно поворачивая штурвал влево. Пара мгновений и завал на крыло. Затем брюхом кверху. Так, что желудок подкатывает к горлу, но с ним она научилась справляться.

Когда дора впервые пришла на занятия после изучения теории, ее инструктор был подчеркнуто вежлив и отстранен. Не потому, что еще не пробудился, а от того, что не слишком понимал, зачем жене военного, вчерашней актрисе вообще этот навык. Она и сама не понимала. Боялась. Тряслась. А потом разозлилась на себя. И вдруг поняла, что полет похож на танец. Что катер — это лишь продолжение ее самой. И что чем мельче машина, тем проще ей управлять.

Она выровняла штурвал, вырываясь из мешанины мелькающих вокруг выстрелов. Щиты держали. Не зря она попросила напичкать эту модель всеми возможными функциями. Вот и пригодились. И вовсе у нее не пранойя. Просто предусмотрительность. А еще Дорея слишком хорошо знала своего мужа...

Она бросила на него короткий взгляд, отмечая сероватый цвет лица и плотно сжатые губы. Побелевшие пальцы сжимали ручки управления орудиями. Он стрелял. И вот уже один из кораблей Этры несется к земле. А она снова выкручивает штурвал, уходя в сторону и вынуждая врага перегруппировываться, чтобы не задеть друг друга. Их маленький, юркий катер танцевал между двух кораблей, жая их и отвлекая внимание. Вот еще одна группа эвакуированных отправилась в сторону гор. Последняя. Судя по данным системы, больше гражданских судов не было, и к ним уже спешили киорийские военные катера.

— Нам скоро помогут, — Дорея обернулась к мужу и замерла.

Голова Иазона склонилась к плечу. Ремни не дали ему упасть, но тело обмякло, а руки разжались. Пустой взгляд был устремлен вперед.

Женщина судорожно вздохнула. Перевела взгляд на лобовое стекло, где, болтаясь из стороны в сторону, несся к земле еще один этросс. Оставался последний. И он попытался скрыться, заметив подкрепление.

Дора усмехнулась, выровняла курс и устремила за ним. Пилот там попытался прибавить скорость, но ее катер был быстрее. Киорийка, не раздумывая, выжала максимум скорости, заставив движок утробно зарычать, и отклонила сообщения от кораблей соотечественников. Стрелять она не могла, но кто сказал, что враг уйдет?

Он попытался. Начал петлять, но она не отставала, бездумно и легко копируя маневры и продолжая преследование. Кажется, лицо стало мокрым, но женщина не стала его вытирать. Ее попытались сбить. Зря. Щиты выдержали, хотя катер трянуло. Расстояние неумолимо сокращалось. И, когда до столкновения осталась лишь пара секунд, Дорея закрыла глаза. Она все сделала правильно...

Грандиозная вспышка осветила небо там, где столкнулись два катера. Императорские опознавательные знаки исчезли из системы. Минуту в эфире царила тишина. Военные безмолвно прощались с главнокомандующим...

Этра

— Эй, кормить-то сегодня будут?!

Байон образцово-показательно пнул дверь несколько раз, привлекая внимание. Добавил пару ударов кулаком, распаяясь все сильнее и проверяя, когда же охрана отреагирует. Обычно этроссы вели себя куда менее терпеливо. Всячески осложняли жизнь и пытались поставить его на место. Хотя стоит признать: держали его практически в идеальных условиях. Просторная комната. Даже окно имеется. Небольшое и под самым потолком, но это уже мелочи. Нормальная кровать. Отгороженная уборная. Стол и стул. Свежая одежда через день. Нормальная, сытная еда. Относительно вежливое обращение.

Если бы не противное ощущение собственного бессилия и невозможности повлиять на что-либо, можно было бы представить, что он снова вернулся в Храм. Жаль только Филис к нему больше не приходила. Марсад вообще не сообщал ему новости, сосредоточившись на экспериментах с ядром и попытках приспособить его к нуждам Этры. Консультации ему были не нужны. Скорее собеседник. Понимающий, о чем идет речь. И, как бы Байон не пытался молчать, стоило признать, что информацию он выдавал. Приходилось.

Новый эмир, посетивший их скромную обитель, явно не отличался терпением. Он требовал результат. И промедление могло стоить киорийцу только-только снова обретенного здоровья. Да, его подлечили. А кое-что зажило самостоятельно. В свободные часы капитан вернулся к тренировкам, не оставляя надежды на то, что рано или поздно подвернется удобный случай. Или за ними прилетят. Когда-нибудь же война закончится... Пока же ему оставалось лишь тянуть время в разумных пределах и ждать.

Кажется, сегодня ожидание подошло к концу.

Байон выждал несколько минут, но на шум никто так и не явился. Учитывая раздавшиеся ранее взрывы, ситуация вырисовывалась интересная. Стоило рискнуть. Он подхватил стул, который ранее был прикручен к полу, но время всегда можно провести с пользой. Взвесил снаряд в руках. Прицелился. Резко выдохнул и с разворота всем весом ударил в область замка. Дверь дрогнула, но устояла.

— Вот зараза...

Мужчина ударил еще пару раз, пока стул не развалился в руках. На грохот так никто и не пришел, еще больше уверяя его во мнении, что время однозначно выбрано правильно. Дверь уже перекосило. Оставалось только немного добавить. Будь замок электронным, он бы уже вышел, но проклятые этроссы явно жалели технологии.

В ход пошли ножки стола. Отломать одну удалось довольно быстро. А затем использовать как рычаг, упирая в образовавшуюся щель между косяком и дверным полотном. Еще десяток минут мучений, и он все-таки вышел в коридор. Огляделся и прислушался. Тишина ни о чем еще не говорила. Насколько мужчина успел понять планировку дворцового комплекса, лаборатория находилась в стороне от жилых строений, а основная паника должна как раз проходить там. Оставалось решить, что делать дальше. По-хорошему нужно найти Сашу и Филис, а затем выяснить, что происходит. И, если взрывы устроили свои, дать им знать, где они. Вот только...

Наружная дверь распахнулась раньше, чем он успел определиться. Пришлось спешно

отступить за выступ стены и замереть, сжимая в руках ножку стола. Однако посетители оказались не столь уверены, как он ожидал. Шаги замерли около входа, словно вошедший пытался понять, там ли он оказался.

— Как-то здесь слишком пусто для лаборатории.

Раздавшийся голос заставил вздрогнуть, а затем медленно высунуться из укрытия. Мозг отказывался верить в подобное везение.

— Однако остальные находятся в соседних зданиях. Это единственное с неуказанным назначением, как вы сказали.

Бледная Александра в традиционной одежде этросски с испачканным подолом оглядывалась вокруг, а рядом с ней маячило знакомое размытое пятно.

— Окинос?

Байон вышел на свет, и капитан деактивировал маскировку. Тело на его плече стало неприятным сюрпризом.

— Ты жив! — облегчение в голосе девушки было таким сильным, что стало немного неловко.

— Безмерно рад видеть вас живым, капитан.

Они обменялись коротким рукопожатием.

— Нас забирают? Флот дежурит на орбите?

— Забирают, но флота нет. Мы тут... не совсем официально. Поэтому линкор скоро прилетит. А до тех пор нам надо активировать ядро. Вы знаете, где оно?

— Неофициально, значит... — Байон поймал взгляд Саши. Напряженный. Тяжелый. И эта неестественная бледность, и жесткая линия губ. — Икар вас сюда привел? А кто пострадал?

Он выразительно посмотрел на тело. Окинос кивнул:

— Думаю, вы уже догадались. Гран-коммандер жив, но ему нужна помощь. Нам стоит поторопиться.

— Идемте...

Байон поманил их за собой, направляясь к самому дальнему помещению. Вот туда вел кодовый замок, но комбинацию он запомнил, как и частоту, с которой ее меняли. Очередной срок еще не подошел. Код сработал, пропуская их в укрепленное помещение, обшитое изнутри листовым металлом. Освещение включилось автоматически. По периметру располагалось оборудование. Ядро, закрытое кожухом, как и на корабле, находилось в центре на возвышении.

— Так какой у нас план?

Окинос коротко изложил ситуацию, аккуратно уложив Икара на полу. Вместе они быстро проверили его состояние.

— Пульс сильно замедлен и давление низкое, по самой границе. Я уже запрограммировал костюм ввести ему все имеющиеся дозы антигистаминных. И коктейль поддерживающих веществ.

— Нужно доставить его на корабль... — Байон нахмурился, вдруг понимая, чего ему не хватает. — А где Филис?

Наверное, одного взгляда хватило бы, чтобы понять, таким напряженным вдруг стало лицо собеседника, не скрытое щитком.

— Мне очень жаль... По словам Александры ее убили этроссы.

— Убили жрицу?

Они совсем ума лишились? Да после такого Киорис не успокоится, пока не найдет всех виновных. Смерть военного привычна. Но смерть жрицы... На войне...

— Ее сожгли. Заживо, — глухой голос заставил обернуться.

Александра уже убрала защитный кожух и сейчас целеустремленно подводила к ядру все новые кабеля, подключая их с нарушением всей возможной техники безопасности. Лицо превратилось в застывшую маску. Глаза остекленели. Руки двигались точно и четко. Но она просто не могла знать, что делать. Разве что...

Байон осторожно шагнул вперед, сделав знак Окиносу не мешать.

— Саша, что ты делаешь?

— Систему питания. Если подать на нее напряжение, ядро поглотит энергию, а затем вернет ее обратно. Окинос говорил. Ты разве не слушал?

— Откуда ты знаешь, как делать систему питания? — он приближался маленькими, плавными шагами, не делая резких движений.

— Я... — она моргнула, и на секунду взгляд стал растерянным, а затем снова погас. — Неважно. Нужно закончить. Тогда линкор сможет взлететь.

— Ты хотела отвлечь внимание взрывом. Я знаю. Но ты понимаешь, что не получится подать питание и уйти? Сеть может вырубиться. И тогда понадобится ее перезагрузить.

— Я знаю.

Сзади шевельнулся капитан, но Байон, не глядя, махнул ему рукой. Сделал еще шаг и остановился за спиной девушки, закончившей присоединять очередной кабель. Взял ее за плечи и развернул к себе.

— Что ты делаешь?

— Пытаюсь сделать так, чтобы все выжили, — сквозь карие глаза Саши на него смотрела Талия. Он слишком хорошо знал этот взгляд.

— Ценой чего?

— Я останусь и прослежу, чтобы все заработало. Ты нужен им, чтобы линкор взлетел.

— Прекрати, — мужчина встряхнул ее. — Что с тобой случилось?

Александра снова моргнула и обмякла в его руках. А потом качнулась вперед и уперлась лбом ему в плечо. Она дрожала.

— Они убили Филис. Убили. Я... Эмир... Я его...

— Я понял.

Он сжал в руках дрожащее тело.

— Нет... Я хотела... Я... так хотела... Икар. Из-за него... Я... — она задыхалась через слово и цеплялась за него, пытаюсь устоять на ногах. — Хочу, чтобы никого не осталось...

— Я знаю. Знаю. Ты злишься. Ты их ненавидишь. Ты хочешь, чтобы их не стало.

— Да... Они не за-слу-жили... Я в камере сидела... И этот эмир... Он...

— Сволочь. Избалованная.

— Д-да... Они тут все... должны... умереть. Через год. Разве не справедливо?

— Суд творить не нам, — он гладил спутанные, влажные от пота волосы и вспоминал прописные истины для любого военного. — Слышишь? Мы не судьи. Мы лишь выполняем приказы. Но не ты. Тебе не нужно ничего выполнять. Ты не давала присягу. Ты можешь просто уйти.

— Т-тогда взрыва не будет. Л-лин-кор...

— Все будет. Я позабочусь.

Сзади раздался протестующий звук, но Байон его проигнорировал.

— Я останусь, а ты пойдешь. Вернешься с Икаром на Киорис. И все у вас будет хорошо.

— А т-ты? Мы же не взлетим... — дрожь медленно успокаивалась.

— Взлетите. Я тебя учил. И Талия тоже. Ведь так?

Он отстранил девушку и заглянул в мокрые, покрасневшие глаза. Она согласно кивнула.

— Ты сможешь поднять линкор. В конце концов, там есть еще пилоты. Пусть и не с такой квалификацией, но они помогут. Ты справишься.

— Ты не должен здесь оставаться... Так не должно быть.

Она была готова остаться сама, вряд ли до конца понимая, что не выживет, но не могла позволить ему умереть.

— Тогда пойдем вместе, — он ощутил так хорошо знакомую вибрацию, идущую по полу. — Время вышло. Линкор сейчас сядет.

— Что?

Саша взглянула на Окиноса, и тот согласно кивнул, опуская щиток.

— Нам пора. И нужно поторопиться.

Байон кивнул и сжал тонкое запястье.

— Бежать нужно будет быстро.

Он потянул за собой, и девушка пошла следом. А затем ускорила, когда понадобилось. Коридор остался позади. И его камера со сломанной дверью. И лежащая на полу ножка от стола. Наружная дверь. И вот уже громада линкора, закрывшая собой солнце и заваливающаяся то на один, то на другой бок. Корабль кружил над дворцом, выискивая площадку для посадки, но тут подходящей не было. А со стороны города к ним уже спешили этросские шмели.

Байон охватил ситуацию одним взглядом. Обменялся взглядом с Окиносом. Тот все понял правильно. Коротко кивнул, а в следующий момент еще одно смазанное пятно выдернуло девушку у него из рук. Она взвизгнула и беспомощно повисла на чужом плече, пытаясь сопротивляться. Бесполезно. Костюм все равно поглощает такие удары.

Уже через минуту размытые тени пропали. Он остался один, наблюдая, как линкор, кое-как, завалившись на бок, все же садится-падает прямо в центр сада. Поднятая им волна заставила прикрыть лицо рукой. Если все пройдет успешно, взлетят они уже минут через десять. Повезет всем, кто успеет попасть на борт. А ему нужно вернуться и все проверить...

Александра постаралась на совесть. Без инструкций она бы точно не справилась. Собранная на ходу схема оказалась вполне рабочей и даже не сгорела сразу после включения. Перебои пошли фрагментарно, то в одном месте, то в другом. И между ними пришлось метаться, не следя за временем, а только краем глаза наблюдая за тем, как меняется цвет ядра.

В какой-то момент по полу снова пошла вибрация... Байон выдохнул и упал в кресло. Все работало. Ядро мерцало всеми цветами радуги, обещая скорую перегрузку. На секунду ему показалось, что на его фоне проступил силуэт Талии. Она была очень грустной...

— Не расстраивайся... Все же хорошо. Икар выживет. Они вернуться домой. А мы с тобой... У нас своя история. И не нужно в нее никого впутывать.

Показалось, что она кивнула. А потом ядро вспыхнуло ослепительным светом, и освобожденная энергия прошла сквозь него...

Киорис

...Корабль этроссов кружил над океаном. Крупный. Неповоротливый. Он выпустил несколько помельче, которые устремились к острову и пару раз выстрелили на пробу. Защитное поле без труда выдержало атаку. Враг отступил, но продолжал кружить рядом, прикрывая основной корабль.

Настоятельница наблюдала за возней со спокойным интересом. Она возлежала на уличной клинии в окружении подушек. Гера устроилась рядом на соседнем ложе. Остальные жрицы уже укрылись внизу, в пещерах под дворцом, которые защитят их, если поле не выдержит. В последние дни Обитель приняла много эвакуированных с материков. В пещерах должно быть немного тесно, но продуктов хватит на всех. Декада, а в случае экономии, и две. Все закончится раньше...

Жрица поморщилась от боли в левом боку и постаралась занять положение удобнее. В ее состоянии это было сложно. Болезнь перешла к последней фазе. Обезболивающее давно не помогало. Боль стала ее постоянным спутником. Иногда она становилась сильнее, иногда слабее. Изматывала, лишала сил, мешала думать... Но сегодня разум был ясен, как никогда.

Женщина опустила взгляд на виртуальную панель, которую транслировал робот. Сводки с мест событий. Количество кораблей Этры. Потери. Ей надлежало ждать приказа Валириса. Пока главнокомандующий молчал. Терпения ей хватит. Торопиться некуда.

Она взяла с блюда кусочек мяса и бросила ликосу. Гера поймала угощение на лету и сразу проглотила. Потом вильнула хвостом, показывая поддержку. Настоятельница плотнула воды. Голод давно ее не мучил. Еду приходилось поглощать через силу. И через капельницы. Последняя закончилась утром. Оставалось только пить, чтобы избежать обезвоживания и не потерять ясность.

Робот издал предупреждающий писк. Но сообщение оказалось не таким, как она ожидала.

«Личный катер Иазона-старшего пошел на таран и уничтожил корабль противника. Выживших нет».

Ее племянник погиб, защищая планету. Славная смерть для воина. А он до последнего хотел оставаться в строю. Мир праху его. И всем, кто сегодня не вернется домой. Она тоже хотела бы оказаться более полезной, но...

Когда отбирали добровольцев для участия в «Немезиде» она тоже отправила заявку, однако ее болезнь не позволила стать одной из подопытных.

«Мне очень жаль», — сказала тогда Элпис, и по глазам было видно, что это не просто формальность.

Не судьба. Тогда ей не повезло, но когда у проекта появилось ответвление...

Очередной сигнал привлек внимание.

«Выпускай Дэймоса».

Вот и пришло время. Настоятельница смахнула виртуальную консоль и вызвала клавиатуру. Набрала на ней сложную комбинацию из пятидесяти символов, которую подтвердила сканом своей сетчатки. А затем откинулась на подушки и принялась ждать.

Корабль этроссов как раз снизился над поверхностью воды. Они явно готовились к

следующему этапу. Мелкие катера летали кругом, явно высматривая врагов. Но основные силы сосредоточились на защите материков. Здесь же они были не нужны.

...Еще столетия назад, когда первые жрицы осматривали остров, они нашли подземные пещеры, уходящие глубоко внутрь скал. И среди них — одну, что хранила самую удивительную находку из всех. Тогда об Археосах еще не знали, до первого контакта с ними было еще далеко, и огромный, светящийся камень, наполовину уходящий в скалу, вызвал удивление. Даже страх. Но проведя здесь достаточно времени, жрицы поняли, что камень не опасен. Для них. Именно он стал причиной помешательства купцов, застрывших на острове, но никак не воздействовал на разум самих жриц. Императрице о нем не сообщили, и Обитель долгие годы хранила тайну, пока киорийцы не вступили в контакт с Археосами.

Тогда многое изменилось. Происхождение камня стало понятно. Храм, после долгих споров между старшими жрицами, решил рассказать и хранимом сокровище. Использовать его тогда было невозможно. Слишком огромный. Слишком мощный, если за столько веков свет его не померк. Но двадцать лет назад многое изменилось...

...Океанская гладь вскипела. Закрутилась водоворотом, заставив корабль замереть в ожидании, а мелкие рвануть ему на помощь. Зря...

Один из катеров прошел слишком близко к воронке и поплатился. Вынырнувшее из воды щупальце обхватило его и смяло, мгновенно превратив в груды бесполезного железа. Еще два щупальца устремились к следующим жертвам. Катера бросились в рассыпную. Начали стрелять. Вспышки отражались в воде. До террасы, на которой расположилась Настоятельница, не долетало ни звука. Здесь царила тишина, покой и мир, который никому не удастся потревожить.

Выстрелы не причиняли щупальцами вреда. А когда вслед за ними на поверхности появилась светящаяся голова, основной корабль, присоединившийся к общему ажиотажу, дрогнул и шарахнулся в сторону.

Всплывший на поверхность Археос был огромен. В разы больше своих собратьев. Под стать тому источнику, что использовали для его создания. Искусственные щупальца обхватили корабль, не позволяя ему скрыться. Тот рванулся из смертельной хватки, используя всю свою мощь, но ее было мало. Слишком мало. Катера дружно атаковали монстра. Однако он, не чувствуя боли, оставался непоколебим. И сдавил лишь сильнее. Корпус начал деформироваться. Катера метались в панике. Один даже рискнул пойти на таран, целя в голову, но лишь бестолково разбился.

Дэймос ушел под воду, чтобы сбить пламя, растекшееся по искусственной коже, и потянул за собой корабль. Тот пытался сопротивляться. Во все стороны от него начали отделяться спасательные капсулы, с террасы похожие на мошек. Однако участь врага была предрешена.

Настоятельнице показалось, что до нее донесся скрежет, с которым корпус начал разваливаться на части. Куски его отваливались и падали. Где-то внутри наверняка начался пожар. Реакторы работали на полную мощность. Катера дружно развернулись и устремились вверх. Капсулы, непригодные для долгих перелетов, падали в воду и оставались лежать на поверхности. Беспомощные, как щепки.

Яркий взрыв озарил небо и океан. Щупальца, до последнего сжимавшие корабль, разорвало на кусочки. Дэймос скрылся под водой, но, как только все обломки упали вниз и затонули, снова вынырнул. Целые щупальца растеклись по поверхности, направляясь к уцелевшим капсулам. Он соберет их и доставит на остров. А уже отсюда пленников заберут

военные. Позже. Когда они достаточно проникнутся гостеприимством пустого дворца и ночными шорохами. Специально обученные ликосы не дадут им скучать и не подпустят к убежищу. Сбежавшие доложат о произошедшем командованию, а те в свою очередь...

Дальше все будет зависеть от того, насколько этроссы хотят победить. Дэймос в отличие от настоящих Археосов легко мог покинуть океан и выбраться на сушу. Перемещаться там ему будет не слишком удобно, но он вполне эффективно может защищать города на Побережье. Оторванные щупальца ему потом заменят.

Пара манипуляций с клавиатурой, и отчет о выполнении задания, а также запись с дрона, парившего над площадкой, отправлены Валирису. Главнокомандующий примет решение о дальнейшем использовании Дэймоса.

— Вот и все, Гера. Наша миссия выполнена.

Настоятельница взглянула на ликоса, но верная подруга впервые не уделила ей внимание. Глаза ее были закрыты. А грудь больше не шевелилась от дыхания. Женщина протянула руку и погладила мягкий мех. Грудь ее сдавило от боли, совсем не той, к которой она привыкла.

— Вот и ты ушла, дорогая. Но ничего... Я тебя скоро догоню.

Она повернулась к столику с закуской, достала из маленькой коробочки пару таблеток, сунула в рот и запила водой. Устроилась поудобнее и запрокинула голову, чтобы увидеть небо. Она прожила хорошую жизнь. Долгую. Сложную. Порой мучительную. Но все же хорошую. Она послужила своей планете. Семье. Защитила дом. Порой этого достаточно, чтобы уйти.

Боль отступала медленно. Она не хотела проигрывать. И завоеванную территорию отдавала неохотно. Сантиметр за сантиметром. Вот перестали ныть пальцы ног. Затем ступни. Пальцы на руках. Лодыжки. Распухшие колени. Кажется, сейчас она могла бы встать. Закружиться в танце, как когда-то давным-давно. В беззаботной юности. Но Настоятельница не стала. Она смотрела в небо и наслаждалась этими минутами тишины, спокойствия и ухода боли. Вот перестало ныть ее истерзанное лишними костями нутро. Ушло напряжение из плеч. И спина больше не казалась истыканной иголками. Боль ушла. Она проиграла эту войну. И впервые за долгие годы киорийка вздохнула свободно. Улыбнулась. Сегодня она победила...

...Лучи заката окрасили стены Храма в оранжевые и алые тона. В переплетениях гистелии догорали останки очередного корабля этроссов. Хищные лианы, жадные до дармовой энергии, не позволили ему сбежать. А пилот, опрометчиво решивший посадить катер в части сада, выглядевшей заброшенной, по глупости начал стрелять. Гистелию это привело в бурный восторг, и, если бы этросс додумался бросить оружие, остался бы жив. Но... Не судьба.

Эллис вправила вывихнутое плечо и еще раз осмотрела старую галерею. Всех, кто прибыл на катере, она убила до того, как они достигли Храма. А сюда пришла убедиться.

«Цели не обнаружены».

Хорошо. И, судя по последним сообщениям в сети, остатки флота этроссов спешно отступали. Недалеко. На орбите их встретят корабли Эль-Сабы, все это время остававшиеся в стороне. Потрепанные этроссы не станут для них серьезным соперником. Наемники смогут поживиться, их молодняк проявит себя и получит новый статус. А еще сможет забрать все награбленное на кораблях Этры. Киорис интересовали только пленники. Если они будут...

Приволакивая сломанную ногу, киорийка дошла до ближайшей скамьи. Села. Вправила бедренную кость в правильное положение и запустила регенерацию на полную. Она устала и хотела есть. Двенадцать часов работы почти на максимуме возможностей имели свою цену. Пусть и не такую высокую, как у обычных киорийцев. Ничего, короткий перерыв, и она доберется до Храма, а там о ней позаботятся.

«Немезида и Дэймос справились. Потери минимальны».

Сообщение от Валириса вызвало слабую улыбку. Они справились. Пусть даже ценой гибели половины Немезид. Они все знали, на что шли. И что этот бой для многих станет последним. Даже киборг не может быть неуязвим. Тем более, когда идет речь о защите дома.

В начале проекта, когда составлялись критерии для подопытных, они изначально сделали ставку на опытных военных. Пробужденных. Имеющих семьи. И возраст старше сорока. Таких набралось немного, и в дальнейшем выборку расширили, задействовав охотников и даже эпистимов. Всех подвергали тщательному тестированию на устойчивость психики и развитую эмпатию. Сила, которую давали импланты, микрочип и система, не должна была обернуться против общества. А чем больше связей и жизненного опыта у добровольца, тем больше его ответственность, желание защищать и созидать. Жертвовать собой в случае необходимости.

Эллис прокрутила сообщения сети от начала и до конца за весь день, мысленно прощаясь с каждым, кто выбыл со значком «субъект уничтожен». По крайней мере, те, кто ушел, прожили насыщенную и полную жизнь. Они сделали сознательный выбор. Как и она в тот день, когда была назначена первая операция.

Немезидой должен был стать Леандр. Но выявленная при диагностике опухоль мозга помешала его участию. В мозг должны были ставить чип. И две операции — слишком высокий риск для здоровья. Тем более для первого подопытного. Тогда добровольцем вызвалась она. Ее здоровье было более чем в норме. И возраст подходил. Не говоря уже о высоких морально-этических показателях. А отсутствие боевого опыта система со временем компенсировала. После ее успешных тренировок выборку и расширили.

Удаление опухоли Леандр пережил легко. И они довели проект до конца. Рука об руку. Он умер год назад. Во сне. Просто остановилось сердце. Так бывает. Даже на Киорисе.

— У нас все получилось.

Кто бы мог подумать, что у успеха будет привкус горечи и крови. Хотя Леандр знал. Он понимал все намного лучше, чем она. Скорбеть стоит не о погибших. Пройдут годы, и выжившие Немезиды переживут всех своих родных. Они будут жить намного дольше обычных людей, защищая Киорис от любых врагов. Вот только после победы над Этрой мало кто решится бросить им вызов. А значит, они обречены на долгое одиночество...

Придется искать новое предназначение. Ибо сила без назначения находит себе не самое лучшее применение, а долгая жизнь притупляет любую эмпатию и размывает границы морали. Но об этом она начнет думать завтра...

Эллис встала и медленно, чуть прихрамывая, направилась к Храму.

Линкор «Фотис»

— Отпустите! Вы не понимаете!

Саша пыталась докричаться до несущего ее киорийца, но тот не обращал внимания. И она перестала сопротивляться. Повисла безвольным телом, ожидая, когда бешеный бег прекратится. Часть разума уже понимала, что все решено. Спорить бесполезно. Остался только один путь к спасению. Но вторая... Она рыдала от ужаса и отчаяния. От невозможности спасти всех. От собственного бессилия.

Когда ее поставили на ноги, они уже оказались внутри корабля. Их встретила Доркас с неизменным чемоданчиком-аптечкой.

— Раны есть? Как самочувствие?

Гиатрос обхватила ладонями ее лицо и осторожно покрутила голову, пристально вглядываясь в глаза.

— Я... нормально... Икар. Ему нужна помощь. Пожалуйста...

— Сейчас все проверю. Посиди пока тут.

— Доркас, нам нужно взлететь, — Окинос уложил свою ношу на носилки, установленные тут же, и откинул щиток. — Александра пойдет в рубку.

— Что?

Киорийка удивилась, но лишь мимолетно. Быстро сунула Саше несколько таблеток.

— Успокоительное. Суй в рот и иди, куда надо. Я здесь разберусь.

Девушка рефлексивно сжала кулак и направилась вслед за капитаном. Позади раздался шум. Топот шагов. Крики. Она обернулась.

К ним толпой бежали этори. С другой стороны неслась охрана. А за ними... Черно-золотой рой. Внутри корабля как раз заскочили два размытых пятна, уложившие на приготовленные носилки еще одно. Мешок. Тело?

Острая боль пронзила грудь. Дыхание перехватило. И она отвернулась. Вдохнула. Выдохнула. Пошла по коридору. Где-то там Байон пытался отвлечь внимание. Где-то там напитывалось энергией ядро. Время шло. И им стоило поторопиться. Ей.

В рубке оказалось непривычно громко. Киорийцы громко спорили о чем-то, но стоило ей появиться, как звуки стихли.

— Где капитан Байон? — спросила женщина в серой форме.

— Он остался, — коротко ответил Окинос и обернулся к ней. — Вы сможете сделать то, что он говорил?

Саша взглянула на панель управления и на несколько секунд испытала панику. Половина рычагов и индикаторов выглядела незнакомо. Она понятия не имела о том, как их использовать. Как вообще управлять столь большим кораблем. Что делать.

Но то, что было внутри, осталось спокойно.

— Да. Я могу. Я могу все.

Она шагнула к креслу. А потом вдруг как-то оказалась в нем. Пристегнула ремни. Руки легли на панель. И вдруг заскользили, выполняя привычные движения. Запуская усеченную диагностику перед стартом — на полную не было времени. Перераспределяя энергию на щиты и орудия.

— Мы должны прикрыть пассажиров. До старта — десять минут. Взлетать будем вертикально. Всем приготовиться к перегрузке.

Тишина, царящая вокруг, перестала быть пустой. Она наполнилась смыслом и привычной дисциплиной. Корабль дрогнул, выпуская залп из лазерных пушек.

— Газ из дювалония несет прямо к нам, — сообщил ... кто-то. Сзади. Саша не знала этого киорийца. Хотя он показался знакомым. В мыслях вдруг всплыла кают-компания и неформальный разговор. У него есть младшая сестра. Родители.

Она тряхнула головой, отгоняя лишние мысли. Диагностика еще не была завершена. Двигатели не успели остыть. К счастью. Их уже можно было перевести в нужный для взлета режим. Повреждения обшивки незначительные. Выходу в открытый космос не помешают. Генератор щитов на пределе. Но отключать пока нельзя. Им еще от этроссов убежать.

На лбу выступила испарина. Стало жарко. Диагностика завершилась, и Саша, позволив орудиям выстрелить еще пару раз, перераспределила энергию.

— Все на борту?

— Экипаж весь, — снова сказал... кто-то. В этот раз смутные образы получилось отогнать быстрее. Они только мешали. — Пассажиры... насколько это возможно.

— Газ скоро будет в зоне поражения. И к нам приближаются шмели. Если не поторопимся.

— Всем пристегнуться.

Руки легли на штурвал. Дыхание замерло. Желудок завязался узлом и рухнул куда-то вниз. На мгновение ее накрыл ужас. Парализующий. От которого невозможно ни кричать, ни плакать. А только замереть каменным изваянием. В голове не осталось ни одной мысли.

Но она заставила пальцы разжаться и сжаться снова, возвращая себе контроль.

— Закрывать люк, — короткая команда, и остается только надеяться на то, что рабы успели добежать. Им нельзя ждать. Нельзя, чтобы кто-то на корабле заразился. Нельзя, чтобы кто-то еще погиб...

Секунды ожидания. Вибрация по полу от двигателей. Пот, стекающий по лицу.

— Люк закрыт.

— Взлет.

Руки потянули штурвал на себя. Голова стала пустой. Совершенно. Остались только рефлексy. Выставить полную мощность. Задрать нос как можно выше. И рвануть с места вверх, словив такую перегрузку, что живот прилип к позвоночнику. Ее вдавило в кресло. Почти размазало. Линкор взревел от такого обращения и мелко задрожал, словно возмущаясь. Странно, что она это почувствовала. И поняла. Странно. Но...

Выстрелы по защитным полям. Взлетай они медленнее, урона было бы больше. Дребезжащий корпус. Дрожь и вой в двигателях. На самом деле его не слышно. Это только воображение. Или... нечто иное. Память?

Курс пришлось скорректировать, когда была набрана нужная высота. Входить в стратосферу под прямым углом — не самое лучшее решение. Оттягивать штурвал от себя, выравнивая громоздкий корабль с пассажирами на борту — непросто. И, наверное, стоило бы быть аккуратнее. Но что-то внутри упорно твердило, что иначе их бы сбили. Выжить от перегрузок проще, чем от прямого попадания орбитальной станции.

По губам потекло что-то теплое. Александра, не глядя, вытерлась рукавом. Оставалось еще совсем немного. Миновать внешнее кольцо защиты планеты и после — открытый космос.

— Всем приготовиться. Будет трясти.

Летая с пассажирами на борту, не стоит совершать маневры уклонения второго порядка. Нужно ограничиться первыми. Параграф десятый учебника Начальной авиации.

Иногда выжить важнее, чем комфорт пассажиров. Саша понадеялась, что те ее простят. Потом. Когда все закончится.

Следующие минуты растянулись в сплошной поток маневров, вытекающих один из другого. Орбитальные станции были неповоротливы и местами повреждены. Прорехи в защите и помогли им вырваться. Правее. Левее. Выше. Левее. Ниже. Переворот на сто тридцать градусов. Чей-то стон сзади. Тихая ругань. Стабилизация. Левее. Выше. Выверт в противоположную сторону на шестьдесят. И все...

Выстрелы прекратились также внезапно, как и начались. Кольцо защиты осталось позади. Шмели этроссов не были приспособлены для длительных перелетов и должны были повернуть назад. Особенно если дворец оказался в зоне поражения.

Байон... Где-то там прогремел взрыв. Капитан погиб. А вместе с ним ядро, с которого все началось.

Саша с трудом разжала пальцы и посмотрела на боковой монитор. Но вместо цифр увидела лишь свое отражение. Растрепанная. С размазанной по подбородку кровью. С лихорадочно блестящими глазами. И посеревшими губами.

Пора было кое-что признать. Лаборатория на Этре изначально была экранирована так, что воздействие ядра не распространялось за ее пределы. Талия не могла приходить к ней. А значит все, что она видела, было... галлюцинациями.

Девушка перевела взгляд на панель и запустила автопилот. Выставила координаты Киориса. Скорость. Запустила уже полноценную диагностику. А потом медленно встала. Пошатнулась, ухватившись на спинку кресла. Все присутствующие в рубке молча смотрели на нее. Все знали, что она не смогла бы поднять этот корабль. И все видели, что здесь происходило.

В тишине Александра вышла в коридор и побрела к медицинскому блоку. На полу и диванах в кают-компании сидели и лежали люди. Кто-то молчал. Кто-то стонал, сжимая пострадавшие конечности. Кто-то то ли спал, то ли потерял сознание.

Саша искала знакомые лица. И едва не врезалась в Батиму, которая несла таблетки. Лицо у нее было зеленовато-серым. Кудряшки повисли.

— Многие успели...?

Девчонка отрывисто кивнула.

— Нам повезло.

Она прошмыгнула мимо, а землянка направилась дальше. Чем ближе к медблоку, тем больше было стонущих или потерявших сознание. Им требовалась помощь. Но гиатрос на корабле была только одна. И ей оставалось только разорваться, чтобы помочь всем.

Икар уже находился в капсуле. В соседней оказалась сестра эмира, и ее показатели мигали красным. Доркас суетилась вокруг, производя какие-то манипуляции.

— Ее все-таки вытащили...

Дышать стало чуть легче. Рядом остановился Окинос, чьи подчиненные метались на подхвате с перевязочными материалами и диагностами.

— Мы успели в последний момент. Перегрузка ее потрепала. Не знаю, выживет ли...

Про легче можно было забыть. Саша села на пол в самом углу, чтобы не мешать. И, скорее всего, отключилась, потому что пришла в себя от легких похлопываний по щекам и

влажной ткани, которой ей протирали кожу.

— Давай, девочка, посмотри на меня. В глазах не двоится?

Встрепанная Доркас заглядывая ей в глаза.

— Нет. Девушка... этросска выжила?

— Да. Ребенок тоже. Сейчас оба восстанавливаются.

— А Икар?

— Пока в медикаментозном сне. Я не знаю, чем его отравили. Если бы были образцы.

Образцы. Пчелы. Александра подняла взгляд к потолку, на котором сидели два полосатых тельца.

— Эти подойдут?

Гиатрос запрокинула голову и с шумом выдохнула.

— Да. Но как... Неважно. Пойдем. Я отведу тебя в каюту, — киорийка аккуратно закинула ее руку себе на плечо и плавно встала. — Пустых палат, к сожалению, не осталось. Носилок тоже.

Саша послушно переставляла ноги.

— Доркас... Ты сможешь усыпить меня до самого Киориса?

— Нам лететь почти семь дней. Ты уверена?

— Кажется, я сошла с ума...

Больше книг на сайте - Knigoed.net